

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

NYPL RESEARCH LIBRARIES

3 3433 08191373 7

INDEXED

12

LXVII. 1895 года.

760347

ВРЕМЕННОИКЪ
ДЕМИДОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО
ЛИЦЕЯ.

Vol. 67

книга шестъдесять седьмая.

ЯРОСЛАВЛЬ.

Типо-литогр. Э. Г. Фалькъ, Духовская ул., соб. домъ.
1895.

И. КИРИЛЛОВЪ
КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
въ Рязи.

LXVII. 1895 года.

ВРЕМЕНИКЪ
ДЕМИДОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО
ЛИЦЕЯ.

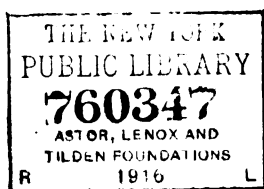
книга шестьдесятъ седьмая.

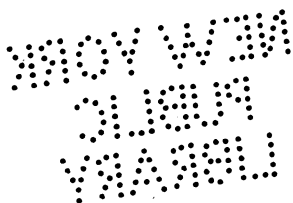
ЯРОСЛАВЛЬ.

Типо-литогр. Э. Г. Фалькъ, Луховская ул., соб. домъ.
1895.

NEW YORK
PUBLIC
LIBRARY

Печатано по опредѣленіямъ Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ С. Шпилевскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ

шестьдесятъ седьмой книги Временника Лицея.

Журналы Совѣта Лицея засѣданій: 27 августа,
10 сентября, 9 октября, 18 и 24 ноября, 11 де-
кабря 1893 г., 24 января, 14 февраля, 12 мар-
та, 30 апрѣля, 28, 30 и 31 мая 1894 года, съ
приложеніями 1—73

Чтенія по православному христіанскому Богосло-
вію. Вып. II. Проф. Богословія, протоіерея *Н. А.*
Тихвинскаго I—IV
1—64 ✓

Государственный Совѣтъ въ Россіи. Т. II. Вып. 1
И. д. Экстаорд. проф. В. Г. Щеллова (продол-
женіе) 145—224 ✓

Государственное хозяйство Швеціи. Ч. II. Вып.
2. Орд. проф. *Э. Н. Берендтса* I—V ✓
1—56

Очеркъ теоріи относимости доказательствъ. При-
вать доцента *Д. Н. Стефановскаго* 1—56 ✓

Римскій юристъ Гай и его сочиненія. Сочиненіе
Привать доцента *И. Я. Гурлянда*, удостоенное Со-
вѣтомъ Лицея золотой преміи 1—24 ✓

Юридическая библіографія № 38 1—48
№ 39 1—48

LXVII книга вышла 24 декабря 1895 года;
въ ней 30 листовъ.

1807
1808
1809

ЖУРНАЛЫ

Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.

1893 года августа 27-го дня, въ засѣданіи Совѣта, подъ предсѣдательствомъ Директора Заслуженнаго ординарнаго профессора *С. М. Штилевскаго*, присутствовали: Профессоръ Богословія *Н. А. Тихвинскій*; испр. должн. экстраордин. профессоровъ *В. Г. Щегловъ* и *Э. Н. Берендтсъ*; испр. должн. доцента *М. М. Катковъ* и приватъ-доцентъ *В. А. Удинцовъ*. Неприсуствовали: Ординарный профессоръ *Н. С. Суворовъ*, испр. должн. экстраордин. профессора *В. Ф. Левитскій* и *А. К. Вульффертъ*, приватъ-доцентъ *А. В. Шмидтъ*—по нахожденію въ отпуску; испр. должность доцента *М. А. Липинскій* и *А. Е. Минервинъ*—по болѣзни.

СЛУШАЛИ:

1. Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта и, подписавъ этотъ протоколъ, **Опредѣлили:** Представить оный г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа для утвержденія къ напечатанію во Временникъ Лицея.

2. Предложеніе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 17 іюня сего года за № 9799, коимъ увѣдомляетъ, что корнетъ Кавалергардскаго Ея Вели-

чества полка Павелъ Александровичъ *Демидовъ*, Высочайшимъ приказомъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія отъ 29 мая сего года за № 5-мъ утвержденъ Почетнымъ Попечителемъ *Демидовскаго Юридическаго Лицея*. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

3. Предложеніе г-на Управляющаго Московскимъ Учебнымъ Округомъ отъ 25 іюня сего года за № 10110, коимъ разрѣшаетъ выдавать добавочное жалованье профессорамъ Лицея за чтеніе ими лекцій по вакантнымъ кафедрамъ въ теченіи 189³/₄ учебного года, или до назначенія особыхъ преподавателей, если то случится ранѣе окончанія учебного года: Заслуженному ординарному профессору *Шилевскому* за 2 часа 400 рублей, ординарному профессору *Суворову* за 2 часа 400 руб., испр. должн. экстраордин. профессора *Щеглову* за 3 часа 600 руб., испр. должн. доцента *Липинскому* за 7 часовъ 1400 руб. и *Минервину* за 3 часа 600 руб. съ отнесеніемъ сего расхода на суммы, имѣющія остаться отъ содержанія личнаго состава Лицея по смѣтамъ 1893—94 годовъ и съ производствомъ таковой выдачи съ 16 августа текущаго года. **Опредѣлили:** Принять къ исполненію, для чего копію съ заслушаннаго предложенія передать въ Правленіе Лицея.

4. Предложеніе г-на Управляющаго Московскимъ Учебнымъ Округомъ отъ 25 іюня сего года за № 10113, коимъ разрѣшаетъ выдавать изъ суммъ, имѣющихъ остаться отъ содержанія личнаго состава Лицея по смѣтамъ 1893—94 годовъ приватъ-доцентамъ *Саврицевскому* и *Шмидту* по 1200 руб. въ годъ за чтеніе ими лекцій въ будущемъ учебномъ году, начавъ эту выдачу съ 16-го августа сего года помѣсячно. **Опредѣлили:** Принять къ исполненію, передавъ для сего заслушанное предложеніе въ Правленіе Лицея.

5. Предложеніе г-на Управляющаго Московскимъ Учебнымъ Округомъ отъ 14 минувшаго іюля за № 10938, коимъ поставляетъ Совѣтъ Лицея въ извѣстность, что господинъ Министръ Народнаго Просвѣщенія согласенъ на оставленіе студента Лицея *Анатодія Смоличева* на первомъ курсѣ на 3-й годъ. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

6. Предложеніе г-на Управляющаго Московскимъ Учебнымъ Округомъ отъ 16 іюля сего года за № 11020, коимъ увѣдомляетъ, что Его Сіятельство, г-нъ Министръ Народнаго Просвѣщенія разрѣшаетъ Совѣту Лицея допустить доцента Петровской Академіи, кандидата естественныхъ наукъ и сельскаго хозяйства *Ивана Миклашевскаго* послѣ каникулъ сего года къ испытаніямъ на степень кандидата юридическихъ наукъ вновь по всѣмъ предметамъ лицейскаго курса, не исключая и тѣхъ, по которымъ экзамены имъ уже сданы въ маѣ мѣсяцѣ. **Опредѣлили:** Принять къ исполненію.

7. Предложеніями начальства Московскаго Учебнаго Округа отъ 2 и 27 минувшаго іюля, 4 и 24 сего августа за №№ 10494, 11343, 11693, 11694 и 12646 допущены до экзаменовъ послѣ каникулъ слѣдующіе студенты: *Анненковъ Павелъ, Балавенскій Сергѣй, Балашевъ Леонидъ, Боголюбовъ Алексѣй, Борисенко Алексѣй, Бранце Эвальдъ, Ветчининъ Владиміръ, Виноградовъ Евгений, Вологодскій Леонидъ, Декаполитовъ Петръ, Ивакинъ Николай, Кочергинъ Александръ, Ковалевскій Николай, Колгановъ Іона, Крыловъ Николай, Лопановъ Николай, Никитенко Яковъ, Носовъ Павелъ, Отперманъ Георгій, Перфилевъ Иванъ, Подкопавъ Николай, Рачинскій Петръ, Страддинъ Иванъ и Хитровъ Сергѣй.* **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію и экзамены произвести 2, 3, 4 и 6 числа сентября.

8. Прошеніе студента Лицея 2 курса *Федора Безбородова* о разрѣшеніи ему остаться на этомъ курсѣ еще на одинъ годъ, такъ какъ въ истекшемъ мѣсяцѣ онъ не могъ окончить испытанія для перехода на 3-й курсъ. **Опредѣлили:** Просить ходатайства Его Сіятельства г-на Попечителя Московскаго Учебнаго Округа предъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія о разрѣшеніи студенту Безбородову остаться на 2-мъ курсѣ на третій годъ.

9. По выслушаніи въ настоящемъ засѣданіи отзыва ординарнаго профессора *Н. С. Суворова* о кандидатской работѣ окончившаго въ 1892 году курсъ въ Лицеѣ *Евгенія Фосса* „О выкупѣ родовыхъ имѣній“, **Опредѣлили:** Удостоить Фосса степени кандидата юридическихъ наукъ, о чемъ и выдать ему надлежащій аттестатъ; отзывъ же о его сочиненіи напечатать во *Временникѣ* Лицея.

10. Г. Директоръ заявилъ Совѣту, что состоявшій студентомъ на 4 курсѣ *Эдуардъ Жидокъ* умеръ 23 ноября 1892 года въ Кіевской губерніи, а студенты 1-го курса *Рахинскій*, *Рославлевъ*, *Рutowскій*, *Чаленковъ* и 3-го курса *Мамонтовъ* выбыли изъ Лицея. **Опредѣлили:** Исключить ихъ изъ числа студенческихъ списковъ.

11. На предстоящихъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ испытаніяхъ. **Опредѣлили:** Произвести оныя по Международному праву *В. Г. Щеглову*, по Политической экономіи *А. Р. Свирщевскому* и по Гражданскому праву на 3 курсѣ *М. А. Липинскому*.

12. Изготовленную исправл. должн. доцента *М. М. Катковымъ* актовую рѣчь „Памяти знаменитыхъ юристовъ *Виндшейда* и *Иеринга*“, а Директоромъ отчетъ о положеніи Лицея за истекшій годъ, **Опредѣлили:** Одо-

брить для произнесенія на актѣ 30 сего августа и отчетъ напечатать во Временникѣ Лицея.

13 Г. Директоръ заявилъ, что въ число студентовъ приняты имъ: на 1-й курсъ: *Баеринъ* Иванъ изъ Московскаго Университета (среднее образованіе получилъ въ Вяземской гимназіи), *Бунаковъ* Николай изъ Смоленской гимназіи, *Васильевскій* Константинъ изъ Ярославской, *Гагенъ* Владиміръ изъ Костромской, *Дона* Григорій изъ Кишиневской, *Емельяновъ* Викторъ изъ Троицкой, *Козьмодемьянскій* Александръ и *Копыловъ* Леонидъ изъ Ярославской, *Корякинъ* Григорій изъ Московскаго Университета (Смоленской гимназіи), *Курсановъ* Николай изъ Ярославской, *Лавровъ* Константинъ изъ Кронштадской, *Мокринскій* Александръ и *Петровъ* Леонидъ изъ Ярославской, *Пожарской* Петръ изъ Костромской, *Преображенскій* Николай изъ Ярославской, *Рыжиковъ* Викторъ изъ Ставропольской, *Сухининъ* Леонтій изъ Московскаго Университета (Смоленской гимназіи), *Хлыбниковъ* Максимиліанъ и *Чукашевъ* Андрей изъ Ярославской гимназіи; на 2-й курсъ: *Азовкинъ* Сергій изъ Московскаго Университета (Елатомской гимназіи), *Векщанинъ* Густавъ изъ Московскаго Университета (Ростовской на Дону гимназіи), *Вороновъ* Михайлъ изъ Московскаго Университета (Московской 2 гимназіи), *Клоковъ* Александръ—бывшій студентъ Лицея, *Коллниковичъ* Николай изъ Московскаго Университета (Ставропольской гимназіи), *Кондаковъ* Беонидъ изъ Московскаго Университета (Рязанской гимназіи), *Полидоровъ* Анатолій изъ Московскаго Университета (Оренбургской гимназіи), *Преображенскій* Алексѣй—бывшій студентъ Лицея, *Снѣжковъ* Θεоктистъ изъ Московскаго Университета (Владикавказской гимназіи), *Тепляковъ* Иванъ изъ Кіевскаго Университета (Кіевской 3 гимназіи); на

3-й курсъ: *Александровъ* Дмитрій изъ Московскаго Университета (Елецкой гимназіи), *Ивановъ* Дмитрій изъ Московскаго Университета (Елатомской гимназіи), *Ивановъ* Павелъ изъ Московскаго Университета (Нижегородской гимназіи), *Данаткиховъ* Василій изъ Московскаго Университета (Владимірской гимназіи), *Приклонскій* Владимір изъ Московскаго Университета (Нижегородскаго Дворянскаго Института), *Сербинъ* Вячеславъ изъ Московскаго Университета (Екатеринодарской гимназіи), *Ульяховъ* Николай изъ Московскаго Университета (Елецкой гимназіи), *Хаританскій* Александръ изъ Харьковскаго Университета (Кубанской гимназіи); на 4 курсъ: *Быковский* Шимолай изъ Московскаго Университета (Лазаревскаго Института), *Константиновичъ* Константинъ изъ Петербургскаго Университета (Кишиневской гимназіи), *Королевъ* Леонидъ изъ Московскаго Университета (Калужской гимназіи) и *Чернышовскій* Владимір изъ Кіевскаго Университета (Кіевской 3-й гимназіи).
Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

Приложеніе къ ст. 9-й.

Изъ Совѣтъ Демидовскаго Юридическаго Лицея

Ординарнаго профессора Н. С. Суворова.

О Т З Ы В Ъ

о сочиненіи г. Евгенія Фосеръ: „О вѣкухъ родовыхъ имѣній“.

Авторъ избралъ для своей кандидатской диссертациі тему, далеко не обильную съ точки зрѣнія юридической догматики, и уже самымъ свойствомъ темы можно объяснить, почему данная диссертациія представляетъ собою трудъ далеко не обширный. Изъ тому же, изъ содержанія диссертациі видно, что она была спѣшной

работой, о чемъ свидѣлствуютъ ведомости и описки, а также отсутствіе точныхъ цитатъ изъ прочитанныхъ авторомъ сочиненій по избранному имъ вопросу. Впрочемъ, нѣтъ основанія заподозрить дѣйствительное знакомство г. Евгенія Фоссъ съ тѣми изслѣдованіями, журнальными статьями и замѣтками, которыя перечисляются имъ какъ источники для настоящей темы, тѣмъ болѣе, что авторъ, состоя еще студентомъ Липецка, нѣсколько разъ обращался ко мнѣ за справками и указаниями по вопросу о выкупѣ родовыхъ имуществъ. Во всякомъ случаѣ, какъ мнѣ кажется, авторъ въ своей небольшой и наскоро обработанной диссертациі обнаружилъ способность къ юридическому мысленію и къ правильнымъ приемамъ юридическаго изслѣдованія. Эта способность обнаруживается во всѣхъ трехъ отдѣлахъ, на которые распадается диссертация. Въ первомъ отдѣлѣ содержится „историческій очеркъ законоположеній о выкупѣ“,—здѣсь авторъ съ особенною подробностію останавливается на статьяхъ Уложенія царя Алексѣя Михайловича и кратко передаетъ содержаніе послѣдовавшихъ затѣмъ указовъ. Во второмъ отдѣлѣ излагается „право выкупа по нынѣ дѣйствующимъ законамъ“, причемъ выясняется во первыхъ, существо права выкупа, въ отличіе отъ купли-продажи, и съ точки зрѣнія отношенія этого права къ тѣмъ ограниченіямъ чисто отрицательнаго свойства, которыя установлены статьями 967 и 1068 закон. праждан. съ цѣлю стѣснить волю владѣльца въ отчужденіи родовыхъ имуществъ бесчестными способами,—во вторыхъ разъясняется вопросъ о субъектахъ права выкупа, въ третьихъ объ условіяхъ выкупа и объ имуществѣхъ, подлежащихъ выкупу. Въ третьемъ и послѣднемъ отдѣлѣ диссертациі выясняются „цѣль и значеніе выкупа въ

прошлое и настоящим". Институтъ выкупа, разсуждаетъ авторъ, удовлетворявшій нѣкогда условіямъ государственной жизни, въ которой первенствующую роль играло служилое сословіе, при современномъ развитіи гражданственности, предполагающей полное господство надъ вещію, является анахронизмомъ, совершенно противорѣчащимъ современнымъ экономическимъ потребностямъ, такъ какъ свободное пріобрѣтеніе имущества въ полную собственность представляется важнымъ условіемъ усовершенствованной эксплуатаціи. Право выкупа въ теченіи трехъ лѣтъ парализуетъ предприимчивость пріобрѣтателя родового имущества, не желающаго, разумѣется, рисковать потерей всего, во что онъ вложилъ бы столько труда, энергіи и личнаго вкуса и путемъ принудительнаго возврата имѣнія выкупщику. Право выкупа, въ силу статьи 1356 не можетъ считаться и гарантіей интересовъ самыхъ близкихъ наследниковъ—дѣтей продавца. Практическое значеніе права выкупа становится все болѣе и болѣе ограниченнымъ, въ особенности въ виду того, что цѣна выкупа опредѣляется не по дѣйствительной стоимости имѣнія, а по цѣнѣ послѣдне-совершеннаго акта; пользуясь этимъ, покупщики родовыхъ имѣній, справедливо замѣчаетъ авторъ, обыкновенно застраховываютъ себя отъ будущаго выкупа и охотно берутъ на себя лишніе расходы на крѣпостные пошліны, съ тѣмъ что-бы сумма въ купчей крѣпости значительно превосходила въ дѣйствительности уплоченную. Не можетъ институтъ выкупа, заключаетъ авторъ, поддержать и дворянское землевладѣніе. Такъ какъ, по дѣйствующему праву выкупать недвижимость можетъ одинаково какъ дворянинъ у недворянина, такъ и наоборотъ, то, принимая во вниманіе современное оскуденіе русскаго дво-

рэнства, страшную задолженность его, авторъ считаетъ возможнымъ съ увѣренностію сказать (не подкрѣпляя, впрочемъ, своего положенія ни статистически, ни другими данными), что выкупъ дворянами у недворянъ—явленіе несравненно болѣе рѣдкое, чѣмъ на оборотъ.

Не смотря на указанныя выше недостатки, я рѣшаюсь ходатайствовать передъ Совѣтомъ Лицея о признаніи г. Евгенія Фосса заслуживающимъ степени кандидата юридическихъ наукъ.

Н. Суворовъ.

1893 года сентября 10 дня, въ засѣданіи Совѣта, подъ предѣлательствомъ Директора Заслуженнаго Ординарнаго профессора *С. М. Шпилевскаго*, присутствовали: Ординарный профессоръ *Н. С. Суворовъ*; Профессоръ Богословія, протоіерей *Н. А. Тихвинскій*; испр. должн. экстраординарныхъ профессоровъ—*А. Я. Вудьбертъ* и *Э. Н. Берендтъ*; испр. должн. доцента *М. М. Калжковъ*; приватъ-доценты—*А. Р. Свирицескій* и *В. А. Удинцовъ*. Не присутствовалъ—испр. должн. экстраординарнаго профессора *В. Г. Щеголовъ*,—по домашнимъ обстоятельствамъ.

С Л У Ш А Л И:

1. Члене протокола прошедшаго засѣданія Совѣта, и подписавъ этотъ протоколъ, **Опредѣлили:** Представить оный г-ну Почетителю Московскаго Учебнаго Округа для утвержденія къ напечатанію во Временный Лицей.
2. Предложеніе г-на Почетителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 7 сего сентября за № 13244, коимъ уведомляетъ, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г-на Министра Народнаго Просвѣ-

щенія, въ 19 день истекшаго августа, Высочайше соизволилъ на назначеніе испр. должн. экстраординарнаго професора Лицея *Левитскаго* на таковую же должность въ Харьковскій Университетъ по кафедрѣ полицейскаго права. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію и чтеніе лекцій политической экономіи по 3 часа въ недѣлю поручить приватъ-доценту Свирщевскому, о чемъ представить г-ну Попечителю Московскаго Учебнаго Округа, прося Его Сіятельство разрѣшить выдавать г-ну Свирщевскому за это чтеніе по 200 руб. за годовой часъ съ 16 августа сего года изъ суммъ ассигнованныхъ на содержаніе личнаго состава Лицея.

3. Предложеніе г-на Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 2 сего сентября за № 13080, коимъ увѣдомляетъ, что г-нъ Министръ Народнаго Просвѣщенія разрѣшаетъ допустить прослушавшаго полный курсъ по Физико-математическому факультету Московскаго Университета Меѳодія *Кутейникова* осенью сего года, въ качествѣ экстерна, къ экзаменамъ на степень кандидата при Лицеѣ, если таковой же экзаменъ будетъ производиться и для другихъ лицъ. Такъ какъ настоящее предложеніе получилось въ Лицеѣ (4 сентября) въ послѣдній день осеннихъ экзаменовъ, то Совѣтъ, затрудняясь составить во время начавшихся уже лекцій для Кутейникова экзаменаціонныя комиссіи, **Опредѣлили:** Оставить ходатайство Кутейникова безъ послѣдствій.

4. Прошеніе студента Лицея 4 курса Александра *Кочергина* о разрѣшеніи ему остаться на этомъ курсѣ на 3-й годъ, такъ какъ онъ не могъ сдать испытанія по болѣзни. **Опредѣлили:** Просить ходатайства Его Сіятельства г-на Попечителя Московскаго Учебнаго Округа предъ г-мъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія о

разрѣшеніи студенту Кочергину остаться на 4 курсѣ на третій годъ.

5. Г. Директоръ заявилъ, что въ число студентовъ приняты имъ: на 1-й курсъ: *Березовскій* Іосифъ изъ Московскаго Университета (среднее образованіе получилъ въ Ананьевской гимназіи), *Впляевъ* Всеволодъ изъ Костромской гимназіи, *Габіу* Николай изъ Московскаго Университета (Тульской гимназіи), *Елжинъ* Иванъ изъ Московскаго Университета (Новочеркасской гимназіи), *Комаровичъ* Кирилль изъ Московскаго Университета (Рязанской гимназіи), *Куцевъ* Федоръ изъ Глуховской гимназіи, *Лавровъ* Николай изъ Ярославской гимназіи и *Фелдтъ* Владиміръ изъ Московскаго Университета (Нижегородскаго Александровскаго Института); на 2-й курсъ: *Воробьевъ* Николай изъ Московскаго Университета (Тверской гимназіи), *Воскресенскій* Владиміръ изъ Московскаго Университета (Вяземской гимназіи), *Губскій* Иванъ изъ Кіевскаго Университета (Нѣжинской гимназіи), *Маковский* Федоръ изъ Московскаго Университета (гимназіи Креймана), *Мантулинъ* Семенъ изъ Харьковскаго Университета (Старобѣльской гимназіи), *Новицкій* Викторъ изъ Московскаго Университета (Смоленской гимназіи), *Сучковъ* Яковъ изъ Московскаго Университета (Поливановской гимназіи) и *Черняховскій* Петръ изъ Кіевскаго Университета (Кіевской 3-й гимназіи); на 3-й курсъ: *Надеждинъ* Григорій изъ Московскаго Университета (Елатомской гимназіи) и *Смагинъ* Михаилъ изъ Московскаго Университета (Рязанской гимназіи); на 4-й курсъ: *Жемчуговъ* Николай изъ Московскаго Университета (Костромской гимназіи), *Николаевъ* Евгеній изъ Московскаго Университета (Воронежской гимназіи) и *Филончикъ* Теофилъ изъ Московскаго Университета (Новгородъ-Сѣверской гимназіи). Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

6. Изъ числа допущенныхъ послѣ каникулъ иъ экзаменахъ и подвергавшихся онымъ студентамъ, **Опредѣлимъ:** 1) Удостоить перевода на 3-й курсъ: Виноградова Евгенія и Вологодскаго Леонида; 2) зачислить испытанія окончившими: за 1-й курсъ студенту 2-го курса Декаполитову Петру; за 3 курсъ студентамъ 4 курса Ковалевскому Николаю и Кочергину Александру; 3) оставить на первомъ курсѣ на 2-й годъ студентовъ: Багрова Александра, Борисенко Алексѣя, Котова Василья, Нелидова Сергѣя и Паниютина Семѣна; на 2-мъ курсѣ: Благонравова Василья, Вукуновскаго Александра, Бѣляева Валеріана, Вальцова Сергѣя, Ветчинина Николая, Иванова Василья, Колганова Іоану, Коровкина Сергѣя, Любомудрова Ѳедора, Макалинскаго Петра, Насилова Александра, Остригдзова Андрей, Парадѣва Николая, Рыбникова Дмитрія, Свадковскаго Николая, Трегубова Сергѣя, Виллерта Іоакима, Грачева Александра, Декаполитова Петра, Зимина Александра, Иванова Михаила, Кишкина Алексѣя, Кобылинскаго Владислава, Леульта Валентина, Мануйлова Константина, Перфильева Ивана, Рейнгаузенъ Алексѣя, Симона Виктора и Булгакова Михаила; на 3-мъ курсѣ: Анненкова Павла, Балинскаго Іосифа, Нуревича Фридриха, Гирчича Георгія, Девлетъ-Кильдѣева Петра, Заславскаго Михаила, Иваницкаго Михаила, Иванова Ивана, Мандельбаума Ивана, Подкопаева Николая, Полетику Михаила, Преображенскаго Алексѣя, Розанова Николая, Курносова Петра, Соколова Алексѣя, Шиловскаго Михаила, Бестужева-Рюмина Николая, Козина Павла, Милева Василья, Нечаева Вячеслава, Черняховскаго Леонтія и Хитрова Сергѣя. 4) Уволить нахъ пробывшихъ на курсахъ по 2 года: съ 2 курса Безбородова Ѳедора, Макарычева Ивана, Македонска-

го Григорія и Краснянскаго Николая и съ 3-го курса Алексѣева Александра.

7. По разсмотрѣніи своднаго за всѣ 4-ре курса списка допущенныхъ нынѣ до экзаменовъ за 4-й курсъ послѣ каникулъ, **Опредѣлили:** 1) Удостоить званія действительнаго студента: Балавенскаго Сергія, Балашева Леонида, Боголюбова Алексѣя, Лопакова Николая, Никитенко Якова и Страдина Ганса; оставить на 4 курсъ на 2-й годъ: Анопова Александра, Босова Петра, Гранце Эвальда, Ветчинина Владиміра, Ивакина Николая, Ковалевскаго Николая, Кочергина Александра, Носова Павла, Щербину Гавріила и Фомина Алексѣя.

8. Доцентъ Петровской Сельско-хозяйственной Академіи кандидатъ естественныхъ наукъ и сельскаго хозяйства *И. Н. Миклашевскій* допущенъ былъ Совѣтомъ Лицея въ качествѣ экстерна къ испытаніямъ на степень кандидата юридическихъ наукъ и получили слѣдующія отмѣтки: по Энциклопедіи права, Институціямъ Римскаго права, Всеобщей Исторіи права, Исторіи Римскаго права, Исторіи Русскаго права, Государственному праву, Административному праву, Политической экономіи, Наукѣ о Финансахъ, Церковному Законодѣнію, Международному праву и Римскому праву по 5; Гражданскому праву и Судопроизводству, Уголовному праву и Судопроизводству по 4 и по Торговому праву 3; причеиъ г. Миклашевскій представилъ кандидатское сочиненіе „Очеркъ изъ исторіи сельско-хозяйственнаго образованія въ Россіи“. **Опредѣлили:** Признать г. Миклашевскаго выдержавшимъ экзаменъ на степень кандидата, а сочиненіе его передать для прочтенія и доставленія въ Совѣтъ отзыва о немъ испр. должность экстраординарнаго профессора Э. Н. Герейдтсу.

9. Поданное Аркадіемъ *Нюрнбергомъ* кандидатское

сочиненіе „О личныхъ и имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ по русскому праву и условія заключенія и расторженія брака“, **Опредѣлили:** Передать для прочтенія и доставленія въ Совѣтъ отзыва о немъ С. М. Шнилевскому.

10. По заявленію испр. должн. экстраординарнаго профессора Э. Н. Берендтса, **Опредѣлили:** Напечатать во *Временникѣ Лицея* сочиненіе его „Государственное хозяйство Швеціи“.

11. По выслушаніи прилагаемой при семъ инструкции, составленной испр. должн. экстраординарнаго профессора Лицея Э. Н. Берендтсомъ для руководства приготавливающимся къ профессорскому званію по кафедрѣ Государственнаго права кандидатамъ юридическихъ наукъ Александру *Золотореву* и Петру *Иванову*, **Опредѣлили:** Представить оную чрезъ г-на Попечителя Московскаго Учебнаго Округа въ Министерство Народнаго Просвѣщенія на утвержденіе.

(Приложеніе къ ст. 11-й).

ИНСТРУКЦІЯ

кандидатамъ А. П. Золотореву и П. И. Иванову, оставленнымъ для приготовленія къ профессурѣ по кафедрѣ Государственнаго права.

Приступая къ занятіямъ по Государственному праву, кандидатъ долженъ прежде всего ознакомиться съ методами, применяемыми въ государственной наукѣ вообще. Для этой цѣли ему рекомендуются сочиненія: *Сергеевича* Задача и методы Государственныхъ наукъ; *Дилтей* (Dilthey) *Einleitung in die Geisteswissenschaften* и Дж. Ст. *Милля* *Логика* ч. II.

Дальнѣйшія его занятія распадаются на 3 спе-

ціальныя задачи: 1) изученіе исторіи науки государственнаго права и исторіи политическихъ ученій; 2) изученіе такъ называемаго общаго государственнаго права и 3) изученіе источниковъ, исторіи и догмы русскаго государственнаго права.

Для ознакомленія съ исторіей науки Государственнаго права и политическихъ ученій кандидату рекомендуются сочиненія: *Моля* Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften, *Hildebrandt* Geschichte und System der Rechts- und Staatsphilosophie; *Stahl* Rechtsphilosophie, *Janet* Histoire de la science politique dans ses rapports avec la morale (1887), *Bluntschli* Geschichte des allgemeinen Staatsrechts und der Politik; *Stein* Verwaltungslehre I; *Его же* Geschichte der sociale Bewegung in Frankreich; *Д. Щеглова* Исторія политическихъ системъ, *Чичерина* Исторія политическихъ ученій и *Жуковскаго* Исторія политической литературы въ XIX ст. При изученіи общаго государственнаго права кандидатъ долженъ руководствоваться слѣдующими сочиненіями: *Gareis* Allgemeines Staatsrecht; *Gerber* Allgemeines Staatsrecht; *Bluntschli* Lehre vom modernen Staate; *Mohl* Encyclopadie der Staatswissenschaften; *U Frantz* Naturlehre des Staates als Grundlage der Staatswissenschaft; *Gumplovitz* Philosophischen Staatsrecht; *Jellinck* Lehre von den Staatenverbindungen; *Земрева* Основы классификаціи государства; *Dupont White* La centralisation и *его же* L'individu et l'état; *Коркуновъ* Лекціи по общей теоріи права.

Приступая къ изученію главнаго предмета своихъ занятій Русскаго государственнаго права кандидатъ прежде всего долженъ тщательно ознакомиться съ его источниками (Русскою Правдою, Договорами, Грамота-

на, Княжескими завѣщаніями, Судебниками, Первымъ полнымъ собраніемъ законовъ, въ особенности съ Уложеніемъ 1649, Правдою воли Монаршей, Петровскими регламентами, Наказомъ Екатерины II, Учрежденіемъ о губерніяхъ, Жалованными грамотами, Актомъ о престолонаслѣдіи 1797 г., Учрежденіями Сената, Министерствъ и Государственнаго Совѣта). Далѣе кандидатъ долженъ изучить I, II, III и IX томы Свода Законовъ. Въ качествѣ руководства при изученіи источниковъ и исторіи развитія Русскаго Государственнаго права кандидату рекомендуются слѣдующія сочиненія: *Вгльева* Лекціи по исторіи русскаго законодательства; *Владимірскаго-Будкова* Христоматія по исторіи русскаго права; *Его же* Обзоръ исторіи русскаго права; *Сергеевца* Лекціи по исторіи русскаго права; *Его же* Юридическія древности и Вѣче и князь. Для болѣе спеціальнаго ознакомленія съ развитіемъ отдѣльныхъ учрежденій и сословій рекомендуются сочиненія: *Дьяконова* Власть московскихъ государей; *Маткина* Земскіе соборы; *Романовича-Славатинскаго* Исторія дворянства въ Россіи; *Знаменскаго* Приходское духовенство въ Россіи; *Лешкова* Русскій народъ и государство; *Клюневскаго* Боярская дума; *Петровскаго* Сенатъ въ царствованіе Петра I; *Градовскаго* Высшая администрація XVIII в. и *Демитріева* Исторія судебныхъ инстанцій. Для изученія исторіи местного Управленія сочиненія: *Градовскаго*, *Мрочекъ-Дровдовскаго*, *Чичерина*, *Лохвицкаго* и *Дитяткова*. Затѣмъ кандидату слѣдуетъ изучить догму русскаго государственнаго права по сочиненіямъ *Сперанскаго*, *Дюамеля*, *Андреевскаго*, *Градовскаго*, *Романовича-Славатинскаго*, *Алексѣева*, *Энгельмана* и *Коржунова*. Для сравнительнаго изученія государственнаго пра-

ва главнѣйшихъ государствъ Западной Европы кандидатамъ рекомендуются: Сборникъ *Марквардсена* (спеціально отдѣлы посвященные Англіи, Соединеннымъ Штатамъ Сѣв. Америки, Германской имперіи, Франціи, Австріи, Италіи и Швеціи), сочиненія *Гнейста* Объ англійскомъ самоуправленіи и по исторіи государственныхъ учрежденій Англіи; *Лабанда* и *Гэмелъа* (Haenel) по государственному праву Германской имперіи; *Пулъ-це* Staatsrecht der preuss. Monarchie; *Тоэкевилля* La démocratie en Amérique; *Тайне* Les origines de la France contemporaine; *Штейна* Franfösische Staats und Rechtsgeschichte; *Градовскаго* Государственное право Западно-Европейскихъ государствъ; *Бюркунновъ* Сравнительный очеркъ государственнаго права ч. I.

По Международному праву:

По исторіи международного права: *Мартенсъ*. Современное международное право цивилизованныхъ народовъ 1887—88. *Даневскій*. Пособіе при изученіи международного права 1872. *Bluntschli*. Das moderne Völkerrecht der civilisirten Staaten 1878. *Heffter*. Das europäische Völkerrecht der Gegenwart 1888.

По исторіи международныхъ сношеній.

Weäton. Histoire des progres du droit des gens.

Испр. должн. Экстраорд. проф. *Э. Берендтсъ*.

1893 года октября 9-го дня, въ засѣданіи Совѣта, подъ предсѣдательствомъ Директора Заслуженнаго ординарнаго профессора *С. М. Шмелевскаго*, присутствовали: Ординарные профессора: *Н. С. Суворовъ* и *А. К. Вульфбертъ*; Профессоръ Богословія, протоіерей *Н. А. Тихвинскій*; испр. должн. экстраордин. профессоровъ: *В. Г. Щегловъ* и *Э. Н. Берендтсъ*; испр. должн.

доцентовъ: *М. А. Литинскій, А. Е. Минервинъ* и *М. М. Катковъ*; приватъ-доценты: *А. Р. Свирицевскій* и *В. А. Удимова*. Неприсутствовалъ — Приватъ-доцентъ *А. В. Шмидтъ* — по нахожденію въ отпуску.

С Л У Ш А Л И:

1. Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта и, подписавъ этотъ протоколъ, **Опредѣлили:** Представить оный г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа для утвержденія къ напечатанію во Временникъ Лицея.

2. Предложеніе г-на Управляющаго Московскимъ Учебнымъ Округомъ отъ 30-го минувшаго сентября за № 19897, коимъ увѣдомляетъ, что г-нъ Министръ Народнаго Просвѣщенія согласенъ на оставленіе студента Лицея *Федора Безбородова* на 2-мъ курсѣ на третій годъ. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

3. Предложеніе г-на Управляющаго Московскимъ Учебнымъ Округомъ отъ 30-го минувшаго сентября за № 19903, коимъ увѣдомляетъ, что г-нъ Министръ Народнаго Просвѣщенія утвердилъ испр. должн. экстраординарнаго профессора Демидовскаго Юридическаго Лицея по кафедрѣ Уголовнаго права г. *Вульфберта* въ званіи Ординарнаго профессора по занимаемой имъ кафедрѣ. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію и копію съ заслушаннаго предложенія передать въ Правленіе Лицея.

4. Слѣдующее письмо за № 402 на имя г. Директора Лицея отъ Директора Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, барона *Бюллера*: „Подписанную Вашимъ Превосходительствомъ привѣтственную телеграмму ученой корпораціи Демидовскаго Юридическаго Лицея, по поводу 50-ти лѣт-

няго юбилея моей службы, имѣлъ я честь получить въ самый день празднованія онаго и вмѣняю себѣ въ пріятный долгъ покорнѣйше просить Васъ принять для себя и передать гг. профессорамъ Лицея мою глубокую благодарность за выраженные мнѣ чувства, которыя теперь заставляютъ меня еще болѣе сожалѣть о томъ, что обстоятельства лишили меня возможности быть на Археологическомъ Сѣздѣ въ Ярославлѣ и сблизиться со столь почтенными дѣятелями на научномъ поприщѣ. Не откажите передать имъ завѣреніе, что въ случаѣ пребыванія кого-либо изъ нихъ въ Москвѣ или обращенія ко мнѣ письменно за нужными справками, я всегда буду содѣйствовать успѣху ихъ ученыхъ трудовъ“. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

5. Разсматривали прошенія студентовъ Лицея о назначеніи имъ стипендій. Сообразивъ относительное достоинство ихъ по оказаннымъ на испытаніяхъ успѣхамъ, поведенію и бѣдности и данную Бухгалтеромъ справку о числѣ стипендій и состояніи стипендіальныхъ суммъ, **Опредѣлили:** А) Изъ 20-ти демидовскихъ стипендій—оставить 13-ть за получавшими въ истекшемъ году Абрамовымъ Петромъ, Владиміровымъ Николаемъ, Вологодскимъ Леонидомъ, Воскобойниковымъ Александромъ, Кротковымъ Викторомъ, Казанцевымъ Васильемъ, Крыловымъ Николаемъ (Рыб.), Карасовымъ Андреемъ, Мясниковымъ Петромъ, Петровскимъ Григоріемъ, Севастьяновымъ Даніиломъ, Эппштейномъ Василиемъ и Ширяевымъ Валеріаномъ; Б) вновь назначить съ 16-го августа стипендіи студентамъ: Кошлякову Константину, Огородникову Николаю, Петину Сергѣю и Страшкову Георгію; В) на счетъ тѣхъ-же суммъ оставить изъ прежде жившихъ въ интернатѣ студентовъ—Иносова Григорія и Крживокольского Болесла-

ва и, согласно заявленію г. Директора, вновь помѣ-
ститъ въ интернатъ Воскресенскаго Владиміра. Г) Изъ
благотворительныхъ стипендій: Болдырева предоста-
вить съ 1-го сентября студенту Николаю Дмитріеву,
котораго, какъ заявилъ г. Директоръ, принялъ онъ
въ интернатъ на Демидовскій счетъ; Д) на счетъ про-
центовъ съ капитала Н. Н. Демидова помѣститъ въ
интернатъ студента Хлѣбникова Максимилиана и оста-
вить прежде содержавшагося на тѣ же проценты Си-
доровскаго Александра; Е) на сумму внесенную Почет-
нымъ Попечителемъ П. А. Демидовымъ помѣститъ въ
интернатъ Остроглазова Андрея; Ж) съ 1-го сентяб-
ря назначить стипендіи: Топленинова—Радищевскому
Петру, Макиной — Виноградову Евгенію и Соколо-
ва — Старухину Михаилу, оставивъ за Алферовымъ
прежде данную ему стипендію Преосвященнаго Леони-
да; З) стипендіи: Глинки, согласно распоряженію ге-
нераль-лейтенанта Глинки, выдавать съ 1-го сентяб-
ря студенту Бунакову, а имени Императора Алексан-
дра 1-го, согласно распоряженію Ярославскаго город-
скаго Головы,—студенту Копылову; И) изъ образовав-
шихся отъ стипендій остатковъ (§ 12-й ст. 3-я) 101 р.
32 к. выдать пособія студентамъ: Малиновскому Вла-
диміру 40 руб., Орлову Алексѣю 21 руб., Пономареву
Владиміру и Рѣлицкому Леониду по 20 руб.; I) копию
съ этого постановленія Совѣта передать въ Правленіе
Лицея, которое и просить удовлетворять прописанныхъ
выше студентовъ помѣсячно. Списокъ стипендіатовъ
сообщить Инспектору и Библіотекарю.

6. Прощенія студентовъ Лицея: III-го курса Алек-
сандра *Алексѣева* и II-го курса Николая *Краснянскаго*
и Григорія *Македонскаго* о разрѣшеніи имъ остаться
на тѣхъ-же курсахъ на третій годъ, такъ какъ вслѣд-

ствіе болѣзни они не имѣли возможности основательно подготовиться къ экзаменамъ для перехода на слѣдующіе курсы. Совѣтъ Лицея, признавъ указанное обстоятельство уважительнымъ, **Опрядѣли:** Просить ходатайства г-на Попечителя Московскаго Учебнаго Округа предъ Его Сіятельствомъ г-мъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія о разрѣшеніи студентамъ—Алексѣеву, Краснянскому и Македонскому, остаться на соответствующихъ курсахъ на третій годъ.

7. Прощеніе состоящаго съ 1892 года стипендіатомъ при Лицеѣ для приготовленія къ профессорскому званію по кафедрѣ Поліцейскаго права, кандидата Юридическихъ наукъ Ильи *Гурлянда* о продолженіи ему срока подготовки къ окончательному магистерскому испытанію еще на полгода, съ сохраненіемъ получаемого имъ изъ суммъ Министерства содержанія по 600 руб. въ годъ, такъ какъ онъ, выдержавъ при Московскомъ Университетѣ испытаніе по Поліцейскому праву, долженъ подвергнуться испытанію и по Политической экономіи, для научныхъ занятій, которою потребуется полугодичный срокъ. По обсужденіи, **Опрядѣлили:** Просить ходатайства г-на Попечителя Московскаго Учебнаго Округа предъ Его Сіятельствомъ г-мъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія объ ассигнованіи стипендіату Гурлянду содержанія еще на полгода, въ размѣрѣ 300 руб. для окончательной подготовки его къ названному выше испытанію.

8. Г. Директоръ заявилъ, что въ число студентовъ приняты имъ на 1-й курсъ—*Путяжа* Николай изъ Московскаго Университета (Московской 1-й гимназіи) и *Русинъ* Александръ изъ Московскаго Университета (Костромской гимназіи); на 2-й курсъ—*Макаровъ* Гдѣбъ изъ Московскаго Университета (Ярославской гимназіи);

на 3-й курсъ—*Борисовъ* Михаилъ—Московского Университета (Самарской гимназіи), *Васильевъ* Владиміръ—Московского Университета (Рязанской гимназіи), *Рума* Леопольдъ—Казанскаго Университета (Черниговской гимназіи) и *Чукаловскій* Иванъ—Московского Университета (Орловской гимназіи); на 4-й курсъ *Курлинъ* Дмитрій—Московского Университета (Воронежской гимназіи). **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

9. Гг. Профессорами и преподавателями Лицея, на основаніи § 3-го инструкціи преподавателямъ, представлены слѣдующіе учебные планы: 1) Проф. Богословія, протоіер. *Н. А. Тихвинскимъ*: „Въ наступившемъ академическомъ курсѣ 189³/₄ учебного года по кафедрѣ Богословія предполагается прочесть, послѣ изложенія ученія о религіи вообще, догматическое раскрытіе Богооткровеннаго ученія: а) о Богѣ въ Его существѣ и свойствахъ существа Божія; б) о единствѣ существа Божія; в) о Св. Троицѣ; г) ученіе о твореніи міра; д) о промыслѣ Божиємъ; е) о грѣхопаденіи; ж) объ искупленіи и з) о благодати и таинственномъ освященіи челоѣка“. 2) Ординарнымъ профессоромъ *Н. С. Суворовымъ*: „Учебный планъ преподаванія церковнаго права на III курсѣ: при шести часахъ въ недѣлю нахожу возможнымъ, кромѣ изложенія курса въ объемѣ печатнаго руководства, изданнаго мною, устроить для студентовъ практическія занятія, состоящія въ чтеніи и объясненіи новеллъ Юстиніана 131 и 133 г.; по Римскому праву на III курсѣ: Римское обязательственное, семейственное и наслѣдственное право, при четырехъ часахъ въ недѣлю, будутъ преподаваны по плану 189¹/₂, академическаго года съ тѣмъ различіемъ, что залоговое право будетъ опущено, такъ какъ, читая въ прошломъ году нынѣшнимъ моимъ слушателямъ, состоявшимъ на

2-мъ курсѣ, вещное право, я успѣлъ уже познакомить ихъ съ залоговымъ правомъ, въ связи съ институтами вещнаго права; по Гражданскому (обязательственному) праву на IV курсѣ: при двухъ лекціяхъ въ недѣлю, обязательственное право будетъ изложено по программамъ прошлаго 189²/₃ академическаго года“. 3) Ординарнымъ профессоромъ *А. К. Вульфбертомъ*: „Симъ имѣю честь довести до свѣдѣнія Совѣта, что въ основаніе моихъ чтеній курса Уголовнаго права (четыре часа) и Уголовнаго процесса (два часа) мною полагается программа испытаній въ комиссіи юридической, изданная Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія“. 4) Испр. должн. экстраординарнаго профессора *В. Г. Щегловымъ*: „Честь имѣю донести Совѣту Лицея, что въ наступающемъ 189³/₄ академическомъ году я предполагаю держаться въ преподаваніи науки Энциклопедіи права плана, представленнаго мною въ Совѣтъ въ прошломъ учебномъ году, съ тѣми измѣненіями въ изложеніи отдѣльныхъ вопросовъ науки, которые необходимо обусловливаются ихъ непрерывной разработкой и многочисленными изслѣдованіями общей теоріи права. Что касается Всеобщей исторіи права, преподаваніе которой поручено мнѣ въ настоящемъ учебномъ году, то къ прошлогоднему моему курсу по этому предмету будетъ прибавленъ въ концѣ его новый отдѣлъ, гдѣ я намѣренъ познакомить своихъ слушателей съ исторіей права во второй половинѣ XVIII ст., указать на стороны разрушенія феодальнаго строя Западно-Европейскихъ государствъ и основанія новаго юридическаго и политическаго ихъ быта, который развился въ Западной Европѣ въ текущемъ столѣтіи“. 5) Испр. долж. доцента *М. А. Литинскимъ*: „Подробный планъ курса Гражданскаго права. (Введеніе. Общая часть, Вещное

право по 3 ч. для студентов III курса). Введение. Гражданское право въ отличіе отъ права публичнаго. Составъ гражданского права. Системы гражданскихъ кодексовъ во Франціи, Австріи и Германіи. Система Свода Законовъ. Научныя системы. Общая часть. Глава 1. Ученіе о гражданскомъ законѣ. Понятіе и виды. Дѣйствіе гражданского закона по мѣсту, времени и лицамъ. Условія и объемъ примѣненія обычаевъ. Глава 2-я. Субъекты гражданского права. А) Физическое лицо. Моменты возникновенія и прекращенія правоспособности. Вліяніе пола, возраста, здоровья, родства, свойства, мѣстожителства, образованія, религіи, состоянія, званія и гражданской чести на права физическаго лица. Безвѣстное отсутствіе и его послѣдствія. Б) Общая свойства лицъ юридическихъ. Глава 3. Объекты гражданского права вообще и разные виды вещей и имуществъ. Глава 4-я. А) Понятіе и виды юридическихъ дѣйствій. Условія дѣеспособности. Вліяніе принужденія, заблужденія и обмана на силу юридическихъ дѣйствій. Б) Понятіе юридическихъ сдѣлокъ и ихъ виды. Составныя части, принадлежности и формы юридическихъ сдѣлокъ. Побочныя опредѣленія въ юридическихъ сдѣлкахъ. Соучастіе въ сдѣлкахъ; представительство. Недействительность юридической сдѣлки. Превращеніе одной юридической сдѣлки въ другую; притворныя сдѣлки; толкованіе юридическихъ актовъ. В) Понятіе гражданского правонарушенія и его послѣдствія; условія и объемъ ответственности. Г) Понятіе и виды правъ вообще и имущественныхъ въ особенностяхъ: Понятіе привилегій; ихъ виды, установленіе, дѣйствіе и способы прекращенія. Д) Понятіе укрѣпленія правъ. Виды актовъ укрѣпленія правъ. Порядокъ совершенія актовъ крѣпостныхъ, явочныхъ и до-

машнихъ. Порядокъ совершенія актовъ по положенію и нотаріальной части. Е) Понятіе столкновенія правъ и способы его разрѣшенія. Способы прекращенія правъ. Давность, какъ способъ прекращенія гражданскихъ правъ. Особенная часть. Глава 1-я. Понятіе права собственности и его содержаніе. Фактическое владѣніе и владѣніе, какъ составная часть права собственности. Общее право собственности. Ограниченія права собственности. Условія и способы пріобрѣтенія права собственности. Значеніе передачи и ввода во владѣніе. Давность, какъ способъ пріобрѣтенія. Способы прекращенія права собственности. Экспропріація. Понятіе и виды авторской собственности; условія ея пріобрѣтенія и охраненія. Глава 2-я. Понятіе и виды правъ на чужую вещь. Право угодій, право участія общаго и частнаго; пожизненное владѣніе, понятіе о правѣ залога, какъ правѣ на чужую вещь“. 6) Приватъ-доцентомъ *А. В. Удницовымъ*:— „Симъ имѣю честь заявить, что въ текущемъ 18^{93/94} академическомъ году, при трехъ лекціяхъ въ недѣлю, я предполагаю изложить курсъ русскаго Торговаго права—въ предѣлахъ программы по Торговому праву, составленной для испытаній въ Комиссіи юридической, — придерживаясь при этомъ нижеописующаго порядка: А) Сухопутное Торговое право: 1) Введеніе и основныя понятія. 2) Субъекты и 3) Объекты Торговаго права. 4) Торговыя сдѣлки (общее ученіе и отдѣльные виды сдѣлокъ). В) Вексельное право. Краткій курсъ будетъ содержать исторію векселя и дѣйствующее вексельное право. С) Морское Торговое право. Въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ предполагается остановиться на тѣхъ общихъ понятіяхъ изъ области Морскаго права; знакомство съ которыми требуется и вышеуказанной программой юридической ис-

пытательной комиссіи“. Затѣмъ сдѣлали словесныя заявленія о чтеніи въ наступившемъ учебномъ году лекцій по планамъ утвержденнымъ на истекшій учебный годъ, согласномъ съ планами для испытательныхъ юридическихъ комиссій: Заслужен. Ординарный профессоръ *С. М. Шпилевскій*—по исторіи Русскаго права и Гражданскому праву (семейное и наслѣдственное); испр. должн. экстраординарнаго профессора *Э. Н. Берендтсъ*—по Государственному и Административному праву; испр. должн. доцента *А. Е. Минервинъ*—по институтамъ Римскаго права и исторіи Римскаго права; испр. должн. доцента *М. М. Катковъ*—по догмѣ Римскаго права; приватъ-доцентъ *А. Р. Свирщевскій*—по Политической экономіи и Финансовому праву и приватъ-доцентъ *А. В. Шмидтъ*—по Международному праву. **Опредѣлили:** Съ прописаніемъ изложеннаго представить чрезъ г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа въ Министерство Народнаго Просвѣщенія.

10. Сочиненія на преміи, поданныя: *Бугономъ* „Опека надъ женщинами“, *Матвѣевымъ* „Сравненіе статей Русской Правды относящихся къ Уголовному праву по краткой и подробной редакціи“ и *Орловымъ* „Участковое землевладѣніе крестьянъ въ юго-западномъ краѣ“, **Опредѣлили:** Передать для прочтенія первое—исправл. должн. доцента А. Е. Минервину, второе—Заслуженному Ординарному профессору С. М. Шпилевскому и третье—приватъ-доценту А. Р. Свирщевскому.

11. На основаніи § 10-го инструкціи преподавателямъ Лицея очередь для произнесенія рѣчи на имѣющемъ быть 30-го августа 1894 года актѣ Лицея падаетъ на Ординарнаго профессора *А. К. Вульфберта*, какъ старшаго по назначенію на службу изъ всѣхъ другихъ преподавателей, не читавшихъ еще рѣчи на

актѣ, а потому **Опредѣлили:** Просить А. К. Вульфберта приготовить рѣчь для произнесенія на торжественномъ актѣ Лицея 30-го августа 1894 года.

12. На основаніи § 61-го правилъ утвержденныхъ г-мъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія 10-го сентября 1883 года для экзаменовъ въ декабрѣ мѣсяцѣ вновь поступившимъ въ нынѣшнемъ году студентамъ, желающимъ освободиться на будущее полугодіе отъ взноса платы за слушаніе лекцій, **Опредѣлили:** Назначить слѣдующіе предметы: Энциклопедію права, Институціи Римскаго права и Исторію Русскаго права.

13. На основаніи § 32-го правилъ представлены въ Совѣтъ Лицея гг. Профессорами и преподавателями слѣдующія темы для сочиненій студентамъ на преміи: 1) По церковному праву (Ординарнымъ профессоромъ *Н. С. Суворовымъ*) а) „Церковная власть Московскихъ государей“, б) „Участіе запада въ семи древнихъ вселенскихъ соборахъ“, в) „О родствѣ и свойствахъ, какъ препятствіи къ браку“, г) „Церковная форма заключенія брака на востокѣ и на западѣ, въ ея историческомъ развитіи“. 2) По Римскому праву для студентовъ III курса (*имѣ же*) а) „Объ особыхъ видахъ поручательства (*constitutum debiti alieni* и *mandatum quotifcatum*)“, б) „Виды легата“, в) Установленіе и реституція приданаго, съ соображеніемъ различныхъ предметовъ приданаго“. 3) По Обязательственному праву для студентовъ IV-го курса (*г. Суворовымъ же*) а) „Заключеніе договора“, б) „Понятіе о займѣ по русскому праву“, в) „О солидарныхъ обязательствахъ“. 4) По Уголовному праву (Ординарн. профессоромъ *А. К. Вульфбертомъ*) а) „Разборъ карательной системы по проекту новаго отечественнаго Уголовнаго уложенія“ и б) „Организація уголовного преслѣдованія по дѣламъ ми-

ровыхъ судебныхъ установленій“. 5) По Энциклопедіи права (испр. должн. экстраординар. профессора *В. Г. Щегловымъ*) а) „Существенныя черты ученія о правѣ исторической школы права“, б) „Взглядъ Ф. Иеринга на право (цѣль и борьбу за право)“, с) „Отношеніе права къ морали“, d) „Объ отношеніи права къ государству“, е) „Различіе между физическими и юридическими лицами“. 6) По Всеобщей исторіи права (*имъ же Щегловымъ*): а) „Объ историческомъ изученіи права“, б) „О формахъ семьи въ первобытномъ обществѣ“, с) „Собственность въ примитивномъ обществѣ“, d) „О вліяніи древней религіи на право и государство“ и е) „Французскій феодализмъ по сравненію съ Германскимъ“. 7) По Государственному праву (испр. должн. экстраординарнаго профессора *Э. Н. Берендтсомъ*) а) „Сравнительное изложеніе ученій о законѣ Лабанда, Гнейста, Мейера и Мартица“, б) „Сравнительное изложеніе актовъ городского самоуправления въ Россіи, Пруссіи и Франціи“. 8) По Административному праву (*имъ же*) а) „Полицейскія мѣры борьбы съ пьянствомъ“ и б) „О полиціи дороговизны и неурожаевъ“. 9) По Гражданскому праву для III-го курса (исправл. должн. доцента *М. А. Липинскимъ*): „Безвѣстное отсутствіе и его послѣдствія“, б) „Право участія общаго по Русскому законодательству“, 10) По институціямъ Римскаго права (испр. должн. доцента *А. Е. Минервинымъ*): а) „Ограниченія права собственности“, б) „Mancipium“, с) „Наслѣдованіе ab intestato“. 11) По исторіи Римскаго права (*имъ же*) а) „Ulpiani liber singularis regularum (такъ наз. fragmenta)“, б) „Источники права въ періодъ принципата“, с) „Реформа эдикта при Адрианѣ“. 12) По Римскому праву для II-го курса (исправл. должн. доцента *М. М. Катковымъ*): а) „Исторія и воз-

викновеніе сельскихъ предіальныхъ сервитутѣвъ“, b) „Мнимыя условія“, c) „Теорія владѣнія Іеріцна“. 13) По Торговому праву (привать-доцентомъ *В. А. Удінцовымъ*): a) „Система торговыхъ дѣйствій въ важнѣйшихъ западно-европейскихъ кодексахъ и по русскому праву“, b) „Юридическая конструкція векселя въ исторіи и въ современной наукѣ“. По остальнымъ предметамъ темы прошлагодня. **Опредѣлили:** Темы утвердить и объявить о нихъ студентамъ.

14. Сочиненіе, поданное на премію студентомъ Александромъ *Романовымъ* „Международный третейскій судъ“. **Опредѣлили:** Передать для прочтенія и доставленія въ Совѣтъ отзыва о немъ привать-доценту *А. В. Шмидту*.

15. Для сочиненій на золотую медаль текущаго учебнаго года **Опредѣлили:** Оставить данную въ прошломъ учебномъ году тему по Международному праву „О правѣ частной собственности въ морской войнѣ“ и вновь одобрить тему предложенную ординарнымъ профессоромъ *А. К. Вульффертомъ* по Уголовному праву „О вознагражденіи невинно къ уголовному суду привлекаемыхъ“. Объяснительную лекцію по послѣдней темѣ прочесть 4-го ноября.

16. По заявленію испр. должн. экстраорд. профес. *В. Г. Щеглова* **Опредѣлили:** Напечатать во Временникѣ Лицея сочиненіе его „Къ вопросу объ образованіи въ Россіи Государственнаго Совѣта“.

17. По выслушаніи отзыва о кандидатскомъ сочиненіи *Ивана Миклашевскаго* „Очерки изъ исторіи сельскохозяйственнаго образованія въ Россіи“, доставленнаго испр. должн. экстраординарнаго профессора *Э. Н. Берендтсомъ*, **Опредѣлили:** Утвердить Миклашевскаго въ степени кандидата.

18. По заявленію приватъ-доцента А. Р. *Свирищевскаго*, **Опредѣлили:** Просить Департаментъ Торговли и Мануфактуръ не признаеть ли онъ возможнымъ выслать для библіотеки Лицея слѣдующія свои изданія: 1) Обзоръ иностраннаго законодательства о промысловомъ обложеніи, 2) Историческій очеркъ обложенія торговли и промысловъ въ Россіи и 3) Фабрично-заводская промышленность и торговля Россіи, подъ редакціей — проф. Менделѣва.

(Приложеніе къ ст. 17-й).

О Т Ъ Ы В Ъ

о кандидатской диссертациі И. Н. Миклашевскаго „Очерки изъ исторіи сельско-хозяйственнаго образованія въ Россіи“. 1898 г.

Сдавшій осенью текущаго года, на правахъ экстерна, экзаменъ на степень кандидата юридическихъ наукъ, доцентъ Петровско-Разумовской Академіи, И. Н. Миклашевскій, представилъ въ качествѣ разсужденія для полученія кандидатскѣй степени „Очерки изъ исторіи сельско-хозяйственнаго образованія въ Россіи“.

Сочиненіе Миклашевскаго доказывать, что авторъ близко знакомъ съ исторіей нашего сельско-хозяйственнаго образованія, его задачами, значеніемъ и его потребностями. Сочиненіе распадается на краткое введеніе и 4 отдѣла. Во введеніи онъ даетъ краткую характеристику хода развитія нашихъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній. Въ 4-хъ отдѣлахъ онъ разсматриваетъ послѣдовательно развитіе съ 1797 г., т. е. съ момента учрежденія первой земледѣльческой школы, до 1861 г. вліяніе реформъ начала 60 гг., исторію Петровской академіи и наконецъ развитіе среднихъ и

низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ въ 1861—90 годахъ. Миклашевскій дѣлитъ исторію сельско-хозяйственнаго образованія въ Россіи на 3 періода. Первый періодъ дѣлится до 1837 г., второй съ 1837 по 1861 г., третій начинается въ 1861 году. „До 1837 г., т. е. до времени учрежденія Министерства Государств. Имущ., говоритъ авторъ, государство, учреждая школы, преслѣдовало совершенно частно-хозяйственныя цѣли“. Между тѣмъ на страницѣ 4-й, въ примѣчаніи, цитируется указъ Петра Великаго о переводѣ экономическихъ книгъ, въ которомъ великій реформаторъ говоритъ: „О береженіи земледѣльцевъ. Понеже поселяне суть артеріи государства и какъ де черезъ артеріи (т. е. большую жилу) все тѣло человѣческое питается, такъ государство поселянами“. При такомъ взглядѣ Петра на значеніе поселянъ, нельзя говорить о преслѣдованіи частно-хозяйственныхъ цѣлей при распространеніи въ ихъ средѣ экономическихъ познаній. Если бы авторъ былъ знакомъ съ сырымъ матеріаломъ хранящимся въ архивѣ Министер. Государств. Имуществъ, то онъ измѣнилъ бы свой взглядъ на тенденцію дѣятельности правительства въ области сельско-хозяйственнаго образованія въ 18 и въ началѣ 19 столѣтія. О третьемъ періодѣ Миклашевскій говоритъ, что „съ 1861 г. вопросъ о сельско-хозяйственномъ образованіи получаетъ наконецъ подобающее ему общегосударственное значеніе, сельско-хозяйственное образованіе теряетъ характеръ принудительнаго“.

Понятія „общегосударственный“ и „принудительный“ не противоположны другъ другу. Образовательному строю можетъ быть присущъ характеръ принужденія, при сознаніи общегосударственнаго значенія образованія.

Независимо отъ этого не вполнѣ вѣрнаго, по моему мнѣнію, опредѣленія характера 3-хъ періодовъ въ исторіи сельско-хозяйственнаго образованія, сочиненіе Миклашевскаго удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ, которыя могутъ быть поставлены кандидату разсужденію.

И. д. экстраорд. проф. Э. Берендтсъ.

Въ экстраординарномъ засѣданіи Совѣта 18 ноября 1893 года прочитанъ слѣдующій, составленный г. Директоромъ, проэктъ телеграммы для отсылки въ Кіевскую Коммиссію для разбора древнихъ актовъ, по случаю имѣющаго исполниться 19-го сего ноября пятидесятилѣтія со времени учрежденія этой Коммиссіи. „Кіевъ. Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ. Пятидесятилѣтняя дѣятельность Кіевской Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ ознаменовалась не только изданіемъ многочисленныхъ важныхъ историческихъ источниковъ, но и ученою обработкою ихъ, представляющею богатый вкладъ въ науку Русской Исторіи. Демидовскій Юридическій Лицей особенно признательный дѣятельности Коммиссіи по Исторіи Русскаго права, приноситъ Коммиссіи въ настоящій юбилейный день ея поздравленіе и выражаетъ сердечное желаніе дальнѣйшихъ успѣховъ историческаго изученія того края, откуда пошла Русская Земля“. **Опредѣлили:** Одобривъ проэктъ телеграммы, отправить оную нынѣ-же въ Кіевъ.

1893 года ноября 24-го дня, въ засѣданіи Совѣта, подъ предѣлательствомъ Директора Заслуженнаго Ординарнаго профессора С. М. Шнилевскаго, присутствовали: Профессоръ Богословія, протоіерей Н. А. Тихвинскій; испр. должн. экстраординарныхъ профес-

соровъ—*В. Г. Щегловъ* и *Э. Н. Берендтсъ*; испр. должн. доцентовъ—*М. А. Липинскій* и *М. М. Катковъ*; приватъ-доценты—*А. Р. Смирцевскій*, *А. В. Шмидтъ* и *В. А. Удинцовъ*. Неприсутствовали: Ординарные профессеры *Н. С. Суворовъ* и *А. Ю. Вульфбертъ*—по болѣзни, испр. должн. доцента *А. Е. Минервинъ*—по домашнимъ обстоятельствамъ.

СЛУШАЛИ:

1. Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта, и подписавъ этотъ протоколъ, **Опредѣлили:** Представить оный г-ну Попечителю Московскаго Учебнаго Округа для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2. Предложеніе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 20 сего Ноября за № 17782, коимъ, съ препровожденіемъ пяти документовъ прослушавшаго курсъ въ Императорскомъ Училищѣ Правовѣдѣнія, но не сдавшаго окончательныхъ испытаній по программѣ сего Училища, графа *Кутайсова*, предлагаетъ принять его, Кутайсова, нынѣ-же въ число студентовъ Демидовскаго Юридическаго Лицея на 4-й курсъ и увѣдомить: изъ какихъ предметовъ графъ Кутайсовъ будетъ подвергнутъ испытанію весной 1894 года. При чемъ заслушано прошеніе Кутайсова, адресованное на имя г. Директора Лицея, о зачетѣ ему тѣхъ предметовъ, по которымъ экзамены имъ уже выдержаны въ бытность въ Училищѣ Правовѣдѣнія. По разсмотрѣніи выданнаго Совѣтомъ Училища Правовѣдѣнія графу Кутайсову свидѣтельства, оказалось, что, за исключеніемъ Уголовнаго Судопроизводства и Международнаго права, имъ сданы окончательные экзамены весьма удовлетворительно. Совѣтъ Лицея, по обсужденіи, **Опредѣлилъ:** Принявъ графа Кутайсова въ число студентовъ Лицея

на 4-й курсъ, подвергнувъ его весной 1894 г. испытанію только по Уголовному судопроизводству и Международному праву, о чемъ и донести Его Сіятельству, г-ну Попечителю Московскаго Учебнаго Округа. Отмѣтки же по свидѣтельству Училища Правовѣдѣнія считать: 12, 11 и 10=5, 9 и 8=4, 7=3.

Въ экстраординарномъ засѣданіи Совѣта 27 ноября 1893 г. г-нъ Директоръ Лицея заявилъ, что 30 сего ноября исполнится пятидесятилѣтіе службы Его Высокопреосвященства архіепископа Ярославскаго Іонаана и предложилъ въ слѣдующей редакціи адресъ для поднесенія Его Высокопреосвященству:

„Ваше Высокопреосвященство, Милостивый Архипастырь! Радостно были услышаны всею Вашею паствою слова Высочайшей Грамоты, данной Вашему Высокопреосвященству, что Ваше многолѣтнее пастырское служеніе снискало Вамъ любовь и уваженіе паствы. Эти знаменательныя слова были истиннымъ выраженіемъ чувствъ всѣхъ вѣрныхъ Вамъ людей Господнихъ. Демидовскій Юридическій Лицей, постоянно пользующійся Вашимъ добрымъ расположеніемъ и вниманіемъ къ его интересамъ, испрашивая Вашихъ Архипастырскихъ молитвъ, приносить Вамъ признательность и благодарность въ настоящій день пятидесятилѣтія Вашего служенія Святой Церкви, обильнаго дѣлами любви и добра“. **Опредѣлили:** Одобривъ текстъ настоящаго адреса и напечатавъ его, поднести оный отъ Лицея въ юбилейный день Его Высокопреосвященству.

1893 года декабря 11-го дня, въ засѣданіи Совѣта, подъ предсѣдательствомъ Директора Заслуженнаго ординарнаго профессора *С. М. Шпилевскаго*, присутствовали: Ординарные профессора: *Н. С. Суворовъ*

и *А. К. Вульфбертъ*; Профессоръ Богословія, протоіерей *Н. А. Тихвинскій*; испр. должн. экстраордин. профессора *Э. Н. Берендтсъ*; испр. должн. доцентовъ: *М. А. Липинскій*, *А. Е. Минервинъ* и *М. М. Катковъ*; приватъ-доценты: *А. Р. Свирищевскій* и *В. А. Удинцовъ*. Непри-
сутствовали: Испр. должн. экстраорд. профессора *В. Г. Щегловъ* и приватъ-доцентъ *А. В. Шмидтъ*—по болѣзни.

С Л У Ш А Л И:

1. Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта и, подписавъ этотъ протоколъ, **Опредѣлили:** Представить оный г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа для утвержденія къ напечатанію во Временникъ Лицея.

2. Предложеніе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 14-го октября и отъ 1-го ноября за №№ 15777 и 16700, коими поставляетъ въ извѣстность, что Его Сіятельство, г-нъ Министръ Народнаго Просвѣщенія разрѣшаетъ студентамъ: 4-го курса Александру *Кочергину*, 3-го курса Александру *Алексѣеву* и 2-го курса Николаю *Краснянскому* и Григорію *Македонскому*, пробывшимъ на этихъ курсахъ по два года, остаться на третій годъ на соотвѣтствующихъ курсахъ. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

3. Прошенія студентовъ Лицея 2-го курса Григорія *Македонскаго*, 3-го курса Александра *Алексѣева* и 4-го курса Петра *Босова*, достигшихъ 27-ми лѣтняго возраста, о выдачѣ имъ удостовѣреній для представленія: первымъ въ Новгородъ-Сѣверское, вторымъ въ Томское и послѣднимъ въ Сызранское воинскія Присутствія при исходатайствованіи дополнительныхъ отсрочекъ по отбыванію воинской повинности до окончанія

образованія. По обсужденіи, **Опредѣлили:** Выдать студентамъ Алексѣеву, Босову и Македонскому надлежащія удостовѣренія съ указаніемъ въ нихъ времени окончанія просителями полнаго курса наукъ въ Лицеѣ и документы эти отослать при препроводительныхъ бумагахъ въ названныя воинскія Присутствія.

4. Прошенія окончившихъ въ маѣ сего года курсъ наукъ въ Лицеѣ съ званіемъ дѣйствительнаго студента и съ правомъ на полученіе степени кандидата: *Ажисантова* Михаила, *Стеблина-Камнскаго* Константина и *Щукина* Василья объ отсрочкѣ имъ подачи кандидатскихъ диссертаций, такъ-какъ вслѣдствіе своей болѣзни, удостовѣренной надлежащими медицинскими свидѣтельствами, они не могли представить таковыя въ установленный правилами полугодичный срокъ. Совѣтъ Лицея, признавъ причины помѣшавшія просителямъ представить своевременно кандидатскія сочиненія уважительными, **Опредѣлил:** Отсрочить имъ подачу этихъ сочиненій, но не далѣе какъ до 1 іюля 1894 года.

5. Прошеніе студента Лицея 2-го курса Павла *Миницкаго* о допущеніи его въ маѣ 1894 г. къ испытаніямъ за 2 и 3 курсы. Совѣтъ Лицея, принявъ во вниманіе четырехлѣтнее уже пребываніе студента Миницкаго въ Лицеѣ, **Опредѣлил:** Просить ходатайства Его Сіятельства г-на Попечителя Московскаго Учебнаго Округа предъ г-мъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія о разрѣшеніи Миницкому сдавать въ маѣ 1894 г. экзамены изъ предметовъ 2 и 3-го курсовъ.

6. Прошеніе студента Лицея 3-го курса Болеслава *Крживокольскаго* о принятіи для разсмотрѣнія сочиненія его на премію подъ заглавіемъ „О крестьянскомъ участковомъ землевладѣніи въ юго-западномъ краѣ“, не представленнаго имъ, *Крживокольскимъ* своевременно вслѣд-

ствіе своей болѣзни извѣстной г. Инспектору Лицея. По обсужденіи **Опредѣлили:** Принять названное сочиненіе студента Крживокольского и передать таковое для разсмотрѣнія и доставленія въ Совѣтъ отзыва о немъ приватъ-доценту А. Р. Свирщевскому.

7. Г. Директоръ заявилъ, что въ число студентовъ приняты имъ на 1-й курсъ: *Горячкинъ* Александръ изъ Лазаревского Института восточныхъ языковъ, *Самосевскій* Казиміръ—Московского Университета (Маріампольской гимназіи) и *Сопелкинъ* Иванъ—Московского Университета (Вяземской гимназіи); на 2-й курсъ *Шаломытовъ* Николай—Лазаревского Института; на 3-й курсъ *Ширяевъ* Александръ—Московского Университета (Рязанской гимназіи); на 4-й курсъ *Соколовскій* Николай—Кіевского Университета (Черниговской гимназіи) и *Стеблинъ* Арсеній—Московского Университета (Нѣжинской гимназіи) **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

8. По выслушаніи въ настоящемъ засѣданіи отзывовъ приватъ-доцентовъ А. Р. *Свирщевского* и А. В. *Шмидта* (отзывы прилагаются при семъ) о сочиненіяхъ, поданныхъ на преміи студентами: Алексѣемъ *Орловымъ* „Участковое землевладѣніе въ юго-западномъ краѣ“ и Александромъ *Романовымъ* „Международный третейскій судъ“, **Опредѣлили:** Выдать означеннымъ студентамъ преміи въ размѣрѣ каждому по 25 руб.

9. По заявленію Ординарнаго проф. А. К. *Вульфберта* о желаніи его прибавить для чтенія уголовнаго судопроизводства на 4-мъ курсѣ еще одинъ часъ въ недѣлю, **Опредѣлили:** Назначить этотъ часъ въ Понедѣльникъ отъ 1 час. до 2-хъ.

10. Поданное окончившимъ курсъ студентомъ Николаемъ *Майковымъ* кандидатское сочиненіе „Отношенія родителей и дѣтей между собою по русскому пра-

ву“, **Опредѣлили:** Передать Заслуженному Ординарному профессору С. М. Шпилевскому.

11. По разсмотрѣніи въ настоящемъ засѣданіи Совѣта доставленнаго въ оный Библіотекаремъ списка русскихъ и иностранныхъ журналовъ и газетъ, **Опредѣлили:** Выписать на будущій годъ журналы и газеты по составленному Библіотекаремъ списку.

(Приложенія къ ст. 8-й).

I. Въ Совѣтъ Демидовскаго Юридическаго Лицея.

О Т З Ы В Ъ

приватъ-доцента А. Р. Свирщевскаго, о
сочиненіи г. Орлова—„Участковое землевла-
дѣніе крестьянъ въ юго-западномъ краѣ“.

Студентъ III курса Алексѣй *Орловъ* представилъ сочиненіе на премію подъ заглавіемъ „Участковое землевладѣніе крестьянъ въ юго-западномъ краѣ“. Это сочиненіе даетъ обстоятельное изложеніе особенностей крестьянскаго участковаго землевладѣнія,--обнаруживая основательное знакомство автора съ литературой предмета. Къ сожалѣнію достоинство труда г. Орлова значительно умаляется торопливостью работы, которой объясняются нѣкоторыя противорѣчія и внесеніе въ сочиненіе многихъ данныхъ, не имѣющихъ непосредственнаго отношенія къ темѣ. Въ общемъ, по моему мнѣнію, сочиненіе г. Орлова должно считаться заслуживающимъ малой преміи.

Приватъ-доцентъ А. Свирщевскій.

II. Въ Совѣтъ Демидовскаго Юридическаго Лицея.

О Т З Ы В Ъ

о сочиненіи „Международный третей-
скій судъ“, представленномъ на премію сту-
дентомъ г. Романовымъ.

Сочиненіе г-на *Романова* имѣетъ въ виду изслѣдо-
вать значеніе международнаго третейскаго суда, какъ
способа разрѣшенія столкновеній между государства-
ми. Сочиненіе распадается на три части. Въ первой
авторъ излагаетъ исторію международнаго третейскаго
разбирательства въ связи съ возрастающимъ мировымъ
характеромъ международныхъ отношеній; во второй—
представляетъ организацію третейскаго суда; въ третьей
—относительность обществъ мира, парламентское дви-
женіе въ пользу введенія правительствами въ заклю-
чаемыхъ ими трактатахъ оговорки о компромиссѣ, и
заключеній далѣе трактатовъ о постоянномъ третей-
скомъ судѣ.

Сочиненіе, не смотря на необоснованность нѣкото-
рыхъ теоретическихъ положеній, можетъ быть признано
удовлетворительнымъ. Ходатайствую о назначеніи сту-
денту Романову малой преміи.

Привать-доцентъ *А. Шмидтъ*.

1894 года января 29-го дня, въ засѣданіи Совѣта,
подъ предсѣдательствомъ Директора Заслуженнаго ор-
динарнаго профессора *С. М. Шпилевскаго*, присут-
ствовали: Ординарные профессора: *Н. С. Суворовъ*
и *А. К. Вульфбертъ*; Профессоръ Богословія, протоіе-
рей *Н. А. Тихвинскій*; испр. должн. экстраординарн.
профессоровъ: *В. Г. Щегловъ* и *Э. Н. Берендтъ*; испр.

должн. доцентовъ: *М. А. Литинскій, А. Е. Минервинъ* и *М. Н. Катковъ*; приватъ-доцентъ *А. Р. Свиричевскій*.

С Л У Ш А Л И:

1. Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта и, подписавъ этотъ протоколъ, **Опредѣлили:** Представить оный г-ну Попечителю Московскаго Учебнаго Округа для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2. Предложеніе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 21 декабря 1893 года за № 20111, коимъ увѣдомляетъ, что г-нъ Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія утвердилъ инструкцію для занятій оставленнымъ при Лицеѣ для приготовленія къ профессорскому званію *Золотарева* и *Иванова*. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

3. Предложеніе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 21 декабря 1893 г. за № 20114, коимъ увѣдомляетъ, что г. Министръ Народнаго Просвѣщенія утвердилъ разсмотрѣнные Совѣтомъ Лицея учебныя планы на 189³/₄ учебный годъ; при чемъ Его Сіятельство, г-нъ Министръ Народнаго Просвѣщенія присовокупилъ, что принимая во вниманіе, что чтеніе лекцій по Гражданскому праву въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ раздѣляется между тремя преподавателями, въ числѣ которыхъ нѣтъ ни одного специалиста по этому предмету, и на долю профессора *Суворова* въ настоящемъ учебномъ году приходится 12 лекцій въ недѣлю, онъ, г-нъ Министръ, не могъ не признать такое число часовъ слишкомъ обременительнымъ для одного профессора, а по этому поручилъ предложить начальству Лицея озаботиться на будущее время усиленіемъ личнаго состава преподавателей по столь важному предмету курса. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

4. Предложенія г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 21-го и 24-го минувшаго января за №№ 876 и 989, коими увѣдомляетъ, что г-нъ Министръ Народнаго Просвѣщенія назначилъ приватъ-доцента Лицея Всеволода *Удинцова* въ Университетъ Св. Владиміра на кафедру Торговаго права съ тѣмъ же званіемъ. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

5. Предложеніе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 24-го сего января за № 992, коимъ увѣдомляетъ, что г-нъ Министръ Народнаго Просвѣщенія разрѣшаетъ допустить студента Лицея 2 курса Павла *Миницкаго* къ экзаменамъ за 2-й и 3-й курсы въ маѣ текущаго года. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

6. Предложеніе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 25-го сего января за № 1080, коимъ увѣдомляетъ, что г. Министръ Народнаго Просвѣщенія согласенъ на назначеніе дѣйствительному студенту Евгенію *Шевелеву* новаго полугодичнаго срока для представленія диссертациі на полученіе степени кандидата юридическихъ наукъ. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію, о чемъ и объявить Шевелеву.

7. Слѣдующее отношеніе юридическаго факультета Московскаго Университета отъ 26-го декабря 1893 г. за № 287: „На основаніи § 4-го Высочайше утвержденнаго въ 9-й день февраля 1879 года положенія о преміи графа *Сперанскаго*, Министръ Народнаго Просвѣщенія предоставилъ назначеніе очередной преміи къ 1 января 1895 года юридическому факультету Московскаго Университета. Сочиненіе, удостоиваемое награды имени графа *Сперанскаго*, должно заключать въ себѣ самостоятельный и отличающійся дѣйствительными достоинствами ученый трудъ исключительно по отечест-

венному праву, изъ какой бы ни было отрасли права или его исторіи. По § 15 положенія, сочиненіе по отечественному праву, гдѣ-бы и кѣмъ бы оно ни было написано, въ Россіи или за границею, русскимъ или иностраннымъ подданнымъ, и не только на русскомъ, но и на иностранныхъ языкахъ, одинаковыя имѣетъ права на увѣнчаніе поощрительными наградами графа Сперанскаго. Преміи могутъ быть удостоены какъ вновь выпедшія сочиненія, такъ и новыя изданія прежнихъ сочиненій, въ томъ случаѣ, если сочиненія сіи не удостоились еще прежде награды графа Сперанскаго. Настоящей очередной преміи (къ 1 января 1895 г.) могутъ быть удостоены лишь такія сочиненія, которыя появились въ свѣтъ въ періодъ времени отъ 1-го мая 1891 года по 1-е мая 1894 года. Премія выдается только самому сочинителю или его законнымъ наслѣдникамъ, издателямъ-же не присуждается. На полученіе преміи никакого конкурса не назначается, премія же присуждается юридическимъ факультетомъ очереднаго Университета. По § 21 положенія, юридическій факультетъ очереднаго Университета, при наступленіи срока, обращается въ юридическіе факультеты другихъ университетовъ, а также, если признаетъ нужнымъ, и къ другимъ учрежденіямъ и лицамъ, прося о сообщеніи перечня сочиненій, которыя могли бы подлежать разсмотрѣнію на предметъ назначенія премій. Такимъ же вызовомъ факультета, помѣщаемымъ въ періодическихъ изданіяхъ, приглашаются какъ сами авторы, такъ и всѣ частныя лица, доставить оному, если пожелаютъ, по сему предмету свѣдѣнія. Премію составляютъ проценты трехъ лѣтъ съ капитала въ 31,776 рублей, за исключеніемъ суммы, назначенной на основаніи §§ 13 и 27 положенія на двѣ золотыхъ медали, на

напечатаніе рецензіи сочиненія, удостоеннаго преміи, на расходы по публикаціи и т. п. Авторъ удостоеннаго преміи сочиненія получаетъ сверхъ денежной преміи малую золотую медаль цѣнностью въ 100 рублей, рецензенту же, разсматривавшему такое сочиненіе, присуждается большая золотая медаль цѣнностью въ 250 рублей. Юридическій факультетъ Московскаго Университета, обращаясь, на основаніи § 21 положенія, къ Совѣту Ярославскаго Демидовскаго Юридическаго Лицея, покорнѣйше проситъ о доставленіи вышеуказанныхъ свѣдѣній не позднѣе 1 мая 1894 года. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

8. Прошеніе магистранта Полицейскаго права Ильи *Гурлянда* о командированіи его, съ ученою цѣлью, за границу на два года съ назначеніемъ ему содержанія. По прочтеніи сего г-нъ Директоръ заявилъ, что Гурляндъ измѣнилъ уже въ настоящее время намѣреніе свое о поѣздкѣ за границу и желалъ бы быть въ Лицеѣ приватъ-доцентомъ съ порученіемъ ему чтенія Торговаго права. Подвергнутый послѣ этого закрытой баллотировкѣ, г. Гурляндъ оказался избраннымъ единогласно. **Опредѣлили:** Поручить г. Гурлянду чтеніе Торговаго права по три часа въ недѣлю, назначивъ ему за это вознагражденіе въ размѣрѣ 1200 руб. въ годъ, о выдачѣ таковыхъ впредь до 16 августа 1895 года и представить на разрѣшеніе г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа.

9. Отношеніе Кіевской Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ отъ 28 декабря прошлаго 1893 года за № 389, коимъ, съ препровожденіемъ пяти своихъ изданій, приноситъ Лицею глубочайшую свою признательность за выраженное имъ привѣтствіе Коммиссіи по случаю пятидесяти-лѣтняго ея юбилея. **Опредѣлили:**

Принять къ свѣдѣнію, присланныя же изданія сдать въ библіотеку Лицея.

10. Представленные стипендіатами Лицея для приготовления къ профессорскому званію *Гурляндомъ* и *Золотаревымъ* отчеты о занятіяхъ въ теченіи 1893 года, **Опредѣлили:** Передать испр. должн. экстраординарнаго профессора Э. Н. Берендтсу, прося его дать къ слѣдующему засѣданію свое заключеніе объ ихъ занятіяхъ.

11. По заявленію профессора Богословія, протоіерея Н. А. *Тихвинскаго*, **Опредѣлили:** Напечатать во Временникѣ Лицея его „Чтеніе по православному Богословію“, (изъ курса лекцій), если печатаніе это будетъ разрѣшено духовной цензурой.

12. Г. Директоръ заявилъ, что въ число студентовъ приняты имъ: на 2-й курсъ—*Рахинскій* Ѳеодоръ и на 4-й курсъ—*Радченко* Дмитрій и *Таргонскій* Болеславъ. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

13. Г-нъ Директоръ заявилъ Совѣту, что въ теченіе первой половины 189³/₄ учебнаго года гг. профессорамъ и преподавателями Лицея прочитано и пропущено слѣдующее число лекцій:

	Прочитано.	ПРОПУЩЕНО.				
		По болѣзни.	По нахожд. въ отпуску.	По дѣламъ службъ.	По нахожд. при-сѣдѣт.	ВСЕГО.
Заслуженнымъ Ординарнымъ профессоромъ С. М. Шпилевскимъ - - - - -	66	16	„	5	„	21
Ординарными профессорами:						
Н. С. Суворовымъ - - -	146	„	„	„	„	„
А. Б. Вульффертомъ - - -	64	4	„	„	„	4

Профес. Богословія Прото-						
іер. Н. А. Тихвинскимъ - -	25	6	"	"	"	6
Испр. должн. экстраординар-						
ныхъ профессоровъ:						
В. Г. Щегловымъ - - -	72	12	"	"	"	12
Э. Н. Берендтсомъ - - -	38	6	"	"	"	6
Испр. должн. доцентовъ:						
М. А. Липинскимъ - - -	75	19	23	"	"	42
А. Е. Минервинымъ - - -	58	12	"	"	"	12
М. М. Катковымъ - - -	55	3	"	"	3	6
Привать-доцентами:						
А. Р. Свирицевскимъ - - -	49	15	4	"	"	19
А. В. Шмидтомъ - - -	23	12	"	"	"	12
В. А. Удинцовымъ - - -	34	"	"	"	"	"
ИТОГО -	705	105	23	5	3	140

Опредѣлили: Записать объ этомъ въ журналъ.

Ж У Р Н А Л Ъ

Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея

14-го февраля 1894 года.

Слушали: Предложеніе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, отъ 9 сего февраля, за № 2084, коимъ разрѣшаетъ допустить кандидата юридическихъ наукъ, получившаго отъ Московскаго Университета званіе привать-доцента по Полипейскому праву *Гурлянда* къ чтенію въ Лицеѣ, въ качествѣ привать-доцента, лекцій

по Торговому праву по 3 часа въ недѣлю, съ содержаніемъ по 1200 рублей въ годъ. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію, назначивъ г. Гурлянду прочтеніе вступительной лекціи 16-го сего февраля, въ 12 часовъ; при чемъ для преподаванія имъ Торговаго права оставить тѣ же дни и часы, какіе назначены были Совѣтомъ для предмѣстника его г. Удинцова.

1893 года марта 12-го дня, въ засѣданіи Совѣта, подъ предсѣдательствомъ Директора Заслуженнаго Ординарнаго профессора *С. М. Шилевскаго*, присутствовали: Ординарные профессора: *Н. С. Суворовъ* и *А. К. Вульфбертъ*; Профессоръ Богословія, протоіерей *Н. А. Тихвинскій*; испр. должн. экстраординарн. профессоровъ: *В. Г. Щегловъ* и *Э. Н. Берендтсъ*; исправл. должн. доцентовъ: *М. А. Липинскій*, *А. Е. Минервинъ* и *М. М. Катковъ*; приватъ-доценты: *А. Р. Свищевскій*, *А. В. Шмидтъ* и *И. Я. Гурляндъ*.

С Л У Ш А Л И:

1. Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта, и подписавъ этотъ протоколь, **Опредѣлили:** Представить оный г-ну Попечителю Московскаго Учебнаго Округа для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2. Вредложеніе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 21 минувшаго февраля за № 2983, коимъ увѣдомляетъ, что г. Министръ Народнаго Просвѣщенія разрѣшилъ нынѣ-же принять прослушавшаго полный курсъ юридическаго факультета Московскаго Университета Алексѣя *Павлова* въ число студентовъ 4-го курса Демидовскаго Лицея съ зачетомъ всѣхъ отмытокъ полученныхъ имъ на полукурсовыхъ и окончательныхъ испытаніяхъ въ юридической комиссіи при

Московскомъ Университетѣ и съ допущеніемъ его къ испытанію въ маѣ сего года только по Международному праву. **Опредѣлили:** Принять Павлова въ число студентовъ Лицея и успѣхи его оцѣненные юридической комиссіей „удовлетворительно“ означить балломъ 4.

3. Отношеніе Московскаго Общества любителей Художествъ отъ 31 января сего года за № 28, при коемъ прилагая положеніе о имѣющемъ быть въ концѣ предстоящаго апрѣля первомъ сѣздѣ русскихъ художниковъ и любителей художествъ въ г. Москвѣ, просить о назначеніи на этотъ сѣздъ представителя отъ Лицея и объ указаніи тѣхъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ на сѣздѣ было-бы желательно. По выслушаніи сего приватъ-доцентъ *Гурляндъ* изъявилъ желаніе свое находиться на этомъ сѣздѣ. **Опредѣлили:** Командировать Гурлянда на этотъ сѣздъ, о чемъ и увѣдомить Общество любителей художествъ.

4. Прошеніе бывшаго студента Московскаго Университета *Владимира Соколова* о допущеніи его къ экзаменамъ въ Лицеѣ на степень кандидата. По разсмотрѣніи документовъ просителя, **Опредѣлили:** Допустить Соколова къ экзаменамъ въ предстоящемъ мѣсяцѣ маѣ.

5. По выслушаніи прилагаемыхъ при семь отзывовъ испр. должн. экстраординарнаго профессора *Э. Н. Берендтса* объ отчетахъ за истекшій годъ представленныхъ готовящимися къ профессорскому званію *Гурляндомъ* и *Золотаревымъ*, **Опредѣлили:** Отчеты ихъ съ отзывами г. Берендтса представить г-ну Попечителю Московскаго Учебнаго Округа для отсылки въ Министерство.

6. По выслушаніи отзывовъ Заслуженнаго ординарнаго профессора *С. М. Шилевскаго* о сочиненіяхъ Николая *Майкова* „Отношенія родителей и дѣтей между

собою по Русскому праву“ и Ивана *Романова* „О незаконнорожденных въ русскомъ правѣ въ связи съ положеніемъ его въ исторіи и другихъ законодательствахъ“. **Опредѣлили:** Удостоить Майкова и Романова степени кандидата юридическихъ наукъ.

7. По выслушаніи прилагаемаго при семъ отзыва приватъ-доцента А. Р. *Свищевскаго* о сочиненіи поданномъ студентомъ 3-го курса Болеславомъ *Крживокольскимъ* на премію „Участковое крестьянское землевладѣніе въ юго-западныхъ губерніяхъ Россіи“, **Опредѣлили:** Удостоить Крживокольскаго преміи въ размѣръ 25 рублей.

8. Г-нъ Директоръ заявилъ, что г.г. профессорами и преподавателями Лицея въ теченіе января и февраля текущаго года прочитано и пропущено слѣдующее число лекцій:

	Прочитано.	ПРОПУЩЕНО.			
		По болѣзни.	По нахожд. въ отпуску.	По дѣламъ служб.	ВСЕГО.
Заслуженнымъ Ординарнымъ профессоромъ С. М. Шпилевскимъ - -	24	10	„	6	16
Ординарными профессорами:					
Н. С. Суворовымъ -	74	„	„	„	„
А. К. Вульффертомъ -	33	„	„	„	„
Профессоромъ Богословія Протоіер. Н. А. Тихвинскимъ - - -	17	„	„	„	„
Испр. должн. экстраординарныхъ профессоровъ:					
В. Г. Щегловымъ -	37	„	„	„	„
Э. Н. Берендтсомъ -	27	„	„	„	„

Испр. должн. доцентовъ:					
М. А. Липинскимъ	-	48	9	"	9
А. Е. Минервинымъ	-	36	2	"	2
М. М. Катковымъ	-	28	"	"	"
Приватъ-доцентами:					
А. Р. Свирщевскимъ	-	24	2	"	2
А. В. Шмидтомъ	-	17	"	2	2
В. А. Удинцовымъ	-	6	"	"	"
И. Я. Гурляндомъ	-	5	"	"	"
Итого -		376	23	2	6
				31	

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

(Приложенія къ ст. 5-й).

I. Бывшій стипендіатъ Лицея, магистрантъ Полицейскаго права И. Я. Гурляндъ, представилъ заключительный отчетъ о своихъ занятіяхъ за 1893 годъ. Сжатый, но весьма богатый содержаніемъ отчетъ доказываетъ то, что уже доказано успѣшнымъ выдержаніемъ магистерскаго экзамена,—полное знаніе избранной г. Гурляндомъ спеціальной науки.

Э. Берендтсъ.

II. Стипендіатъ Лицея по каѳедрѣ Государственнаго права Александръ Золотаревъ представилъ отчетъ о занятіяхъ своихъ за 1893 годъ. Изъ отчета видно, что г. Золотаревъ главнымъ образомъ изучалъ сочиненія: Блюнчли „Allgemeines Staatsrecht“, Р. Ф. Моля-

„Энциклопедія государственныхъ наукъ“, Гумпловича — „Philosophischen Staatsrecht“ и Гаррейса — „Allgemeines Staatsrecht“ и курсы Русскаго Государственнаго права Коркунова и Алексѣева. Изъ монографій онъ изучилъ преимущественно сочиненія: Jellinek'a — „Die Lehre von den Staaten verbindungen“, Градовскаго — „Национальный вопросъ въ исторіи и литературѣ“ и Коркунова „Лекціи по общей теоріи права“. Методологію государственныхъ наукъ онъ изучалъ по сочиненіямъ Милля „Система Логики“ и Звѣрева — „Основанія классификаціи государствъ. Въ качествѣ руководства при изученіи имъ исторіи политическихъ ученій онъ пользовался трудами Чичерина, Блунчли и Алексѣева. Г-нъ Золотаревъ въ своемъ отчетѣ не даетъ только конспектъ изученныхъ имъ сочиненій, но излагаетъ всегда свое собственное воззрѣніе на особенности каждаго изъ изученныхъ авторовъ, даетъ большею частью весьма мѣткую характеристику ихъ направленія, ихъ основныхъ принциповъ, ихъ политическихъ тенденцій. Разсужденія автора доказываютъ, что онъ весьма добросовѣстно велъ свои занятія и сумѣлъ совладать съ своей задачей вполнѣ удовлетворительно.

Э. Берендтсъ.

(Приложенія къ ст. 6-й).

І. О Т З Ы В Ъ

о диссертациі г. Майкова „Отношенія родителей и дѣтей между собою по Русскому праву“.

Авторъ ставитъ своею задачею разсмотрѣніе отношеній родителей и дѣтей между собою по русскому праву въ историческомъ развитіи. Свою диссертацию авторъ начинаетъ указаніемъ на семью въ древнѣйшее

время, какъ на единственный общественный союзъ, и на господство нравственныхъ, а не юридическихъ началъ въ опредѣленіи семейныхъ отношеній. Подъ отношеніями между родителями и дѣтьми авторъ разумѣетъ личныя и имущественныя отношенія родителей не только къ дѣтямъ законнымъ, но и къ незаконнымъ, и отношенія между усыновителями и усыновленными. Сначала авторъ представляетъ исторію подсудности всѣхъ дѣлъ по указаннымъ отношеніямъ въ древнѣйшее время церкви, а съ Петра Великаго—свѣтской власти. Затѣмъ представляется историческое развитіе личныхъ отношеній родителей и законныхъ дѣтей, при чемъ обращается особенное вниманіе на обязанности родителей воспитывать дѣтей. Подъ имущественнымъ отношеніемъ разумѣются положеніе родителей по отношенію ихъ къ своему имуществу и положеніе дѣтей отдѣленныхъ и неотдѣленныхъ, по ихъ имуществу, къ отцу и къ матери. Союзъ родителей и незаконныхъ дѣтей различается по отношеніямъ къ отцу и къ матери. Въ заключеніе говорится объ усыновленіи. Разбираемая диссертация представляетъ не самостоятельное изученіе авторомъ ея историческихъ источниковъ и дѣйствующаго законодательства, а только компиляцію почти исключительно изъ извѣстныхъ трудовъ Неволіна, Побѣдоносцева и Кавелина. Но нельзя не признать совершенно осмысленнаго усвоенія г. Майковымъ выводовъ и объясненій указанныхъ ученыхъ, трудъ которыхъ г. Майковъ изучилъ очень подробно, о чемъ свидѣлствуютъ довольно обширные размѣры диссертации, именно 156 страницъ. Диссертацию эту я признаю удовлетворительною для полученія авторомъ ея степени кандидата.

Заслуж. орд. проф. *С. Шпилевскій.*

П. О Т З Ы В Ъ

о диссертациі г. Романова „Вопросъ о незаконнорожденныхъ въ русскомъ правѣ, въ связи съ положеніемъ его въ исторіи и другихъ законодательствахъ“.

Прежде изложенія постановленій нашего законодательства о незаконнорожденныхъ авторъ, съ цѣлію представить себѣ направленіе, въ которомъ желательно было бы разрѣшить вопросъ о незаконнорожденныхъ у насъ, признаетъ полезнымъ прослѣдить положеніе этого вопроса въ исторіи и разсмотрѣть, какъ разрѣшается этотъ вопросъ другими современными законодательствами. Въ виду этого авторъ разсматриваетъ положеніе незаконнорожденныхъ по законамъ древнихъ восточныхъ народовъ, Греціи, Рима, по каноническому праву, у средневѣковыхъ европейскихъ народовъ и по современнымъ западно-европейскимъ законодательствамъ. Русское законодательство о незаконнорожденныхъ авторъ представляетъ исторически, начиная съ древнѣйшаго времени и оканчивая узаконеніями 12 марта 1891 года. Признавая положеніе незаконнорожденныхъ по нашему законодательству и послѣ узаконеній 1891 г. далеко не удовлетворяющимъ требованіямъ справедливости, авторъ оканчиваетъ свое изслѣдованіе указаніемъ ряда необходимыхъ реформъ въ нашемъ законодательствѣ о незаконнорожденныхъ. Источниками для диссертациі г. Романова были спеціальныя статьи о незаконнорожденныхъ Кистяковского, Янжула и Загоровскаго. Изложеніе автора отличается стройностью и хорошимъ языкомъ. Диссертацию эту я признаю удовлетворительною для полученія авторомъ ея степени кандидата.

Заслуж. орд. проф. *С. Шпилевскій.*

(Приложеніе къ ст. 7-й).

Въ Совѣтъ Демидовскаго Юридическаго Лицея.

О Т З Ы В Ъ

о сочиненіи студента 3-го курса Болеслава Крживокопольскаго, „Участковое крестьянское землевладѣніе въ юго-западныхъ губерніяхъ Россіи“.

Названное сочиненіе Крживокопольскаго распадается на три главы: 1) опредѣленіе мелкаго участковаго землевладѣнія, его преимущества и недостатки; 2) краткій очеркъ землевладѣнія на Западѣ; 3) участковое крестьянское землевладѣніе въ юго-западномъ краѣ. Наибольше слабой—является послѣдняя часть, гдѣ изложеніе автора страдаетъ недостаточно глубокимъ изученіемъ литературы вопроса. Тѣмъ не менѣе хорошія стороны сочиненія: обнаруживающаяся въ немъ начитанность автора въ литературѣ по землевладѣнію вообще, ясность и литературность изложенія, умѣнье разобратся въ матеріалѣ служатъ основаніемъ для признанія труда г-на Крживокопольскаго заслуживающимъ малой преміи.

Привать-доцентъ *А. Свирщевскій*.

1894 года апрѣля 30-го дня, въ засѣданіи Совѣта, подъ предѣлательствомъ Директора Заслуженнаго ординарнаго профессора *С. М. Шилевскаго*, присутствовали: Ординарный профессоръ *А. К. Вульфбертъ*; Профессоръ Богословія, протоіерей *Н. А. Тихвинскій*; испр. должн. экстраорд. профессоровъ: *В. Г. Щегловъ* и *Э. Н. Берендтсъ*; испр. должн. доцента *М. А. Липинскій*; привать-доцентъ *А. Р. Свирщевскій*. Неприсутствовали: Ординарный профессоръ *Н. С. Суво-*

ровъ—по нахожденію въ командировкѣ, испр. должн. доцента *А. Е. Минервинъ* и *М. М. Катковъ* и приватъ-доценты—*А. В. Шмидтъ* и *И. Я. Гурляндъ*—по нахожденію въ отпуску.

С Л У Ш А Л И:

1. Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта и, подписавъ этотъ протоколъ, **Опредѣлили:** Представить оный г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2. Предложеніе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 11-го марта сего года за № 4104, коимъ увѣдомляетъ, что г. Товарищъ Министра Народнаго Просвѣщенія назначилъ профессора Лицея *Н. С. Суворова* Предсѣдателемъ Юридической испытательной комиссіи при Университетѣ Св. Владиміра. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію и поручить производство экзаменовъ вмѣсто профес. Суворова по читаннымъ имъ наукамъ: Церковному праву—Заслуж. ордин. профессору *С. М. Шпилевскому*, по Римскому праву—испр. должность доцента *М. М. Каткову* и по Гражданскому праву—испр. должн. доцента *М. А. Липинскому*.

3. Прошенія бывшихъ студентовъ: Московскаго Университета Мееодія *Кутейникова* и Демидовскаго Лицея Евгенія *Инфимовскаго* о допущеніи ихъ къ испытаніямъ на степень кандидата юридическихъ наукъ въ маѣ текущаго года. По разсмотрѣніи документовъ просителей, **Опредѣлили:** Допустить означенныхъ лицъ къ испытаніямъ на степень кандидата юридическихъ наукъ.

4. По разсмотрѣніи списковъ студентовъ и послѣ заявленій г.г. профессоровъ объ исполненныхъ студен-

тами годовыхъ работахъ, требующихся отъ нихъ §§ 28 и 29 правилъ, **Опредѣлили:** 1) Отмѣтить въ спискахъ всѣхъ студентовъ исполнившихъ годовичныя работы, а равно и тѣхъ которые, не исполнивъ письменныхъ работъ, обязались представить къ экзаменамъ отчетъ о прочитанныхъ сочиненіяхъ; 2) студентовъ не исполнившихъ годовичныхъ работъ и не заявившихъ о прочтеніи какого-либо сочиненія къ экзаменамъ не допускать; 3) списокъ съ отмѣтками, для доставленія въ экзаменаціонныя комиссіи, передать Инспектору студентовъ.

5. Гг. Профессора и преподаватели Лицея заявили, что при чтеніи ими въ истекающемъ учебномъ году лекцій всѣ они исполнили одобренныя Совѣтомъ и утвержденныя въ началѣ года г-мъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія учебные планы. **Опредѣлили:** Заявленія принять къ свѣдѣнію и, на основаніи § 4 и инструкціи преподавателямъ Лицея, передать представленныя ими программы въ экзаменаціонныя Коммиссіи, испытанія же начать съ 17-го мая.

6. Г. Директоръ заявилъ, что въ число студентовъ Лицея приняты имъ: на 1-й курсъ *Хорановъ* Валентинъ, на 2-й курсъ: *Алексеевъ* Александръ, *Краснянскій* Николай, на 3-й курсъ *Поляковъ* Илья и на 4-й курсъ графъ *Кутайсовъ* Владиміръ; выбыли изъ Лицея: 1-го курса *Самоевскій* Казиміръ, 3-го курса *Анненковъ* Навель, 4-го курса *Курлинъ* Дмитрій и *Черняховскій* Владиміръ. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

7. На основаніи § 1-го правилъ для библіотеки Лицея, происходилъ въ настоящемъ засѣданіи выборъ членовъ для годичной ревизіи библіотеки и избранными оказались — Профессоръ Богословія Н. А. *Тихвинскій* и приватъ-доцентъ А. Р. *Свирицевскій*. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію и ревизію библіотеки, согласно пра-

виламъ, произвести совмѣстно съ членами Правленія; объ этомъ извѣстить Библіотекаря.

8. На данныя Совѣтомъ темы для сочиненій на золотую медаль подано два сочиненія: „О правѣ частной собственности въ морской войнѣ“, подъ девизомъ „Immer vorwärts“ и „О вознагражденіи невинно къ суду уголовному привлекаемыхъ“, подъ девизомъ „Labor omnia vincit improbus“. **Опредѣлили:** Первое сочиненіе передать для прочтенія и доставленія въ Совѣтъ отзыва приватъ-доценту А. В. Шмидту, а второе—Ординарному профессору А. К. Вульферту.

9. Поданное окончившимъ курсъ студентомъ *Шукинымъ* кандидатское сочиненіе „Передѣлы земли въ исторіи общиннаго владѣнія въ Россіи и на Кавказѣ“, **Опредѣлили:** Передать для прочтенія и доставленія въ Совѣтъ отзыва о немъ приватъ-доценту А. Р. Свирщевскому.

10. Г. Директоръ заявилъ, что изготовлены печатаніемъ 30, 31, 32 и 33-й выпуски Юридической Библіографіи, въ которыхъ помѣщены разборы слѣдующихъ сочиненій: въ № 30-мъ 1) исправл. должн. экстраорд. профессора В. Г. *Щегловымъ*—Н. М. Коркуновъ. „Русское Государственное право“. Пособіе къ лекціямъ. Томъ I-й Введеніе и общая часть. С.-Петербургъ, 1892 года, 402 стр. 2) Приватъ-доцентомъ А. Р. *Свирщевскимъ*—Hülsmeier C., dr med. Staats-Bordelle, Praktische Lösung ber Prostitutions Frage. 1892 г. Hagen i/W. IV—147 стр.; въ 31-мъ: испр. должн. экстраординарн. профессора В. Г. *Щегловымъ*—А. С. Алексѣевъ. „Русское Государственное право“. Конспектъ лекцій, Москва, 1892, 473 стр. и испр. должн. экстраорд. проф. В. Ф. *Левитскимъ*—1) Otto Effertz. Einige Worte zur Methodologie der Politischen Oconomik. Theil I Theorie

der Naherungswerte. Wien. 1892, 2) Итоги экономического изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики, т. I. Общій обзоръ земской статистики крестьянскаго хозяйства А. Fortunatova. Крестьянская община В. В. (Воронцова). Москва. 1892 г. и 3) Сборникъ узаконеній и правительственныхъ распоряженій о поземельномъ устройствѣ сельскихъ вѣчныхъ чинше-
 виковъ въ губерніяхъ западныхъ и бѣлорусскихъ. Составилъ С. В. Безобразовъ. Изданіе земскаго отдѣла Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. С.-Петербургъ. 1892 года; въ 32-мъ—В. Г. *Щедровицкій*. 1) F. Mehl; Die neuen Aufgaben der modernen Jurisprudenz, Wien. 1892, 68. 2) Dr Lothar von Dargun; „Mutterrecht; und Vaterrecht“. Studien zum allesten Familienrecht; erster Theil, erste Hälfte. Die Grundlagen. Leipzig. 1892, 155, А. Р. *Суворова*—Cucheval-Clarigny. Les finances de la France de 1870 à 1871. Paris 1891; въ 33-мъ—В. Г. *Щедровицкій*—Д. И. Эварницкій: „Исторія запорожскихъ наказовъ“, Томъ I. С.-Петербургъ, 1892, 533 стр. и Ординарнымъ профессоромъ Н. С. *Суворова*—Др. Никодимъ Милантъ. Православно-крѣпостное право по общимъ крѣпостно-правнымъ изворикамъ и посебнимъ законамъ—наредбама, коіе важе—у поединимъ самоуправамъ крѣпостна. Задар. 1890. Опредѣлили: Выпустити въ продажу №№ 30, 31, 32 и 33-й Юридической Библіографіи, отославъ предварительно шесть экземпляровъ въ Московскій Цензурный Комитетъ

1894 года мая 28-го дня, въ засѣданіи Совѣта, подъ предсѣдательствомъ Директора Заслуженнаго ординарнаго профессора С. М. *Шинкевича*, присутствовали: Ординарный профессоръ А. К. *Вильфертъ*; Профессоръ Богословія, протоіерей Н. А. *Тихомировъ*;

испр. должн. экстраординар. профессоръ: *В. Г. Шеголовъ* и *Э. Н. Берендсъ*; испр. должн. доцентовъ: *М. А. Литинскій*, *А. Е. Мисергина* и *М. М. Катковъ*; приватъ-доценты: *А. Р. Свирищевскій*, *А. В. Шмидтъ* и *И. Я. Турляндъ*. Нѣтъ присутствіе валь-Ординарный профессоръ: *Н. С. Оуоровъ* — по назначенію въ командировку.

С Д У Щ А Д И:

1. Чтеніе протокола прошлаго засѣданія Совѣта и, подписавъ этотъ протоколъ, **Опредѣлили** Представитъ оный г-ну Попечителю Московскаго Учебнаго Округа для утвержденія къ напечатанію во Временный Листъ.

2. Слѣдующее прошеніе приватъ-доцента Лицея, по кафедрѣ Торговаго права, *И. Я. Турлянда*: „Работая надъ вопросом о значеніи идеи патроната для зады внутренняго управленія, я встрѣтивъ необходимость познакомиться съ дѣятельностью и отчетами существующихъ въ Россіи патронатовъ. Такъ какъ наиболѣе плесобразно организованы Петербургскія патронатства и такъ какъ только въ Петербургѣ въ Публичной Библіотекѣ и могу разсчитывать найти необходимый для меня сырой матеріалъ, то я и пришель къ убѣжденію въ важности для меня побздки въ Петербургъ. Такъ какъ канвулярное время представляется мнѣ наиболѣе удобнымъ для совершенія такой побздки, то я и имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Лицея откомандировать меня на одинъ мѣсяцъ въ Петербургъ; причѣмъ, въ виду невозможности для меня совершить эту побздку на собственные средства, выдать мнѣ спеціальное пособіе въ размѣрѣ 100 рублей“. По обсужденіи, **Опредѣлили**: Просить разршенія г-на

Управляющаго Московскимъ Учебнымъ Другомъ на командированіе г-на Гурлянда на одинъ мѣсяцъ въ Петербургъ и на выданіе ему изъ специальныхъ средствъ Липея, пособія въ размѣрѣ 100 рублей.

3. Кандидатовія сочиненія, поданныя окончившими нынѣ курсъ — *Будакowymъ* „Самоуправленіе городовъ Россіи“ и *Огородниковымъ* „О свободѣ печати и о цензурѣ“, Определены: Передать иопр. должн. экстраординарнаго профессора Э. Ц. Берендтсу, прося его представить въ Совѣтъ отзывы объ этихъ сочиненіяхъ.

4. Г. Директоръ заявилъ, что изготвлены печатаніемъ 34 и 35 выпуски Юридической Библиографіи, въ которыхъ помѣщены разборы слѣдующихъ сочиненій: въ 34-мъ — иопр. должн. экстраординарнаго профессора В. Г. *Шморгунъ* 1) Н. Корнуновъ, Русское Государственное право, Томъ II. Особенная часть. С.-Петербургъ. 1893. 417 стр. 2) „Воспоминанія Алексиса Токвиля“. Переводъ Невѣдомскаго, Москва, 1893. 303 стр.; Ординарнымъ профессоромъ Н. С. *Судоровымъ* — 1) E. Jacquier, La doctrine des douze apotres et ses enseignemens; Lyon, 1891. (271 стр.). 2) E. Löning, Die Gemeindeverfassung des Urchristenthums Eine kirchenrechtliche Untersuchung. Halle, 1880 (154 стр.). 3) Funk, Die apostolische Constitutionen. Rottenburg, 1891. (VII+374); въ 35-мъ № 1-мъ *Щегловымъ*, 1) G. Tarde: „Les transformations du droit“. Paris, 1893, 210 стр. 2) Карееву „Философія культурной и социальной исторіи новаго времени“. Введеніе въ исторію XIX вѣка. Слб. 1893. 176 стр. и приватъ-доцентомъ А. Р. *Савицкимъ* — „Историческій очеркъ обложенія торговли и промысловъ въ Россіи, съ приложеніемъ матеріаловъ по торговле-промышленной статистикѣ. Изданіе Департамента Торговли и Мануфактуръ. С.-Петербургъ. 1893 г. стр.

428—70. **Опредѣлили:** Выпустить въ продажу №№ 84 и 85 Юридической Библіографіи, отославъ предварительно шесть экземпляровъ въ Цензурный Комитетъ.

Въ 1894 года мая 30-го дня, въ засѣданіи Совѣта, подъ председательствомъ Директора Заслуженнаго ординарнаго профессора *С. М. Шиховскаго*, присутствовали: Ординарный профессоръ *А. К. Вульфбертъ*, Профессоръ Богословія, протоіер. *Н. А. Тихвинскій*; испр. должн. экстраорд. профессоровъ: *В. Г. Щелковъ* и *Э. Н. Веремидтъ*; испр. должн. доцентовъ: *М. А. Тиманскій*, *А. Е. Минервинъ* и *М. М. Катковъ*; приватъ-доценты: *А. Р. Соурцевскій*, *А. В. Шмидтъ* и *Н. Я. Гурамычъ*. Неприсутствовалъ—Ординарн. профессоръ *Н. С. Суверовъ*—по нахожденію въ командировкѣ.

СЛУШАЛИ:

1. Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта и, подписавъ этотъ протоколъ, **Опредѣлили:** Представить оный г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа для утвержденія къ напечатанію во Временникъ Лицея.

2. По разсмотрѣніи списковъ студентовъ Лицея 1-го курса съ отмѣтками, полученными ими на происходившихъ во 2-й половинѣ мая сего года испытаніяхъ, **Опредѣлили:** 1) Удостоить перевода на 2-й курсъ студентовъ: Багрова Александра, Вerezовскаго Іосифа, Вѣрйсенко Алексѣя, Бунакова Николая, Габіу Николая, Гатена Владиміра, Елкина Ивана, Емельянова Виктора, Козмодемьянскаго Александра, Кошыллова Леоніда, Корякина Григорія, Котова Василья, Куцева Федора, Лаврова Константина, Лаврова Николая, Москрина Александра, Нелидова Сергѣя, Нанютина Се-

мена, Петрова Леоніда, Преображенскаго Николая, Рижикова Виктора, Сопелкина Івана, Сухинина Леонтія, Фельдта Владиміра, Хлѣбникова Максимеліана, Мукашева Андрея, Путятю Николая; 2) считать окончившими испытанія за 1-й курсъ студентовъ—а) 2-го курса Азовкина Сергія, Воробьева Николая, Губскаго Івана, Кишкина Алексѣя, Кобылинскаго Владислава, Кондакова Леоніда, Макарова Глѣба, Мамгулина Симона, Новицкаго Виктора, Полидорова Анатолія, Рейнгаузена Алексѣя, Свадковского Николая, Симона Виктора, Снѣжкова Θεодосія, Сучкова Якова, Черняковского Петра, Маковского Θεдора, Хоранова Валейгима, Преображенскаго Алексѣя; в) 3-го курса—Иванова Дмитрія, Иванова Павла, Козина Павла, Липотникова Василя, Надеждина Григорія, Нечаева Вячеслава, Подкопаева Николая, Смагина Михаила, Ульриха Николая, Хаританскаго Александра, Руму Леопольда, Борисова Михаила, Васильева Владиміра; с) 4-го курса—Байковскаго Николая, Жемчугова Николая, Константиновича Константина, Королева Леоніда, Николаева Евгенія, Радченко Дмитрія и Стеблина Арсенія.

3. По разсмотрѣніи общаго списка студентовъ 2-го курса съ отмѣтками, полученными ими на происходившихъ во 2-й половинѣ мая сего года испытаніяхъ. **Опредѣлили:** 1) Удостоить перевода на 3-й курсъ студентовъ: Азовкина Сергія, Барковского Осипа, Бесбородова Θεдора, Влагонравова Василя, Бугельскаго Александра, Бугоня Андрея, Букуновскаго Александра, Бѣлецкаго Николая, Вѣлева Валеріана, Варламова Александра, Васильева Николая, Ветчинина Николая, Виллерта Іоакима, Виноградова Дмитрія, Воробьева Николая, Декаполитова Петра, Дюмидова Владиміра, Дмитріева Николая, Добротина Николая, Жем-

лабушевскаго, Владиміра, Зимица, Александръ, Иванова, Василья, Иванова, Михаила, Иванова, Сергія, Бишкина, Алексѣя, Кобилинскаго, Владислава, Нотгана, Готвуца, Коровкина, Сергія, Кузмина, Никлая, Курдюмова, Викторъ, Леульта, Валентина, Лискаго, Дмитрія, Дюбондровъ, Федора, Малицкаго, Петра, Македонскаго, Григорія, Мануйлова, Константина, Матфея, Александра, Миничаго, Павла, Насидова, Александръ, Озеречкинъ, Ивана, Пардѣва, Никлая, Полякова, Алексѣя, Полидорова, Анаглія, Положенцева, Григорія, Поповъ, Евгенія, Преображенскаго, Алексѣя, Романа, Александра, Рибникова, Дмитрія, Романовскаго, Ивана, Свардковскаго, Николая, Смирнова, Николая, Сибирякова, Феодосія, Соболевскаго, Флиментъ, Сладкова, Петра, Старухина, Михайла, Суцкова, Якова, Третубовъ, Сергія, Черняховскаго, Петра, Шубба, Августа, Феодосія, Дмитрія, Алексѣева, Александра, Макавскаго, Федора, Рахискаго, Федора, Коранова, Валентина, 2) считать окончившими испытанія за 2-й курсъ студентовъ а) 3-го курса: Балинскаго, Іосифа, Бестужева-Рюмина, Николая, Буркевича, Фридриха, Иваницкаго, Михаила, Иванова, Дмитрія, Иванова, Ивана, Лапотникова, Василія, Милева, Василія, Надеждина, Григорія, Романова, Николая, Смагина, Михайла, Хариташкаго, Александра, Циловскаго, Михайла, Ботрисова, Михаила, Руму, Леопольда, Краснаго, Николанъ, б) 4-го курса: Босова, Петра, Быковскаго, Николанъ, Жемчугова, Николая, Ивакина, Николая, Костангировича, Константина, Королева, Леонидъ, Николаевъ, Евгенія, Щербину, Гаврила и Стеблина, Арсенія, 4) въ разсмотрѣніи общаго списка студентовъ 3-го курса съ оцѣнками полученными ими на происходившія два 2-й половинѣ года сего года испытаніяхъ.

сін и на Кавказъ". Оправдали: Удостоить Шукина степені кандидата юридическихъ наукъ, въ чемъ и выдать ему надлежащій аттестатъ, отзывъ же о его сочиненіи напечатать во Временникъ Лицея.

(Приложеніе къ ст. 5-й).

Въ Советъ Домидовскаго Юридическаго Лицея.

О Т З Ы В Ъ

Приватъ-доцента А. Свищевскаго о кандидатскомъ сочиненіи В. Шукина: „Перехѣлы земли въ исторіи общиннаго владѣнія въ Россіи и на Кавказѣ“.

Обширная работа г. Шукина распадается на двѣ части; — изъ коихъ одна посвящена Европейской Россіи, другая — Кавказу. Первая часть состоитъ изъ шестнадцати главъ. Въ первой главѣ авторъ разсматриваетъ происхожденіе и первоначальную исторію передѣловъ земли въ сѣверной и южной Россіи, во второй — „идею передѣла въ новѣйшее время и условія, такъ или иначе влияющія на процессъ его подготовки“, въ третьей — системы разверстки общинной земли, въ четвертой — составъ лицъ, участвующихъ по разверсткѣ въ пользованіи земель и степень равномерности распределенія земли при ревизской и наличной разверсткѣ, въ пятой — распоряженіе мирской землей въ промежутки между общими передѣлами; шестая глава посвящена вопросамъ общаго характера: разсмотрѣнію 1) порядковъ качественнаго уравниванія землепользованія и удовлетворенія сельско-хозяйственныхъ требованій, и 2) вліянія общиннаго землевладѣнія на сельско-хозяйственную культуру и наконецъ седьмая — порядкамъ поль-

зованія относами, выгонами, усадьбами и иными угодьями. Во второй части г-нъ Шуккинъ вкратцѣ излагаетъ порядки передѣловъ земли на Кавказѣ.

Работа г-на Шуккина обнаруживаетъ основательное изученіе обширной литературы предмета и умѣлое пользованіе ею. Изложеніе вполне литературное, все заключеніе хорошо обосновано и вообще все сочиненіе оставляетъ прекрасное впечатлѣніе. Поэтому считаю должнымъ ходатайствовать передъ Советомъ объ утвержденіи г-на Шуккина въ степени кандидата юридическихъ наукъ.

Привать-доцентъ *А. Смирновскій*.

1894 года мая 31-го дня, въ засѣданіи Совета, подъ предѣлательствомъ Директора Заслуженнаго Ординарнаго профессора *С. М. Шилевскаго*, присутствовали: Ординарный профессоръ *А. А. Вульфбертъ*; Профессоръ Богословія, протоіерей *Н. А. Тихвинскій*; испр. должн. экстраординарныхъ профессоровъ: *В. Г. Щегловъ* и *Э. Н. Берендсъ*; испрavl. должн. доцентовъ: *М. А. Липинскій*, *А. Е. Минервинъ* и *М. М. Катковъ*; привать-доценты: *А. Р. Смирновскій*, *А. В. Шмидтъ* и *Н. Я. Турляндъ*. Неприсутствовалъ—Ординарный профессоръ *Н. С. Суворовъ*—по нахожденію въ командировкѣ.

С Л У Ш А Л И:

1. Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совета, и подписавъ этотъ протоколъ, **Опредѣлили:** Представить енный г-ну Попечителю Московскаго Учебнаго Округа для утвержденія къ напечатанію во Временныя Листы.
2. Въ вилу вакантныхъ кафедръ: Гражданскаго права, Гражданскаго Судопроизводства, Вещной Исте-

рим. права и Исторіи Римскаго права, Совѣтъ, на основаніи § 35 Устава Лицея, предложить чтеніе въ будущемъ учебномъ году Гражданскаго права: (общая часть и вещное право) на 3-мъ курсѣ, по 3 часа, испр. должн. доцента М. А. *Липинскому*, (обязательственное право) на 4-мъ курсѣ, по 2 часа, Ординарному профессору Н. С. *Суворову*, (наслѣдственное и семейственное) на 4-мъ же курсѣ, по 2 часа, Заслуженному ординарному профессору С. М. *Шпилевскому*; Гражданскаго Судопроизводства, по 4 часа испр. должн. доцента *Липинскому*, Всеобщей Исторіи права — испр. должн. экстраординарнаго профессора В. Г. *Щеглову* по 3 часа въ недѣлю и Исторіи Римскаго права — испр. должн. доцента А. Е. *Минервину* по 3 часа, Совѣтъ, получивъ отъ нихъ на это согласіе, **Опредѣлить**: Поручить на предстоящій учебный годъ чтеніе по вакантнымъ кафедрамъ: а) Гражданскаго права по 2 часа въ недѣлю Заслуженному ординарному профессору *Шпилевскому* и ординарному профессору *Суворову* и по 3 часа въ недѣлю испр. должн. доцента *Липинскому*, б) испр. должн. экстраорд. профессора *Щеглову* Всеобщей Исторіи права по 3 часа, в) испр. должн. доцента *Липинскому* Гражданскаго Судопроизводства по 4 часа и г) испр. должн. доцента *Минервину* Исторіи Римскаго права по 3 часа въ недѣлю; объ этомъ представить г-ну Попечителю Московскаго Учебнаго Округа и, на основаніи § 21 Устава Лицея, просить разрѣшенія Его Сіятельства на выдачу въ пененіе 1894/5 учебнаго года изъ суммъ ~~лицейскихъ~~ ^{лицейскихъ} остаться отъ содержанія личнаго персонала, по сметамъ 1894 и 1895 г.г. — Заслуженному ординарному профессору *Шпилевскому* за 2 часа 400 руб., Ординарному профессору *Суворову* за 2 часа 400 руб., испр. должн. экстраординарнаго профес-

сору Щеглову за 3 часа 600 руб.; испр. должн. доцента Липинскому за 7 часовъ 1400 руб. и испр. должн. доцента Минервину за 3 часа 600 рублей, начиная такую выдачу съ 16-го августа сего года, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ, если въ теченіе года будетъ назначенъ новый на какую либо изъ этихъ кафедръ преподаватель, то вознагражденіе было выдано по расчету по день этого назначенія.

3. Въ настоящемъ засѣданіи происходило баллотированіе для чтенія лекцій въ предстоящемъ 1894—95 учебномъ году приватъ-доцентовъ *Свирицескаго*, *Шмидта* и *Гурлянда*. Всѣ они оказались избранными единогласно. Затѣмъ обсуждался вопросъ о порученіи имъ чтенія лекцій въ 1894-мъ учеб. году; послѣ чего **Опредѣлили**: Поручить Свирицескому чтеніе Финансово-правъ и Политической Экономіи по 3 часа въ недѣлю по каждому предмету, Шмидту—Международнаго права и Гурлянду—Торговаго права по 3 часа въ недѣлю съ вознагражденіемъ г. Свирицескому 1800 руб., а остальнымъ по 1200 руб. въ годъ, начавъ выдачу имъ вознагражденія съ 16-го августа сего года и съ суммъ имѣющихся остаться отъ содержанія личнаго состава Лицея по сѣбамъ 1894 и 1895 годовъ, о чемъ и представить на утвержденіе г-на Попечителя Московскаго Учебнаго Округа.

4. Заслушанъ слѣдующій отзывъ Заслуженнаго ординарнаго профессора *О. М. Шмидова* о сочиненіи окончившаго въ Лицеѣ курсъ наукъ Аркадія *Нюрнберга*, представленномъ на полученіе степени кандидата—„О личныхъ и имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ по русскому праву и условіи заключенія и расторженія брака“. Соотвѣтственно широкому заглавію своей диссертации авторъ предположилъ рассмотреть

въ ней юридическую природу брака и тѣ права и обязанности, которыя бракъ рождаетъ для супруговъ, какъ выражается авторъ, исторію развитія института приданого, и затѣмъ дѣйствующіе русскіе законы объ имущественныхъ и личныхъ отношеніяхъ супруговъ, сравнительно съ такими же законами западно-европейскихъ кодексовъ, и, наконецъ, въ заключеніе, обзоръ условій заключенія и расторженія брака. И дѣйствительно, авторъ обо всемъ этомъ говоритъ, написавши тетрадку около двухъ печатныхъ листовъ. Уже самый этотъ объемъ диссертациі показываетъ, что все сообщаемое представляетъ менѣе того, что авторъ долженъ былъ усвоить изъ слышанныхъ имъ лекцій по русскому семейственному праву. Единственнымъ литературнымъ пособіемъ у автора было изслѣдованіе по русскому семейственному праву Оршанскаго. Диссертация эта не можетъ быть признана удовлетворительною для получения степени кандидата. **Опредѣлили:** Отказать Нюренбергу въ искомой степени кандидата.

5. По выслушаніи прилагаемыхъ при семь отзывовъ С. М. *Шпилевскаго* о сочиненіяхъ, представленныхъ студентами Лицея на соисканіе денежныхъ премій: *Мясникова* Петра „Псковскія лѣтописи“ и *Матвѣева* Александра „Сравненіе статей Русской Правды относящихся къ уголовному праву по краткой и подробной редакціи“ **Опредѣлили:** Удостоить Мясникова большой преміи въ 50 руб. и Матвѣева — малой, въ 25 руб.; для удовлетворенія же названныхъ студентовъ деньгами, допую съ настоящаго постановленія передать въ Правленіе Лицея.

6. Представленное окончившимъ въ нынѣшнемъ году курсъ наукъ въ Лицеѣ, съ правомъ на полученіе степени кандидата, *Калитинимъ* Владиміромъ сочине-

неніе „Способность совершать заимстванія по русскимъ дѣйствующимъ законамъ“, **Опредѣлили:** Передать для разсмотрѣнія и доставленія въ Совѣтъ отзывъ о немъ Заслуженному ординарному профессору С. М. Шпилевскому.

7. По разсмотрѣній общаго списка балловъ студентовъ за всѣ четыре года пребыванія ихъ въ Лицѣѣ, причеѣ былъ заслушанъ отзывъ испр. должн. экстраординарн. профессора Э. Н. Берендтса о кандидатскомъ еочненіи *Огородникова* Николая „О свободѣ печати и о цензурѣ“, **Опредѣлили:** Удостоить А) *Огородникова* етенени кандидата юридическихъ наукъ; Б) званія дѣйствительнаго студента съ правомъ на полученіе степени кандидата по представленіи диссертаций: *Абрамова Петра*, *Воголюбокаго Александра*, *Будакова Михаила*, *Владимірова Николая*, *Гощинскаго Константина*, *Иванова Михаила*, *Калинина Владимира*, *Кроткова Виктора*, *графа Кутайсова Владимира*, *Малиновскаго Владимира*, *Мишина Сергѣя*, *Носова Павла*, *Петровскаго Григорія*, *Полетику Михаила*, *Рацншевскаго Петра*, *Сокколова Алексѣя*, *Стеблина-Каменскаго Бориса*, *Странкова Георгія*, *Тиме Георгія* и *Эппштейна Василья*; В) званія дѣйствительнаго студента: *Алферова Владимира*, *Анопова Александра*, *Барковскаго Евгенія*, *Бранице Эвальда*, *Ветчинина Владимира*, *Гензеловича Ивана*, *князя Девлетъ-Кальдѣева Петра*, *Дочевскаго Виктора*, *Жемчугова Николая*, *Зборомирскаго Оттона*, *Карташцева Михаила*, *Катрановскаго Валентина*, *Ковалевскаго Николая*, *Котельникова Митрофана*, *Кочергина Александра*, *Мандельбаума Ивана*, *Николаева Евгенія*, *Павлова Алексѣя*, *Подладчикова Бориса*, *Стеблина Арсенія*, *Толченова Алексѣя* и *Шкатова Николая*; Г) выдать именованнымъ лицамъ надлежащіе аттестаты.

8. Библиотеку во время каникул **Опредѣлили:** Открывать по субботамъ, о чемъ объявить Библиотекарю и студентамъ.

(Приложенія къ ст. 5-й).

1. О Т З Ы В Ъ

О сочиненіи студента Мясникова „Псковскія лѣтописи какъ матеріалъ для исторіи Русскаго права“.

Авторъ начинается съ выясненія того, что Псковскія лѣтописи, раскрывая картину Государственнаго быта псковскаго княжества, служатъ матеріаломъ для исторіи русскаго права. Затѣмъ авторъ представляетъ общую характеристику исторіи Пскова, раздѣляя ее на три періода 1) Псковъ—пригородъ Великаго Новгорода, 2) Псковъ самостоятельный городъ земли Русской; младшій братъ Великаго Новгорода, 3) Торжество, какъ въ внѣшнемъ такъ и внутреннемъ бытѣ Московскаго порядка и окончательное подчиненіе Пскова Москвѣ. Вторую половину сочиненія составляетъ обсужденіе внутренняго быта Пскова по слѣдующимъ отдѣламъ: Псковская земли и ея составныя части, населеніе, военная сила Пскова, церковь въ Псковѣ съ особеннымъ ея устройствомъ, отличномъ отъ Новгородской и церкви русской вообще; псковскія власти: вѣче, князь, посадники, сотскіе и судьи. Это сочиненіе должно признать работою очень добросовѣстною. Важнѣйшею заслугой автора представляется тщательное изученіе первоначальныхъ источниковъ, т. е. самыхъ лѣтописей, хотя авторъ знакомъ и съ нѣкоторыми извѣстными изслѣдованіями по исторіи Пскова, напр. Бѣляева и Никитскаго. Значительные размѣры сочиненія, болѣе 250 стр., свидѣтельствуютъ объ особенномъ трудолю-

би автора. Изложеніе сочиненія представляется яснымъ и осмысленнымъ. Въ виду всего сказаннаго я признаю справедливымъ наградить студента Мясникова за его работу премією въ 50 рублей.

Заслуж. орд. проф. *С. Шилевскій.*

2. О Т Ъ В Ъ

о сочиненіи студента Матвѣева „Сравненіе статей русской Правды относящихся къ Уголовному праву, до краткой и подробной редакціи“.

Студентъ Матвѣевъ добросовѣстно поработалъ для составленія своего сочиненія. Онъ внимательно изучилъ текстъ Русской Правды и познакомился съ важнейшимъ ученымъ изслѣдованіемъ этого памятника: Капачева, Мрочекъ-Дроздовскаго, А. Попова, Ланге, Чебышева-Дмитріева и Комментаріемъ Владимірскаго-Буданова въ его христоматіи. Во введеніи авторъ указываетъ на составъ Русской Правды по значенію краткой и подробной редакціи ея и источники ея. Свои спеціальныя изслѣдованія авторъ излагаетъ по извѣстнымъ видамъ преступленій, представляя постановленія о данномъ преступленіи краткой редакціи, и затѣмъ подробной. Такимъ образомъ авторъ разсматриваетъ преступленія: убійство, противъ здоровья, оскорбленіе чести, посягательство на свободу, татьбу, и другія имущественныя преступленія. Приводя текстъ изъ Русской Правды авторъ постоянно пользуется и различными объясненіями ихъ русскихъ ученыхъ. Добросовѣстный трудъ студента Матвѣева заслуживаетъ поощренія премією въ 25 рублей.

Заслуж. орд. проф. *С. Шилевскій.*

(Приложение къ ст. 7-й).

О Т З Ы В Ъ

о кандидатскомъ разсужденіи Николая Огородникова „О свободѣ печати и о цензурѣ“.

Авторъ дѣлитъ свое разсужденіе на 4 части. Первая часть содержитъ въ себѣ разсмотрѣніе вопроса о влияніи свободы печати на различныя стороны жизни государственной, причемъ авторъ старается (слѣдуя известной статьѣ А. Д. Градовскаго) выяснитъ необходимость свободы печати и въ неограниченныхъ монархіяхъ.

Содержаніемъ второй части является краткій очеркъ исторіи отношеній правительства къ мысли на западѣ Европы, причемъ авторъ къ социальнѣму слѣдуетъ странной періодизаціи Фойницкаго, различающаго 5 периодовъ: теократическій, владѣльческій (вотчинный), попечительный, полицейскій и правовой, не замѣчая, что отношеніе правительства къ мысли въ теченіе первыхъ четырехъ периодовъ основано въ одинаковой степени на одномъ и томъ же принципѣ: регламентаціи мысли съ цѣлью сдѣлать изъ нея слугу интересовъ, признанныхъ законными властью и правящими массами.

Третья часть посвящена исторіи цензуры въ Россіи. Въ четвертой разсматриваются дѣйствующія въ Россіи законодательныя нормы, относящіяся къ печати: статьи (1001—1048) уложенія о наказаніяхъ и устава о цензурѣ и печати. Затѣмъ авторъ переходитъ къ общимъ выводамъ науки объ юридически-отвѣтственномъ и юридически безразличномъ словѣ: теоріи Жирардена, Брюэна, Констана, Лабулэ, Глазера, Штейна, Тарасова и Фойницкаго, и къ вопросу объ организаціи суда по дѣламъ печати.

Разсужденіе г. Огородникова доказываетъ, что онъ тщательно изучилъ изслѣдуемый вопросъ, ознакомился съ главнѣйшими изъ спеціальныхъ сочиненій, касающихся полиціи печати и умѣетъ критически относиться къ литературному и законодательному матеріалу. Въ виду этого я имѣю честь просить Совѣтъ Демидовскаго Юридическаго Лицея не отказать ему въ искомой имъ кандидатской степени.

Э. Берендтсъ.

О п е ч а т к и:

къ книгѣ 63-й отзывъ о сочиненіи Гурлянда.

<i>Стран.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Читатъ.</i>
17	4 в.	свѣдѣніе	свѣдѣніи
	8 "	(91)	(§ 1)
	12 "	(92)	(§ 2)
	14 н	(93)	(§ 3)
	12 "	(94)	(§ 4)
	11 "	(95)	(§ 5)
	10 "	(96)	(§ 6)
	9 "	(97)	(§ 7)
18	2 в.	(98а) Въ заклю- ченіе того	(§ 8а) Въ за- ключеніе этого
	6 "	(98б)	(§ 8б)
	12 н.	(909—13)	(§§ 9—13)
	11 "	(914)	(§ 14)
19	1 в.	въ томъ	въ этомъ
	2 "	даже, насколько оно	даже, насколько онъ
	10 "	Эсмарха, Крюгера, Карлова	Эсмарха, Крюгера, Карловы
	15 в.	съ новыаъ вопро- сомъ	съ иными вопро- сами
	18 "	Гѣмина	Гѣшина
18	10 н.	работаетъ	работалъ
	2 "	Polerigenesioe	Palingenesia
	1 в.	выбравъ	выбратъ

ЧТЕНІЯ ПО ПРАВОСЛАВНОМУ ХРИСТІАНСКОМУ БОГОСЛОВІЮ.

Профессора Богословія Демидовскаго Юридическаго Лицея,

ПРОТОІЕРЕЯ

Николая Тихвинскаго.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

ЯРОСЛАВЛЬ.

Типо-литографія Э. Г. Фальбъ.

1895.

Отъ Московскаго Духовно-цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва.

Мая 27 дня 1895 года. Цензоръ Священникъ *Григорій Дьяченко*.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.

Директоръ *С. Шпилевскій*.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Начиная вторую половину своихъ чтеній по Богословію, считаю необходимымъ объяснить причины, по которымъ въ изложеніи ученія о Св. Троицѣ я отступилъ отъ общепринятаго въ догматикахъ, котораго держался и я въ предшествовавшихъ чтеніяхъ, порядка присоединять къ изложенію Богооткровеннаго ученія о догматѣ ученіе Св. Отцевъ и учителей церкви. Но для того, чтобы удовлетворительно раскрыть православно-церковное ученіе о Св. Троицѣ, было бы необходимо прослѣдить историческій ходъ постепеннаго раскрытія этого ученія въ продолженіи цѣлыхъ трехъ вѣковъ до окончательнаго опредѣленія догмата о Св. Троицѣ на первыхъ двухъ вселенскихъ соборахъ. А такое обозрѣніе потребовало бы увеличить размѣръ изданнаго уже мною выпуска еще значительнымъ числомъ чтеній, въ ущербъ болѣе обстоятельному изложенію ученія о твореніи міра, промыслѣ Божіемъ общемъ и особенномъ—въ дѣлѣ домостроительства спасенія людей. Между тѣмъ, считая себя обязаннымъ соображать количество и объемъ чтеній сколько съ насущными потребностями своихъ ближайшихъ слушателей и читателей, студентовъ 1-го курса, столько-же съ крайне ограниченнымъ количествомъ времени, назначеннаго для прочтенія богословскаго курса (3 лекціи въ недѣлю), я нахожу возможнымъ познакомить своихъ читателей съ церковно-отеческимъ ученіемъ о Св. Троицѣ и въ этой второй половинѣ чтеній, по тѣсной соприкосновенности и внутренней необходимой связи ученія о Св. Троицѣ какъ съ ученіемъ о міротвореніи и промыслѣ, такъ въ особенности съ ученіемъ о вопло-

IV

щеніи Сына Божія, совершенномъ Имъ искупленіи и даруемыхъ Имъ человѣку благодатныхъ средствахъ къ усвоенію искупительной жертвы. Посему нахожу возможнымъ непосредственно отъ Богооткровеннаго ученія о Св. Троицѣ, завершающаго ученіе о Богѣ въ Его существѣ, перейти къ изложенію ученія о Богѣ въ Его творческихъ и промыслительныхъ отношеніяхъ къ міру и человѣку.

Предлагаемыя чтенія въ этой второй половинѣ будутъ имѣть своимъ предметомъ: 1) ученіе о Богѣ-Творцѣ міра и человѣка, 2) ученіе о Богѣ-Промыслителѣ о мірѣ и человѣкѣ и 3) о Богѣ-Совершителѣ спасенія человѣка и Раздаятелѣ благодатныхъ даровъ къ освященію и спасенію людей.

ОГЛАВЛЕНІЕ

чтеній второго выпуска.

Страни.

Чтеніе 1-е. Общее значеніе ученія о міротвореніи.—
Ученіе Св. Писанія о Богѣ, какъ Творцѣ міра вообще 5— 13.

Чтеніе 2-е. Ученіе древней Церкви о Богѣ-Творцѣ міра.—Вѣра Церкви, выраженная ею въ древнѣйшихъ символахъ.—Раскрытіе ученія о Творцѣ міра въ сочиненіяхъ апологетовъ II-го вѣка, учителей александрійской церкви III-го вѣка и отцевъ и учителей Церкви IV вѣка 13— 27.

Чтеніе 3-е. Временность міротворенія.—Ученіе Откровенія.—Ученіе древнихъ отцевъ и учителей Церкви. Отдѣльные и послѣдовательные акты въ міротвореніи.—Историческое значеніе повѣствованія Моисеева о происхожденіи и образованіи міра.—Взглядъ отцевъ Церкви на историческій характеръ повѣствованія Моисеева о міротвореніи 27— 42.

Чтеніе 4-е. Отношеніе библейскаго повѣствованія о шестидневномъ твореніи къ научнымъ теоріямъ и выводамъ естествознанія.—Побужденіе въ Богѣ къ міротворенію.—Главная цѣль міра.—Цѣли подчиненныя.—Совершенство міра.—Ученіе Откровенія.—Ученіе отцевъ и учителей Церкви. 42— 53.

Чтеніе 5-е. Общій взглядъ на значеніе Богооткровеннаго ученія о происхожденіи перваго человѣка для дальнѣйшаго изложенія ученія о Богѣ въ Его отношеніи къ тварямъ.—Сотвореніе тѣла и его значеніе въ составѣ природы человѣческой 53— 67.

Чтеніе 6-е. О первоначальномъ происхожденіи души человѣческой и ея значеніи въ составѣ человѣческой природы.—Ея существенное отличіе и независимость отъ тѣла, или духовность.—Ученіе Откровенія.—

Ученіе древнихъ отцевъ и учителей Церкви о существенномъ отличіи души отъ тѣла и духовности ея природы.—Значеніе древне-отеческаго ученія объ отличіи души отъ тѣла, или ея духовности. Приложимость его къ оцѣнкѣ современныхъ матеріалистическихъ воззрѣній относительно души человека . . . 68— 80.

Чтеніе 7-е. Безсмертіе души.—Указанія на безсмертіе души въ книгѣ Бытія и другихъ Свящ. книгахъ Ветхаго Заветѣ.—Яснѣйшее ученіе о безсмертіи души въ Новомъ Заветѣ.—Ученіе отцевъ Церкви о безсмертіи души . . . 81— 93.

Чтеніе 8-е. Выводъ изъ предшествовавшихъ чтеній.—Образъ Божій, какъ существенная принадлежность души человека.—Частныя черты образа Божія, выражающіяся въ главныхъ духовныхъ силахъ души человеческой и ихъ свойствахъ. Назначеніе первосозданнаго человека.—Цѣль и значеніе созданія человека въ видѣ двухъ родовыхъ индивидуумовъ . . . 93—106

Чтеніе 9-е. О Богѣ-Промыслителѣ міра вообще.—Понятіе о Промыслѣ Божіемъ.—Связь ученія о Промыслѣ Божіемъ съ ученіемъ о Богѣ-Творцѣ міра.—Ученіе Божественнаго Откровенія о Промыслѣ Божіемъ.—Ученіе древнихъ отцевъ Церкви о Промыслѣ Божіемъ.—Опроверженіе новыхъ и современныхъ возраженій и мнѣній противъ ученія о Промыслѣ Божіемъ.—Возраженіе деистовъ . . . 107—123.

Чтеніе 10-е. О Промыслѣ Божіемъ въ отношеніи къ человеку.—Промыслительныя отношенія Бога къ первымъ людямъ до ихъ грѣхопаденія.—Блаженное состояніе первыхъ людей.—Ученіе Откровенія и Православной Церкви.—Несогласныя съ церковно-библейскимъ ученіемъ мнѣнія о первобытномъ состояніи человека.—Отрицательное и противохристіанское мнѣніе о первобытномъ состояніи человека, какъ состояніи положительной дикости и грубости, приравнивающее первыхъ людей къ типу нынѣшнихъ дикарей . 123—133.

Чтеніе 11-е О грѣхопаденіи прародителей и его послѣдствіяхъ для нихъ самихъ.—Слѣдствія грѣхопаденія первыхъ людей въ отношеніи къ природѣ ихъ

потомства.—Учение отцевъ Церкви о грѣхопадѣніи пра-
родителей и его послѣдствіяхъ для нихъ самихъ.—
Учение Православной Церкви о слѣдствіяхъ грѣхопа-
денія прародителей въ отношеніи къ природѣ ихъ
потомства 133—146.

Чтеніе 12-е. Промыслъ Божій о человѣкѣ и че-
ловѣчествѣ послѣ грѣхопадѣнія прародителей.—Спо-
собъ Промышленія о падшемъ человѣкѣ естествен-
ный.—Сверхъестественный образъ Промышленія Бо-
жія о человѣкѣ послѣ грѣхопадѣнія. Предвѣчное оп-
редѣленіе Божіе о возстановленіи падшаго человѣка.—
Учение отцевъ Церкви о вѣчномъ предопредѣленіи
Божіемъ падшихъ людей ко спасенію.—Учение о без-
условномъ предопредѣленіи на Западѣ 147—162.

Чтеніе 13-е. Приготовление рода человѣческаго къ
принятію обѣтованнаго Спасителя.—Приготовление ро-
да человѣческаго къ принятію Спасителя до призванія
Авраама.—Приготовление избраннаго народа Бо-
жія. Обѣтованія и пророчества въ книгахъ Моисее-
выхъ.—Повтореніе обѣтованія о Спасителѣ Давиду и
пророчества, содержащіяся въ псалмахъ Давидовыхъ 162—172.

Чтеніе 14-е. Предсказанія о Мессіи у пророковъ.
Изображеніе свойствъ царства Мессіи у первыхъ про-
роковъ: Іоила, Амоса и Осіи.—Изображеніе пророче-
скаго и первосвященническаго служенія Мессіи у
Исаи.—Пророчества Іереміи, Іезекіиля и Даніила.—
Пророчество Даніила о сѣмидесяти сѣмминахъ.—
Общее значеніе ветхозавѣтныхъ пророчествъ въ дѣлѣ
приготовленія народа іудейскаго къ принятію Спаси-
теля.—Значеніе народа Божія для остальныхъ наро-
довъ міра въ дѣлѣ приготовленія къ царству Мессіи.
—Приготовление язычниковъ къ принятію Спасителя 172—183.

Чтеніе 15-е. Исполненіе ветхозавѣтныхъ обѣтова-
ній и пророчествъ въ пришествіи на землю Спасителя.
—Богооткровенное ученіе о Лицѣ Іисуса Христа, какъ
Богочеловѣка. Іисусъ Христосъ есть истинный Сынъ
Божій, слѣдовательно истинный Богъ.—Іисусъ Хри-
стосъ есть истинный человѣкъ.—Іисусъ Христосъ есть
одно Лицо-Богочеловѣкъ 184—193.

Чтеніе 16-е. Ученіе Св. Церкви о Лицѣ Іисуса Христа въ древѣйшихъ символахъ.—Ученіе о Лицѣ Іисуса Христа мужей апостольскихъ и послѣдующихъ учителей и пастырей Церкви до V-го вѣка.—Дальнѣйшее раскрытіе церковнаго ученія о Лицѣ Богочеловѣка. Необходимость воплощенія Сына Божія и цѣль его 194—206.

Чтеніе 17-е. Окончательное раскрытіе и опредѣленіе православно-церковнаго ученія о двухъ естествахъ въ Іисусѣ Христѣ и образѣ ихъ соединенія. Ересь Несторія. Третій вселенскій соборъ.—Ересь Евтихія и четвертый вселенскій соборъ.—Нравственное значеніе ученія о воплощеніи Сына Божія 206—217.

Чтеніе 18-е. О слѣдствіяхъ ипостаснаго соединенія двухъ естествъ во Христѣ въ отношеніи къ лицу Пресвятой Дѣвы Маріи 217—224.

Чтеніе 19-е. О искупленіи Господомъ Іисусомъ Христомъ рода человѣческаго.—Откровенное ученіе о пророческомъ служеніи Іисуса Христа.—Откровенное ученіе о первосвященническомъ служеніи Іисуса Христа.—Откровенное ученіе о царскомъ служеніи Іисуса Христа 224—234.

Чтеніе 20-е. Ученіе объ искупительномъ дѣлѣ Христовомъ отцевъ и учителей Церкви.—Ученіе мужей апостольскихъ.—Ученіе христіанскихъ апологетовъ II-го и III-го вѣка.—Ученіе отцевъ Церкви IV-го и послѣдующихъ вѣковъ 235—250.

Чтеніе 21-е. О благодатномъ освященіи человѣка.—Свойства и существенный характеръ благодатнаго освященія человѣка.—Ученіе Откровенія о благодати, какъ главномъ и дѣятельномъ началѣ въ освященіи человѣка.—Ученіе отцевъ Церкви о существѣ освящающей благодати и отношеніи ея къ свободѣ человѣка.—Ученіе отцевъ Церкви IV-го вѣка 250—262.

Чтеніе 22-е. О вѣрѣ, какъ личномъ условіи свободного воспріятія и усвоенія человѣкомъ его благодатнаго освященія.—Ученіе Откровенія.—Ученіе отцевъ Церкви о вѣрѣ 263—272.

Ч т е н і е 1-е.

Общее значеніе ученія о міротвореніи.—Ученіе Св. Писанія о Богѣ, какъ Творцѣ міра вообще.

Ученіе о твореніи міра представляетъ не только начальный предѣлъ, но и средоточный пунктъ во всемъ христіанскомъ ученіи о Богѣ въ Его отношеніи къ тварямъ. Безъ ясной и вѣрной мысли о Богѣ, какъ Творцѣ міра, не было бы у насъ яснаго и правильнаго представленія ни о самомъ Богѣ съ Его собственнымъ и независимымъ отъ міра существомъ, ни о тѣхъ близкихъ и внутреннихъ отношеніяхъ къ міру, какія являетъ Богъ, какъ въ общей своей промыслительной дѣятельности, такъ и въ особеннѣйшемъ попеченіи объ устроеніи спасенія людей, сосредоточивающемся въ тайнѣ воплощенія и вочеловѣченія Сына Божія. Итакъ догматъ о Богѣ Творцѣ міра требуетъ и особеннаго вниманія, и самаго тщательнаго и подробнаго разсмотрѣнія. Первый и самый важный здѣсь вопросъ—о Виновникѣ міра. Далѣе слѣдуютъ вопросы о времени и послѣдовательности происхожденія міра, а также о его цѣли и сравнительномъ совершенствѣ. Изъ общаго же ученія о міротвореніи выдѣляются частные вопросы, какъ имѣющіе первостепенную важность для насъ, именно вопросы о происхожденіи чловѣка.

Вопросъ о происхожденіи міра искони занималъ чловѣческій умъ, не только какъ предметъ философской любознательности, но и какъ такой вопросъ, правильное рѣшеніе котораго существенно необходимо для правильнаго опредѣленія чловѣкомъ своего положенія въ мірѣ и своего нравственнаго назначенія. Но относительно первоначальнаго про-

исхожденія міра не только умозрѣніе, но и фактическія изслѣдованія естественныхъ наукъ могутъ давать только одни болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія. Очевидцемъ или наблюдателемъ дѣла творенія никто изъ людей быть не могъ. Посему и человѣческія преданія о происхожденіи міра, какъ бы древни они ни были, сами по себѣ не могутъ быть признаны достовѣрными. Ясно отсюда, что только тѣ преданія о происхожденіи міра могутъ внушать къ себѣ наше полное довѣріе, которыя свой первоначальный источникъ имѣютъ въ Божественномъ Откровеніи и кромѣ того не подверглись вполнѣ произвольнымъ измѣненіямъ со стороны человѣческихъ умствованій, или фантазіи. А такое именно значеніе имѣетъ только одно библейское повѣствованіе о твореніи міра. Оно составляетъ исходный пунктъ и начало всего какъ ветхозавѣтнаго, такъ и новозавѣтнаго воззрѣнія на Божество, міръ и человѣка.

Первыя слова книги Бытія даютъ опредѣленное понятіе о сотвореніи міра, какъ безусловномъ дѣйствіи Божественнаго всемогущества. *Въ началѣ ¹⁾ сотвори ²⁾ Богъ ³⁾ небо и землю.*

Подъ небомъ разумѣется здѣсь невидимый духовный міръ, къ которому принадлежать ангелы и на который указываетъ только однимъ этимъ словомъ бытописатель, ограничивая свое

¹⁾ Быт. 1, 1. Предѣлъ, съ котораго начинается бытіе міра выражень словомъ: въ началѣ. Слово это даетъ разумѣть, что міръ не совѣченъ Богу. Предѣлъ этотъ, неистощимый для ума, съ одной стороны касается неизмѣримой вѣчности, съ другой представляетъ начало измѣряемому времени.

²⁾ Въ еврейскомъ подлинникѣ глаголѣ *барá* выражаетъ болѣе нежели синонимическіе глаголы *яцаръ* образовалъ, или *аса* сдѣлалъ, и показываетъ произведеніе вещи новой и необычайной.

³⁾ Еврейское слово *элоимъ*— боги, употребленное во множественномъ числѣ, заключаетъ прикровенное указаніе на Св. Троицу. (См. выпускъ 1-й, чт. 17, стр. 146, примѣч. 2). Соединенное съ сказуемымъ *барá* сотворилъ въ единственномъ числѣ, оно даетъ разумѣть, что приведеніе міра изъ небытія въ бытіе есть творческое дѣло Тріединнаго Бога.

повѣствованіе твореніемъ видимаго міра¹⁾. Подъ землею же разумѣется все то первоначальное вещество²⁾, изъ котораго въ теченіи шести дней всемогущимъ творческимъ повелѣніемъ: *да будетъ свѣтъ.... да будетъ твердь.... да произраститъ земля быліе травное.... да будутъ свѣтила на тверди небесной.... да изведутъ воды іады дуиъ живыхъ....* созданы всѣ существа, входящія въ систему видимаго міра. Итакъ Богъ даровалъ бытіе міру не только по формѣ, но и по матеріи единственно творческимъ актомъ Своей всемогущей силы и свободной воли. Благоволивъ сотворить міръ, Онъ, какъ во время творенія, такъ и по заключеніи его, не переставалъ быть и сознать Себя полнымъ самобытной и совершеннѣйшей жизни Богомъ. Призывая постепенно отъ небытія въ бытію однѣ существа за другими, Онъ ясно отличаетъ Себя отъ нихъ, какъ такого рода существъ, которыя не только подобно Ему самобытно доселѣ не существовали, но и вовсе были чужды бытія, доколѣ не получили его силою всемогущаго слова: *да будетъ*. И по окончаніи творенія Богъ, осмотрѣвъ все созданное и найдя его весьма хорошимъ, т. е. соотвѣтствующимъ Его премудрымъ и всеблагимъ цѣлямъ и намѣреніямъ, опять не смѣшалъ Себя съ созданнымъ Имъ міромъ, но остался при томъ сознаніи о Себѣ, что Онъ отличенъ отъ міра, какъ его Творецъ, равно

¹⁾ Подъ небомъ нельзя разумѣть здѣсь ни воздушнаго, ни звѣзднаго неба, такъ какъ твердь создана во второй день и украшена свѣтилами въ четвертый день, и еще потому, что небу не приписывается того настроенія, въ какомъ представляется земля, или первоначальное вещество міра.

²⁾ Это вещество опредѣляется во 2-мъ стихѣ словами: *земля же бы не видима и не устроена и тѣма верху бсзды*, т. е. первоначальное вещество не имѣло никакихъ опредѣленныхъ качествъ. Особенное свойство этого вещества изображается въ еврейской библіи словами: *тоу вагоу*, въ переводѣ семидесяти толковниковъ—*ἀόρατος καὶ ἀχάτασχευατος*—невидима и не устроена, въ переводѣ Акилы—*χαῖνωμα καὶ οὐδέν*—пустота и ничто, въ переводѣ Симмаха *ἀρῶν καὶ ἀδιάκριτον*—недѣлательное и безразличное. (Записки на книгу Бытія митрополита Филарета.

какъ и міръ отличенъ отъ Него, какъ Его произведеніе, или дѣло. Итакъ міръ не есть проявленіе какого либо внутренняго и необходимаго саморазвитія Вожеской сущности, а есть дѣло одной свободной воли Божіей, проявившей себя чрезъ творчество во вѣ безъ всякаго измѣненія Вожественнаго существа ¹⁾).

Ученіе о сотвореніи міра изъ ничего проходитъ чрезъ всѣ писанія ветхаго и новаго завѣта и составляетъ средоточное воззрѣніе, на которомъ зиждется ветховавѣтное и нововавѣтное откровеніе. Все содержаніе того и другаго откровенія проникнуто мыслию о Богѣ, какъ существѣ, въ себѣ самомъ вполнѣ совершенномъ и ни отъ кого ни въ чемъ независимомъ, какъ о полнѣйшемъ и безусловномъ Владыкѣ всего міра, всѣ существа котораго безусловно отъ Него одного зависятъ всецѣло и по сущности своей, и по образу своего существованія. А такое представленіе о Богѣ въ основѣ своей предполагаетъ мысль о Немъ, какъ о Творцѣ міра. *Въ началѣхъ Ты, Господи, землю основалъ еси, говоритъ псалмопѣвецъ, и дѣла руку Твоею суть небеса. Та погибнутъ, Ты же пребываеши, и вся яко риза обетшаютъ, и яко одежду сѣиши Я и измѣнятся. Ты же тойже еси и мѣта Твоя не оскудѣютъ ²⁾*. Словомъ Господнимъ небеса утвердишася (сотворены) и духомъ устъ Его вся сила ихъ (все воинство ихъ).... *Той рече и быша, Той повелъ и создашася ³⁾*. Пророки не престанно напоминали еврейскому народу о твореніи міра, доказывая, что только одинъ Творецъ міра есть истинный Богъ, между тѣмъ какъ ничего подобнаго нельзя сказать о богахъ языческихъ. Пророкъ Исаія съ такимъ обличеніемъ обращается къ народу увлекшемуся идолопоклонствомъ: *ты забываешь Господа своего,*

¹⁾ Догматическое Богословіе епископа Сильвестра. Т. III, стр. 7—9 и сл.

²⁾ Псал. 101, 26—28.

³⁾ Псал. 32, 6—9.

*распростершаго небеса и основавшаго землю*¹⁾. Ибо такъ говоритъ Господь, сотворившій небеса: Онъ Богъ, образовавшій землю и создавшій ее, Онъ утвердилъ ее, не напрасно сотворилъ ее.... Я Господь и нѣтъ иного²⁾. Подобнымъ образомъ выражается Іеремія³⁾. Даниилъ на вопросъ Кира, почему онъ не покланяется Вилу, отвѣчаетъ: *потому что я не покланяюсь идоламъ, сдѣланнымъ руками, но покланяюсь живому Богу, сотворившему небо и землю и владычествующему надъ всякою плотію*⁴⁾.

Новозавѣтное откровеніе, подтверждая во всей силѣ ученіе ветхаго завѣта о созданіи міра единственно творческою силою Божіею, восполняетъ это ученіе яснымъ указаніемъ на участіе въ міротвореніи Второго Лица Св. Троицы. Св. Іоаннъ Богословъ, начавъ свое Евангеліе изображеніемъ предвѣчнаго бытія и Божественнаго существа пришедшаго на землю и воплотившагося Слова—Сына Божія, въ слѣдующемъ 3-мъ стихѣ 1-й главы говоритъ: *вся Тьма быша, и безъ Него ничтоже бысть, еже бысть*⁵⁾. Словами этими ясно показывается, что все существующее всецѣло получило свое бытіе отъ Слова и чрезъ Слово, и слѣдовательно не было какой либо несотворенной, или предвѣчной матеріи, которая могла бы послужить матеріаломъ для созданія міра. Апостолъ Павелъ въ посланіи къ Колоссянамъ сказавъ, что Сынъ Божій, нашъ Искупитель, *есть образъ Бога невидимаго, рожденный прежде всякой твари*, далѣе говоритъ: *Имъ создано все, что на небесахъ и что на землѣ, видимое и невидимое: престоны ли, господства ли, начальства ли, вла-*

¹⁾ Исаи 51, 13.

²⁾ Исаи 45, 18.

³⁾ Іерем. 10, 11—12.

⁴⁾ Дан. 14, 5.

⁵⁾ Въ русскомъ переводѣ: *все чрезъ Него начало быти и безъ Него ничто не начало быти, что начало быти.*

сти ли, все Имъ и для Него создано¹⁾. Тотъ же Апостолъ и ту же самую мысль еще яснѣе выражаетъ въ посланіи къ римлянамъ въ слѣдующихъ словахъ: *Кто позналъ умъ Господень? или кто былъ советникомъ Ему? или кто далъ Ему напередъ, чтобы Онъ долженъ былъ воздать? Ибо все изъ Него, Имъ и къ Нему²⁾*, т. е. причина всего и начальная, и посредствующая, и конечная заключается въ одномъ Богѣ и слѣдовательно было бы напрасно предполагать что либо подобное матеріи существовавшимъ, или существующимъ внѣ и независимо отъ Бога.

Въ посланіи къ евреямъ Апостолъ Павелъ объясняетъ и самую возможность происхожденія міра при дѣйствіи одной творческой силы Божіей и отсутствіи всякаго внѣшняго, или сторонняго матеріала. *Впрочемъ, пишетъ онъ, познаемъ, что все устроено словомъ Божиимъ, такъ что изъ невидимаго произошло видимое³⁾*. Вѣками (αἰώνες) очевидно называетъ Апостолъ тѣ времена, которые стали существовать совмѣстно и нераздѣльно съ сотворенными существами, а происхожденіе ихъ объясняется такъ, что они изъ состоянія невидимости словомъ Божиимъ приведены въ состояніе видимости. Это состояніе невидимости вѣковъ, противопоставляемое Апостоломъ состоянію видимости, т. е. появленію или осуществленію въ дѣйствительности, не иначе можно представлять, какъ существованіемъ отъ вѣчности въ умѣ Божіемъ, только въ сокровенномъ идеальномъ видѣ, подобно тому, какъ въ умѣ же Божіемъ отъ вѣчности, только въ предначертанномъ, предустановленномъ и сокровенномъ видѣ существовала и тайна спасенія людей, имѣвшая открыться или осу-

¹⁾ Колос. 1, 15—16.

²⁾ Рим. 11, 34—36. Въ 34 и 35 стихахъ у Апостола указаніе на слова пророка Исаіи, 40 гл. 13—14. Въ греческой библіи: ἐξ ἑαυτοῦ καὶ δι' αὐτοῦ καὶ ὑπὲρ αὐτοῦ τὰ πάντα.

³⁾ Евр. 11, 33.

неставится въ дѣйствительности въ определенное время¹⁾. Идею временности міра отрицается только существованіе его .отъ вѣчности въ настоящемъ тварномъ образѣ бытія; но не отрицается то, что уму Божественному отъ вѣчности бытъ присущъ идеальный образъ міра. Что касается измѣненія силою абсолютнаго Духа идеальнаго въ реальное, то нѣчто аналогичное мы находимъ и въ нашемъ собственномъ духѣ. Въ дѣятельности разума мы измѣняемъ данное реально въ идеальное, переносимъ его въ область нашего сознанія, на оборотъ въ дѣятельности воли превращаемъ идеальное въ реальное, переносимъ идею въ область дѣйствительности, осуществляя ее. Какъ совершается это, мы не знаемъ, но факты такого перехода несомнѣнны для насъ. Поэтому и фактъ превращенія абсолютною Божественною силою и волею міра изъ простой его мыслимости въ дѣйствительное бытіе не заключаетъ въ себѣ ничего безусловно-невозможнаго, или не вѣроятнаго. Если воля нашего духа осуществляетъ свои идеи въ готовомъ уже, независимо отъ насъ данномъ матеріалѣ, причина тому въ ограниченности нашего духа, который самъ получаетъ бытіе и развивается только на почвѣ матеріальнаго. Что же касается возможности Божественнаго осуществленія идеи міра безъ всякаго прежде даннаго матеріала, или возможности абсолютнаго творенія міра, то она открывается изъ размышленія о процессѣ внутренней, собственной жизни Бога, какъ жизни Его существа въ трехъ абсолютныхъ Лицахъ, на сколько позволяетъ намъ это вѣра въ откровенное ученіе о Св. Троицѣ. Въ тайнѣ Св. Троицы мы имѣемъ, такъ сказать, мостъ отъ Бога къ міру, реальное объясненіе возможности Божественнаго творчества міра. Если Богъ полагаетъ себя въ трехъ лицахъ, и полагаетъ дѣйствительно, абсолютно жизненно въ каждомъ изъ трехъ лицъ

¹⁾ Кор. 2, 7; Колосс. 1, 26.

и въ этомъ состоитъ процессъ Его собственной безконечной, внутренней жизни; то тѣмъ болѣе возможно для Него положеніе другаго слабаго отраженія Его существа, реализованіе идеи ограниченного бытія. Таково раціональное начало для объясненія Божественнаго міротворенія, хотя это и было, и навсегда останется для насъ тайной, воспринимаемой одною послушною вѣрою ¹⁾). При полнотѣ всемогущества Божія, мысль Творца о мірѣ должна была осуществиться и осуществилась безусловно, чему слабымъ подобіемъ можетъ служить то, что и наша ограниченная мысль, при помощи слова исходя во внѣшній міръ, осязательно въ немъ являетъ себя. Мысль Божія о чемъ либо предназначенномъ къ бытію есть уже и самое осуществленіе ²⁾). Въ такомъ именно смыслѣ Апостоль говоритъ, что Богъ *называетъ не существующее, какъ существующее* ³⁾). Итакъ по ученію Божественнаго откровенія, Богъ творчески произвелъ міръ, какъ абсолютно-разумная и всесвободно дѣйствующая причина, а не развилъ его изъ Себя, какъ субстанція, необходимо раскрывающаяся въ своихъ явленіяхъ, или дѣйствіяхъ. Создавъ міръ, Онъ пребылъ по своему существу тѣмъ же неизмѣннымъ, тогда какъ все созданное Имъ подлежитъ постояннымъ перемѣнамъ ⁴⁾).

¹⁾ Методъ и планъ Христіанской апологетики. Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія. 1876, ч. II, стр. 241—245.

²⁾ См. выпускъ 1-й, чт. 14, стр. 112—113 и слѣд.

³⁾ Рим. 4, 17 καλῶν та μὴ ὄντα ὡς ὄντα.

⁴⁾ Евр. 1, 12.

Ученіе 2-е.

Ученіе древней церкви о Богѣ-Творцѣ міра. Вѣра Церкви, выраженная ею въ древнѣйшихъ символахъ. Раскрытіе ученія о Творцѣ міра въ сочиненіяхъ апологетовъ II-го вѣка, учителей Александрійской церкви III-го вѣка и отцевъ и учителей Церкви IV вѣка.

Ученіе Откровенія о Богѣ-Творцѣ міра, принятое Церковію отъ Апостоловъ и ихъ ближайшихъ и непосредственныхъ учениковъ и преемниковъ ¹⁾ включено ею еще въ пер-

¹⁾ Такихъ непосредственныхъ учениковъ и преемниковъ Апостоловъ принято называть *мужами апостольскими*. Они были хранителями живаго апостольскаго преданія и въ своихъ писаніяхъ отличались тою простотою и безискусственностью рѣчи, которая составляла существенный характеръ ученія апостольскаго. Таковы были: 1) *Варнава* изъ числа семидесяти апостоловъ, проповѣдовавшій на островѣ Кипрѣ, гдѣ и окончилъ свои дни смертію мученика. 2) *Діонисій ареопагитъ*, род. въ Афинахъ. Изъ членовъ ареопага обращенъ ко Христу Апостоломъ Павломъ въ 54 г. и имъ же поставленъ первымъ афинскимъ епископомъ. 3) *Св. Климентъ*, третій епископъ римскій (92—101), обращенный въ христіанство Апост. Петромъ, сотрудникъ Ап. Павла въ распространеніи церкви Христовой. Его посланіе къ коринѣянамъ служить памятникомъ его дѣятельности на пользу коринѣйской церкви съ цѣлю примиренія религіозныхъ партій, въ чемъ онъ былъ продолжателемъ дѣятельности Ап. Павла. Свою вѣру во Христа онъ запечатлѣлъ мученичествомъ при Траянѣ въ 101 году. 4) *Св. Игнатій Богоносецъ*,—епископъ антиохійскій въ концѣ I и началѣ II вѣка, ученикъ Іоанна Богослова. Въ 107 г. по приказанію Траяна былъ за исповѣданіе Христа брошенъ въ римскомъ коллизѣ на растерзаніе львамъ. Извѣстны его семь посланій: къ ефесянамъ, магнезіанамъ, траллійцамъ, римлянамъ, Поликарпу, смирянцамъ и филادельфіяцамъ. Съ особенною ясностію Св. Игнатіемъ Богоносцемъ изложено ученіе Церкви о Божественности Лица І. Христа и Его человѣческой природѣ противъ евіонитовъ, признававшихъ Христа простымъ человѣкомъ и докетовъ, учившихъ, что Онъ принималъ человѣческую плоть только призрачно, видимымъ образомъ. 5) *Св. Поликарпъ*, любимый ученикъ Іонна Богослова, имъ же поставленный во епископа Смирнскаго. Скончался въ глубокой старости, но мученическою смертію въ гоненіе Марка Аврелія въ 197 г. Онъ заботился объ охраненіи малоазійскихъ церквей отъ вліянія еретиковъ, въ особенности докетовъ. Изъ многочисленныхъ его посланій сохранилось одно къ филиппійцамъ. 6) *Ерма*. Его книга подъ названіемъ „пастырь“ пользовалась большимъ уваженіемъ древней церкви и 7) *Паній*, Епископъ іерапольскій во Фригіи, ученикъ Іоанна Богослова и другъ Поликарпа. Собиравъ устныя сказанія о дѣлахъ и ученіи Спасителя и Апостоловъ.

вомъ вѣѣ въ кругъ основныиъ членовъ вѣры, обязательныхъ для каждаго христіанина. Во всѣхъ символахъ древнѣйшихъ церквей, послѣ исповѣданія вѣры въ Бога-Отца, мы находимъ исповѣданіе вѣры въ Него, какъ Творца міра. Такъ въ символахъ іерусалимскомъ и кипрскомъ читается: „вѣруемъ во Единого Бога, Отца, Вседержителя, Творца неба и земли, всего видимаго и невидимаго“,—въ символахъ антїохійскомъ и кесаріепалестинскомъ: „Вседержителя, Творца всего видимаго и невидимаго“, а въ символѣ римской церкви читается только „Вседержителя“. Хотя въ послѣднемъ символѣ указывается прямо и непосредственно только на промыслительное отношеніе Бога къ міру, тѣмъ не менѣе необходимо предполагается мысль и о Его творческомъ отношеніи, такъ какъ послѣднее есть необходимое предположеніе перваго¹⁾. Но кромѣ того и изъ частныхъ несомнѣнныхъ свидѣтельствъ учителей церкви видно, что вѣра въ Бога-Творца была общимъ и существеннѣйшимъ догматомъ всей древней Христовой Церкви. Такъ въ книгѣ „Пастырь“ говорится: „прежде всего вѣруй, что единъ есть Богъ, все сотворившій и совершившій, приведшій все изъ ничего въ бытіе“²⁾. Св. Ириней пишетъ: „Церковь приняла отъ апостоловъ и учениковъ ихъ вѣру въ единого Бога Отца, Вседержителя, сотворившаго небо и землю, море и все, что въ нихъ“³⁾. Тертуліанъ свидѣлствуетъ: „правило вѣры, которое произошло отъ Христа и которому обязаны слѣдовать всѣ народы, требовало отъ каждаго, чтобы вѣровать во единого Бога, Вседержителя, Создателя міра, все произведшаго изъ ничего чрезъ Свое Слово, явившееся прежде всего“⁴⁾.

¹⁾ О древнихъ символахъ см. во 2 примѣчаніи къ 18 чтенію, вып. 1; стр. 149.

²⁾ Herm. Pastor. lib. II, mand. I.

³⁾ Противъ ересей кн. I. гл. 10.

⁴⁾ De praescript. advevsus haeretic. c. 9. „qui univevsa de nihilo produxerit per. verbum suum, primo omnium emissum“.

Апологеты II вѣка, равно какъ и учителя церкви слѣдующихъ вѣковъ въ обоснованіи и раскрытіи истиннаго ученія о Богѣ, какъ Творцѣ міра, пользовались уже научными философскими приемами мышленія. Необходимость болѣе полнаго и многосторонняго раскрытія христіанскаго ученія о Творцѣ міра вызывалась со стороны учителей Церкви разными бывшими въ ходу ложными мнѣніями язычниковъ, или еретиковъ-гностиковъ ¹⁾ о происхожденіи міра. Таковы были: *древне-эпикурейское ученіе о случайномъ происхожденіи міра*, *гностическое объясненіе происхожденія міра не отъ Бога, а отъ какихъ либо низшихъ тварныхъ силъ* ²⁾ и даже *злаго начала* ³⁾, *дуалистическое объясненіе*, по которому Богъ есть не Творецъ міра, а образователь его изъ совѣчной себѣ матеріи и наконецъ *пантеистическое объясненіе* происхожденія міра изъ саморазвитія существа Божія ⁴⁾. Опровергая, или каждое въ отдѣльности, или еще чаще ставя во взаимоотношеніе эти ложныя воззрѣнія на образъ происхожденія міра, учителя церкви направляютъ и ведутъ свои опроверженія къ одной общей и главной цѣли самыми односторонностями и внутренними противорѣчіями ложныхъ ученій выленить истину *Богооткровеннаго ученія* о твореніи міра, какъ дѣлъ безусловнаго, ничѣмъ внѣшнимъ не ограничиваемаго всемогущества и безусловно-свободной мысли и воли Творца. Такъ *Св. Іустинъ* противъ бывшаго въ его время въ ходу философскаго мнѣнія, что міръ произошелъ самъ собою, раз-

¹⁾ Гностицизмъ и его, началахъ см. примѣч. 1 къ 9 чт., стр. 68—69. Выпускъ 1-й.

²⁾ Симонъ волхвъ, Менандръ, Василида, Карисратъ и др. учили, что міръ созданъ ангелами.

³⁾ Манихеи утверждали, что міръ обязанъ своимъ происхожденіемъ злomu началу, или дѣволу. О дуализмѣ Манихеевъ см. прим. 5 къ чт. 18; вып. 1, ст. 152—153.

⁴⁾ Таковы всѣ гностическія объясненія происхожденія міра посредствомъ *эманаций*.

суждаетъ: „мыслимое ли дѣло, чтобы тѣло сложное и подверженное измѣненіямъ, ежедневно разрушающееся и обновляющееся произошло безъ причины“ ¹⁾? А полагая причину міра въ Богѣ, онъ прямо отвергаетъ платоновское мнѣніе, будто Богъ не сотворилъ, а только образовалъ міръ изъ совѣчной Себѣ матеріи,—на томъ основаніи, что если бы дѣйствительно такая вѣчная матерія существовала, то какъ свободная отъ всякой внѣшней необходимости, могла бы воспротивиться воздѣйствію на нее Бога, если бы Онъ не былъ ея Творцемъ ²⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя и не прямо, устраняется и то предположеніе, что міръ произведенъ Богомъ изъ Его собственнаго существа чрезъ его саморазвитіе, или раскрытіе; потому что, тогда какъ все находящееся внѣ Бога есть только *бываемое*, а не *сущее*, Богъ есть *всегда сущее и не имѣющее начала* ³⁾, а такого различія между Богомъ и міромъ не могло бы быть, если бы ихъ сущность была одна и таже. Итакъ Богъ создалъ міръ не какъ художникъ, который пользуется для своего созданія готовымъ матеріаломъ, а какъ Творецъ не нуждающійся ни въ чемъ постороннемъ, а совершающій дѣло творенія исключительно собственною силою и могуществомъ ⁴⁾. При томъ Онъ создалъ міръ и не при помощи какихъ либо стороннихъ силъ, хотя бы и ангельскихъ ⁵⁾, но Самъ Собою при посредствѣ Своего собственнаго Слова ⁶⁾, которое отъ вѣчности существуя съ Нимъ, послужило началомъ (ἀρχή) для всего и было Его совѣтникомъ и сотрудникомъ при созданіи міра ⁷⁾.

Такой же взглядъ на твореніе міра раскрывали и слѣ-

¹⁾ „Разговоръ съ Трифономъ іуд.“ 5.

²⁾ „Увѣщаніе къ эллинтамъ“. 23.

³⁾ Тамъ же, 22.

⁴⁾ Тамъ же.

⁵⁾ Разгов. съ Триф. 62.

⁶⁾ Тамъ же 84.

⁷⁾ Тамъ же 62, 128.

довавшіе за Іустиномъ апологеты и другіе учителя Церкви. Ученикъ Іустина *Татіанъ*, раскрывая мысль своего учителя, что Богъ, безусловный Творецъ всего, есть Творецъ и самого вещества, изъ котораго созданъ міръ¹⁾, присовокупляетъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ и то воззрѣніе Іустина, что Богъ создалъ міръ именно при посредствѣ Своего собственнаго Слова²⁾. „Господь всего“, говоритъ Татіанъ, будучи „основаніемъ всего, прежде сотворенія былъ одинъ; поелику же „Онъ есть сила и основаніе видимаго и невидимаго, то вмѣстѣ съ Нимъ было все; съ Нимъ существовало, какъ разумная „сила, и Само Слово, бывшее въ Немъ. Волею же Его протаго существа произошло Слово и произошло не напрасно. „Оно становится перворожденнымъ дѣломъ Отца; Оно, какъ „мы знаемъ, есть начало міра. Бывъ вначалѣ рождено, Оно „въ свою очередь создавшее само себѣ вещество, произвело нашъ міръ“³⁾.... Въ этихъ словахъ, хотя и не вполне ясно и точно, изображается та общая Іустину и другимъ апологетамъ мысль, что міръ не былъ для Бога чѣмъ либо невѣдомымъ или не предвидѣннымъ, а напротивъ въ мысленномъ своемъ видѣ отъ вѣчности существовалъ вмѣстѣ съ Его Словомъ, бывшимъ хранителемъ идей Божіихъ о мірѣ, и что когда Богу угодно было создать міръ, это же самое Слово какъ бы выступило изъ нѣдръ Божества и явилось дѣятельнымъ исполнителемъ предвѣчныхъ мыслей Божіихъ о мірѣ, слѣдствіемъ чего и было происхожденіе міра. Предпо-

Примѣчаніе: выраженіе Іустина въ первой апологиз: „мы научены, что Богъ по благодати Своей въ началѣ все устроилъ изъ безобразнаго вещества“ вовсе не заключаетъ мысли о совѣчной Богу матеріи, а можетъ и должно быть понимаемо въ смыслѣ устройства Богомъ міра изъ созданной Имъ же Самимъ матеріи, только имѣвшей на первыхъ порахъ видъ безформеннаго вещества“. Догмат. Богослов. еп. Сильвестра, т. III, ст. 21.

¹⁾ Oratio contra graecos. n. 5.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Ibidem., Догмат. Богосл. еп. Сильвестра, Т. III, стр. 22 и слѣд.

лагать же, какъ дѣлають нѣкоторые, что здѣсь содержится чисто пантеистическій образъ воззрѣнія на отношеніе Бога къ міру, было бы совершенно несправедливо. Такое предположеніе несогласно съ тѣмъ проникающимъ все сочиненіе *Татіана* чисто христіанскимъ представленіемъ о Богѣ, что Онъ есть самосущій и ни въ чемъ стороннемъ не нуждающийся личный духъ, и слѣдовательно не по какой либо нуждѣ, а по своей свободѣ и благодати создалъ міръ, какъ отличное отъ Себя Свое произведеніе, и по созданіи міра не перестаетъ отличать Себя отъ него, какъ Своего дѣла, оставаясь всегда его Владыкою, Промыслителемъ и Правителемъ ¹⁾. Въ такомъ же направленіи и съ тою же цѣлю устранить и отвергнуть языческія мнѣнія какъ о самосуществованіи міра, такъ и о созданіи его Богомъ изъ готовой матеріи, равно какъ и о внутреннемъ необходимомъ происхожденіи міра изъ самой сущности Божіей, учать о твореніи міра: Аѳинагоръ ²⁾, Теофилъ антїохійскій ³⁾, св. Иринеѣ ⁴⁾ и александрійскіе учителя III вѣка: Климентъ александрійскій ⁵⁾, Оригенъ ⁶⁾ и его ученики: Св. Григорій Чудотворецъ ⁷⁾ и Св. Діонисій александрійскій ⁸⁾. Аѳинагоръ, приспособляясь къ пониманію язычниковъ, представляетъ міръ, какъ художественное произведеніе, и отличаетъ въ немъ съ одной стороны вещество, изъ котораго онъ устроенъ, а съ другой ту форму или устройство, какія сообщены ему рукою или мыслию художника. А такъ какъ во всякомъ художественномъ

¹⁾ Orat. contr. graec. n. 4, 7. Это сочиненіе Татіана написано около 170 г.

²⁾ Прошеніе о христіанахъ 177 г.

³⁾ Ad. Autotic.

⁴⁾ Противъ ерссей. Кн. II.

⁵⁾ Стромат. кн. I, III и VI.

⁶⁾ „Противъ Цельса“ и „О началахъ“.

⁷⁾ „О жизни Св. Грнгорія Чудотворца“. Patrologiae curs complet Graec. T. 46.

⁸⁾ Praeparat. Evang. L. XIV.

произведеніи вещество составляет только одинъ страдательный матеріалъ, самъ собою неспособный принять ни какой художественной формы, то Аѳинагоръ желаетъ вызвать въ язычникахъ то убѣжденіе, что и міръ, хотя состоитъ изъ многихъ и разнообразныхъ стихій, самъ себѣ не могъ дать своего настоящаго устройства, а могъ получить его только отъ Бога. Теофилъ Антиохійскій въ виду сильнаго распространенія еретическихъ мнѣній противъ ученія о твореніи міра исключительно силою одного всемогущества Божія безъ всякой напередъ существовавшей матеріи, поставляетъ на видъ послѣдователямъ Платона, что они вмѣстѣ съ своимъ учителемъ противорѣчатъ сами себѣ. Они съ одной стороны представляютъ Бога безначальнымъ и единственнымъ Владыкою всего, а съ другой ставятъ подлѣ него другое безначальное начало—вѣчную матерію. „Что было бы великаго“, говоритъ апологетъ, если бы Богъ создалъ міръ изъ готовой матеріи? И человѣкъ-художникъ, если получить отъ кого вещество, дѣлаетъ изъ него, что захочетъ. Могущество же Бога и обнаруживается въ томъ, что Онъ изъ ничего творитъ, что хочетъ“¹⁾. Св. Иринеи, повторяя замѣчаніе Теофила, въ другомъ мѣстѣ прямо и рѣшительно утверждаетъ, что Богъ все сотворилъ... Самъ у Себя заимствуя сущность тварей и образецъ сотворенныхъ вещей и начертаніе украшеній въ міръ“²⁾. Но уча ясно и твердо о твореніи міра изъ ничего, учителя церкви совершенно отклоняютъ и мысль о возникновеніи міра изъ самой сущности Божества именно тѣмъ, что всѣ одинаково представляютъ Творца міра свободно-разумнымъ личнымъ дѣятелемъ, который не по какой либо внутренней необходимости своей природы, а совершенно свободно и по напередъ опредѣленному Имъ плану про-

¹⁾ Ad. Autolic. lib. II n. 4.

²⁾ „Противъ ересей“, кн. IV, гл. 20.

извелъ міръ ¹⁾ чрезъ внѣшнее дѣйствіе Своей воли и могущества, при чемъ исполнителемъ этой воли явилось Его собственное во внѣ открывшееся Слово ²⁾).

Изъ учителей Александрійскихъ III вѣка, которые продолжаютъ раскрытіе мыслей учителей II вѣка, Климентъ александрійскій является въ особенности противникомъ пантеистическаго взгляда на происхожденіе міра. По его мнѣнію, было было прямою нелѣпостью представлять не только чувственныя вещи, но и душу человѣческую изліаніемъ Божества. Богъ—существо простое, а вещи сложны; Богъ святъ и безгрѣшенъ, а душа можетъ грѣшить и на самомъ дѣлѣ грѣшить ³⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ совершенно ясно и положительно учитъ, что міръ сотворенъ Богомъ единственно чрезъ хотѣніе Его воли, за которымъ всегда слѣдуетъ самое бытіе ⁴⁾, и что единственнымъ посредникомъ Божиимъ въ семъ случаѣ было Его собственное Слово, которое, бывъ образомъ ⁵⁾ и какъ бы лицомъ Его ⁶⁾, одно было способно открываться въ мірѣ, а потому одно и явилось непосредственнымъ Творцемъ міра, все въ немъ творя и все устанавливая ⁷⁾).

И такъ учителями церкви первыхъ трехъ вѣковъ была уже вполне и всесторонне раскрыта истина общецерковной вѣры, что міръ произошелъ не самъ собою, а Творецъ его есть Богъ, Который создалъ его не изъ ранѣ существовавшей матеріи, но призвалъ изъ небытія къ бытію единственно силою Своей воли и всемогущества. Участникомъ же и посредникомъ въ твореніи міра было Слово, или Сынъ Бо-

¹⁾ Теофилъ „Ad. Autolic.“ lib. 11, n. 10. „Противъ ересей“, кн. 11, гл. 5 и кн. IV, гл. 20.

²⁾ Прин. кн. 11, гл. 10 и 11.

³⁾ Стромат. кн. 1 гл. 11, кн. 11, гл. 16, кн. V, гл. 14.

⁴⁾ Cohortat ad gentes cap. 4.

⁵⁾ Cohortat. cap. 10.

⁶⁾ Paedagog. lib. 1, cap. 7.

⁷⁾ Paedagog. lib. 111, cap. 12.

жій. Истина эта, вмѣстѣ съ утвержденіемъ на первомъ вселенскомъ соборѣ единосущія Сына Божія съ Отцемъ, была внесена въ никейскій вселенскій символъ вѣры и выражена въ словахъ: „Имъ же вся быша“.

Вопросъ объ участіи Третьяго Лица Св. Троицы въ твореніи міра до перваго вселенскаго собора не былъ еще возбуждаемъ. Но вскорѣ послѣ никейскаго Собора учителямъ и защитникамъ православія оказалось необходимымъ подвергнуть тщательному и всестороннему изслѣдованію и древне-церковное ученіе о Божествѣ Св. Духа и Его равенствѣ съ Отцемъ и Сыномъ. Полуаріане или духоборцы, согласившись съ опредѣленіемъ никейскаго собора признавать Сына Божія истиннымъ Богомъ, стали особенно настаивать, согласно съ аріанами, на томъ, что Духъ Святый долженъ быть признаваемъ тварію, созданною Сыномъ. Посему всесторонне раскрывая Богооткровенное ученіе о Св. Духѣ, какъ основаніе общей церковной вѣры въ Его Божество и равенство съ Отцемъ и Сыномъ, отцы и учителя церкви 4-го и слѣдующихъ вѣковъ занимались уясненіемъ и опредѣленіемъ и той стороны въ ученіи о Св. Духѣ, что Онъ, будучи равнымъ Отцу и Сыну по Божеству, необходимо долженъ быть равнымъ съ Ними и по Своему участію въ твореніи міра.

Въ своей второй рѣчи противъ аріанъ и полуаріанъ Св. Аѳанасій александрійскій объясняетъ, что Св. Духъ потому самому, что принадлежитъ къ Божественной Троицѣ, есть Божество, слѣдовательно не есть тварь, а Творецъ. „Св.

Примѣчаніе. Желающіе подробно ознакомиться съ историческимъ ходомъ постепеннаго раскрытія православно-церковнаго ученія о Св. Троицѣ до окончательнаго опредѣленія догмата на первыхъ двухъ вселенскихъ соборахъ, могутъ найти полное систематическое изложеніе его во второмъ томѣ—стр. 257—489 Православнаго Догматическаго Богословія еп. Сильвестра. (Кіевъ. 1885), по которому главнымъ образомъ составлены и предлагаемыя чтенія по Православному Богословію.

Авторъ.

Троица, въ Отцѣ, Сынѣ и Св. Духѣ познаваемая“, говорятъ онъ, есть Троица, не имѣющая въ Себѣ ничего чуждаго или прившедшаго отвнѣ; не изъ Зиждителя и твари составлена Она, но есть всецѣло *творящая и зиждительная*. Она подобна Самой Себѣ, нераздѣльна по естеству и едино Ея дѣйствіе. Потому что Отецъ творить все Словомъ въ Духѣ Святомъ“ ¹⁾. Ничто не приходитъ въ бытіе, какъ только чрезъ Сына въ Духѣ ²⁾. Василій Великій въ своемъ шестодневѣ ³⁾ слова книги бытія: *Духъ Божій носашеся верху воды* ⁴⁾ объясняетъ въ томъ смыслѣ, что Духъ Святой оживотворялъ еще безжизненную матерію, приготовляя ее къ произведенію живыхъ тварей. Кромѣ того, приводя слова псалма 32-го: *Словомъ Господнимъ небеса утвердишася и Духомъ устъ Его вся сила ихъ*, онъ объясняетъ ихъ въ смыслѣ участія Духа Святаго въ твореніи міра наравнѣ съ Сыномъ Божиимъ ⁵⁾. Наконецъ, объясняя слова Апостола Павла: *яко изъ Того и Тъмъ и въ Немъ всяческая* ⁶⁾, онъ говоритъ: одинъ Богъ, отъ Котораго все, и одинъ Господь Іисусъ Христосъ, Которымъ все, одинъ также Духъ Святой, въ Которомъ все ⁷⁾.

Св. Григорій Богословъ какъ бы дополняетъ мысль Василія Великаго замѣчаніемъ, что Богъ Отецъ, пожелавъ создать существа, которыя могли бы наслаждаться Его благодію, произвелъ въ Себѣ мысль о нихъ; мысль же Его стала дѣломъ, потому что была исполнена Сыномъ, а довершена Духомъ ⁸⁾. Раскрытое въ отдѣльныхъ разсужденіяхъ отцевъ Церкви ученіе о Св. Духѣ, какъ Творцѣ міра, въ связи съ ученіемъ о Его Божествѣ, было рассмотрѣно и

¹⁾ Orat. contra arianos 11, п. 27. Посланіе къ Серапіону 1-е 28.

²⁾ Тоже посланіе 31.

³⁾ Бесѣда 11, 5.

⁴⁾ Бытія 1—2.

⁵⁾ Противъ Евномія, кн. V.

⁶⁾ Рим. 11, 36.

⁷⁾ Тамъ же.

⁸⁾ Oratio, 45, 5.

окончательно утверждено на второмъ вселенскомъ соборѣ, которымъ, какъ извѣстно, постановлено вмѣстѣ съ словами: Господа.... Иже отъ Отца исходящаго, включить и терминъ животворящаго.

Итакъ ученіе о нераздѣльномъ участіи всѣхъ трехъ Лицъ Божества въ твореніи міра составляетъ не только существенную особенность въ ученіи о твореніи міра отцевъ и учителей Церкви 4-го и дальнѣйшихъ вѣковъ, но и существеннѣйшее восполненіе и, можно сказать, завершеніе учительной отеческой дѣятельности трехъ предшествовавшихъ вѣковъ по вопросу объ отношеніи Бога, какъ Творца міра, къ міру, какъ Его творенію. Чтобы окончательно освободить сознаніе и мысль православно-вѣрующихъ отъ опаснаго вліянія на нихъ *материалистическихъ* теорій о вѣчности и самопроисхожденіи міра, — *дуалистическихъ* — о произведеніи Богомъ міра изъ готовой вѣчной матеріи и наконецъ *пантеистическихъ* ученій о происхожденіи міра чрезъ саморазвитіе Божественнаго существа, — теорій, которыя чрезъ посредство ересей переходили въ христіанскій міръ еще изъ древней языческой философіи и подрывали вѣру въ Богооткровенное ученіе о твореніи, какъ абсолютномъ дѣлѣ всемогущества, премудрости и благости Творца, — необходимо было опредѣлить догматическое равенство и единосущіе Лицъ Божества при отдѣльности самосущихъ Упостасей. Вмѣстѣ съ точнымъ опредѣленіемъ и формулированіемъ православно-церковнаго ученія о внутренней жизни Божества и взаимоотношеніи Лицъ Пресвятой Троицы открылась возможность опредѣлить и установить на всѣ послѣдующіе вѣка истинное православно-церковное ученіе о личныхъ отношеніяхъ Бога къ міру, какъ тріедиаго Творца міра, что и выражено въ первомъ, второмъ и осьмомъ членахъ Никео-Константинопольскаго символа вѣры ¹⁾.

¹⁾ Этѣмъ опредѣляется особое важное значеніе 4-го вѣка Христовой цер-

Такъ какъ и въ четвертомъ вѣкѣ еще продолжали быть въ ходу вышеуказанныя ложныя мнѣнія о происхожденіи міра; то и теперь отцы церкви не оставляли ихъ безъ разсмотрѣнія и обличенія ихъ несостоятельности. Противъ теоріи о случайномъ происхожденіи міра изъ сдѣянія атомовъ учителя Церкви указывали на то, что еслибъ и существовали отъ вѣчности атомы, то и при этомъ ни какъ нельзя ни понять, ни объяснить наблюдаемые въ жизни міра порядокъ и гармонію, не предположивъ напередъ разумной зиждительной причины, ибо изъ слѣпаго и неразумнаго не можетъ само собою возникнуть разумное и обдуманное, изъ безпорядка—порядокъ. Указывая на замѣчаемые вездѣ въ мірѣ порядокъ и цѣлесообразность, Св. Григорій Богословъ спрашиваетъ: „Кто же художникъ сего? Не Тотъ ли, „кто сотворилъ и привелъ въ бытіе? Таковую силу нельзя приписать случаю. Положимъ, что бытіе отъ случая, отъ кого „же порядокъ? Если и это уступимъ случаю, то кто блюдетъ и сохраняетъ тѣ законы, по которымъ все произошло „первоначально? Другой ли кто, или случай. Конечно, другой, а не случай, кто же этотъ другой, кромѣ Бога?“¹⁾

Противъ древняго мнѣнія платониковъ, что міръ хотя и созданъ Богомъ, но созданъ изъ готовой, отъ вѣчности существовавшей безкачественной матеріи; отцы Церкви продолжали непрерывно подтверждать ту христіанскую истину, что Богъ привелъ міръ въ бытіе изъ небытія, создалъ его не только по формѣ, но и по матеріи. Поставляя подлѣ Бога совѣтную Ему матерію, какъ матеріалъ, оказавшійся Ему нужнымъ для образованія міра, „въ состояніи ли объяснить,

кви въ лицѣ Богопросвѣщенныхъ его дѣателей для утвержденія православія, которыхъ Св. Церковь чтитъ и ублажаетъ, какъ вселенскихъ учителей и святителей. Чтобы не прерывать порядокъ системы чтеній, авторъ надѣется посвятить хотя краткой характеристикѣ учительныхъ трудовъ, жизни и дѣятельности отцевъ и учителей Церкви IV вѣка особое дополнительное чтеніе.

¹⁾ Oratio, 28, п. 16.

говорить Св. Василій Великій, какимъ образомъ встрѣтились между собою и дѣятельная сила Божія, и страдательная природа вещества,—встрѣтились между собою и вещество доставляющее матерію безъ образа, и Богъ имѣющій понятіе образовъ безъ вещества, встрѣтились такъ, что недостающее у одного дается другимъ, дается Зиждителю то, надъ чѣмъ можно показать искусство, а веществу то, чтобы отложить свое безобразіе и безформенность“ ¹⁾. И другіе учителя IV вѣка, напр. Григорій нисскій ²⁾, Златоустъ ³⁾, Аѳанасій александрійскій ⁴⁾, ясно и положительно уча, что Богъ привелъ міръ въ бытіе изъ небытія, обыкновенно указывали на то, что безконечное превосходство Бога-Творца предъ человѣкомъ въ томъ и состоятъ, что человѣкъ все производит не иначе, какъ при помощи сторонняго существующаго уже вещества, а Богъ все творитъ изъ не сущаго, дѣлая не существующее существующимъ. Св. Аѳанасій ученіе о происхожденіи міра изъ ничего объясняетъ въ томъ смыслѣ, что Богъ сотворилъ вселенную не изъ готоваго вещества, а привелъ ее въ бытіе, какъ прежде вовсе не существовавшую, своимъ Словомъ. Въ этомъ же смыслѣ Василій Великій говоритъ: „Богъ, прежде чѣмъ существовало что либо изъ видимаго нынѣ, положилъ въ умѣ и подвигся привести въ „бытіе не сущее, а вмѣстѣ съ симъ Онъ помыслилъ и о „томъ, какимъ долженъ быть міръ, и произвелъ матерію соотвѣтственную формѣ міра“ ⁵⁾. Въ отвѣтъ на недоумѣніе, не нужно ли представлять Бога міровою субстанціею, а міръ саморазвитіемъ и обнаруженіемъ ея, и если нѣтъ, то какимъ образомъ Богъ могъ остаться тѣмъ же неизмѣннымъ и самобытнымъ существомъ, производя міръ Самъ собою, безъ

¹⁾ „Шестодневъ, бесѣда 2, отд. 2 и 3.

²⁾ Противъ Евномія, кн. 1, 27.

³⁾ Бесѣда на книгу Бытія 2, отд. 2 и 4.

⁴⁾ О воплощеніи Слова, 3.

⁵⁾ Шестодневъ—бесѣда. 2-я.

всякаго сторонняго посредства, какъ бы изъ Себя Самого—общій отвѣтъ отцевъ и учителей Церкви тотъ, что Богъ не изъ Своего собственнаго внутренняго существа, и не показой либо необходимости произвелъ міръ, а создалъ его чрезъ внѣшній свободный творческій актъ Своей воли. Твореніе, говорятъ они, точнѣе опредѣляя свою мысль, по своему существенному характеру не есть тоже, что рожденіе, а должно быть строго отличаемо отъ послѣдняго. Тогда какъ рожденіе въ Богѣ составляетъ чисто внутренній процессъ, происходящій въ глубинахъ самого существа, или естества Божественнаго, твореніе являетъ собою одинъ чисто внѣшній процессъ, т. е. направленный всецѣло во внѣ процессъ Божественной дѣятельности. „Не изъ Себя творитъ Богъ, производя созданія“, пишетъ Василиій Великій, „но Своею дѣятельностію приводитъ ихъ въ бытіе, подобно тому, какъ „человѣкъ, обдѣлывающій что нибудь руками, не изъ себя „производитъ свое дѣло“¹⁾. Туже мысль Св. Аѳанасій выражаетъ такъ: „что устроено по хотѣнію, то получило начало бытія, и по отношенію къ творящему есть внѣшнее, Сынъ же есть собственное рожденіе Отчей сущности не во внѣ Отца²⁾. Такъ учатъ вслѣдъ за Аѳанасіемъ и другіе отцы Церкви современные ему и позднѣйшіе³⁾,—именно, что твореніе міра по своему существу и характеру совершенно не то, что рожденіе Сына,—что тогда какъ Сынъ произошелъ изъ самого естества Отцаго, а потому и единосущенъ съ Отцемъ, міръ произведенъ творческою силою изъ ничего, и потому составляетъ въ отношеніи къ Богу нѣчто иное по естеству, хотя близкое и родственное Ему, какъ Его собственное произведеніе.

¹⁾ Противъ Евномія, кн. V.

²⁾ *Orat. contra arianos.* 3, п. 62.

³⁾ Св. Епифаній, Св. Кириллъ Александрійскій, Бл. Августинъ. Св. Іоаннъ Дамаскинъ.

Итакъ отцы и учителя Церкви, со всею силою направляя свое ученіе противъ дуалистическаго ученія о Богѣ, какъ только образователѣ міра, въ тоже время въ своемъ ученіи о Богѣ—Творцѣ міра удерживали представленіе о Его творческомъ отношеніи къ міру, какъ похожемъ на отношеніе художника къ своему произведенію, ставя это представленіе во внутренней нераздѣльной связи съ идеею чистаго безусловнаго творчества Божія. Въ ученіи отцевъ Церкви о Богѣ, какъ Творцѣ міра, настолько твердо ограждено и такъ высоко поднято *христіанское ученіе о міротвореніи*, что оно постепенно заняло подобающее ему господствующее положеніе не только между умами простыми, но и образованными, оттолкнувъ собою назадъ все прежнія древне-философскія воззрѣнія на происхожденіе міра. Но въ этомъ ученіи заключается и для современнаго образованнаго міра полный и рѣшающій отвѣтъ на все пантеистическія и материалистическія воззрѣнія ново-европейской и современной философіи, а вмѣстѣ и естествознанія на вопросъ о происхожденіи міра.

Ученіе 3-е.

Временность міротворенія. Ученіе откровенія. Ученіе древнихъ отцевъ и учителей Церкви. Отдѣльные и послѣдовательные акты въ міротвореніи. Историческое значеніе повѣствованія Моисеева о происхожденіи и образованіи міра. Взглядъ отцевъ Церкви на историческій характеръ повѣствованія Моисеева о міротвореніи.

Первыя слова книги Бытія: *вначалѣ сотвори Богъ небо и землю* ясно и опредѣленно указывая, что міръ есть произведеніе исключительно всемогущей воли Творца, столь же ясно и опредѣленно указываютъ и тотъ моментъ, съ котораго началось и продолжается существованіе міра во времени. Какъ созданный, а не самобытный, міръ по необходи-

мости долженъ подлежать условіямъ временности и измѣнчивости, представляя въ своемъ тварномъ бытіи противоположность самобытности, неизмѣняемости и вѣчности своего Творца. Эту именно мысль выражаетъ псалмопѣвецъ, обращаясь къ Богу съ такими словами: *вначалѣ Ты основалъ землю и небеса длѣю рукъ Твоихъ. Они погибнутъ, а Ты пребудешь; и всѣ они, какъ риза обветшаютъ и какъ одежду, Ты переменяешь ихъ и измѣнятся; но Ты—тотъ-же и лѣта Твои не кончатся*¹⁾. Подобное же обращеніе къ Богу дѣлаетъ псалмопѣвецъ въ другомъ псалмѣ: *прежде нежели родились (явились) горы и Ты образовалъ землю и вселенную и отъ вѣка и до вѣка Ты—Богъ*²⁾. Такое же ученіе о временности міра, по противоположенію его бытія вѣчности Божіей, дается и въ новозавѣтномъ откровеніи. Господь Іисусъ Христосъ въ своей первосвященнической молитвѣ къ Богу Отцу говоритъ: *и нынѣ прославь Меня Ты, Отче, у Тебя Самого славою, которую Я имѣлъ у Тебя прежде созданія міра*³⁾, чѣмъ ясно показываетъ, что какъ Единородный Сынъ Божій, Онъ обладалъ единою съ Отцемъ славою, когда еще міра вовсе не было. Апостолъ Павелъ, сказавъ о Христѣ, что Имъ создано все, присовокупляетъ что Самъ Онъ (Христосъ) прежде всего⁴⁾.

Что касается ученія отцевъ и учителей Церкви о начальности и временности міротворенія, то оно уже заключалось и раскрывалось въ тѣхъ отвѣтахъ, какіе защитники христіанской истины давали противъ еще древняго дуалистическаго мнѣнія гностиковъ о образованіи Богомъ міра изъ вѣчной матеріи. Отвѣты эти состояли въ разоблаченіи того внутренняго противорѣчія, какое заключалось въ допущеніи вѣчной

¹⁾ Пс. 101,—25—27.

²⁾ Пс. 89, 3—5.

³⁾ Іоанн. 17, 5.

⁴⁾ Колосс. 1, 16—17.

матеріи, какъ подчиненной и въ тоже время равной по своему вѣчному бытію Богу, а главное—въ положительномъ разъясненіи откровеннаго ученія о твореніи Богомъ міра изъ ничего, чѣмъ не только устранена мысль о вѣчности міра, хотя бы по одной матеріи, но и о созданіи его Богомъ отъ вѣчности. На возраженіе гностиковъ, которое дѣлали они во время Св. Иринея, именно—что Богъ дѣлалъ до созданія міра, если Онъ создалъ міръ во времени? Св. отецъ отвѣчалъ: „если кто спроситъ, что Богъ дѣлалъ до созданія міра, то мы скажемъ, что отвѣтъ на это принадлежитъ одному Богу. Что міръ сотворенъ отъ Бога совершеннымъ, „получивъ начало во времени, объ этомъ учатъ насъ писанія, но никакое писаніе ничего не открываетъ намъ о томъ, что Богъ прежде того дѣлалъ“ ¹⁾. Впрочемъ такія мнѣнія и возраженія еретиковъ не представляли сами по себѣ опасности для общаго уже твердо установившагося во 2-мъ и началѣ 3-го вѣка православно церковнаго вѣрованія въ начальность и временность міротворенія.

Гораздо болѣе было опаснымъ для обще-церковнаго вѣрованія то обстоятельство, что одинъ изъ знаменитѣйшихъ по своимъ трудамъ для церковно-богословской науки учителей и писателей церковныхъ первой половины 3-го вѣка Оригенъ рѣшился допустить значительное видоизмѣненіе въ этомъ пунктѣ христіанскаго ученія о міротвореніи, стараясь доказать, что міротвореніе безначально и безвременно или вѣчно ²⁾. Исходя изъ того положенія, что въ древнихъ цер-

¹⁾ „Противъ ересей“ кн. 2-я, гл. 28.

²⁾ Оригенъ, преемникъ Климента александрійскаго по должности наставника александрійскаго училища, родился въ Александріи въ 185 г. умеръ въ 254 г. Онъ обладалъ, м. сказать, всестороннею ученостію;—онъ былъ филологъ, критикъ, экзегетъ, Богословъ-апологетъ, полемистъ и наконецъ философъ. Древніе (Св. Елифаній) приписывали ему до 6000 сочиненій, считая конечно въ этомъ числѣ и всѣ его бесѣды и письма. Особенно замѣчательны его труды по изслѣдованію Св. Писанія В. З., которымъ онъ посвятилъ цѣлые 27 лѣтъ. Цѣлю ихъ было исправленіе текста греч. персвода 70 толковниковъ, въ кото-

ковныхъ вѣроизложеніяхъ говорилось только вообще о міротвореніи безъ точнаго обозначенія его начальности, Оригенъ признавалъ неудоборазрѣшимымъ для мысли и непримиримымъ съ понятіемъ о вѣчномъ всемогуществѣ и благодѣи Божіей то предположеніе, что они открылись только въ извѣстное время. Зная несомнѣнно, утверждалъ Оригенъ, что не было и не можетъ быть ни одного момента, въ который бы Богъ не былъ всемогущимъ, мы должны допустить, что не было и такого времени, когда бы не было вовсе тварныхъ существъ, чрезъ которыхъ и въ которыхъ открывалось бы это всемогущество ¹⁾. Но подобныя соображенія вовсе не оправдываютъ того вывода, какой изъ нихъ дѣлается. Свойства всемогущества и благодѣи Божіихъ, открывшіяся во времени въ сотвореніи міра дѣйствительно составляютъ вѣчныя свойства существа Бога, какъ личнаго безконечнаго Духа. И потому Богъ обладаетъ полнѣйшимъ и совершеннѣйшимъ бытіемъ, обладаетъ и всемогуществомъ и благодѣію во внутреннихъ глубинахъ своей жизни, совершенно независимо отъ дѣла творенія. Не потому Богъ всемогущъ и всѣблагъ, что Онъ сотворилъ міръ, но потому міръ приведенъ изъ не-

ромъ оказывались по разнымъ спискамъ—разности, неточности и опущенія сравнительно съ евр. текстомъ. Плодомъ этихъ трудовъ была провѣрка греч. текста съ свр. подлинникомъ и переводами Акилы, Θεοδοтіона и Симмаха, для чего всѣ означенные тексты были написаны въ 6-ти столбцахъ (евр. текст—евр. и греч. буквами и затѣмъ переводы 70-ти, Акилы, Θεοδοтіона и Симмаха, это—*Гекзаплы. Тетраплы*—сводъ только 4-хъ греческихъ переводовъ. Изъ апологет. сочиненій до насъ сохранилось только одно—противъ Цельса. Изъ догматическихъ сочиненій замѣчательно сочиненіе: „о началахъ сохранившееся вполнѣ только въ лат. переводѣ: „*de principiis*“, представляющее опытъ христ. догматики въ смыслѣ науки. Но въ этомъ послѣднемъ сочиненіи есть неопредѣленныя выраженія о Св. Троицѣ и произвольныя мысли, не согласныя съ ученіемъ Церкви,—таковы—„о твореніи душъ человеческихъ прежде сотворенія міра“, о существованіи многихъ міровъ, прежде творенія этого видимаго міра“, и о невѣчности мученій грѣшниковъ. Ист. Христ. Церкви Е. Смирнова стр. 160—162.

¹⁾ „*De princip.*“ lib. 1, с. 2 и 10, lib. 2; сар. 3 и 1.

бытія въ бытіе во времени, что на то была всеблагая и всемогущая воля Творца. Оригенъ ссылается между прочимъ на слова Апостола Павла, что Христосъ пострадалъ *въ кончину вѣковъ* ¹⁾. Но ясно, что вѣки, на которые здѣсь указываетъ Апостолъ, принадлежать къ текущему, а не воображаемому Оригеномъ до—мірному порядку вещей. Точно такъ и первоначальное сказаніе книги Бытія о сотвореніи міра, равно какъ и все Богооткровенное ученіе о Богѣ-Творцѣ міра, очевидно относятся только къ небу и землѣ, всему видимому и невидимому т. е. къ настоящему міру, съ понятіемъ же творчества Божія прямо и непосредственно соединяется мысль о твореніи изъ ничего.

Такъ какъ мнѣніе Оригена, не смотря на свою очевидную произвольность, благодаря авторитету учителя, еще долгое время находило для себя приверженцевъ и защитниковъ ²⁾, то послѣдующимъ учителямъ Церкви необходимо было продолжать, въ видахъ его ослабленія и опроверженія, раскрытіе ученія о временности міра. Св. Афанасій полагаетъ отличительную особенность тварей въ томъ, что онѣ имѣютъ начало въ своемъ сотвореніи, такъ какъ начало предшествуетъ создаемому ³⁾. По объясненію Св. Василия Великаго, Бытописатель потому и употребилъ выраженіе *сначала сотвори Богъ*, что начало естественнымъ образомъ предшествовало тому, что отъ начала ⁴⁾. Св. Григорій Нисскій, замѣтивъ, что для божественной жизни ничто не можетъ быть мѣрою, потому что не она во времени, а время—отъ нея,—продолжаетъ: „тварь же непремѣнно отъ какого-либо опредѣленнаго начала стремится къ собственной своей цѣли, идя

¹⁾ Евр. 9, 26.

²⁾ Оно вмѣстѣ съ другими, несогласными съ общимъ ученіемъ Церкви положеніями окончательно и формально было осуждено въ VI вѣкѣ на помѣстномъ константинопольскомъ Соборѣ (541 г.).

³⁾ Orat. 1 *sontra arianos*“ п. 57.

⁴⁾ „Бесѣда на шестоднев. 1, 5.

временными разстояніями“.... „Создатель всяческихъ основываѣ вѣки,... уже въ нихъ творитъ все; потому что невозможно чему-либо изъ пришедшаго и приходящаго въ бытіе посредствомъ созданія, имѣть бытіе—иначе, какъ только въ мѣстѣ и во времени“ ¹⁾).

Преимущественно же изъ всѣхъ учителей Церкви занимался вопросомъ о временности мѣротворенія Блаж. Августина. „Вѣчность и время, по объясненію этого учителя, такъ относятся одно къ другому, какъ бытіе несозданное къ бытію созданному, или точнѣе сказать, составляютъ съ ними одно и тоже. Созданное, по этому, необходимо временно, а несозданное необходимо вѣчно“ ²⁾. „Такимъ образомъ за созданнымъ міромъ необходимо признать начальность и временность, и тѣмъ необходимѣе это признать, что время составляетъ его необходимую принадлежность, или самую природу. Ибо что такое время, какъ не разныя преемственные и послѣдовательныя перемѣны, которымъ съ безусловною необходимостію подвергаемся всѣ мы и весь міръ. Не будь этихъ перемѣнъ или тварей, въ которыхъ онѣ происходятъ, не было-бы самаго времени“ ³⁾ ... До происхожденія тварей, учить бл. Августинъ, времени вовсе не было, явилось же оно только съ тварями ⁴⁾, почему вѣрнѣе будетъ, если о временномъ происхожденіи міра будемъ выражаться такъ, что Богъ сотворилъ не во времени, а вмѣстѣ съ временемъ ⁵⁾. На неудомяніе, какимъ образомъ Вѣчный производитъ временное, Неизмѣнный—измѣнчивое и остается вѣчнымъ и неизмѣняемымъ? Августинъ отвѣчаетъ тѣмъ, что временность и измѣнчивость всецѣло падаютъ только на сторону міра, творимаго черезъ внѣшній творческій актъ воли Божіей.

¹⁾ Adversus Eunom“ lib. 1, n. 26.

²⁾ „De civit Dei“ lib. 12, cap. 15.

³⁾ „De civit lib. 11, c. v.

⁴⁾ „De Genes. ad litter. lib. 5, c. 19.

⁵⁾ „De civit.“ lib. 11, c. 6.

Что же касается самого существа Божія, то оно остается при этомъ однимъ и тѣмъ же неизмѣннымъ существомъ¹⁾. И самый временный и случайный міръ, такъ какъ онъ отъ вѣчности идеально существовалъ въ мысляхъ и рѣшеніяхъ Божіихъ, не является по отношенію къ Богу чѣмъ либо неожиданнымъ и новымъ, или возникшимъ по одному только случайному и мимолетному возбужденію мысли и воли Божіей. Св. Іоаннъ Дамаскинъ, излагая сущность древне-церковнаго вѣрованія и ученія относительно происхожденія міра, говоритъ: „все сотворенное потому уже самому, что сотворено, измѣнчиво и начально²⁾, одинъ только Богъ по „естеству безначаленъ³⁾, онъ—Творецъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ „существъ⁴⁾ и потому превыше времени“.

Въ первыхъ словахъ книги Бытія: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю* подѣ *небомъ* разумѣется міръ духовный, а подѣ *землею*, о которой непосредственно присовокупляется въ слѣдующемъ стихѣ, что она была *безвидна, пуста*, или что тоже—еще неупорядочена и неустроена, то вещество, изъ котораго въ слѣдствіе дальнѣйшаго творческаго дѣйствія Божія, произошли не только обитаемая нами земля со всѣми своими существами, но и всѣ прочія матеріальныя тѣла нашей планетной системы и всей видимой вселенной. Что подѣ *небомъ* въ 1-мъ стихѣ 1-й главы Бытія должно разумѣть невидимый духовный міръ съ принадлежащими къ нему духовно-разумными существами, это подтверждаетъ Св. Апостолъ Павелъ, когда раздѣляя совокупность всего созданнаго между небомъ и землею, говоритъ объ Іисусѣ Христѣ, что Онъ *есть образъ Бога невидимаго, рожденный прежде всякой тва-*

¹⁾ „De civitat“ lib. 12, cap. 17.

²⁾ „De fide orthodox“ lib. 1, c. 3.

³⁾ Ibidem lib., 2, c. 6.

⁴⁾ Ibidem, cap. 1; cap. 3. „Догмат. Богословіе“ еп. Сильвестра Т. III, стр. 82—93.

ри, и что Имъ создано все, что на небесахъ и что на землѣ, видимое и невидимое: престолы-ли, господства ли, начальства ли, власти ли: (разумѣются степени и чины ангельскіе) все Имъ и для Него создано¹⁾).

Итакъ первыя слова Бытописателя будутъ имѣть такой смыслъ: въ началѣ Богъ сотворилъ міръ невидимый или духовный и міръ видимый или чувственный. Послѣдній былъ еще въ состояніи безвидномъ, въ которомъ всѣ элементы, имѣвшіе образовать изъ себя міръ, были еще смѣшаны, неопредѣленны и неупорядочены. Какъ изъ этого первоначальнаго состоянія перешелъ міръ въ то состояніе, какое получилъ окончательно и имѣетъ теперь? Какія формы и ступени проходилъ Онъ въ своемъ постепенномъ образованіи? А главное, самъ-ли собою онъ развивался, имѣя въ себѣ всѣ зачаточные элементы и силы, или это постепенное образованіе и развитіе міра совершилось подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ божественной силы Творца? Вотъ вопросы, на которые Бытописатель отвѣчаетъ въ словахъ: *Духъ Божій носился надъ водою* (1, 2) и въ дальнѣйшемъ повѣствованіи о шести дняхъ творенія (ст. 3—31).

Духомъ Божиимъ по объясненію Св. Василія Великаго, слѣдовавшаго въ семъ случаѣ предшествовавшимъ отцамъ Церкви, называется Духъ Святый, потому что въ св. писаніи никакой духъ не именуется Божиимъ, кромѣ Третьяго лица Св. Троицы. Выраженіе же: *носился надъ водою*, согласно съ словозначеніемъ близкаго къ еврейскому сирскаго языка, означаетъ: „согрѣвалъ и оживотворялъ водное естество, „по подобію птицы, насиживающей яйца и сообщающей нагрѣваемому живительную силу, или, что тоже, приготовлялъ „водное естество къ рожденію тварей“²⁾). Итакъ это дѣй-

¹⁾ Колосс. 1, 15—16.

²⁾ „Бесѣда на шестодневъ 2-я. 6.—Григорія Н. „Объясненіе шестидневнаго творенія“. I. Дамаскина точное изложеніе правосл. вѣры“ кн. 2, гл. 9.

ствіе Божіе, отличаєсь по существу отъ первоначальнаго творческаго акта, чрезъ который изъ ничего созданы были Богомъ міръ невидимый и первовещество для міра видимаго, тѣмъ не менѣе не должно быть смѣшиваемо съ общепромышленнымъ дѣйствіемъ Божиимъ, состоящимъ въ сохраненіи созданнаго и направленіи его къ опредѣленной цѣли. Оно есть тоже творчество, только продолжаемое и направляемое къ тому, чтобы сообщить первосозданному веществу предположенныя условія существованія. И здѣсь Богъ дѣйствуетъ, какъ Творецъ, Самъ Собою непосредственно сообщая первой матеріи такого рода сочетанія и формы, силы и законы, которые сами собою никогда не могли бы произойти изъ нея. Подъ необычайнымъ воздѣйствіемъ Духа Божія міровая первоматерія вполне подготовлена была къ принятію той окончательной формы или нормы, какую благоугодно было Богу сообщить ей въ теченіи шести—слѣдующихъ дней. Въ первый изъ этихъ дней созданъ былъ Богомъ свѣтъ и отдѣлены собственные его элементы отъ элементовъ чуждыхъ. Во второй день произведено было раздѣленіе между водообразными массами имѣвшими отойти отъ земли къ надземному пространству, и подобною же водообразною массою, имѣвшею образовать изъ себя нашу планету, вслѣдствіе чего появилась твердь, или видимое небо. Въ третій день на самой землѣ произведено было отдѣленіе воды отъ плотной земляной массы, послѣ чего явились моря и суша и образовалось растительное царство. Въ четвертый день окончательно организованы тѣла и на небесной тверди, такъ какъ въ этотъ день, по повелѣнію Божию, явились на ней солнце, луна и всѣ другія небесныя тѣла. Въ пятый день произведены для населенія воды рыбы, а для населенія воздуха птицы. Для населенія же суши въ шестой день созданы были разныя животныя, и въ заключеніе—предназначенный быть владыкою всего человѣкъ. Шестымъ днемъ окончилось твореніе

и въ седьмой день Богъ *почилъ отъ всѣхъ дѣлъ своихъ*, т. е. пересталъ уже творить. (Быт. 2, гл. 2—3) ¹⁾.

Въ этомъ краткомъ и сжатомъ, но многознаменательномъ и многосодержательномъ повѣствованіи Моисеевомъ изложено все, что нужно знать о первоначальномъ происхожденіи и постепенно—послѣдовательномъ образованіи міра вѣрующему въ Бога Творца міра, чтобы эта вѣра не колебалась никакими сомнѣніями.

О твореніи міра духовнаго бытописатель упомянулъ только однимъ словомъ. Отцы Церкви ²⁾ объясняютъ это опасеніемъ, чтобы чрезъ болѣе полное и ясное изображеніе духовнаго міра не подать іудеямъ повода къ его обоготворенію. Что касается творенія видимаго міра, то свѣдѣнія о его происхожденіи и образованіи настолько при краткости изложенія полны, наглядны и положительны, что не могутъ не вызвать въ душѣ вѣрующей яснаго и отчетливаго представленія не только о томъ, что Богъ-Творецъ создалъ все изъ ничего, но и о томъ, что именно и когда Онъ создалъ, чѣмъ началъ и кончилъ Онъ Свое твореніе. Не надобно только забывать того глубоко вѣрнаго замѣчанія, какое сдѣлалъ въ своихъ „запискахъ на книгу Бытія“ Преосвященный митрополитъ Филаретъ,—что „Моисей описываетъ шестидневное твореніе не какъ естествословъ—для однихъ мудрыхъ, но какъ Богословъ, и для мудрыхъ, и для простыхъ“. Посему о высокихъ дѣйствіяхъ Божества онъ изъясняется по возможности сообразно съ ихъ достоинствомъ и однако чувственно и человѣкообразно ³⁾. Это замѣчаніе особенно необходимо имѣть въ виду, когда простому объективно-историче-

¹⁾ „Догматич. Богословіе“ еп. Сильвестра, т. III, стр. 93—97.

²⁾ Такъ объясняютъ это Св. Златоустъ во 2-й бесѣдѣ на книгу Бытія Василій Великій—въ 1-й бесѣдѣ на шестодневъ, Θεοδωρίτѣ въ толков. на книгу Бытія вопр. 2.

³⁾ „Записки на книгу Бытія“ стр. 7 (изд. 1816 г.).

скому характеру повѣствованія Богодухновеннаго писателя—противопоставляются разнаго рода соображенія и гипотезы современнаго естествознанія.

По вопросу объ историческомъ характерѣ повѣствованія Моисеева о частныхъ событіяхъ міротворенія высказывалось и высказывается нерѣдко такого рода недоумѣніе. Если у бытописателя главною и единственною цѣлію было возбудить и укрѣпить вѣру въ Бога, какъ Творца міра: то слѣдуетъ ли непременно смотрѣть на повѣствованіе объ отдѣльныхъ фактахъ міротворенія, какъ на дѣйствительную исторію снятую въ точности съ дѣйствительнаго хода вещей, давно совершившагося въ развитіи и образованіи міра;—или можно считать это повѣствованіе свободною группировкою возможныхъ и болѣе или менѣе вѣроятныхъ фактовъ мірозданія съ цѣлію въ болѣе наглядной формѣ выразить мысль о Богѣ—Творцѣ міра? Рѣшительнымъ отвѣтомъ на такое недоумѣніе будетъ совершенное устраненіе скрывающейся въ немъ мысли, будто въ Св. Писаніи существенно религіозную и слѣдовательно Богодухновенную стихію составляетъ вѣроученіе; а исторія здѣсь не болѣе какъ побочный, случайный, чисто человѣческій элементъ. Совершенно напротивъ во всемъ писаніи вѣроученіе и исторія образуютъ собою неразрывное единство. Вѣроученіе въ немъ всегда пополняется, объясняется и оправдывается исторіей, а исторія получаетъ истинный смыслъ въ вѣроученіи. Если же Богооткровенность составляетъ одинаково-существенный характеръ какъ вѣроучительной, такъ и исторической стороны Св. Писанія, то тѣмъ болѣе она должна принадлежать Моисеевой исторіи міротворенія, которое хотя и относится къ области прошедшаго—но такъ отдалена отъ всякаго наблюденія и опыта человѣческаго, какъ и самое отдаленное будущее. И потому возможно ли, чтобы Богопросвѣщенный бытописатель самъ собою сталъ составлять и другимъ передавать невѣдомую.

ни для кого изъ людей исторію міроузданія, руководясь одними личными соображеніями, или же древними кодачными преданіями, не имѣющими права на безусловное къ себѣ довѣріе? Внимательный и не предубѣжденный читатель книги Бытія, легко замѣтитъ, что Св. писатель съ тою же твердою и несомнѣнною увѣренностію, съ какою началъ свое повѣствованіе о первоначальномъ сотвореніи неба и земли, продолжаетъ свой рассказъ и о дальнѣйшихъ отдѣльныхъ событіяхъ міроутворенія, равно какъ въ томъ же духѣ и тонѣ передаетъ и послѣдующую исторію рода человѣческаго и въ особенности избраннаго народа Божія. Если бы Моисей хотя сколько нибудь сомнѣвался въ исторической дѣйствительности своего повѣствованія, составляющаго основу всей дальнѣйшей его исторіи, то всѣ послѣдующія его постановленія и напominанія о Богѣ Творцѣ міра могли бы оказаться мало убѣдительными для евреевъ, склонныхъ къ идолопоклонству. Тогда и заповѣдь о шестидневномъ дѣланіи и субботнемъ покоѣ, имѣвшая такое огромное значеніе въ религіозно-Богослужебной и всей нравственной и общественной жизни и бытѣ народа Божія могла бы представляться менѣе убѣдительною и обязательною для евреевъ, такъ какъ она была поставлена въ прямое соотвѣтствіе съ тѣмъ, что Богъ сотворилъ міръ въ шесть дней и въ седьмой почивъ отъ дѣлъ творенія, благословилъ и освятилъ этотъ день ¹⁾. Въ заключеніе предшествовавшихъ соображеній слѣдуетъ присовокупить, что ни одинъ изъ древнѣйшихъ іудейскихъ толковниковъ не высказывалъ сомнѣнія относительно какъ Богооткровенности, такъ и исторической подлинности Моисеева повѣствованія о шестидневномъ твореніи, за исключеніемъ одного аллегориста-Филона ²⁾. Изъ учителей Церкви, слѣдуя

¹⁾ Исход. 20, 9—11.

²⁾ Филонъ,—современникъ Апостоловъ былъ представителемъ іудейству-

Филону, склонялись въ аллегорическому взгляду на повѣствованіе Моисеево о твореніи Климентъ александрійскій ¹⁾, Оригенъ ²⁾ и позднѣе Блаж. Августинъ, колебавшійся между аллегорическимъ и историческимъ изъясненіемъ шестидневнаго творенія. Но затѣмъ цѣлый рядъ знаменитѣйшихъ отцовъ и учителей Церкви открыто и твердо стояли на сторонѣ историческаго или буквальнаго пониманія изображенія Моисеемъ шестидневнаго творенія ³⁾.

Св. Аѳанасій во 2-мъ словѣ противъ аріанъ передаетъ вѣроятно исторію шестидневнаго творенія почти буквально словами первой главы Бытія ⁴⁾; Св. Василій Великій въ своихъ специальныхъ бесѣдахъ на шестодневъ, стараясь сколько возможно шире обхватить и глубже проникнуть многозначительный смыслъ сказанія Моисеева о твореніи, и пользуясь въ своихъ объясненіяхъ значительнымъ запасомъ современныхъ ему естественныхъ знаній, тѣмъ не менѣе вездѣ и всегда строго держится буквальнаго и историческаго смысла. Во всѣхъ его объясненіяхъ шестоднева устраняется даже малѣйшій поводъ предполагать что-либо въ сказаніи Моисеевомъ, несовпадающее съ дѣйствительностію, хотя бы и могло быть нѣчто недосказано или умолчено ⁵⁾. Въ объясненіяхъ, какія даетъ толкователь относительно значенія дней творенія, прежде всего дается отвѣтъ на вопросъ: какимъ образомъ могъ произойти день, когда еще не было солнца? „Нынѣ, по сотвореніи уже солнца“ пишетъ Св. Василій Великій, „день есть освѣщеніе воздуха солнцемъ, когда оно свѣтитъ на верхнемъ полушаріи земли, а ночь есть покрытие земли

щаго эллинизма, стремившагося сблизить и примирить начала философіи Платона съ безусловною вѣрою въ Откровеніе.

¹⁾ „Стромат.“ книга 6, 16.

²⁾ „О началахъ“ кн. 4, 16.

³⁾ „De Genes contra manich. lib. 1, с. 14.

⁴⁾ „Contra arian orat“ 2, 19.

⁵⁾ „На шестодневъ“ бесѣд. 1, 7.

тѣню, когда скрывается солнце. „Но тогда не по солнечному движенію, а потому, что первосозданный свѣтъ, въ опредѣленной Богомъ мѣрѣ то разсѣвался, то опять сгуживался, происходила день и слѣдовала ночь... По поводу словъ: *и бысть вечеръ, и бысть утро, день одинъ*, онъ продолжаетъ: „пророкъ разумѣетъ продолженіе дня и ночи, но не наименовалъ дня и ночи; а далъ наименованіе только превосходнѣйшему. Тотъ же обычай найдешь и во всемъ писаніи, при измѣреніи времени исчисляются дни, а не вмѣстѣ и „ночи со днями“. Объясняя же далѣе, почему день первый у Моисея названъ единымъ, между прочимъ говоритъ такъ: „Моисей какъ бы такъ сказалъ: „мѣра 24 часовъ есть продолженіе одного дня, или возвращеніе неба отъ одного знака къ тому же опять знаку совершается въ одинъ день; почему всякій разъ, какъ отъ солнечнаго обращенія наступаетъ въ мѣрѣ вечеръ и утро, періодъ сей совершается не въ большее время, какъ только въ продолженіе одного дня“¹⁾.

На возраженіе, почему въ четвертый день было создано солнце, чтобы освѣщать землю и опредѣлять дни, когда уже прежде былъ свѣтъ и были дни, Св. Василій отвѣчаетъ: „смотри, не достаточно-ли Моисей словомъ: *освѣтити* выразилъ, что хотѣлъ“? Ибо онъ сказалъ: „*освѣтити* вмѣсто быть свѣтлымъ. А это ни мало не противорѣчить сказанному уже о свѣтѣ. Тогда было произведено самое естество свѣта, а теперь готовится это солнечное тѣло, чтобы оно служило колесницею тому первосозданному свѣту. „Иное есть огонь, а иное—свѣтильникъ; одинъ имѣетъ силу издавать свѣтъ, а другой устроенъ, чтобы свѣтить, кому нужно“²⁾.

По примѣру Василия Великаго были написаны изъясне-

¹⁾ Бесѣд. 2.

²⁾ Бесѣд. 6—2.

нія на шестодневъ Св. Амвросіємъ медіоланскимъ ¹⁾ и Григоріємъ нисскимъ ²⁾, изъ которыхъ первый слѣдовалъ въ главномъ и существенномъ почти буквально Св. Василию, а послѣдній, какъ самъ о себѣ замѣчаетъ, — руководился тою единственною цѣлю, чтобы пополнить недосказанное Василиемъ и въ тоже время „сохранить буквальный смыслъ написаннаго Моисеемъ, и съ буквою примирить естественныя воззрѣнія“. Въ историческомъ и буквальномъ смыслѣ понималъ и объяснялъ шестодневъ въ своихъ первыхъ бесѣдахъ на книгу Бытія Св. Іоаннъ Златоустъ. „Мы, бывъ научены Св. „Духомъ“, говоритъ Онъ, „черезъ уста блаженнаго пророка „Моисея, можемъ знать то, какія твари созданы въ первый „день и какія въ другіе дни, въ чемъ именно и выразилось „снисхожденіе челоуѣколюбиваго Бога. Ибо Его всесильная „рука и безконечная премудрость могли бы и въ одинъ день „все сотворить, и что (говорю) въ одинъ день даже и въ самое короткое мгновеніе. Но поелику не ради нужды своей „(Онъ) создалъ что либо, а единственно по челоуѣколюбію „и благодати все создалъ, то и по частямъ созидалъ, и о созданныхъ тваряхъ ясное и для насъ ученіе чрезъ блаженнаго пророка передалъ“ ³⁾.

Въ такомъ же смыслѣ объясняютъ исторію шестидневнаго творенія міра Св. Епифаній ⁴⁾, Блаженный Теодоритъ ⁵⁾ и Св. Іоаннъ Дамаскинъ ⁶⁾.

Итакъ хотя древняя Церковь не имѣла случая и необходимости высказать соборнѣ опредѣленіе относительно повѣствованія Моисеева о шестидневномъ твореніи, но главнѣйшымъ и господствующимъ между ея пастырями воззрѣніемъ

¹⁾ Ум. въ 394 г.

²⁾ Младшій братъ Св. Василия Великаго.

³⁾ „На книгу Бытія“ бесѣд. 3.

⁴⁾ „Противъ ересей“ кн. 2.

⁵⁾ „На книгу Бытія“ вопр. 22.

⁶⁾ „Изложеніе правосл. вѣры“, кн. 2, гл. 7.

было то, что здѣсь заключается не аллегорія, а дѣйствительная и подлинная исторія, и что подъ днями разумѣются не воображаемые только, а дѣйствительные подлинные дни. Такое воззрѣніе сохранялось и продолжаетъ сохраняться и доселѣ не только въ восточной, но и западной Церкви⁵⁾.

Ч т е н і е 4-е.

Отношеніе библейскаго повѣствованія о шестидневномъ твореніи къ научнымъ теоріямъ и выводамъ естествознанія.—Побужденіе въ Богѣ къ міротворенію.—Главная цѣль міра.—Цѣли подчиненныя.—Совершенство міра.—Ученіе Откровенія.—Ученіе отцевъ и учителей Церкви.

Повѣствованіе Моисея о шестидневномъ твореніи міра, отличаясь при многосодержательности своей краткостію, во все не имѣетъ въ виду какихъ нибудь научныхъ цѣлей представить систему астрономіи или геологіи. Цѣль его, какъ ученія Бого-откровеннаго, вызвать въ вѣрующей душѣ ясное и отчетливое представленіе о Богѣ, какъ истинномъ и единственномъ Творцѣ міра. Но согласно съ этою цѣлію оно излагаетъ все существенно относящееся къ порядку міротворенія вообще и въ особенности къ образованію нашей планеты, съ такою ясностію и послѣдовательностію, которыя не оставляютъ почти мѣста для серьезныхъ возраженій и съ естественно-научной точки зрѣнія.

По Библии, сотворенію органическаго міра предшествуетъ сотвореніе и образованіе неорганической природы. Органический міръ развивается постепенно; появленію въ немъ животнаго царства предшествуетъ царство растений; въ самомъ животномъ царствѣ сначала являются ниспие болѣе простые

⁵⁾ Догмат. Богословіе еп. Сильвестра, т. III, стр. 100—106.

организмы-водяныя животныя и пресмыкающіяся, затѣмъ болѣе развитые и сложныя-птицы и четвероногія, наконецъ создается человѣкъ, какъ вѣнецъ и завершеніе земныхъ твореній. Такая же постепенность въ восходящемъ порядкѣ существъ въ общемъ цѣломъ изображается и въ естественно-историческихъ системахъ мірообразования. Разности касаются не существа, а тѣхъ или другихъ частныхъ, не имѣющихъ прямо религіознаго значенія, и относящихся къ области ученой любознательности. Посему подробности спеціальныхъ астрономическихъ или геологическихъ наблюденій и изслѣдованій по вопросамъ о постепенности мірообразования не могутъ сами по себѣ быть признаваемы стоящими въ противорѣчій съ Библейской или Богословской точкой зрѣнія, если при этомъ міръ признается твореніемъ Божиимъ. Священное писаніе не говоритъ намъ, что все, что только есть въ природѣ, произведено непосредственнымъ творческимъ дѣйствіемъ. Изображая шестидневное твореніе, книга Бытія употребляетъ такія выраженія: *и сказалъ Богъ: да произраститъ земля зелень, траву... да произведетъ земля душу живу* и пр.

Подобныя выраженія очевидно указываютъ только воздѣйствіе Божественной Творческой силы на данныя уже въ первоначальномъ актѣ творенія природѣ силы, чтобы она могла произвести формы растительной и животной жизни, но не устраняютъ при этомъ естественнаго дѣйствія этихъ силъ. Такъ и въ сотвореніи человѣка (о чемъ будетъ сказано ниже) актъ Божественнаго творчества относится только къ дѣлу одушевленія тѣлеснаго организма новымъ высшимъ началомъ, котораго не доставало предшествовавшимъ видамъ тварей,—началомъ духовности и разумности *вдунулъ (Богъ) въ лице его (человѣка) дыханіе жизни*. Сотвореніе тѣла представляется образованіемъ также изъ готоваго уже, т. е. ранѣе созданнаго элемента природы: *персть возмъ отъ земли*.

И вообще объ отношеніи современнаго естествознанія къ

Библии, особенно по вопросам о мірозданіи, слѣдуетъ замѣтить, что вмѣстѣ съ движеніемъ по пути новѣйшихъ открытій, естественныя науки больше и больше приближаются къ содержанію и смыслу библейскаго бытописанія. Посему всякія увѣренія, что въ томъ или другомъ пунктѣ естествознаніемъ рѣшительно опровергнуто ученіе или факты Библии, слѣдуетъ считать по меньшей мѣрѣ преждевременными ¹⁾. Въ современной геологической наукѣ признается за вполне не-

¹⁾ Не больше какъ 40-50 лѣтъ назадъ считалось сомнительнымъ и даже прямо отрицалось существованіе человѣка до потопа (старая геологическая школа Кювье), на томъ основаніи, что не находили вмѣстѣ съ остатками допотопныхъ животныхъ остатковъ человѣка. Новѣйшими геологическими изслѣдованіями поставлено почти внѣ всякаго сомнѣнія существованіе человѣка до потопа, а слѣдовательно и одновременное происхожденіе его съ допотопными животными. Относительно происхожденія свѣта и свѣтилъ небесныхъ, пока господствовала гипотеза объ истеченіи свѣта изъ самосвѣтящихся тѣлъ, въ поведеніи Моисеевомъ находили ту несообразность, что свѣтъ сотворенъ въ первый день, а солнце въ четвертый. Но съ тѣхъ поръ какъ установилась новая, теперь уже общепринятая теорія, по которой свѣтъ не есть истеченіе изъ солнца, а тончайшая эфирная жидкость, разлитая въ пространствѣ,—само собой уже разрѣшается недоумѣніе, какъ могъ быть созданъ свѣтъ раньше солнца и другихъ свѣтовыхъ тѣлъ, равно и то, какъ могли существовать растенія, созданныя раньше свѣтилъ. Въ „запискахъ на книгу Битія“ митрополитъ Филаретъ въ объясненіи творенія перваго дня рѣшалъ вопросъ, что разумѣть подъ именемъ первозданнаго свѣта, и почему свѣтъ созданъ раньше свѣтилъ,—ссылаясь на естествоиспытателей, опредѣляетъ свѣтъ, какъ „сущность тончайшую, сильнѣйшую и необходимѣйшую для бытія и образованія другихъ вещей“, и за тѣмъ присовокупляетъ указаніе на нравственную цѣль для насъ: „да видимъ Божіе могущество, являющее силу свѣта прежде органовъ ея, и „да не чрезмѣрно удивляемся величію сихъ органовъ“, стр. 12, а при объясненіи сотворенія свѣтилъ въ четвертый день рассуждаетъ такъ: „дѣйствіе заключающееся въ сотвореніи свѣтилъ, по всей вѣроятности, есть сосредоточеніе „въ опредѣленныхъ мѣстахъ и совершеннѣйшее образованіе первосозданнаго свѣта съ утвержденіемъ для сихъ органовъ его постоянныхъ законовъ и круга дѣятельности“. Стр. 23—24. Наконецъ не такъ давно еще рѣшительно отвергалась возможность происхожденія различныхъ человѣческихъ расъ отъ одной четы. Но съ тѣхъ поръ какъ школа Дарвина находитъ возможнымъ объяснить происхожденіе не только видовъ одного рода, но и всѣхъ видовъ организмовъ отъ одной первоначальной органической формы,—происхожденіе всего человѣческаго рода отъ одной первоначальной четы: никому не должно представляться физической невозможностью.

сомнѣнное и неоспоримое положеніе, что природа земли во время своего развитія и образованія, проходя разныя ступени, соблюдала строгую постепенность, восходя отъ менѣе совершеннаго образа бытія къ болѣе совершенному, пока не достигла своего завершенія въ человѣкѣ, являющемся съ своими мертвенными останками только въ самыхъ верхнихъ наслоеніяхъ земнаго шара.

Что же касается нѣкоторыхъ частныхъ, въ которыхъ позднѣйшія предположенія геологіи повидимому вовсе не совпадаютъ съ сказаніемъ Моисея объ отдѣльныхъ и послѣдовательныхъ моментахъ въ происхожденіи и образованіи земли съ ея существами, то и геологія не можетъ похвалиться твердостью и постоянствомъ своихъ научныхъ положеній и выводовъ. Какъ показываетъ еще недавняя исторія геологіи, она вынуждалась часто мѣнять свои гипотезы и доселѣ еще не успѣла остановиться на чемъ-либо окончательномъ и рѣшительномъ.

Данныя науки, добываемыя ею изъ нѣдръ земли конечно вѣрны и неоспоримы, но главное дѣло—въ способѣ ихъ пониманія и объясненія. Могильные памятники остатковъ давно минувшей жизни сами по себѣ не дадутъ отвѣта, какъ шла и развивалась эта жизнь природы въ свое время. Отсюда—необходимость обращаться къ аналогіи опытовъ и наблюденій, относящихся къ существующему порядку вещей. Такъ поступаютъ въ частности и по отношенію къ весьма важному вопросу о продолжительности времени, потребнаго для образованія столькихъ геологическихъ формаций, или столькихъ разныхъ ступеней и видовъ растительнаго и животнаго царства, сколько ихъ замѣчается въ глубинахъ земли. Принимая во вниманіе, что для возникновенія, возрастанія и вымиранія такого рода видовъ растительнаго и животнаго бытія въ настоящее время потребовалось бы очень и очень значительное время, обыкновенно въ прошедшей судь-

бѣ отжившей природы предполагають самые продолжительные періоды въ цѣлые десятки и даже сотни тысячъ лѣтъ. Но возможно ли по настоящему порядку вещей судить съ увѣренностію и даже только съ вѣроятностію о томъ, что происходило съ землею до и для устройства этого самого порядка? Теперь все происходитъ на землѣ, хотя подъ непосредственнымъ смотрѣніемъ Божиимъ, но по начертаннымъ уже разъ на всегда Богомъ законамъ и при дѣйствіи установленныхъ Имъ силъ природы. Тогда же по преимуществу дѣйствовала творческая воля Божія производившая и устанавливавшая самые законы и силы природы. Подчинять же творческую волю Божию въ самомъ началѣ бытія тѣмъ условіямъ временности, съ какими впоследствии стали всегда сообразоваться законы и силы природы, значило бы самого Творца и виновника законовъ и силъ природы ставить отъ нихъ въ зависимость. Этимъ объясняется и безуспѣшность или по крайней мѣрѣ малоуспѣшность разныхъ экзегетическихъ опытовъ соглашенія сказанія Моисеева о шести дняхъ творенія съ допускаемыми геологами длинными періодами образованія міра—опытовъ, какіе предпринимались и предпринимаются западными Богословами и естествовѣдами.

Если Богъ, по ученію Откровенія, будучи самобытнымъ ¹⁾ въ своей внутренней жизни, обладаетъ полнотою бытія и блаженства, то созданный Имъ міръ не могъ составлять и не составляетъ чего-либо такого, что внутренно и существенно было бы необходимо для самого существа Божія. Но подавая всѣмъ бытіе, жизнь и все, и Самъ ни въ чемъ постороннемъ не нуждаясь ²⁾, Богъ по ученію того же Откровенія *создалъ все ради Себя* ³⁾; *все создано и все су-*

¹⁾ Иоанн. 5, 26.

²⁾ Дѣян. 17, 25—28.

³⁾ Притч. 16, 4.

*существуетъ отъ Него, Имъ и для Него*¹⁾. Отсюда слѣдуетъ, что міръ не только не есть что-либо чуждое и лишнее для Бога, но что напротивъ онъ весьма близокъ Богу и выполняетъ по отношенію къ Нему весьма важное значеніе; служа Ему такъ близко и внутренно, какъ средство обыкновенно служить своей цѣлп. Сотворенный Богомъ видимый и временный міръ своимъ бытіемъ, жизнію и явленіями, совершающимися въ немъ способствуетъ къ обнаруженію и отображенію во внѣ невидимаго и недоступнаго для насъ существа и величія Божія. Эту мысль и выражаетъ Апостолъ въ началѣ своего посланія къ Римлянамъ²⁾, когда говоритъ: *невидимое Его (Бога), вѣчная сила Его и Божество, отъ созданія міра чрезъ разсматриваніе твореній видимы, такъ что (язычники) безотвѣтны*. И такъ на вопросъ: что могло побудить Бога создать міръ? Мы можемъ отвѣчать слѣдующимъ: „Богъ отъ вѣчности созерцая Себя Самого, вмѣстѣ съ симъ въ умѣ Своемъ представлялъ и безчисленныя возможныя міровыя существа, какъ образы Своихъ собственныхъ совершенствъ. Эти образы, конечно, были не то, что существо Божіе, само въ себѣ и для себя существующее, но тѣмъ не менѣе они составляли собою нѣчто въ отношеніи къ нему близкое уже потому самому, что имъ давалось при немъ мѣсто и что они были отображеніями его самого. Могъ ли поэтому Богъ быть безразличнымъ и равнодушнымъ къ нимъ? Могъ-ли Онъ не возлюбить въ нихъ отображеніе того, что въ Самомъ Себѣ всегда любить, какъ первообразное и истинно сущее, т. е. истинное благо со всѣми нераздѣльными съ Нимъ совершенствами“³⁾. Итакъ главною и первою причиною, побудившею Бога создать міръ, была Его благость, или любовь къ благу тварей, какъ ото-

¹⁾ Рим. 11, 36, колосс. 1, 16.

²⁾ Рим. 1, 20.

³⁾ Догмат. Богословіе еп. Сильвестра. Т. III, §, 18, стр. 128.

образу Своего собственного блага. Будучи Самъ въ Себѣ высочайшимъ благомъ, Богъ въ твореніи міра являетъ Себя неоскудѣвающимъ источникомъ и подателемъ жизни и благъ для Своихъ тварей.

Священное писаніе, дѣлая многочисленныя указанія на открывшееся въ созданіи міра безпредѣльное величіе Творца ¹⁾, изображаетъ Его источникомъ жизни ²⁾ и подателемъ всѣхъ благъ ³⁾, а самый міръ, созданный Богомъ, представляетъ мѣстомъ, гдѣ являются безконечная благодѣтельность и любовь Божія ⁴⁾. Такъ рассуждали и древніе отцы и учителя церкви, полагавшіе причину побудившую Бога къ созданію міра, единственно въ безконечной Его благодѣтельности и любви къ благу своихъ твореній. Святыи Аѳанасій александрійскій, объясняя слова книги притчей, относящіяся къ Впостасной премудрости Божіей: *веселяшеся вселенную совершивъ и веселяшеся о сынѣхъ человѣческихъ* ⁵⁾, замѣчаетъ слѣдующее: „веселился (Господь) не по причинѣ (со внѣ) прибывшей къ Нему радости, а потому, что видѣлъ дѣла, творимыя по „Своему образу, значитъ поводомъ здѣсь къ радости для Него служитъ образъ Его ⁶⁾. Итакъ по мысли Св. Аѳанасія побужденіемъ къ созданію міра для Бога была исключительно Его любовь къ Своему собственному образу, имѣвшему отпечатлѣться въ мірѣ и стать отображеніемъ какъ всѣхъ Его совершенствъ, такъ и нераздѣльнаго съ ними высочайшаго блага. Ту же мысль выражаетъ Григорій Богословъ въ

¹⁾ Пс. 8. *Господи Господь нашъ, яко чудно Имя Твое по всей земли, яко взятыя великолѣпіе Твое превыше небесъ*. Въ особенности же величіе дѣла всемогущества и премудрости Божіей наглядно изображается въ пс. 103, надписываемомъ: „о твореніи міра“. *Какъ многочисленны дѣла Твои Господи. Все содѣлалъ Ты премудро; земля полна произведеній Твоихъ*.

²⁾ Пс. 35, 10.

³⁾ Іак. 1, 17.

⁴⁾ Пс. 32, 9, пс. 144, 9, Ис. 49, 15. Тит. 3, 4, 1 Тим. 2, 4, Іоанн. 3, 16.

⁵⁾ Пр. 8, 31.

⁶⁾ „Orat. 2, contra arian n. 82.

слѣдующихъ словахъ: „поселику для благодѣи не довольно „было заниматься только созерцаніемъ Себя Самой, а надле- „жало, чтобы благо, разливаясь текло далѣе и далѣе, умно- „жая сколько можно больше число облагодѣтельствованныхъ „(такъ какъ это свойственно высочайшей благодѣи); то Богъ „измышляетъ вопервыхъ ангельскія и небесныя силы.... (по- „томъ) другой міръ вещественный и видимый ¹⁾. Туже самую мысль выражали и другіе отцы Церкви: напр. Іоаннъ Златоустъ ²⁾, блаж. Августинъ ³⁾, Феодоритъ ⁴⁾.

Итакъ главная цѣль, къ какой предназначенъ созданный Богомъ міръ, есть Самъ Богъ-начало и конецъ всего ⁵⁾. Всѣ безъ исключенія существа міра призваны къ бытію съ тѣмъ, чтобы постоянно и непрерывно стремиться или тяготѣть къ Своему Виновнику-Богу и служить въ то же время органами откровенія Его безпредѣльнаго величія и благодѣи. Но между тѣмъ какъ неодушевленные и неразумныя твари исполняютъ это назначеніе безсознательно, находясь въ безусловной зависимости отъ Творца и въ то же время являясь неумолчными провозвѣстниками Его славы ⁶⁾, существа духовно-разумныя призваны сознательно и свободно выражать свое стремленіе къ единенію съ Нимъ умомъ въ благоговѣйномъ познаніи и прославленіи Его ⁷⁾, волею—въ смиренной покорности и благоугожденіи Его волѣ ⁸⁾, сердцемъ—въ сыновней любви къ Нему ⁹⁾. Такъ какъ мѣра, образъ и степень этого сознательно-свободнаго стремленія и приближенія къ Богу, какъ

¹⁾ „Orat. 43, п. 5.

²⁾ „Бесѣда на книгу Бытія“ 3-я.

³⁾ „De civitat. Dei lib. XI, с. 24.

⁴⁾ Genes. quaest. 4.

⁵⁾ Апокалипс. 1, 8.

⁶⁾ Псал. 18, 2—5.

⁷⁾ Дѣян. 17, 26, Іоанн. 17, 3.

⁸⁾ Мѡ. 6, 10.

⁹⁾ Мѡ. 24, 37.

первому началу и послѣдней цѣли бытія міра и человѣка, опредѣляется мѣрою и степенью внутренняго развитія и нравственнаго усовершенствованія свободно-разумныхъ существъ, то такое постепенное развитіе и усовершенствованіе и составляетъ дальнѣйшую цѣль міротворенія въ отношеніи къ человечеству. На эту цѣль прямо и ясно указываетъ Откровеніе, когда учитъ, *что мы созданы на дѣла благая* ¹⁾ чтобы быть *святими и непорочными* ²⁾, и что поэтому, помня заповѣдь: *будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный* ³⁾, мы должны, *взирая какъ въ зеркало на славу Господню, преобразяться въ тотъ же образъ отъ славы въ славу* ⁴⁾

Въ заключеніе всего вышеизложеннаго о твореніи міра и въ виду существовавшихъ разнообразныхъ и иногда расходящихся до противоположности философскихъ воззрѣній на жизнь міра и человечества въ его прошедшихъ и современныхъ судьбахъ, представляется естественнымъ и невольнымъ вопросъ: какъ смотрѣть на совершенство міра, т. е. на степень соотвѣтствія его въ его живой жизни цѣли и намѣреніямъ о немъ призвавшаго его къ бытію Творца?

Единственно рѣшительный и вполнѣ удовлетворяющій вѣрующую мысль отвѣтъ на этотъ вопросъ дастъ только Божественное Откровеніе, разъясняемое православною церковію въ лицѣ и чрезъ посредство ея древнихъ учителей. Относительно созданнаго Богомъ міра въ томъ его видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ рукъ Творца, первая глава книги Бытія прямо и ясно говоритъ, что Богъ какъ по частямъ, такъ и въ цѣломъ нашелъ его, вполнѣ соотвѣтствующимъ своимъ цѣлямъ и намѣреніямъ. Созданіе свѣта въ первый день заключаетъ Бытописатель словами: *и видѣ Богъ свѣтъ, яко добро* ⁵⁾.

¹⁾ Ефес. 2, 10.

²⁾ Ефес. 1, 4.

³⁾ Матѳ. 5, 48.

⁴⁾ 2 Кор. 3, 18. „Догмат. Богословіе“ еп. Сильвестра. Т. 3, стр. 131—133.

⁵⁾ Быт. 1; 4, 8, 11, 18, 21, 22, 25.

Тѣми же словами и *видѣ Богъ, яко добро* заключается повѣствованіе о созданіи небесной тверди, растеній, свѣтилъ небесныхъ, животныхъ на сушѣ. О живыхъ существахъ кромѣ того присовокупляются слова благословенія Божія *расти, размножаться и наполнять воды и землю*. Все же вообще шестидневное твореніе завершается въ повѣствованіи Бытописателя: *и видѣ Богъ вся, елика сотвори: и се добра зѣло* ¹⁾ .. Но и послѣ грѣхопаденія, изображая появленіе и быстрое возрастаніе въ мірѣ нравственнаго зла со всѣми физическими бѣдствіями, Слово Божіе смотритъ на міръ, и какъ на живой и великій органъ откровенія славы ²⁾, премудрости ³⁾ и благодати Божіей ⁴⁾ и какъ на поприще воспитанія челоувѣка въ Богопознаніи и благочестіи. Самое появленіе въ мірѣ и упорство нечестія не препятствуетъ осуществленію тѣхъ цѣлей, какія поставилъ Господь для міра, создавъ его. „Богъ, по словамъ Екклесіаста, все создалъ прекраснымъ въ свое время, хотя челоувѣкъ не можетъ постигнуть дѣлъ, которыя дѣлаетъ Богъ отъ начала до конца“ ⁵⁾.

Апостолъ Павелъ учитъ: всякое твореніе Божіе хорошо, и ничто не предосудительно, если пріемлется съ благодареніемъ ⁶⁾. И вообще все ученіе Откровенія даетъ разумѣть, что существующій міръ, не смотря на всѣ вошедшія въ его жизнь,—но предвидѣнныя Богомъ измѣненія вслѣдствіе грѣхопаденія людей, остается въ соотвѣтствіи съ тѣми цѣлями, для которыхъ онъ созданъ, но съ другой стороны тоже откровеніе ясно учитъ и о замѣнѣ этого временнаго міра нѣкогда лучшимъ и совершеннѣйшимъ, когда будутъ *новое не-*

¹⁾ Быт. 1, 31.

²⁾ Пс. 18, 2.

³⁾ Пс. 103, 24.

⁴⁾ Псал. 144, 9.

⁵⁾ Еккл. 3, 11.

⁶⁾ Тим. 4, 4.

*бо и новая земля*¹⁾, гдѣ будетъ жить правда, и когда самая тварь освободится отъ рабства тлѣнію въ свободу славы чадъ Божіихъ²⁾).

Учители древней Церкви, указывая въ мірѣ ясное отраженіе совершенствъ Творца³⁾, явленіе нравственного и не раздѣльнаго съ нимъ физическаго зла въ слѣдствіе грѣхопаденія объясняли, какъ такіа явленія, которыя напередъ были предвидѣны Богомъ и возможны при ограниченности и конечности тварей⁴⁾. По согласному ученію отцевъ Церкви, эти явленія представляютъ только уклоненія отъ добра⁵⁾, но не положительное зло, какъ отсутствіе всякаго добра⁶⁾. А что они не противорѣчатъ цѣлямъ, для которыхъ Богъ создалъ и къ которымъ ведетъ міръ, подтвержденіемъ служитъ то, что Богъ ограничиваетъ нравственное зло, пресѣкая разными путями гибельныя его послѣдствія, а зломъ физическимъ пользуется, какъ средствомъ или къ наказанію людей за грѣхи, или къ ихъ вразумленію и исправленію. На вопросъ же пытливаго разума, почему Богъ не создалъ сразу и наилучшій и совершеннѣйшій міръ, мы находимъ у отцевъ Церкви такой назидательный отвѣтъ, что Богъ не то дѣлаетъ, что могъ бы только сдѣлать, или что бы намъ вздумалось, а то, чего Самъ захочетъ, согласно съ премудрыми усмотрѣніями Своего высочайшаго разума. И потому Онъ въ опредѣленное время сотворилъ именно одинъ этотъ, а не иной міръ, хотя могъ бы создать и тысячи и безконечное число подоб-

¹⁾ 2. Петр. 3, 13.

²⁾ Римл. 8, 21.

³⁾ См. толкованія на шестодневъ Василия Великаго, на книгу Бытія—Златоуста, Амвросія, Ефрема Сирина и др.

⁴⁾ Григорія Богосл. „orat“ 40, п. 7. Кирилла александр. на еванг. Іоанн. на кн. 1, гл. 6.

⁵⁾ Тертулл. „противъ Маркіона“ гл. 16, 25 и 26. Васил. Вел. Бесѣда на Шестодневъ 2-я.

⁶⁾ Август. confess. lib. 141, с. 12.

ныхъ міровъ. Что же касается недоумѣній возбуждаемыхъ различными философскими воззрѣніями на настоящее положеніе міра, то они болѣе касаются промыслительнаго отношенія Бога къ міру, чѣмъ творческаго, и потому болѣе подробное разсмотрѣніе ихъ должно имѣть мѣсто въ изложеніи ученія о Промыслѣ Божіемъ.

Чтеніе 5-е.

Общій взглядъ на значеніе Богооткровеннаго ученія о происхожденіи перваго чѣловѣка, для дальнѣйшаго изложенія ученія о Богѣ въ его отношеніи къ тварямъ.—Сотвореніе тѣла и его значеніе въ составѣ природы челоуѣческой.

Въ третьемъ чтеніи перваго выпуска по вопросу объ историческомъ началѣ религіи были кратко указаны существенныя характеристическія особенности въ созданіи челоуѣка по сравненію со всѣми другими существами міра, предшествовавшими челоуѣку въ порядкѣ шестидневнаго творенія. Излагая теперь Богооткровенное ученіе о сотвореніи челоуѣка въ послѣдовательномъ исторически-догматическомъ порядкѣ, мы пополняемъ ранѣе указанныя черты созданія челоуѣка, какъ существа религіознаго, поставленнаго въ самомъ началѣ своего бытія въ особенныя жизненныя отношенія и къ Своему Творцу, и къ видимому міру природы, и представляющаго въ себѣ по вѣчной мысли и волѣ Творца вѣнецъ и завершеніе твореній. Мысли и намѣренія Творца относительно видимаго міра получаютъ для нашей вѣры въ творческую премудрость, всемогущество и благодать окончательное разъясненіе въ возможныхъ для нашей ограниченности предѣлахъ, когда на основаніи Откровенія установлено правильное и чуждое колебаній понятіе объ образѣ сотворенія челоуѣка, который, являясь высшимъ разумно нравственнымъ,

хотя въ то же время тѣлеснымъ существомъ, въ восходящемъ порядкѣ существъ міра видимаго, по своей духовной природѣ поставленъ Творцомъ и въ извѣстныя отношенія къ созданному ранѣе нашего міра невидимому міру чистыхъ и блаженныхъ духовъ. Ученіе о сотвореніи человѣка даетъ и предварительныя начала къ правильному пониманію ученія о Промыслѣ Божіемъ.

По сказанію книги Бытія ¹⁾ сотворенію человѣка предшествуетъ особенный совѣтъ Божій въ Св. Троицѣ: *сотворимъ человека по образу Нашему и по подобию и да обладаєтъ рыбами морскими и птицами небесными и всю землю...* И сотвори Богъ человека, по образу Божію сотвори его: Итакъ предварительный совѣтъ Божій о созданіи человѣка, чего не было предъ созданіемъ другихъ тварей, самъ по себѣ ясно указываетъ какъ на особенную творческую дѣятельность Бога по отношенію къ человѣку, такъ и на особенное высшее значеніе человѣка предъ всѣми другими твореніями. Не разясняя здѣсь подробно, въ чемъ состоитъ тотъ образъ Божій, по которому имѣлъ быть созданъ и дѣйствительно созданъ первый человѣкъ, Вытописатель дѣлаетъ весьма важное указаніе на одно изъ дѣйствій или послѣдствій этого образа, имѣвшихъ обнаружиться въ отношеніяхъ человѣка къ видимой природѣ. Обладая образомъ Божіимъ, человѣкъ долженъ былъ стать въ силу этого обладателемъ какъ земли, такъ и всего живущаго на ней.—Отсюда—прямое и необходимое заключеніе, что человѣкъ назначенъ къ власти надъ всѣмъ земнымъ, въ нѣкоторомъ отношеніи подобной власти надъ міромъ самого Бога. А далѣе отсюда слѣдуетъ, что человѣку Богъ въ самомъ его твореніи имѣлъ даровать такія способности и силы, которыя, дѣлая человѣка въ возможной для сотвореннаго ограниченнаго существа мѣрѣ подобнымъ

¹⁾ Быт. 1, 26—27.

своему Творцу, давали бы ему условія и возможность являться царемъ и владыкою земли и всего земнаго.

Во второй главѣ книги бытія изображается подробнѣе и опредѣленнѣе самый актъ созданія человѣка. *И созда Богъ человека, персть вземъ отъ земли, и одуну въ лице его дыханіе жизни, и бысть человекъ въ душу живу*¹⁾ Здѣсь въ изображеніи непосредственнаго творческаго дѣйствія Божія по отношенію къ человѣку ясно различаются два особенныя дѣйствія, изъ которыхъ однимъ опредѣляется образъ сотворенія тѣла, а другимъ—происхожденіе человѣческой души.

Выраженное человѣкообразно особенное непосредственное творческое дѣйствіе Бога по отношенію къ образованію тѣла человѣка, показываетъ, что хотя созданный Богомъ тѣлесный организмъ составленъ былъ изъ тѣхъ же матеріальныхъ элементовъ, изъ какихъ образованы и другіе животные организмы, но предствилъ въ себѣ нѣчто особенное, несравненно болѣе совершенное, чѣмъ организмы животныхъ. Богъ создалъ человѣка, взявъ земную персть и вдунувъ въ лице его дыханіе жизни, и сталъ человекъ душою живою. Итакъ тѣло человѣка создано было Богомъ для того, чтобы одушевить его дыханіемъ жизни. Безъ этого Божественнаго вдуновенія дыханія жизни въ тѣло человѣка имѣющаго уже лицо, т. е. полное очертаніе человѣческое, человекъ не былъ бы живымъ или полнымъ настоящимъ человекомъ. Съ другой стороны и безъ тѣла человѣческаго, устроеннаго такъ, чтобы имъ могла быть воспринята душа, не могло быть опять истиннаго и полнаго человека. Итакъ человекъ, созданный Богомъ, является такимъ существомъ, которое въ воплощенномъ и живомъ видѣ представляетъ собою внутреннее и органическое единство земнаго и небснаго, матеріальнаго и духовнаго. Этимъ опредѣляется и значеніе созданнаго Богомъ

¹⁾ Быт. 2, 7.

человѣческаго тѣла, какъ существеннаго и необходимаго органа для всѣхъ жизненныхъ отправленій вложенной въ него Богомъ человѣческой души. Этимъ же объясняется и та особенность строенія и формы чловѣческаго тѣла, какими рѣзко отличается оно отъ всѣхъ другихъ земныхъ животныхъ организмовъ.

Такой взглядъ на значеніе чловѣческаго тѣла находитъ для себя основаніе и объясненіе и въ Божественномъ откровеніи. Правда вышеуказанный стройный и нормальный союзъ между тѣломъ и духомъ, какой имѣлъ мѣсто въ первоизданномъ чловѣкѣ, существенно долженъ былъ измѣниться со времени грѣхопаденія. Съ тѣхъ поръ, какъ Богъ изрекъ Адаму нарушившему заповѣдь Творца, свой наказующій приговоръ по отношенію къ тѣлу: *земля еси и въ землю отъидеши* ¹⁾ оно возвращается въ землю, изъ которой вначалѣ создано, тогда какъ духъ долженъ возвращаться къ Богу, какъ Своему первоисточнику. ²⁾ Но тѣмъ не менѣе въ теченіи всей земной жизни чловѣка тѣло должно служить и дѣйствительно служить духу необходимымъ и неразлучнымъ спутникомъ и даже сотрудникомъ въ его дѣятельности. Оно часто даже противится духу, ³⁾ задерживая его въ его высшихъ и лучшихъ стремленіяхъ, не исключая и стремленія къ Богу ⁴⁾, тѣмъ не менѣе, духъ безъ него самъ собою ничего не можетъ дѣлать ни добраго, ни злаго. Впрочемъ Св. Писаніе вездѣ усволяетъ первенствующее, вліятельное и отвѣтственное значеніе духу. Отъ духа зависитъ или самому сдѣлаться рабомъ тѣла ⁵⁾, или тѣло сдѣлать послушнымъ себѣ сотрудникомъ ⁶⁾. Смотря по тому, какъ онъ будетъ обращаться съ сво-

¹⁾ Быт. 3, 20.

²⁾ Екклес. 12, 7.

³⁾ Галат. 5, 17.

⁴⁾ 2. Кор. 4, 6.

⁵⁾ Рим. 13, 14. Галат. 3, 3; 5, 13. Ефес. 2, 3.

⁶⁾ 1 Кор. 9, 27. Галат. 5, 24.

имъ тѣломъ, оно можетъ представить изъ себя сосудъ грѣховной нечистоты и скверны ¹⁾, и можетъ сдѣлаться храмомъ Божиимъ, ²⁾ и совмѣстно съ нимъ участвовать въ прославленіи Бога. ³⁾ Наконецъ и съ прекращеніемъ земной жизни не навсегда прерывается тѣсная связь тѣла съ духомъ. Всѣ тѣла умершихъ имѣютъ воскреснуть и опять навсегда соединятся съ своими душами, чтобы получить участіе въ вѣчномъ мadowозданіи, соотвѣтственно тому, что при участіи ихъ было содѣлано людьми добраго или худаго въ теченіи земной жизни ⁴⁾. Такъ учили объ особенностяхъ происхожденія тѣла человѣческаго и его значенія и древніе церковные учителя. „Самъ „Богъ взялъ персть отъ земли“, говоритъ Василій Великій, „и создалъ человѣка..... Не ангель употребленъ былъ Богомъ „для созданія нашего, не земля насъ произвела сама собою, „не служебнымъ силамъ Богъ повелѣлъ создать то или другое, „но, взявъ персть отъ земли, созидаетъ собственною рукою“ ⁵⁾).

Въ особенности же останавливали отцы и учителя церкви свое вниманіе на самомъ устройствѣ человѣческаго тѣла и его приспособленности, какъ органа дѣятельности души. Изъ отцевъ и учителей 4-го вѣка особенною полнотою и глубиною взгляда отличаются разсужденія о цѣлесообразности устройства человѣческаго тѣла Св. Григорія нисскаго, входящія въ содержаніе его главнаго Богословско-антропологическаго сочиненія, которое носитъ названіе: „объ устроеніи человѣка“ и составляетъ по намѣренію автора, продолженіе „шестоднева“ его старшаго брата, Св. Василія Великаго ⁶⁾.

¹⁾ Іуд. ст. 8.

²⁾ 1 Кор. 3, 16—17.

³⁾ 1 Кор. 6, 20.

⁴⁾ 1 Кор. 15, 20, 2 Кор. 5, 10.

⁵⁾ „De homin. Struchtua orat. 2 n 1.

⁶⁾ Св. Григорію Нисскому принадлежатъ два спеціальныхъ антропологическихкихъ трактата. Первый изъ нихъ „о душѣ и воскресеніи“, изложенный въ

„Поеліуу челоуѣкъ“ говорить св. отецъ, есть существо „живое и вмѣстѣ словесное, то необходимо было устроить „тѣло его такъ, чтобъ оно было орудіемъ, соотвѣтствующимъ „слову... Необходимо было и для слова предустроить соотвѣтственныя орудія, чтобъ оно для своего выраженія могло „соотвѣтственные звуки извлекать изъ частей тѣла, предназначенныхъ для образованія рѣчи“. Если разсматривать тѣло челоуѣческое, разсуждаетъ св. Григорій, безъ отношенія къ высшему назначенію его, какъ орудія души, то по сравненію съ тѣлами животныхъ, оно оказывается самымъ безпомощнымъ въ физическомъ смыслѣ. Природа не дала тѣлу челоуѣка такихъ покрововъ и оружій, какіе у другихъ животныхъ служатъ прекрасной защитой отъ враговъ..... Нѣтъ у насъ тѣхъ физическихъ свойствъ, какія у звѣрей и птицъ служатъ превосходными орудіями самосохраненія и поддержанія жизни: мы не владѣемъ ни скоростью зайца, ни зоркостью серны, ни силой и величиной слона, ни крыльями птицъ. Какъ же примирить эту видимую безпомощность съ понятіемъ о челоуѣкѣ, какъ царѣ и владыкѣ земли?—Но если мы по физической природѣ оказываемся слабѣйшими многихъ другихъ тварей, то эта самая физическая недостаточность и служить побужденіемъ къ обнаруженію нашей власти надъ подчиненными намъ низшими существами... „Жизненные „потребности для того и раздѣлены на cadaго изъ подчиненныхъ намъ, чтобы владычество надъ ними сдѣлать необходимымъ для насъ“. Медлительность и неудопоподвижность

формѣ разговора между самимъ Григоріемъ и сестрой его Макриной съ замѣчательною полнотою изслѣдуетъ вопросы: о безсмертіи души, ея природѣ и неразрушимости, равно какъ и о воскресеніи плоти. Второй, изъ котораго заимствованы приводимыя въ текстѣ мѣста, носитъ заглавіе: „объ устроеніи челоуѣка (περί κατασκευῆς ἀνθρώπου). Прошедшее, настоящее и будущее состояніе челоуѣка, вотъ три существенныя части, которыя намѣчаетъ самъ св. Григорій для своей антропологій. Ученіе св. Григорія еп. Нисскаго о природѣ челоуѣка. А. Мартынова, Москва 1886.

„нашего тѣла заставила насъ прибѣгнуть къ помощи коня; „нагота тѣлесная побудила приспособить къ услугамъ овецъ, „которыя ежегодно даютъ шерсть для приготовленія нашихъ „одеждъ; нужда перевозить изъ чужихъ странъ жизненные „припасы запрягла въчужныхъ животныхъ, невозможность пи- „таться подобно прочимъ животнымъ травою обратила въ „нашу пользу трудъ вола, котораго употребляемъ мы для „хлѣбопашества“. „Такъ и многія другія потребности побу- „дили человѣка фактически распространить свою власть надъ „всѣмъ земнымъ міромъ“.

Объясняя далѣе, что несмотря на недостатокъ физическихъ орудій, какими природа надѣлила другихъ животныхъ, — чело- вѣкъ силою разума и искусства подчиняетъ себѣ весь міръ земной и обращаетъ на служеніе себѣ всѣ тѣ свойства и средства физической природы, какихъ онъ лишенъ, учитель Церкви переходитъ къ цѣлесообразному устройству тѣла, какъ органа разумной души, и здѣсь останавливаетъ вниманіе на фигурѣ человѣка. — „Самая фигура человѣка, прямой станъ, „лицо, обращенное къ небу“, говоритъ онъ, обнаруживаютъ его „царственное величіе и превосходство предъ всѣми другими „тварями земли, преклонившимися книзу и какъ бы выра- „жающими свою покорность возвысившейся надъ ними власти. Прямое положеніе стана, по объясненію св. Григорія, имѣетъ чрезвычайно важное значеніе еще въ томъ отношеніи, что при немъ для поддержанія нашего тѣла въ равновѣсіи совершенно достаточно той опоры, какую образуютъ ноги, тог- да какъ у животныхъ внизъ наклоненныхъ, и передніе чле- ны, соотвѣтствующіе нашимъ рукамъ, несутъ ту же обязан- ность. Эта особенность въ устройствѣ человеческого тѣла составляетъ одно изъ выдающихся его преимуществъ, обу- словливающихъ до извѣстной степени возможность обнару- жения высочайшаго дара нашей природы — дара слова. По- средствомъ рукъ мы имѣемъ возможность выражать свое сло-

во въ письмени, такъ сказать вести молчаливую бесѣду. Важно это и для самаго слова, произносимаго голосомъ. Если бы человекъ лишень былъ рукъ, тогда всѣ голосовые органы по необходимости получили бы у него такое же устройство, какъ и у животныхъ четвероногихъ. А при такомъ устройствѣ органовъ человекъ никакъ не могъ бы образовывать члено-раздѣльнаго звука; онъ долженъ былъ бы или блеять, или мычать или ржать, или ревѣть подобно воламъ и осламъ.... А теперь когда тѣлу нашему даны руки, устройство рта, губъ и языка всецѣло приспособлено къ потребности рѣчи. Слѣдовательно „руки оказываются необходимою принадлежностью словеснаго существа. Творецъ при-
„мыслилъ ихъ для удобства слову¹⁾. Такъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ тѣло человеческое представляетъ въ высшей степени премудро и цѣлесообразно устроенный сосудъ души, обнаруживающій съ тѣмъ вмѣстѣ превосходство человека предъ всѣми прочими тварями земли. Вотъ почему мудрый Давидъ, послѣ тщательнаго изслѣдованія самого себя, сказалъ: *удивися разумъ Твой отъ мене* (пс. 138) изъ искусства, проявленнаго во мнѣ, т. е. изъ того, съ какою премудростью устроено мое тѣло, я позналъ великаго Творца²⁾“.

И вообще все ученіе древнихъ отцевъ Церкви выражаетъ и разъясняетъ тотъ взглядъ на тѣло человека, что оно, представляя въ себѣ органъ, мудро приспособленный къ потребностямъ души, вмѣстѣ съ тѣмъ составляетъ и существенную часть человеческой природы. Человекъ и есть собственно человекъ потому, что состоитъ не только изъ души, но и тѣла, безъ тѣла онъ не былъ бы истиннымъ человекомъ. Такое ясное и опредѣленное воззрѣніе на значеніе тѣ-

¹⁾ „Объ устроеніи человека“ гл. 7, 8 и 9.

²⁾ Тамъ же, гл. 8, ст. 96—102.

ла еще у древнѣйшихъ христіанскихъ апологетовъ вызывалось въ особенности лжеученіями гностиковъ, признававшихъ тѣло чѣмъ то лишнимъ и даже зловреднымъ для души, и потому незаслуживающимъ воскресенія. Съ цѣлію противодѣйствовать еретическимъ мнѣніямъ, апологеты—Св. Іустинъ¹⁾, Аѳинагоръ²⁾, Тертуліанъ³⁾ и особенно Св. Иринеи съ одинаковою силою убѣжденія раскрывали ту мысль, что тѣло само по себѣ не есть зло, что причина зла—не въ немъ, а въ душѣ; оно же напротивъ служитъ для души всегдашнимъ и неразлучнымъ органомъ, спутникомъ и сотрудникомъ, вслѣдствіе чего должно и воскреснуть для участія въ вѣчномъ издѣлѣніи вмѣстѣ съ душою. Особенно образно и характеристично выражаетъ свою мысль о значеніи тѣла въ составѣ человѣческой природы Св. Иринеи. „Душа и духъ могутъ быть частію человѣка“ говоритъ Онъ, „но никакъ не человѣкомъ; совершенный человѣкъ есть „соединеніе, союзъ души, получающій духа Отца съ плотію.. „Ибо ни плотское созданіе само по себѣ не есть человѣкъ, но есть тѣло человѣка и часть человѣка, ни душа сама по себѣ не есть человѣкъ, но душа человѣка и часть человѣка“⁴⁾. Таково же ученіе и всѣхъ послѣдующихъ учителей Церкви.

Современныя матеріалистическія гипотезы о первоначальномъ происхожденіи тѣла человѣка и тождествѣ его съ органами животныхъ. Ихъ несостоятельность.

Богооткровенное ученіе о происхожденіи тѣла человѣческаго и всестороннее разъясненіе и раскрытіе этого ученія древними отцами и учителями церкви, обоснованіе и опредѣленіе для вѣрующей мысли высокаго значенія человѣческаго тѣла, какъ органа разумно-словесной души, и существенной

¹⁾ „De resurrect“ 7, 8—10.

²⁾ „De resurrect mort“ n. 15.

³⁾ „De carn. resurrect“ 15—16.

⁴⁾ „Contra haeres. lib. V, c. 6.

части чело́вѣка, заключають въ себѣ полное и рѣшительное опроверженіе какъ древнихъ, такъ и новыхъ и современныхъ матеріалистическихъ воззрѣній на происхожденіе и значеніе тѣла. Не останавливаясь на древнихъ языческихъ матеріалистическихъ теоріяхъ по этому вопросу, какъ уже отжившихъ и потерявшихъ научное значеніе ¹⁾, нельзя не остановиться на нѣкоторыхъ позднѣйшихъ гипотезахъ для объясненія первоначальнаго происхожденія чело́вѣческаго организма. Одна изъ двухъ болѣе извѣстныхъ гипотезъ старается объяснить происхожденіе, какъ всѣхъ вообще животныхъ организмовъ, такъ и въ частности чело́вѣческаго, непосредственно изъ неорганической матеріи, при пособіи разныхъ физическихъ дѣятелей. Другая гипотеза утверждаетъ, что тѣлесный организмъ чело́вѣка также произошелъ самъ собою, подѣ влияніемъ однихъ чисто физическихъ дѣятелей, но только путемъ продолжительнаго постепеннаго преобразованія ближайшихъ

¹⁾ „Можно не удивляться тому“, говоритъ авторъ догматическаго Богословія, еп. Сильвестръ „что среди древне-языческаго міра, незнавшаго откровеннаго ученія о твореніи и не обладавшаго большимъ запасомъ естественныхъ свѣдѣній, могли появляться такого рода ученіе естествовѣды, которые „находили возможнымъ, при дѣйствіи однихъ механич. силъ природы, произвести какъ всѣ животныя организмы, такъ и организмъ чело́вѣческій, прямо „и непосредственно изъ земли, въ томъ предположеніи, что они сами собою „или сразу выросли изъ земли, подобно растеніямъ и грибамъ, и появились „на ней въ своемъ настоящемъ видѣ (Епикуръ и Лукрецій), или же путемъ долгаго развитія и преобразованія достигли до настоящихъ цѣлостныхъ и правильныхъ формъ послѣ прежнихъ формъ частичныхъ и неудачныхъ или уродливыхъ (Анаксимандръ, Парменидъ и Емпедоклъ). Но нельзя не подивиться „тому, что въ послѣднее время и притомъ среди христіанскихъ обществъ „всплываютъ подобнаго рода гипотезы о происхожденіи тѣлеснаго организма „чело́вѣческаго и находятъ себѣ немало сторонниковъ. Подобное явленіе можетъ быть объяснено только упадкомъ духа христіанскаго или вошедшимъ „въ моду намѣреннымъ ему противоборствомъ, но ничуть не требованіями современныхъ естественныхъ наукъ. Положительныя и несомнѣнныя данныя, „представляемыя этими науками, ничѣмъ не оправдываютъ означенныхъ гипотезъ и ничего слѣдовательно серьезнаго не противопоставляютъ откровенному ученію о первоначальномъ происхожденіи тѣла чело́вѣческаго“. Догмат. Богословіе епископа Сильвестра т. III, стр. 198.

къ нему животныхъ организмовъ, которые сами въ свою очередь ранѣе получили бытіе вслѣдствіе подобнаго же преобразованія и перерожденія другихъ низшихъ органическихъ формъ. Въ основаніе первой гипотезы указывается то обстоятельство, что извѣстнаго рода растительные и животные организмы всегда появляются и живутъ хотя бы и въ отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстностяхъ, но непременно такихъ, которые находятся въ совершенно одинаковыхъ климатическихъ или вообще физическихъ условіяхъ такъ что по извѣстной мѣстности можно судить объ ея органическихъ поселенцахъ, и наоборотъ по послѣднимъ составить понятіе о физико-характеристическихъ особенностяхъ мѣстности. Отсюда дѣлается общій выводъ, что главная и единственная причина, произведшая всѣ извѣстные организмы на земномъ шарѣ заключается въ физическихъ и климатическихъ условіяхъ. Прямымъ и простымъ указаніемъ несостоятельности такого заключенія о необходимой зависимости самого происхожденія организмовъ отъ климатическихъ и физическихъ условій служить всѣмъ давно извѣстная искусственная *акклиматизація* растений, въ силу которой *тропическія* растенія украшаютъ, при извѣстныхъ приспособленіяхъ, наши сѣверные ботаническіе сады и аранжереи. Съ другой стороны, каждому извѣстно, что въ другомъ полушаріи находятся мѣстности, точно соотвѣтствующія въ географическомъ и климатическомъ отношеніяхъ нашему полушарію. Между тѣмъ съ открытіемъ Америки тамъ не найдено было многихъ европейскихъ растеній, которыя только впослѣдствіи перенесены были туда и тамъ привиты, — а равно оказалось не мало растеній, не извѣстныхъ дотолѣ въ Европѣ и только впослѣдствіи перенесенныхъ въ нее и акклиматизованныхъ. Итакъ если при извѣстныхъ физическихъ условіяхъ существуютъ и развиваются извѣстные растительные организмы, то нельзя еще дѣлать отсюда заключенія, что въ этихъ самыхъ условіяхъ — и

причина ихъ происхожденія. Тоже должно сказать и объ организмахъ животныхъ. Есть много мѣстностей на земномъ шарѣ, въ которыхъ могли бы удобно жить извѣстные животныя, и однакожь ихъ тамъ нѣтъ.—На вновь напр. образующихся среди морей, островахъ, обыкновенно принимающихъ климатическія условія земель ближайшихъ, сами собою появляются только перелетныя птицы, разныя насѣкомыя, водою или вѣтромъ въ видѣ сѣмянъ или куколокъ, заносимыя сюда съ ближайшихъ материковъ. Но не появляется ни одно животное четвероногое, пока не будетъ какою либо случайностью, или при участіи человѣка завезено сюда, хотя бы на ближайшихъ берегахъ, при одинаковыхъ климатическихъ условіяхъ, такого вида животныя водились въ большомъ количествѣ. Указанія защитниковъ первой гипотезы ¹⁾ на то, что организмы *инфузорій* сами собою возникаютъ непосредственно изъ неорганической матеріи окончательно потеряли свое значеніе послѣ того, какъ наблюденія надъ разными родами и видами инфузорій Эренберга и Вернека, ясно показали, что и въ области этого рода микроскопическихъ существъ дѣйствуетъ тотъ же общій законъ происхожденія органическихъ существъ только путемъ рожденія отъ подобныхъ себѣ ²⁾. Послѣ этого гипотеза *самопроизвольнаго*, или лучше *самопроизводнаго* происхожденія организмовъ изъ неорганической матеріи должна была потерять всякую силу и значеніе въ примѣненіи къ объясненію происхожденія всѣхъ болѣе значительныхъ животныхъ организмовъ, въ особенности же къ объясненію первоначальнаго происхожденія организма человѣческаго.—

¹⁾ Гипотеза эта носитъ названіе: „Generatio spontanea или aequivoca въ отличіе отъ общаго закона природы въ произведеніи органическихъ существъ отъ другихъ подобныхъ себѣ черезъ рожденіе: generatio univoca.

²⁾ Православное Обозрѣніе—1860 г. Февраль. „О происхожденіи рода человѣч. В. Кудрявцева.

управленіи было неодинаково въ первое и послѣднее время царствованія Павла I: сначала въ совѣтѣ рѣшались многія важныя государственныя дѣла, но къ концу царствованія дѣятельность совѣта ограничивалась, главнымъ образомъ, цензурой иностранныхъ и русскихъ книгъ¹⁾. Но не смотря на эти колебанія относительно компетентности и самого состава Высочайшаго совѣта, главнымъ предметомъ его дѣятельности является, все-таки, законодательство. Такъ онъ занимался обсужденіемъ государственнаго бюджета (за 1797 и 1801 г.) и способовъ уплаты внѣшнихъ государственныхъ займовъ²⁾. На рѣшеніе совѣта былъ предложенъ вопросъ о присоединеніи Грузіи къ Россіи³⁾. Совѣтъ далѣе разсуждаетъ объ устройствѣ „на новомъ основаніи“ благороднаго училища въ Шеловѣ⁴⁾ и разныхъ мѣрахъ „о государственныхъ нуждахъ и пользахъ“⁵⁾. Совѣтъ рѣшаетъ дѣла и принимаетъ мѣры относительно увеличенія государственныхъ доходовъ и расходовъ (напр., замѣны хлѣбной подати прибавкой къ податному окладу, способа взиманія пошлинъ⁶⁾ и др.) и развитія торговли и промышленности въ странѣ. Такъ, напр., совѣтъ занимается правилами для винокуренія и питейной продажи, пересмотромъ тарифа 1796 г., развитіемъ горнаго дѣла, умноженіемъ приисковъ разныхъ рудъ и разработкой каменно-угольныхъ залежей, увеличеніемъ фабрикъ, вопросомъ о добываніи соли и др.). Совѣтъ также заботится объ устройствѣ путей сообщенія⁷⁾, напр., отысканіемъ способовъ улучшенія судоходства въ странѣ, опредѣленіемъ сборовъ съ рѣчныхъ судовъ, которыя строятся въ казенныхъ лѣсахъ⁸⁾. Совѣтъ же, наконецъ, рѣшаетъ нѣкоторые важные вопросы народнаго благосостоянія (о заселеніи южной полосы Россіи и Сибири и мѣрахъ по случаю неурожая хлѣба въ имперіи въ 1800 г.⁹⁾). Что же ка-

¹⁾ Ibidem, стр.: 1—2, 15, 223—224 и 401 с., ^{2—5)} Ibidem, стр. 142—242, 881, 529—570 и 419—420 с., ^{6—7)} Ibidem, стр.: 19, 59, 61—95, 587—590, 95—134, 315—422, 513—526, 421—424, ⁸⁾ 243—310 стр., ⁹⁾ Ibidem, 311—316, 571—586 стр.

сается административныхъ и судебныхъ дѣлъ, то совѣтъ принимаетъ самое незначительное участіе въ ихъ рѣшеніи ¹⁾.

Болѣе ясно и точно опредѣлилось при Павлѣ Петровичѣ значеніе сената, какъ высшаго судебного учрежденія въ Россіи, хотя, какъ мы видѣли, ему иногда поручались законодательныя, а также и административныя дѣла. Еще до своего восшествія на престолъ Павелъ I смотрѣлъ на сенатъ, какъ на высшую апелляціонную инстанцію въ судебныхъ дѣлахъ. Въ дошедшей до насъ „Собственноручной запискѣ императора Павла I объ устройствѣ сената“ послѣдній называется „единственно судебнымъ мѣстомъ“. Въ это „мѣсто“ должны были идти „дѣла чрезъ подчиненныя мѣста на конфирмацію во всѣхъ казусахъ, которые не во власти нижнихъ судебныхъ мѣстъ“. Въ „Запискѣ“ говорится далѣе о томъ, чтобы были точно опредѣлены границы власти нисшихъ судебныхъ мѣстъ и самого сената и первыя должны докладывать сенату, а этотъ послѣдній самому государю, „какъ скоро казусъ рѣшеніемъ своимъ выходитъ изъ власти того мѣста, что и можетъ быть положено цѣною въ гражданскихъ дѣлахъ и родомъ преступленія въ уголовныхъ“. Сенатъ, какъ „судебное мѣсто“, раздѣляется въ „Запискѣ“ на два департамента: уголовный и гражданскій и составляется изъ „людей первыхъ трехъ классовъ по 15 въ каждомъ“. Эти департаменты собираются въ общее собраніе сената, когда „дѣло существомъ своимъ требуетъ новаго законоположенія или — дѣло о важномъ какомъ преступленіи, оскорбляющемъ Величество въ первыхъ степеняхъ“. „Записка“ и здѣсь упоминаетъ, чтобы въ подобныхъ случаяхъ была „положена граница власти сената, которая, окончаніе получа, прибѣгаетъ къ власти государевой“. Но какое участіе принимаетъ сенатъ въ составленіи этихъ „новыхъ законоположеній“, очевидно,

¹⁾ Ibidem, стр.: 17, 525—526, 599—622, 623 880, 425—512, 591—598, 135 и 569—572.

по судебной части, объ этомъ ничего не говорится въ „Запискѣ“, которая обрывается на половинѣ фразы (Распоряженія внутреннія и хозяйственныя....) ¹⁾.

Судебный характеръ дѣятельности сената при Павлѣ I виденъ изъ того, что въ сенатѣ, гдѣ председателемъ былъ назначенъ наслѣдникъ престола ²⁾, который въ тоже время былъ и членомъ совѣта ³⁾, должны были поступать всѣ дѣла изъ гражданскихъ и уголовныхъ палатъ ⁴⁾. Всѣ почти департаменты сената были заняты обсужденіемъ судебныхъ дѣлъ ⁵⁾, при чемъ было учреждено вновь три департамента для той же цѣли ⁶⁾. Въ виду ускоренія рѣшенія дѣлъ въ сенатѣ, гдѣ отъ прошлаго царствованія оставалась цѣлая масса нерѣшенныхъ дѣлъ ⁷⁾, былъ принятъ рядъ мѣръ для ускоренія дѣлопроизводства. Сенатъ, напр., былъ обязанъ по нѣкоторымъ важнымъ дѣламъ засѣдать въ полномъ составѣ и во всякое время ⁸⁾. Требовалась лишь подпись трехъ сенаторовъ для рѣшенія дѣла, а въ общемъ собраніи сената—большинство голосовъ ⁹⁾, и какъ самъ сенатъ, такъ и мѣста, ему подчиненныя, не должны были медлить въ ихъ рѣшеніи ¹⁰⁾. Сенатъ получилъ право „опубликовывать“ судебныя мѣста за незаконныя рѣшенія дѣлъ ¹¹⁾. Въ качествѣ апелляціонной инстанціи сенатъ обсуждалъ всѣ тяжбы дѣла, соединенныя съ казеннымъ интересомъ и предварительно разсмотрѣнныя въ губернскихъ судебныхъ палатахъ при участіи казенныхъ палатъ ¹²⁾. Установленъ былъ также порядокъ обжалованія предъ государемъ рѣшеній сената, какъ отдѣльныхъ его департаментовъ, такъ и общаго собранія сената; этотъ порядокъ отличался особенной сложностью и запутанностью ¹³⁾

¹⁾ С. Р. И. О., 90 т., 146 стр., ²⁾ П. С. З., XXV, № 19,191, ³⁾ А. Г. С. Калачевъ, II, 2—10 с., ^{4—5)} П. С. З., XXIV, № 18,177, XXV, №№ 18,695 и 19,589, ⁶⁾ XXIV, № 17,639, ⁷⁾ Число ихъ простиралось до 11,476 дѣлъ (Blum, II, 148 с.), ^{8—10)} П. С. З., XXIV, №№ 17,569, 17,600, 17,760, 17,884, XXV, №№ 18,818, 18,348, 18,540, ¹¹⁾ XXIV, № 17,741 ^{12—13)} Сперанскій, 34—35 с., Градовскій, 200 стр.

и отъ него, какъ и вообще отъ обычнаго теченія дѣлъ въ сенатѣ, совершалось немало всякаго рода отклоненій, нерѣдко граничившихъ съ произволомъ. Такъ „иногда тяжёбое дѣло получало рѣшеніе въ пользу пропустившаго цѣлыхъ двѣ давности; другое переходило изъ первой инстанціи, минуя среднюю, прямо въ сенатъ. Бывали, наконецъ, случаи, что только что заслушанное дѣло въ сенатѣ было останавливаемо въ своемъ ходѣ и рѣшаемо самимъ государемъ по словамъ одного въ немъ участника“¹⁾. Подобнаго рода и другія изъятія судебныхъ дѣлъ изъ общаго порядка рѣшенія ихъ въ сенатѣ сильно затрудняли весь ходъ дѣлопроизводства въ немъ и вызывали медленность въ его рѣшеніяхъ²⁾. Кромѣ судебныхъ дѣлъ, сенату поручались при Павлѣ I еще нѣкоторыя дѣла внутренняго управленія, впрочемъ, довольно незначительныя. Такъ, напр., сенатъ завѣдывалъ школой юнкеровъ³⁾, цензурой книгъ⁴⁾, экспедиціей государственнаго хозяйства, опекунства иностранныхъ и сельскаго домоводства⁵⁾, дѣлами городовъ: Нарвы, Павловска и Гатчины⁶⁾, пожалованіемъ казенныхъ и оброчныхъ земель⁷⁾, межевыми дѣлами⁸⁾ и — о выходѣ изъ податнаго состоянія въ приказное званіе⁹⁾, опредѣленіемъ къ должностямъ и производствомъ въ чины¹⁰⁾, полицейскими дѣлами¹¹⁾ и нѣкоторыми другими маловажными дѣлами. Но сенатъ былъ для всѣхъ этихъ текущихъ и маловажныхъ дѣлъ только „сборнымъ мѣстомъ Высочайшихъ рѣшеній“. Не существовало „какого-либо постояннаго правила“ поступленія дѣлъ въ сенатъ и самое разсмотрѣніе ихъ въ сенатѣ было только „простымъ обрядомъ“: рѣшеніе дѣлъ зависѣло отъ согласія на-

¹⁾ И. И. Дмитріевъ: „Взглядъ на мою жизнь“, 130—141 стр. ²⁾ Сперанскій, *ibidem*, ^{3—6)} П. С. З., XXIV, №№ 17,707, 17,733, 17,811, 11,865, 17,208, ^{7—9)} XXV, №№ 18,516 и 18,591, 18,552, 18,509, XXVI, № 19,579, XXIV, №№ 18,494, 18,570, 18,620, ^{10—11)} XXV, № 18,637, 18,795, 19,158, 19,159, XXVI, №№ 19,554, 19,678, 19,727, XXV, № 19,047, XXVI, № 19,324.

чальника той или другой части управления съ генераль-прокуроромъ, который „собственною особою или подъ прикрытіемъ сената имѣлъ на всѣ части вліяніе“¹⁾). Не было никакого надзора при Павлѣ I и надъ дѣятельностью вновь образованныхъ министерствъ и дѣйствіями главныхъ директоровъ коллегій, такъ что во всей администраціи ощущался полный недостатокъ единства и общаго направленія²⁾).

Такимъ образомъ, можно констатировать, что во всѣхъ высшихъ учрежденіяхъ при Павлѣ I еще продолжается и даже еще больше, нежели при Екатеринѣ II, смѣшеніе всѣхъ функций управления, производившее большую путаницу въ ходѣ всѣхъ дѣлъ. Но въ то же время въ каждомъ изъ нихъ довольно опредѣленно выдѣляется изъ среды всѣхъ дѣлъ его вѣдомства одинъ особый ихъ родъ, сообразно положенію каждаго изъ высшихъ учрежденій въ центральномъ управленіи, какъ оно обозначилось въ теченіе XVIII в. и особенно предшествовавшаго царствованія. Такъ въ совѣтѣ сосредоточиваются преимущественно законодательныя дѣла и онъ сохраняетъ законсовѣщательный характеръ, приданный совѣту при Екатеринѣ II. Сенатъ дѣлается высшимъ судебнымъ учрежденіемъ. Всѣ же дѣла собственно внутренняго управленія, администрація подраздѣляется между генераль-прокуроромъ и извѣстнымъ числомъ отдѣльныхъ лицъ съ правомъ самостоятельнаго завѣдыванія отдѣльными отраслями управленія.

Мы закончили изслѣдованіе исторіи русскаго высшаго, центрального управленія въ XVIII вѣкѣ. Мы видѣли, что на его образованіе и развитіе въ теченіе этого времени вліяло нѣсколько особыхъ причинъ, благодаря совмѣстному дѣйствию которыхъ произошло постепенное обособленіе функций управленія въ отдѣльныхъ высшихъ учрежденіяхъ. Изъ числа этихъ

¹⁾ Записка Кочубея о министерствахъ, С. Р. И. О., 90 т., 202 стр., ²⁾ О. Дмитриевъ, 78—79 стр.

причинъ—аристократическія притязанія русскаго дворянства исчезли въ началѣ царствованія Екатерины II и дальнѣйшій процессъ образованія высшаго управленія при этой императрицѣ, Павлѣ I и особенно Александрѣ I совершается внѣ всякаго вліянія аристократическихъ традицій. Но за то оставалась въ прежней своей силѣ потребность въ высшемъ правительственномъ учрежденіи съ законодательной функціей, удовлетворенная до извѣстной только степени созданиємъ совѣта при Екатеринѣ. Была признана также, особенно къ концу XVIII вѣка, необходимость спеціализаціи главныхъ отраслей внутреннего управленія, образованія министерствъ, въ которыхъ воплотилось личное начало въ управленіи. Наконецъ, сенатъ вышелъ изъ разнообразныхъ столкновеній съ высшими учрежденіями въ XVIII в. съ ролью высшаго судебного учрежденія въ государствѣ *par excellence*. Можно, слѣдовательно, утверждать, что въ концѣ XVIII столѣтія уже былъ *подготовленъ*, намѣченъ путь и опредѣлилось то направленіе, въ которомъ должны были совершаться и дѣйствительно, какъ увидимъ, совершились послѣдующія реформы въ высшемъ управленіи въ царствованіе Александра I, когда были образованы вполнѣ, хотя и не безъ вліянія иностранныхъ образцовъ, Государственный Совѣтъ и министерства и за сенатомъ было рѣшено окончательно упрочить значеніе высшаго судебного учрежденія въ государственномъ управленіи.

ПЕРВАЯ ГЛАВА.

Воспитаніе, характеръ и политическіе взгляды императора Александра I. Его ближайшіе сотрудники и противники реформъ въ первую половину царствованія Александра Павловича. Состояніе государственнаго управленія при его востшествіи на престолъ. Роль „Comite du salut public“ въ преобразованіи совѣта, сената и министерствъ. Существенныя черты организаціи всѣхъ этихъ высшихъ учреждений въ первую эпоху реформъ. Компетентность комитета министровъ (по законодательнымъ дѣламъ).

Императоръ Александръ Павловичъ былъ воспитанъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ, Константиномъ Павловичемъ, овоей бабкой, Еватериной II въ духѣ принциповъ философіи XVIII в., которые должны были внушить великимъ князьямъ назначенные въ нимъ воспитатели—графъ Салтыковъ, Протасовъ ¹⁾, особенно же швейцарецъ Лагарпъ. Послѣдній по своимъ убѣжденіямъ былъ искреннимъ республиканцемъ ²⁾. Лагарпъ оказалъ сильное вліяніе на умственное развитіе и образованіе характера Александра I, который получилъ отъ своего воспитателя космополитическіе, нравственные и политическіе, идеалы,—возвышенныя и отвлеченныя представленія о человѣческомъ благѣ, гражданской свободѣ, равенствѣ всѣхъ людей, задачахъ дѣятельности человѣческой личности, особенно же монарха ³⁾. Александръ былъ увѣренъ вполнѣ,

¹⁾ Богдановичъ: „Исторія царствованія Александра I“, I т., 8—9, 11, 13—15 стр., ²⁾ „Записки Лагарпа“, Рус. Архивъ, 1886 г. IV, 81 с., Сухомлиновъ: „Исслѣдованія и статьи по русской литературѣ и прозвѣщенію“, Спб., 1889, II, прил. къ статьѣ о Лагарпѣ, 162 с., ³⁾ Пипинъ: „Общественное движеніе при Александрѣ I“, 2 изд., Спб., 1885, 18, 38—49 стр., Сухомлиновъ, *ibidem*, 71, 75—76 с., „Бумаги Лагарпа“, Рус. Архивъ, 1769, VII, 75—76 с., Богдановичъ, I, 18—24 с., Надлеръ: „Императоръ Александръ I и идея священнаго союза“, I, 17 стр.

что онъ долженъ основать всю свою будущую дѣятельность на демократическихъ принципахъ свободы и счастья всего общества, избѣгать произвола въ своихъ дѣйствіяхъ и стремиться къ водворенію въ управленіи законности ¹⁾. По словамъ князя Чарторыйскаго, Александръ считалъ республику единственной формой правленія, сообразной съ желаніями и правами человѣка, и утверждалъ, что верховная власть должна быть ввѣряема наиболѣе способнымъ управлять націей по ея свободному выбору ²⁾. Всѣ эти социальное-политическіе взгляды Александра Павловича, обычные въ образованныхъ классахъ европейскаго общества XVIII ст., когда стремились къ его преобразованію на однихъ началахъ разума ³⁾, были слишкомъ далеки отъ всего склада русской общественной жизни, съ которой воспитатели будущаго императора не считали нужнымъ его ознакомить ⁴⁾, или же сообщали о ней поверхностныя и часто невѣрныя свѣдѣнія. Такъ Протасовъ ничего не говорилъ, по его собственнымъ словамъ, Александру о „свѣтѣ, каковъ онъ есть и каковъ быть долженъ“, ограничивался только нѣсколькими намеками на общественные порядки въ Россіи и даже извращалъ своими объясненіями дѣйствительный строй русскаго общества ⁵⁾. Немного больше Александръ узналъ о своемъ отечествѣ и отъ Лаварпа, въ мемуарахъ котораго, представленныхъ императору въ началѣ его царствованія, было „только, по словамъ Тургенева, нѣсколько общихъ мѣстъ о народномъ просвѣщеніи и сенатѣ, но ничего о постоянныхъ и серьезныхъ институ-

¹⁾ Ibidem, ²⁾ „Memoires du prince A. Czartoryski“, Paris, 1887, I, 102—103 р., ³⁾ Тэнъ: „Происхожденіе современной Франціи“, I т., 274 с. и сл., 311 с. и сл., 359 с. и сл., Карѣвъ: „Исторія Западной Европы въ новое время“, Спб., 1892—1893, III т., 149 с. и сл., 229 с. и сл., ⁴⁾ Masson: „Memoires secrets sur la Russie, II, 159 с., „Записки Меттерниха“, Истор. Вѣстникъ, 1890, I, 168 с. и сл., ⁵⁾ „Дневныя записки Протасова о воспитаніи великаго князя Александра Павловича“, Древняя и Новая Россія, 1880, II, стр. 762—765, 770—774 стр.

тахъ—о крѣпостномъ правѣ, объ улучшеніи уголовной юстиціи и полиціи, находившихся въ ужасномъ состояніи“¹⁾. Лишь впоследствии, когда Лагарпъ былъ приглашенъ своимъ ученикомъ, уже императоромъ въ Россію послѣ шестилѣтняго пребыванія въ Швейцаріи, гдѣ онъ горькимъ опытомъ убѣдился въ неосуществимости своихъ демократическихъ политическихъ идеаловъ, Лагарпъ сталъ давать Александру нѣкоторые практическіе совѣты относительно преобразованія высшей администраціи²⁾.

Всѣ восторженныя и краснорѣчивыя проповѣди Лагарпа о высшихъ задачахъ человѣческой дѣятельности, нравственныхъ и социальныхъ идеалахъ оставили неизгладимый слѣдъ въ впечатлительной и увлекающейся натурѣ Александра. Но обстановка, въ которой онъ жилъ въ юношескіе свои годы, было мало пригодна для приложенія этихъ новыхъ теорій о человѣческой жизни и устройствѣ общества. Александръ долженъ былъ въ одно и тоже время присутствовать при торжественныхъ выходахъ своей бабки, окруженной многочисленнымъ и пышнымъ дворомъ, и посѣщать своего отца въ Гатчинѣ, гдѣ Павелъ Петровичъ ввелъ строгую дисциплину въ своей семьѣ и велъ съ нею простой и даже суровый образъ жизни. Отъ Александра не могли укрыться натянутыя отношенія между Екатериной II и ея сыномъ, и онъ глубоко страдалъ отъ своего ложнаго положенія при „большомъ дворѣ“ бабки и всей шумной и парадной придворной жизни Екатерины. Какое впечатлѣніе производила она на ея внука, это видно изъ его писемъ къ графу Кочубею и Лагарпу. „Придворная жизнь не для меня создана, писалъ онъ первому; я всякій разъ страдаю, когда долженъ являться на придворную сцену, и кровь портится во мнѣ при видѣ низостей, совершаемыхъ другими на каждомъ шагу для получе-

¹⁾ „Tourgueneff: La Russie et les russes“, 1847, Paris, I, notes, 441 p.,

²⁾ См. ниже.

нія ви́шнихъ отличій, нестоющихъ въ моихъ глазахъ мѣднаго гроша. Я чувствую себя несчастнымъ въ обществѣ такихъ людей, которые, будучи надменными съ низшими, пресмыкаются предъ тѣми, кого боятся“¹⁾. Неудивительно было поэтому, что въ письмѣ къ Лагарпу Александръ выражалъ намѣреніе „отдѣлаться со временемъ отъ бремени правленія, которое становилось для него день отъ дня все болѣе невыносимымъ“²⁾. Придворная жизнь развила въ Александрѣ такія качества характера, которыя были крайне противоположны убѣжденіямъ будущаго государя. Александръ долженъ былъ слушать и исполнять наставленія своего воспитателя, стараго придворнаго, Салтыкова, который „рано пріучалъ его угождать бабѣ и ея любимцамъ и крутому нраву отца“³⁾. Въ душу Александра невольно западали при такомъ обязательномъ образѣ поведенія подозрительность, недовѣрчивость ко всѣмъ окружающимъ; онъ видѣлъ себя вынужденнымъ скрывать свои взгляды и симпатіи предъ суровымъ отцомъ, непримиримымъ ихъ противникомъ⁴⁾. Всѣ эти противорѣчія между соціально-политическимъ міровоззрѣніемъ и всѣми окружающими условіями жизни Александра Павловича до его восшествія на престолъ сильно повліяли на образование характера Александра, лишили его твердости и увѣренности въ своихъ силахъ, которыя были такъ необходимы при предстоящей преобразовательной дѣятельности государя. Отсюда же происходила его нерѣшительность и измѣнчивость въ примѣненіи своихъ политическихъ и соціальныхъ идеаловъ. Это соединеніе въ Александрѣ Павловичѣ возвышеннаго ума, благородныхъ порывовъ мягкаго, нѣжнаго

¹⁾ Корфъ: „Восшествіе на престолъ императора Николая I“, Спб., 1857, 5 изд., 4—5 стр., ²⁾ С. Р. И. О., V, 23 стр., ³⁾ Pertz: „Das Leben d. Ministers Freichern von Stein“, Berlin, 1851, III B., 55—56 s., ⁴⁾ Пипинъ, *ibidem*, 37—38 стр., Gerwinus: „Geschichte d. neunzehnten Jahrhunderts“, Leipzig, 1856, II, 693 s.

и сострадательнаго сердца съ непостоянствомъ и слабостью воли, двойственность, контрастъ между словомъ и дѣломъ— главная черта всей личности этого государя. Здѣсь лежитъ объясненіе того, повидимому, страннаго факта, что Александръ слишкомъ поддавался всякимъ постороннимъ внушеніямъ, но затѣмъ начиналъ колебаться, быстро разочаровывался въ чужихъ взглядахъ и, наконецъ, оставлялъ ихъ безъ всякаго вниманія¹⁾. „Всего онъ (государь) хочетъ лучшаго и, кажется, стремительно, выражался объ Александрѣ одинъ изъ его современниковъ, графъ Завадовскій, но лишь къ исполненію, тутъ и препоны“²⁾. Въ такой двойственности характера Александра Павловича, его непостоянствѣ, нерѣшительности нужно искать главную причину разительныхъ перемѣнъ въ дѣятельности этого императора, который въ первую половину своего царствованія былъ одушевленъ искреннимъ и нетерпѣливымъ желаніемъ преобразовать все управленіе Россіи сообразно съ своими политическими взглядами; а во вторую (послѣ войны 1812 г.) тотъ же Александръ I обнаружилъ полное равнодушіе къ внутреннимъ дѣламъ управленія³⁾ и даже допустилъ въ немъ господствовать произволу отдѣльныхъ лицъ (напр., графа Аракчеева), къ искорененію котораго во всей администраціи были направлены ранѣе всѣ усилія самого государя и его ближайшихъ помощниковъ въ реформахъ. Ихъ непоследовательность, такъ вредно отразившаяся на всемъ устройствѣ центральныхъ учреждений⁴⁾, также вытекала изъ одного и того же источника.

При всѣхъ колебаніяхъ и нерѣшительности характера Александра I, есть въ немъ одна общая черта, которая пронизываетъ всю дѣятельность государя, но особенно ясно выдѣляется въ ней въ первую половину его царствованія. Это

¹⁾ Pertz, *ibidem*, Записки Меттерниха, *ibidem*, Schnitzler: „Histoire intime de la Russie“, Paris, 1847, I, 45 p., Богдановичъ, I, 18—22 с., ²⁾ Пыпинъ, 38—49, ³⁾ Gerwinus, *ibidem*, 694—705 в., ⁴⁾ См. ниже.

—стремленіе Александра Павловича основать весь русскій общественный строй на началѣ законности, создать въ Россіи прочныя политическія учрежденія, при которыхъ были бы положены границы личному произволу¹⁾). Александръ желалъ управлять государствомъ только по принципу законности²⁾, заявлялъ при всякомъ случаѣ, что законъ выше его воли и власти и что онъ только исполнитель закона³⁾). При своихъ первыхъ работахъ надъ преобразованиемъ администраціи при помощи неофициальнаго комитета Александръ не разъ выражалъ желаніе „обуздать произволъ русскаго управленія“⁴⁾). Одно изъ первыхъ преобразованныхъ имъ учреждений—совѣтъ названъ былъ „непремѣннымъ“ въ знакъ того, что онъ долженъ быть постояннымъ институтомъ, независимымъ отъ всякихъ случайностей. Главною цѣлью, „высокимъ предустановленіемъ“ непремѣннаго совѣта было „поставить силу и блаженство имперіи всероссійской на неизблемомъ основаніи закона“. Особенно ярко выразилось убѣжденіе Александра I въ необходимости ввести законность въ управленіи при открытіи вновь образованнаго въ 1810 г. Государственнаго Совѣта, когда императоръ высказалъ, что „онъ *всегда* желалъ, чтобы благосостояніе имперіи утвердилось на законѣ, а законъ былъ неподвиженъ на установленіяхъ, и чтобы установить порядокъ и оградить имперію добрыми законами“⁵⁾). Въ манифестѣ объ образованіи Государственнаго Совѣта заявлялось, что „истинный разумъ всѣхъ усовершеній русскихъ государственныхъ установленій состоитъ въ томъ, чтобы учреждать постепенно образъ правленія на твердыхъ и непремѣняемыхъ основаніяхъ закона“⁶⁾).

¹⁾ Богдановичъ, I, протоколы засѣданій неофиц. комитета, 25—26 стр.,

²⁾ П. С. З., XXVI, № 19779, N. Tourgueneff: „La Russie et les russes“, I, notes, 7 p., Письма Александра къ Лагарпу, С. Р. И. О., V, 37 с. ³⁾ П. С. З., XXVI, № 19,904, Storch: „Russland unter Alexander dem Ersten“, I, 19 s., Пыпинъ, 61—70 стр., ⁴⁾ Богдановичъ, *ibidem*, прил., 44, 46, 56 стр., ⁵⁾ Даниевскій, назв. сочиненіе, прил., 55—57 с., ⁶⁾ П. С. З., XXXI, № 24,064.

Все устройство Государственного Совѣта и министерствъ (въ 1810—1811 г.) проникнуто одной и той же идеей законности въ организаціи и дѣятельности этихъ учреждений¹⁾. Къ той же цѣли было направлено устройство другихъ предполагаемыхъ въ планѣ Сперанскаго политическихъ институтовъ²⁾. Даже во вторую половину своего царствованія Александръ, глубоко разочарованный въ юношескихъ идеалахъ, не оставлялъ своего намѣренія дать Россіи „свободныя учрежденія“, которыя были введены имъ въ новообразованномъ царствѣ польскомъ (въ 1818 г.). При открытіи перваго сейма въ Варшавѣ Александръ заявилъ, что „свободныя учрежденія“, которыя онъ „издавна готовилъ своему отечеству, не переставали быть предметомъ его заботъ“, и что онъ надѣется „распространить благотѣльное ихъ вліяніе на всѣ страны, ввѣренныя провидѣніемъ его попеченію, какъ только начала столь важнаго дѣла достигнуть надлежашей зрѣлости“³⁾. Дѣло въ этомъ случаѣ не ограничилось одними предположеніями со стороны Александра, который поручилъ въ то же время составить проектъ „свободныхъ учреждений“ для всей Россіи одному изъ первыхъ своихъ сотрудниковъ по преобразованію управленія—Новосильцеву⁴⁾.

Успѣхъ реформъ, къ которымъ рѣшился приступить Александръ I при своемъ восшествіи на престолъ, много зависѣлъ не отъ однихъ только убѣжденій и характера самого императора, но и той среды, въ которой ему приходилось дѣйствовать и вліянію которой государь былъ такъ склоненъ поддаваться вслѣдствіе свойствъ своего характера. Въ числѣ окружающихъ Александра лицъ въ первое время его царствованія были люди, искренне сочувствовавшіе преобразовательнымъ планамъ государя и всегда готовые помогать ему

¹⁾ См. ниже, ²⁾ См. I т. изслѣдованія, гдѣ напечатанъ весь планъ Сперанскаго, 823—853 стр., ³⁾ Богдановичъ, V, 372 стр., ⁴⁾ Пипинъ, 359—360 стр.

при ихъ примѣненіи. То были представители новой, либеральной партіи, раздѣлявшіе политическіе взгляды императора и много сдѣлавшіе при первыхъ его реформахъ: графъ Строгановъ, Новосильцевъ, графъ Кочубей и князь Чарторыйскій. Совершенно другаго направленія были члены старой, консервативной партіи, принадлежавшіе къ вельможамъ царствованія Екатерины II: Троцинскій, Державинъ, графъ Воронцовъ, графъ Завадовскій, графъ Мордвиновъ. Послѣдніе три сановника были по своимъ убѣжденіямъ ближе всѣхъ остальныхъ членовъ своей партіи къ взглядамъ государя и его молодыхъ сотрудниковъ. Всѣ они желали того, чтобы въ управленіи былъ установленъ „законъ и порядокъ твердый, неизмѣняемый, непоколеблемый ничѣмъ произволомъ“¹⁾. Графъ Мордвиновъ хорошо сознавалъ необходимость строгаго различія функцій управленія при организаціи учреждений²⁾. Точно также сочувствовалъ многимъ предполагаемымъ реформамъ въ администраціи графъ А. Р. Воронцовъ³⁾. Но и онъ, какъ и всѣ остальные члены старой партіи, обладавшей вообще довольно смутными представленіями о необходимыхъ реформахъ въ управленіи⁴⁾, ожидалъ, что Александръ поставитъ сенатъ во главѣ всего управленія и возстановитъ также и всѣ петровскія коллегіи⁵⁾. Новая партія, напротивъ, совершенно раздѣляла взглядъ государя на то, чтобы „реформировать все безобразное зданіе государствен-

¹⁾ Завадовскій: „Докладъ Александру I—мнѣніе о правахъ и преимуществахъ сената“, Читенія въ общ. ист. и древностей русскія, 1862, II, 94—101 с., ²⁾ В. С. Иконниковъ: „Графъ Мордвиновъ“, Спб., 1873, 58—59 стр.,

³⁾ См. протоколы неоф. комитета, 84—87 с., I т. соч. Богдановича ⁴⁾ См., напр., въ запискахъ Державина его проектъ о преобразованіи сената, 441—443 стр.,

⁵⁾ См. Завадовскаго мнѣніе etc., ibidem, Иконниковъ, ibidem, „Мнѣніе сенатора Державина о правахъ, преимуществахъ и существенной должности сената“ (Чт. etc., 1868, III, смѣсь, 125—127), „Примѣчанія о правахъ и преимуществахъ сената“ графа А. Р. Воронцова (Чт. etc., 1864, I, смѣсь, 108—111 с.), Архивъ князя Воронцова, XII, 456—462 с. („Записка о сенатѣ и государственномъ устройствѣ“).

ной администраціи¹⁾ въ духѣ закономѣрныхъ западно-европейскихъ учреждений, но въ тоже время съ уваженіемъ къ историческимъ традиціямъ въ русскомъ управленіи, состояніе котораго было болѣе или менѣе имъ извѣстно²⁾. Новосильцевъ, Строгановъ, Кочубей и Чарторыйскій были самими ревностными помощниками Александру при его первыхъ реформахъ въ русскомъ управленіи и вмѣстѣ съ государемъ мечтали о введеніи въ Россіи „въ будущемъ представительнаго образа правленія“³⁾. Въ средѣ этихъ лицъ, составлявшихъ такъ называемый „Comite du salut public“⁴⁾, самъ Александръ Павловичъ, не стѣсняясь, высказывалъ свои истинныя чувства и мысли, и требовалъ такой же свободы въ выраженіи своихъ мнѣній и отъ членовъ комитета, гдѣ возникали, обсуждались и рѣшались на ряду съ вопросами о необходимыхъ реформахъ и текущія государственныя дѣла⁵⁾.

Неотложная нужда въ преобразованіи всей администраціи вызывалась тѣмъ безпорядочнымъ состояніемъ, въ какомъ она находилась въ началѣ царствованія Александра I. Мы уже видѣли, что не смотря на обозначившееся, болѣе или менѣе опредѣленное раздѣленіе главныхъ функцій управленія между отдѣльными учреждениями при Павлѣ I, въ каждое изъ нихъ входило много постороннихъ дѣлъ изъ вѣдомства другихъ учреждений и самое направленіе того или другаго изъ нихъ зависѣло отъ случайныхъ, неожиданныхъ распоряженій императора. Такъ въ совѣтѣ, занимавшемся въ началѣ царствованія Павла I важными государственными дѣлами (законодательствомъ), подъ конецъ его остались почти

¹⁾ Богдановичъ, I, протоколы неоф. комитета, 38 стр., ²⁾ Memoires Czartoryski, 306—307, 309—311 p., ³⁾ Богдановичъ, Ibidem, 71 стр., ⁴⁾ Корфъ: „Жизнь графа Сперанскаго“, 93 стр., ⁵⁾ Memoires Czartoryski, I, 269 p., Богдановичъ, I, 72 с.; болѣе подробно о воспитаніи, характерѣ и взглядахъ Александра Павловича и членовъ новой и старой партіи см. въ I т. изслѣдованія, 702—782 стр.

одни незначительныя административныя дѣла. Сенатъ вѣдалъ не одни судебныя дѣла, но посредствомъ генераль-прокурора ему было подчинено все внутреннее управленіе. Отношенія къ сенату снова восстановленныхъ коллегій, особенно же вновь образованныхъ министерствъ не были точно опредѣлены и въ самой организаціи этихъ послѣднихъ допущено запутанное сліяніе бюрократическаго и коллегіальнаго элемента, тормозившее всю дѣятельность министерствъ. Наконецъ, правильный ходъ дѣлъ въ высшихъ учрежденіяхъ сильно затруднялся еще тѣмъ, что генераль-прокуроръ при Павлѣ I соединялъ въ своихъ рукахъ всѣ дѣла управленія, чѣмъ вносился въ администрацію личный произволъ, нарушались границы компетентности отдѣльныхъ высшихъ учреждений и во всемъ управленіи государствомъ водворялся полный безпорядокъ. Самъ Александръ сознавалъ недостатки управленія еще при жизни своего отца, когда онъ писалъ Кочубею: „въ нашихъ дѣлахъ господствуетъ неимовѣрный безпорядокъ; грабятъ со всѣхъ сторонъ. Всѣ части управляются дурно; порядокъ, кажется, изгнанъ отовсюду“ ⁶⁾. Почти въ тѣхъ же словахъ Александръ описываетъ состояніе русскаго управленія въ письмѣ къ Лагарпу. „Непостижимо, что происходитъ кругомъ, удивляется онъ; всѣ грабятъ; почти не встрѣчаешь честнаго человѣка; это ужасно“ ¹⁾. Впослѣдствіи въ своей бесѣдѣ съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ Александръ такъ выражался объ управленіи при своемъ отцѣ: „дѣла были тогда крайне запутаны по отсутствію всякихъ основныхъ началъ въ управленіи. Ибо хотя въ послѣдніе годы жизни императрицы Екатерины порядку было мало, но все нѣсколько держалось еще прежнимъ; со вступленіемъ же на престолъ родителя вслѣдствіе принятаго правила совершенно уничтожать все дотолѣ существовавшее и

¹⁾ С. Р. И. О., V, 23 стр.

остальной порядокъ былъ разрушенъ безъ замѣны другимъ“¹⁾. Болѣе подробно представляются недостатки русскаго управленія въ мемуарахъ Чарторыйскаго, который пишетъ, что „всей русской администраціи недоставало предъ началомъ реформъ Александра I порядка и связи; все въ ней было хаосъ, все въ смѣшеніи, ничего правильнаго и ясно опредѣленнаго. Существовалъ только одинъ правительствующій сенатъ съ равными ему тремя первыми коллегіями. Президентъ каждой коллегіи представлялъ государю доклады о дѣлахъ коллегіи и сообщалъ ей Высочайшія повелѣнія. Сенатъ былъ центромъ всей администраціи, высшимъ, судебнымъ и административнымъ, учрежденіемъ въ имперіи. Въ немъ, какъ послѣдней инстанціи, разрѣшались гражданскія и уголовныя дѣла всего государства. Сенату было предоставлено право публиковать свои собственные указы, основанные на указахъ императора, и изъяснять и развивать эти послѣдніе. Черезъ сенатъ шли къ императору разныя донесенія о дѣлахъ мѣстнаго управленія, представляемыя въ него губернаторами. Сенатъ же обладалъ правомъ контроля надъ дѣятельностью всѣхъ учреждений,—руководства и управленія всѣмъ государствомъ. Но въ то же время „въ лицѣ генераль-прокурора, также управляющаго и надзирающаго за всѣмъ управленіемъ, соединялись званія министра внутреннихъ дѣлъ, полиціи, финансовъ и юстиціи“. Кромѣ же того, нѣкоторыя отрасли управленія были поручены особымъ довѣреннымъ лицамъ государя, который посредствомъ нихъ издавалъ указы и дѣлалъ разныя распоряженія“²⁾. Въ засѣданіи неофициальнаго комитета Чарторыйскій указывалъ на тотъ существенный недостатокъ высшаго управленія, что „между сенатомъ и генераль-прокуроромъ происходятъ постоянныя столкновенія“³⁾. Какими мѣ-

¹⁾ Корфъ: „Восшествіе на престолъ императора Николая I“, 9 с., ²⁾ Mémoires, I, 306—311 р. Выше мы видѣли, что въ такомъ же видѣ описываетъ положеніе высшихъ учреждений при Павлѣ I и графъ Кочубей (см. введеніе, 96 с.), ³⁾ Богдановичъ, I, прил., 65 стр.

рами думали исправить всѣ указанные недостатки въ администраціи самъ государь и члены неофициальнаго комитета, объ этомъ сообщаютъ протоколы дѣятельности комитета, гдѣ были выработаны новая организація сената и министерствъ и намѣчены извѣстныя измѣненія въ устройствѣ Непремѣннаго Совѣта ¹⁾).

Нужно замѣтить, что сознаніе недостатковъ въ управленіи не было чуждо старой партіи, которая особенно выставляла на видъ, вопреки мнѣнію Чарторыйскаго, паденіе правительственнаго значенія сената въ царствованіе Павла I. Такъ графъ Завадовскій видѣлъ униженіе сената въ томъ, что дѣла рѣшались въ немъ по большинству голосовъ „въ опроверженіе кореннаго права, что голосъ и одного сенатора силенъ былъ остановить дѣло“, допускались апелляціи на рѣшенія сената, подаваемые чрезъ генераль-прокурора, произвольно прерывалось теченіе дѣлъ въ сенатѣ и перерѣшались въ немъ дѣла, разъ уже рассмотрѣнныя въ сенатѣ. „Се образъ, замѣчаетъ Завадовскій, поработеннаго сената, въ которомъ молчать тяжело, говорить было бѣдственно“ ²⁾). На ту же потерю сенатомъ при Павлѣ I своей первенствующей роли указываютъ еще графъ Воронцовъ и Державинъ. Первый замѣчалъ, что „въ послѣдніе годы“ царствованія Павла I „все было перековеркано, хотя и не признать нельзя, что и въ прежнія времена всѣ части не весьма были еще устроены“. Воронцовъ думаетъ, что „ежели сенатъ такъ оставить, какъ онъ есть, сдѣлавшись ничтожнымъ, то кажется, понапрасну и имѣть оный и чинить на него издержки“, и предлагаетъ лучше прибавить нѣсколько экспедицій для генераль-прокурора, чтобы ему было „удобнѣ править внутренними дѣлами“ ³⁾). По словамъ Державина, „сенатъ—верховное пра-

¹⁾ См. ниже (весь ходъ работъ неофиц. комитета по преобразованіи вышшаго управленія подробно изложенъ въ I т. нашего изслѣдованія, 744—750, 762—773 и 784—792 стр.), ²⁾ Чт. etc., 1862, II, смѣсь, 94—101 с., ³⁾ Архивъ князя Воронцова, XII, 456—462 и XXIX, 461—462 стр.

вительство цѣлой имперіи потерялъ“ при Павлѣ I всю „свою важность, силу и существенную должность“ ¹⁾. Всѣ эти мнѣнія членовъ старой партіи находили отголосокъ и въ свѣдѣніяхъ о русскомъ управленіи въ началѣ царствованія Александра I, сообщаемыхъ Шторхомъ, который внимательно слѣдилъ за всѣмъ, что происходило въ Россіи въ первые годы реформаторской дѣятельности государя ²⁾. Шторхъ замѣчаетъ, что „сенатъ пересталъ быть правительственнымъ и высшимъ судебнымъ учрежденіемъ, вслѣдствіе чего въ управленіи насталъ безпорядокъ, во всемъ государствѣ произошелъ страшный упадокъ правосудія, извратилось понятіе о законѣ, который смѣшивали съ произволомъ государя“ ³⁾.

Такъ одинаково, хотя и не всегда ясно и отчетливо, создавалась самимъ Александромъ Павловичемъ и всѣми, окружающими его, сановниками—членами противоположныхъ партій,—настоятельная необходимость въ преобразованіи всей русской администраціи. Государь, какъ только взомелъ на престолъ, немедленно приступилъ къ этимъ реформамъ, которыя начались съ совѣта ⁴⁾, а не съ сената, какъ этого ожидала старая партія. Последняя въ лицѣ Трошинскаго, Беклешова и др. пользовалась въ началѣ царствованія Александра I большимъ вліяніемъ на государя и все управленіе ⁵⁾ и поэтому приняла ближайшее участіе въ преобразо-

¹⁾ Чт. etc., 1858, III, 124 стр., и Записки Державина, 441 с., ^{2—3} Storch: „Russland unter Alexander d. Ersten“, I, 20—23 с., ⁴⁾ Можно думать, что реформировать совѣтъ ранѣ другихъ высшихъ учрежденій заставило Александра его стремленіе примѣнить немедленно къ дѣлу свой взглядъ на необходимость ввести въ управленіе принципъ законности, на которомъ естественно должна была основываться дѣятельность совѣта, какъ только законодательнаго учрежденія, ⁵⁾ Державинъ выражался о Трошинскомъ и Беклешовѣ, что они „имѣли въ своихъ рукахъ всю власть и оказывали себя по прихотямъ своимъ всѣхъ выше законовъ“. Изъ нихъ Трошинскій „занималъ мѣсто перваго секретаря при государѣ и чрезъ него шли всѣ дѣла“, а генераль-прокуроръ Беклешовъ „злоупотребленіемъ законовъ присвоилъ себѣ всю власть, такъ сказать, самодержавную“ (Записки Державина, 438—439 стр.).

ваніи совѣта. Оно было совершено по проєкту Трошинскаго, при чемъ новому образованію совѣта предшествовало упраздненіе Совѣта при Высочайшемъ Дворѣ, какъ учрежденія, по словамъ указа, временнаго, „рѣдко занимавшагося предметами существенными“ и неимѣвшаго „ощутительнаго вліянія на дѣла общественныя“¹⁾. Новый совѣтъ, наоборотъ, долженъ былъ сдѣлаться *постояннымъ* учрежденіемъ и по этому названъ „непремѣннымъ, не въ лицахъ его составляющихъ, но въ его установленіи“²⁾. Въ составъ Непремѣннаго Совѣта вошли члены консервативной партіи (Трошинскій, Беклешовъ) вмѣстѣ съ членами совѣта при Павлѣ I³⁾. Но самыя начала устройства Непремѣннаго Совѣта были теперь новыми, заключали въ себѣ мысль государя о необходимости ввести въ организацію высшаго русскаго учрежденія правильность, сообщить ему стройность и опредѣленность и сдѣлать совѣтъ проводникомъ идеи законности въ управленіи. Поэтому въ „Наказѣ“ Совѣту онъ названъ „мѣстомъ, учрежденнымъ при особѣ государя для разсужденія и уваженія дѣлъ государственныхъ“. Совѣтъ не долженъ былъ заниматься исполненіемъ дѣлъ, которое предоставляется сенату и подвластнымъ ему мѣстамъ: Совѣту же поручается одно „соображеніе“ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ, „законодательная часть“ управленія. Поэтому онъ не можетъ издавать „отъ себя и своего имени никакихъ указовъ“. Въ компетентность Совѣта входитъ обсужденіе „государственныхъ постановленій“, которыя „Наказъ“ дѣлитъ на „коренныя или непреложныя и временныя“. Послѣднія „опредѣляютъ какія-либо обстоятельства, по существу своему перемѣнныя подлежація (напр., воспрещеніе или разрѣшеніе извѣстнаго рода торговли, наложеніе пошлыны, установленіе та-

¹⁾ П. С. З., XXVI, № 19,805, ²⁾ Сперанскій: „О государственныхъ установленіяхъ“, 37 стр., ³⁾ П. С. З., XXVI, № 19,806. Вслѣдствіи въ совѣтъ вступили всѣ члены либеральной партіи, кромѣ Новосильцева (Архивъ Госуд. Совѣта, III, I, V—VII стр. введенія).

рифовъ и проч.). Коренныя же, непреложныя государственныя постановленія содержать въ себѣ предметы постоянныя и непремѣнныя, которые объемлютъ въ себѣ всѣ времена и узаконяются на вѣки (грамота дворянству, городовое положеніе, общіе гражданскіе законы и тому под.). Наказъ старается еще рѣзче отличить эти два рода актовъ дѣятельности Непремѣннаго Совѣта тѣмъ, что первое мѣсто между ними отводитъ „кореннымъ постановленіямъ“, которыя, по словамъ „Наказа“, составляютъ „главное, непремѣняемое и неизблемое основаніе всѣхъ законовъ имперіи“, между тѣмъ какъ „временныя постановленія преходящи и подвержены перемѣнамъ“. Отсюда видно, что главнымъ предметомъ дѣятельности Непремѣннаго Совѣта является обсужденіе всѣхъ новыхъ законоположеній, какъ основныхъ, такъ и обыкновенныхъ законовъ. Сообразно различію между ними, устанавливаемому „Наказомъ“, опредѣляется и особенный способъ храненія въ Совѣтѣ коренныхъ и временныхъ государственныхъ постановленій, изъ которыхъ каждая вносятся въ особыя книги и первая книга „главныхъ государственныхъ постановленій“ утверждается великой государственной печатью.

Кромѣ общаго обозначенія вѣдомства Непремѣннаго Совѣта, какъ законодательнаго учрежденія, Наказъ обращаетъ его особенное вниманіе на нѣкоторые предметы предстоящей дѣятельности Совѣта: положеніе ниспихъ классовъ населенія, облегченіе крестьянскаго сословія, развитіе земледѣлія, промышленности и торговли, народнаго просвѣщенія и увеличеніе народонаселенія. „Наказъ“ подчеркиваетъ особенное значеніе дѣятельности Непремѣннаго Совѣта для проведенія принципа законности въ управленіи. Совѣтъ, сказано въ заключеніи къ „Наказу“, гдѣ находятся „начальныя правила дѣятельности совѣта, не долженъ никогда упускать изъ виду высшаго своего предустановленія, которое состоитъ въ томъ, чтобы постановить силу и блаженство имперіи рос-

сійской на неизблемомъ основаніи закона“. Съ цѣлью облегчить и ускорить рѣшеніе дѣлъ въ совѣтѣ опредѣляется „Наказомъ“ устройство его канцеляріи, весь порядокъ дѣлопроизводства въ совѣтѣ. Канцелярія совѣта, правителемъ которой былъ назначенъ Трошинскій, раздѣлена на четыре отдѣленія: 1) иностранное и коммерческое, 2) военныхъ дѣлъ, 3) гражданскихъ и духовныхъ и 4) государственнаго хозяйства. „Наказъ“ подробно перечисляетъ всѣ дѣла, которые должны были входить въ каждое изъ этихъ отдѣленій, порученныхъ самостоятельному завѣдыванію отдѣльныхъ лицъ. Всѣ дѣла, обсуждаемыя въ совѣтѣ, должны быть приготовлены „надлежащимъ образомъ“ въ одномъ изъ отдѣленій канцеляріи, откуда они поступали на разсмотрѣніе совѣта по Высочайшему повелѣнію или же предложенію одного изъ членовъ совѣта. Дѣла, рѣшенныя большинствомъ голосовъ въ совѣтѣ, вносятся на „уваженіе государя“ вмѣстѣ съ особыми мнѣніями членовъ совѣта. Кромѣ обсужденія и рѣшенія обыкновенныхъ дѣлъ, указанныхъ „Наказомъ“, совѣту предоставлено особое право, которое находится въ связи съ его законодательной функціей. Совѣтъ могъ, если онъ „найдетъ нужнымъ“ привести въ ясность коренныя части государственнаго управленія, не прерывая прочихъ своихъ упражненій, представлять государю о составленіи особыхъ комиссій“ (напр., комиссіи о составленіи свода), которыя послѣ своего образованія должны были подчиняться въ своей дѣятельности контролю совѣта. „Наказъ“ вмѣняетъ даже въ обязанность совѣту „послѣ устройства внутренняго своего порядка“ потребовать отъ всѣхъ учреждений „подробнымъ свѣдѣніямъ о состояніи всѣхъ частей управленія“, на основаніи которыхъ совѣтъ, могъ бы „положить удобнѣйшія и легчайшія средства къ поправленію и усовершенію всего управленія“¹⁾. Совѣтъ, слѣдовательно, долженъ былъ содѣйствовать

¹⁾ „Новый памятникъ законовъ“, I, X, 1829.

въ качествѣ законодательнаго учрежденія государю въ преобразованіи всего управленія въ государствѣ. Это право участія Непремѣннаго Совѣта въ предстоящихъ реформахъ на столько считалось важнымъ въ глазахъ современниковъ Александра, что наиболѣе знаменитый изъ нихъ, графъ Сперанскій видѣлъ въ немъ существенное содержаніе всего „Наказа“ совѣту. „Вся сила его, говоритъ Сперанскій, состояла въ уполномочіи сдѣлать пересмотръ всѣхъ законовъ и постановленій и составить проектъ перемѣнъ и исправленій“, въ чемъ должна была помогать совѣту коммиссія составленія законовъ, образованная вскорѣ послѣ учрежденія совѣта ¹⁾).

При всемъ своемъ сравнительно опредѣленномъ назначеніи и устройствѣ Непремѣнный Совѣтъ, повидимому, не оправдалъ ожиданій, возлагаемыхъ на него старой партіей. Изъ среды этой послѣдней вскорѣ послѣ образованія совѣта въ ноябрѣ 1801 г. выступилъ графъ А. Р. Воронцовъ съ предложеніемъ „привести государственный совѣтъ въ состояніе, дѣйствительное для пользы общей и ближе къ намѣренію, съ коимъ онъ, какъ изъ наказа его видно, императоромъ и учрежденъ былъ“ для разсмотрѣнія важныхъ, „нетерпящихъ времени дѣлъ“. Для того, чтобы совѣтъ былъ образованъ такъ, „какъ совѣты во всѣхъ монархическихъ порядочныхъ правленіяхъ устроены бывають“, Воронцовъ рекомендуетъ возвысить значеніе Непремѣннаго Совѣта обязательнымъ присутствіемъ въ немъ государя, расширеніемъ его вѣдомства и болѣе яснымъ и точнымъ опредѣленіемъ компетентности совѣта и его дѣлопроизводства. „Донинѣ въ немъ, говоритъ Воронцовъ, мало что дѣлалось; вступали въ оный только тѣ дѣла, кои докладчики дѣлать не хотѣли. Были даже собранія онаго, въ коихъ если бы не прочесть журнала предъидущаго засѣданія и подписать оный, и собираться бы въ совѣтъ не для чего“.

²⁾ Сперанскій, *ibidem*, 38 стр.

Члены не подаютъ своихъ мнѣній въ совѣтъ, а между тѣмъ „всякій изъ департаментовъ (отдѣлений канцеляріи совѣта) докладываетъ Е. В. приватно“. Далѣе Воронцовъ перечисляетъ тѣ дѣла, которыя, по его мнѣнію, должны обсуждаться въ совѣтъ, какъ законодательномъ учрежденіи. Это — „общія положенія, также касающіяся до государственнаго хозяйства и казначейства, представленія и доклады сенатскіе, требующіе рѣшенія государя или конфирмаціи, а равно и проекты уставовъ прежде, нежели оныя для исполненія въ сенатъ отсылаются имѣютъ, и распорядокъ внѣшней и внутренней торговли“. Изъ перечня этихъ дѣлъ Воронцовымъ видно, что онъ рекомендуетъ обратить особенное вниманіе совѣта прежде всего на финансовую часть въ управленіи, а затѣмъ, разные другіе его вопросы, которые должны обсуждаться въ совѣтъ въ качествѣ законопроектвъ. Въ помощь совѣту при рѣшеніи имъ дѣлъ по государственному хозяйству Воронцовъ предлагаетъ образовать особую комиссію, которая должна „представлять свои предположенія въ совѣтъ для обсужденія и рѣшенія ихъ здѣсь въ присутствіи самого государя“¹⁾. Эта комиссія, проектируемая Воронцовымъ, была бы, слѣдовательно, одною изъ тѣхъ, объ учрежденіи которыхъ предоставлено было „Наказомъ“ совѣту просить государя въ виду лучшаго устройства государственнаго управленія. Наконецъ, Воронцовъ включаетъ въ компетентность совѣта важнѣйшія административныя дѣла: „политическія, военныя и морскія“, чѣмъ, конечно, увеличилось бы правительственное значеніе совѣта, но уменьшилось бы первоначальное назначеніе его только для законодательныхъ дѣлъ. Недоволенъ былъ устройствомъ и дѣятельностью совѣта другой графъ Воронцовъ С. Р., братъ А. Р., жившій въ Англіи. Графъ С. Р. Воронцовъ въ письмахъ къ государю и графу Н. И.

¹⁾ „Примѣчанія на нѣкоторыя статьи, касающіяся до Россіи, графа А. Р. Воронцова (Архивъ князя Воронцова, XXIX, 452—464 стр.).

Панину (въ авг. и сент. 1801 г.) предлагалъ сдѣлать Непремѣнный Совѣтъ центромъ всего управленія, разсматривать всѣ политическія дѣла въ общемъ собраніи членовъ совѣта, опытности и знанію которыхъ при рѣшеніи государственныхъ дѣлъ Воронцовъ довѣрялъ болѣе, нежели начальникамъ отдѣльныхъ частей управленія. Воронцовъ видитъ въ предоставленіи совѣту болѣе власти въ рѣшеніи государственныхъ дѣлъ гарантію противъ „деспотизма министровъ, который, по его мнѣнію, въ тысячу разъ хуже единоличнаго произвола государя“. Но, кромѣ того, сосредоточеніе дѣлъ управленія въ совѣтѣ приведетъ, по словамъ Воронцова, къ единству и гармоніи во всѣхъ его частяхъ ¹⁾).

Мнѣнія обоихъ братьевъ, графовъ Воронцовыхъ о необходимыхъ измѣненіяхъ въ устройствѣ Непремѣннаго Совѣта послужили матеріаломъ для государя и членовъ неофіціального комитета при обсужденіи вопроса о разныхъ дополненіяхъ къ организаціи совѣта (его составу, компетентности и дѣлопроизводству) особенно въ виду другихъ предполагаемыхъ реформъ въ высшей администраціи. Такъ въ одномъ изъ засѣданій комитета (18 ноябр. 1801 г.) члены его, къ которымъ примкнулъ графъ С. Р. Воронцовъ, настаивали на томъ, чтобы всѣ министры были членами совѣта, всѣ они участвовали въ его засѣданіяхъ, „въ особенности тѣ, къ вѣдомству которыхъ относилось дѣло, подлежащее разсмотрѣнію, а также министры: юстиціи, внутреннихъ дѣлъ и финансовъ“. Обязательное участіе министровъ въ засѣданіяхъ совѣта нужно было, по мнѣнію членовъ комитета, для того, чтобы сообщить необходимое единство общему ходу дѣлъ въ совѣтѣ. Такъ какъ всѣ министры будутъ такимъ образомъ составлять изъ себя какъ бы одно нераздѣльное цѣлое, то на всѣхъ нихъ будетъ лежать одинаково и отвѣт-

¹⁾ Письма С. Р. Воронцова къ императору Александру I и графу Н. И. Панину (Рус. Архивъ, 1874, 11, 991—997, 1113—1114 и 1119 стр.

ственность за промахи и ошибки каждого. Свой взгляд на то, чтобы совѣтъ для избѣжанія разногласій между министрами, весьма вредныхъ для государства, и лучшаго достиженія цѣли, указанной государемъ, представлялъ собою „согласное министерство“, члены комитета (особенно же Строгановъ) защищали предъ государемъ и Лагарпомъ, которые были противъ такого состава совѣта изъ всѣхъ министровъ. Оба они опасались, чтобы при подобной организаціи совѣта не образовалась между министрами *сословная связь*, во избѣжаніе чего Лагарпъ предлагалъ предоставить министрамъ въ совѣтъ только совѣщательный голосъ ¹⁾. Оправу своему взгляду члены комитета находили въ аналогичномъ рѣшеніи важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ всѣми министрами англійскаго кабинета. Новосильцевъ указывалъ комитету на выгоду отъ такого веденія дѣлъ: всякая важнѣйшая мѣра была бы тогда плодомъ общей опытности и способностей государя и его министровъ. Однако, сами же члены комитета замѣтили, что въ Россіи невозможно организовать изъ совѣта кабинетъ министровъ наподобіе англійскаго: въ Англіи всѣ министры, составляющіе кабинетъ, руководятся одними и тѣми же политическими взглядами, которые различны у нашихъ министровъ. Для того, чтобы достигнуть единства въ дѣятельности Непремѣннаго Совѣта и избѣжать всякаго подозрѣнія въ опекѣ такого совѣта изъ министровъ надъ государемъ, члены комитета предложили государю вносить по его указанію дѣла въ совѣтъ его нѣкоторымъ членамъ (Троцинскому и Беклешову) и рѣшать ихъ по возможности въ присутствіи самого государя. Для обсужденія же дѣлъ, требующихъ особой тайны, предполагалось образовать особый комитетъ. Государь одобрилъ всѣ эти мѣры, предлагаемыя членами неофициальнаго комитета для реорганизаціи Не-

¹⁾ Богдановичъ, I, Протоколы неофициальнаго комитета, 54—56 и 65—66 стр.

премѣннаго Совѣта, но только хотѣлъ опредѣленно знать, какія дѣла слѣдуетъ вносить въ совѣтъ и какія разсматривать въ комитетѣ. По обсужденіи этого вопроса въ неофициальномъ комитетѣ его члены пришли къ такому заключенію, чтобы текущія дѣла рѣшались въ комитетѣ министровъ, а важнѣйшіе вопросы администраціи разсматривались въ совѣтѣ. Въ опору такого раздѣленія дѣлъ между совѣтомъ и комитетомъ приводилось то соображеніе, что отъ внесенія въ совѣтъ всѣхъ дѣлъ замедлился бы ходъ управленія и создались бы затрудненія въ дѣятельности министровъ, подлежащихъ важной отвѣтственности. Графъ Кочубей добавилъ къ этому мнѣнію членовъ комитета, что постановленіе отдавать всякое дѣло на рѣшеніе совѣта противорѣчило бы общему порядку нашего управленія, было бы нововведеніемъ, такъ какъ совѣтъ есть учрежденіе частное, совершенно независимое отъ императора. Но государь заявилъ, что онъ не находитъ никакого неудобства въ томъ, чтобы опредѣлить случаи, въ которыхъ дѣла вносились бы въ совѣтъ вмѣсто предоставленія ихъ рѣшенію верховной власти. Совѣтъ, слѣдовательно, долженъ былъ остаться, по мысли Александра Павловича, высшимъ учрежденіемъ въ государствѣ для важнѣйшихъ, — законодательныхъ дѣлъ, которыя входили въ его компетентность и по „Наказу“. Поэтому-то назначеніе въ члены совѣта служило въ глазахъ государя знакомъ особаго его довѣрія къ назначаемому новому члену совѣта. Весь вопросъ о составѣ и компетентности совѣта былъ рѣшенъ согласно высказаннымъ въ неофициальномъ комитетѣ взглядамъ: министры должны были засѣдать въ совѣтѣ наравнѣ съ прочими его членами и въ него должны были вноситься на разрѣшеніе важнѣйшіе вопросы управленія, между тѣмъ какъ текущими дѣлами долженъ былъ заниматься комитетъ министровъ¹⁾. Наконецъ, въ средѣ членовъ неофициальнаго

¹⁾ Протоколы etc., 53—55, 61—65, 79, 80—82 стр.

комитета происходили разсужденія о порядкѣ собраній и преній въ засѣданіяхъ совѣта и назначеніи постоянныхъ дней для его засѣданій: государь былъ недоволенъ медленностью хода дѣлъ въ совѣтѣ ¹⁾).

При обсужденіи вопроса о реорганизаціи совѣта въ неофициальномъ комитетѣ сказалось также и предубѣжденіе его членовъ противъ этого учрежденія, которому они не придавали важнаго значенія въ государственномъ управленіи. Члены комитета видѣли въ образованіи Непремѣннаго Совѣта дѣло своихъ противниковъ — членовъ консервативной партіи и поэтому не хотѣли видѣть въ совѣтѣ одно изъ публичныхъ установленій, введеніе которыхъ въ Россіи предполагалось въ недалекомъ будущемъ. Мы уже знаемъ, что графъ Кочубей прямо называетъ Непремѣнный Совѣтъ „частнымъ учрежденіемъ при государѣ“, родомъ его частнаго кабинета. Этотъ взглядъ Кочубея на совѣтъ находилъ поддержку въ одномъ изъ членовъ старой партіи, графѣ А. Р. Воронцовѣ, болѣе всѣхъ ихъ сочувствовавшемъ государю и членамъ комитета въ задуманныхъ ими преобразованіяхъ русской администраціи. Въ своей „Запискѣ“ о необходимыхъ въ ней реформахъ, представленной государю вскорѣ по восшествіи его на престолъ, Воронцовъ замѣчаетъ, что „совѣтъ не есть публичное мѣсто, но приватное между государемъ и тѣми, коихъ онъ своею довѣренностью удостоиваетъ“ ²⁾. Изъ взгляда членовъ неофициальнаго комитета на совѣтъ, какъ только частный кабинетъ государя, вытекло ихъ предложеніе государю, чтобы доклады министровъ по важнѣйшимъ дѣламъ вносились прямо на Высочайшее усмотрѣніе съ предложеніемъ только мнѣній совѣта и чтобы также помимо совѣта обнародывались Высочайшіе указы ³⁾. Такъ когда было

¹⁾ Ibidem, 48 стр., ²⁾ „Примѣчанія на нѣкоторыя статьи, касающіяся до Россіи, графа А. Р. Воронцова“, Архивъ кн. Воронцова, XXIX, 162 с., ³⁾ Протоколы неофициальнаго комитета, стр.: 78—79, 55 и 61.

рѣшено въ комитетѣ издать указъ о томъ, чтобы крестьянамъ была дозволена покупка земель, сотрудники государя предложили внести этотъ указъ на обсужденіе совѣта только „для опредѣленія формы указа и нѣкоторыхъ поясненій“, на что, впрочемъ, государь замѣтилъ, что „надлежало или предоставить это дѣло вполнѣ рѣшенію совѣта, или вовсе не спрашивать его мнѣнія: внесеніе уже рѣшеннаго дѣла въ совѣтъ имѣло бы видъ лукавства“¹⁾. Однако, Александръ уступилъ и было опредѣлено внести указъ въ совѣтъ только для его лучшей редакціи, „не допуская никакихъ измѣненій ни въ его содержаніи, ни въ формѣ“²⁾. Почти всѣ члены комитета высказались также противъ того, чтобы въ совѣтѣ обсуждался вопросъ объ улучшеніи быта крестьянъ. Только одинъ графъ Кочубей стоялъ за то, чтобы было выслушано мнѣніе по этому вопросу и Непремѣннаго Совѣта, отъ котораго онъ ожидалъ „основательнаго обсужденія этого весьма щекотливаго вопроса“. Такимъ путемъ Кочубей, видимо, хотѣлъ отклонить отъ членовъ неофициальнаго комитета всякое нареканіе въ вліяніи ихъ на государя при рѣшеніи важнаго вопроса о мѣрахъ къ освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости отъ ихъ помѣщиковъ, которое „по сильному общественному убѣжденію составляло наклонность государя“. Но Кочубею возразили, что въ совѣтѣ, состоявшемъ изъ членовъ консервативной партіи, „по всей вѣроятности не одобрять такого предположенія и тогда будетъ неудобно не послѣдовать мнѣнію совѣта“. И, кромѣ того, „какъ только это дѣло поступитъ въ совѣтъ, то молва о томъ разнесется по всему городу въ такомъ видѣ, что государь самъ отъ себя приступилъ къ этой мѣрѣ, а потому лучше обсудить дѣло въ небольшомъ комитетѣ“⁴⁾. Всѣ эти опасенія членовъ неофициальнаго комитета относительно того, что совѣтъ пой-

^{1—2)} Ibidem.

детъ на этотъ разъ противъ общаго убѣжденія государя и комитета, оказались преждевременными и напрасными. Когда дѣло о мѣрахъ къ облегченію участи крѣпостныхъ крестьянъ было, вопреки мнѣнію членовъ комитета, передано на обсужденіе совѣта, въ немъ отнеслись съ живѣйшимъ участіемъ къ ихъ положенію. Нѣкоторые члены совѣта (Воронцовъ, Завадовскій) высказали при этомъ такіа либеральныя для того времени мнѣнія, которыя нисколько не уступали взглядамъ членовъ комитета ¹⁾. Въ совѣтѣ же былъ выработанъ законъ о сословіи свободныхъ хлѣбопашцевъ, имѣвшій важное значеніе для разрѣшенія вопроса объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости ²⁾. Государь не послѣдовалъ также мнѣнію графа Кочубея, который отговаривалъ его отъ намѣренія отдать на обсужденіе совѣта дѣло о преобразованіи герольдіи. Кочубей думалъ, что „совѣтъ выскажется противъ предполагаемой реформы, потому что найдеть ея весьма недостаточною. Къ тому же, прибавилъ Кочубей, при предполагаемомъ учрежденіи министерствъ, о которомъ разсуждали въ комитетѣ, можно будетъ сдѣлать въ этой части болѣе существенныя преобразованія, что окажется неудобнымъ послѣ настоящаго устройства герольдіи“. Александръ Павловичъ отвѣчалъ графу, что онъ можетъ подать голосъ въ совѣтѣ противъ этой мѣры и что это послужитъ къ отвращенію подозрѣній на счетъ участія въ ней неофициальнаго комитета ³⁾. Когда было издано учрежденіе министерствъ, вмѣстѣ съ тѣмъ не было ничего сдѣлано для преобразованія герольдіи, чѣмъ занялся немного позже (въ 1803 г.) Непремѣнный Совѣтъ ⁴⁾. Самъ государь иногда при обсужденіи разныхъ дѣлъ въ комитетѣ подавалъ поводъ къ тому, что вѣдомство совѣта дѣлалось неопредѣленнымъ, допускавшимъ различныя въ немъ измѣненія. Нерѣдко Александръ коле-

^{1—2} и ⁴⁾ См. ниже, во второй главѣ книги, ³⁾ Протоколы неофициальнаго комитета, 69—71 стр.

бался, вносить или нѣтъ какое-либо дѣло въ совѣтъ, и даже послѣ того, какъ имъ вмѣстѣ съ комитетомъ вопросъ былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. Такъ, напр., государь согласился съ комитетомъ, чтобы дѣло о мѣрахъ для избѣжанія столкновенія съ Швеціей было передано на обсужденіе совѣта, но черезъ нѣсколько дней императоръ измѣнилъ свое намѣреніе и это дѣло не было внесено въ совѣтъ ¹⁾.

Слѣдствіемъ всѣхъ работъ неофициальнаго комитета надъ реорганизаціей Непремѣннаго Совѣта было утвержденіе за нимъ значенія постоянного и законодательнаго учрежденія, какимъ онъ являлся и по своему „Наказу“ ²⁾. Устройство совѣта было согласовано съ вновь образованными министерствами: всѣ министры вошли въ составъ совѣта, гдѣ при рѣшеніи дѣлъ должны были присутствовать не менѣе пяти министровъ и въ числѣ ихъ тотъ, къ вѣдомству котораго относилось обсуждаемое въ совѣтѣ дѣло. Манифестъ объ образованіи министерствъ опредѣлялъ также, чтобы въ совѣтъ вносились „дѣла, особенную важность въ себѣ содержащія“; обыкновенныя же дѣла должны были разсматриваться въ комитетѣ министровъ, составленномъ только изъ нихъ. Въ виду такой болѣе опредѣленной компетентности Непремѣннаго Совѣта число его засѣданій по манифесту было сокращено до одного раза въ недѣлю ³⁾. Включеніе въ составъ Непремѣннаго Совѣта всѣхъ министровъ повело за собою замѣтное оживленіе и расширеніе дѣятельности совѣта, куда отдѣльные министры вносили разнообразныя законопроекты по тѣмъ или другимъ отраслямъ управленія. Но прежде, чѣмъ обратиться къ обзору всей обширной дѣятельности Непремѣннаго Совѣта, мы должны сказать о другихъ, современныхъ ему, высшихъ учрежденіяхъ, — сенатѣ, министерствахъ и комитетѣ

¹⁾ Ibidem, ²⁾ Этимъ Непремѣнный Совѣтъ существенно отличался отъ Совѣта при Высочайшемъ Дворѣ и Высочайшаго Совѣта, которые сдѣлались законодательными учрежденіями только фактически, ³⁾ П. С. З., № 20,406, 15 п.

министровъ, опредѣлить отношенія ихъ къ совѣту на основаніи характеристики организаціи каждаго изъ нихъ.

Тотъ же неофіціальный комитетъ, который занимался вопросомъ о преобразованіи совѣта, выработалъ и новое устройство сената, и учрежденіе министерствъ съ комитетомъ министровъ. Изъ нихъ реформы сената желали одинаково обѣ партіи, хотя каждая изъ нихъ имѣла свой особый взглядъ на то мѣсто, какое сенатъ долженъ былъ занять въ управленіи. Самъ государь считалъ сенатъ „необходимымъ противовѣсомъ произволу“²⁾ и поэтому желалъ возратить ему прежнее высокое значеніе, какимъ сенатъ пользовался при Петрѣ I. Александръ Павловичъ предоставилъ самому сенату указать на причины упадка своей роли въ управленіи и средства къ восстановленію его правъ. Въ указѣ, изданномъ съ этою цѣлью, сенатъ былъ названъ „правительствующимъ — верховнымъ мѣстомъ правосудія и исполненія законовъ“ и ему повелѣвалось „представить государю все то, что составляетъ существенную должность, право и обязанность сената“³⁾. Указъ, слѣдовательно, предоставлялъ самимъ членамъ старой партіи, изъ которыхъ многіе засѣдали въ сенатѣ (Воронцовъ, Завадовскій, Державинъ), высказаться о необходимыхъ измѣненіяхъ въ устройствѣ сената. Всѣ они поспѣшили воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы выразить свои взгляды на цѣль всѣхъ административныхъ реформъ Александра I, которую они полагали исключительно въ восстановленіи верховнаго правительственного значенія сената, надѣленіи его такими правами, какія онъ имѣлъ не при Петрѣ I, а при Елизаветѣ Петровнѣ⁴⁾. Яркимъ выраженіемъ этихъ взглядовъ всей консервативной партіи было „Мнѣніе

1) Протоколы неофіціального комитета, 56 стр., 2) П. С. З., XXVI, № 19,908, 3) Поэтому-то всѣ члены старой партіи старались, какъ мы видѣли, обратить особенное вниманіе императора на паденіе правительственного значенія сената при Павлѣ I, которое долженъ былъ возратить ему Александръ.

о правахъ и преимуществахъ сената" графа Завадовскаго, представленное государю въ качествѣ доклада отъ всего сената. Завадовскій присваиваетъ сенату не только право судебной, административной и контролирующей власти, но и, кромѣ того, важныя законодательныя права (право установленія новыхъ налоговъ и податей,—высшаго и безапелляціоннаго рѣшенія важнѣйшихъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ безъ санкціи государя и право представленія государю о неудобствахъ въ исполненіи законовъ). Завадовскій желалъ, чтобы повелѣнія сената исполнялись, какъ именныя указы государя ¹⁾. Политическую роль сенату желалъ придать графъ Мордвиновъ, который называлъ сенатъ въ своемъ мнѣніи объ его преобразованіи „политическимъ тѣломъ“. Права его должны были основываться „на весьма уважаемомъ *знатномъ сословіи*, дабы и самыя права воспріяли такое же уваженіе“. Въ качествѣ такого политическаго учрежденія съ аристократическимъ характеромъ своего состава сенатъ, по взгляду Мордвинова, долженъ былъ обладать законодательными, административными и судебными правами ²⁾. Политическимъ учрежденіемъ сенатъ являлся и въ нѣсколькихъ запискахъ графа А. Р. Воронцова, который доказывалъ, что сенатъ долженъ быть не только судебной и исполнительной властью („хранилищемъ законовъ“), но и „верховнымъ правительствомъ, родомъ посредствующей власти между государемъ и народомъ (*rouvoir intermediaire*)“ ³⁾. Графъ Воронцовъ „облекалъ, по выраженію Строганова, сенатъ всею властью“ ⁴⁾. Наконецъ, хотѣлъ превратить сенатъ въ законодательное собраніе еще князь Зубовъ ⁵⁾. Лишь одинъ Державинъ не

¹⁾ Ср. Чтенія etc., 1862, II, 94—101 стр. (Мнѣніе Завадовскаго) и Чтенія etc., 1864, I, 101—107 с., ²⁾ Иконниковъ: „Графъ Мордвиновъ“, 58—59 стр.,

³⁾ Архивъ князя Воронцова, XII, 456—462 стр. („Записка о сенатѣ“), Чт. etc., 1864, I, смѣсь, 108—111 с. (Примѣчанія etc.), ^{4—5)} Протоколы неофициальнаго комитета, 46, 56—57 стр.

раздѣляя всѣхъ этихъ взглядовъ на политическую роль сената въ государственномъ управленіи и въ своемъ мнѣніи о сенатѣ предлагалъ образовать изъ сената высшее судебное и административное учрежденіе, поручить ему контроль надъ ходомъ всего управленія и вмѣстѣ съ тѣмъ установить извѣстное ограниченіе въ испрашиваемомъ въ докладѣ сената государю правѣ рѣшенія важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ безъ конфирмаціи государя ¹⁾).

Мысли Державина о преобразованіи сената на такихъ началахъ нашли сочувствіе среди членовъ неофициальнаго комитета, которые находили, что законодательныя права сената не могутъ быть примирены съ другими предполагаемыми реформами въ высшемъ русскомъ управленіи ²⁾). Члены комитета, какъ мы видѣли, хорошо сознавали, что смѣшеніе функцій сената, соединеніе въ немъ судебныхъ и административныхъ дѣлъ затрудняетъ ходъ управленія и не было согласно съ ихъ новыми идеями объ основаніи всѣхъ реформъ въ русской администраціи. Занятые мыслью объ осуществленіи, хотя бы въ далекомъ будущемъ, своихъ политическихъ плановъ, члены комитета мало придавали значенія реформѣ сената ³⁾ и смотрѣли на нее, какъ только на первый необходимый шагъ къ тому, чтобы начать преобразованіе высшихъ учреж-

¹⁾ Чтенія etc., 1858, III, смѣсь, 125—127 с. (Мнѣніе о правахъ сената), Записки Державина, 441—443 стр. Державинъ высказался противъ мнѣній Завадовскаго и Воронцова въ общемъ собраніи сената, гдѣ, по его словамъ, оба они „весьма въ темныхъ выраженіяхъ и такъ сказать тонкихъ жаждобахъ на прежнее (разумѣется, Павлово) правленіе словами Тацита „говорить было опасно, а молчать бѣдственно“ хотѣли ослабить самодержавную власть и присвоить больше могущества сенату, какъ-то: чтобы доходами располагать и свершать смертную казнь безъ конфирмаціи, и прочее“, 441 с., *ibidem*, (подробное изложеніе мнѣній о сенатѣ Державина, Воронцова и Завадовскаго см. въ I т., 752—762 с.)

²⁾ Можно предполагать, что желаніе поставить сенатъ на второй планъ при предстоящихъ реформахъ вытекало у нѣкоторыхъ членовъ комитета (Чарторыйскаго), отчасти, изъ преувеличеннаго предстаненія о яко бы пернеяствующей роли сената въ началѣ царствованія Александра I, которая на самомъ дѣлѣ принадлежала не ему, а генералъ-прокурору (см. выше), ³⁾ *Memoires Czartoryski*, I, 304—307 p.

деній¹⁾. При обсужденіи въ комитетѣ „Доклада сената объ его правахъ и обязанностяхъ“ всѣ члены комитета рѣшительно отклонили главную его мысль о сенатѣ, какъ законодательномъ учрежденіи, вопреки мнѣнію самого государя, который сталъ на этотъ разъ на сторону автора „Доклада“. Когда въ комитетѣ зашла рѣчь о подобномъ же проеѣктѣ преобразования сената князя Зубова, Александръ „одобрилъ и его идею“²⁾. Новосильцевъ и Строгановъ старались отговорить государя отъ мысли о сенатѣ, какъ законодательномъ учрежденіи, и ссылались въ этомъ случаѣ на мнѣніе о сенатѣ Лагарпа, согласное съ ихъ собственными взглядами³⁾. Въ ихъ защиту сотрудники государя приводили то соображеніе, что предоставленіе сенату законодательной власти „можетъ затруднить правительство“. Въ этихъ словахъ, очевидно, заключался намекъ на другія предстоящія реформы въ высшемъ управленіи, которыя были въ глазахъ государя и членовъ комитета болѣе важны, чѣмъ предлагаемыя измѣненія въ устройствѣ сената. Поэтому Александръ согласился съ мнѣніемъ членовъ комитета и въ одномъ изъ слѣдующихъ его засѣданій приказалъ принять только въ соображеніе проеѣктъ Зубова вмѣстѣ съ мнѣніемъ Державина, о которыхъ Строгановъ замѣчаетъ, что въ нихъ „заключались идеи, издавна нравившіяся государю“⁴⁾. Комитетъ отмѣтилъ полную противоположность взглядовъ Зубова и Державина на сенатъ и, чтобы еще болѣе склонить государя на свою сторону, снова дѣлаетъ предостереженіе, что преобразование сената въ законодательное собраніе „отниметъ у правительства свободу въ его дальнѣйшихъ распоряженіяхъ“⁵⁾. Тотъ же взглядъ былъ выска-

¹⁾ Ibidem, 2, 4—5) Протоколы неофициальнаго комитета, 48, 56—57 стр.,

³⁾ При ссылкѣ на Лагарпа государь замѣтилъ, что Лагарпъ не хочетъ, чтобы онъ отказался отъ власти (Ibidem, 48 с.). И на самомъ дѣлѣ Лагарпъ убѣждалъ государя „не терпѣть надъ собою опеки и распоряжаться самостоятельно“ (58 с.). Лагарпъ былъ также противъ предоставленія, рекомендуемыхъ докладомъ, сенату правъ, „длинный списокъ которыхъ“ казался ему до того „широкимъ, что почти ничего не оставалось на долю верховной власти“ (Сухомлиновъ, Исслѣдованія etc., II, 124 стр.).

занъ особенно ясно Новосильцевымъ, которому Александръ поручилъ разсмотрѣть докладъ сената. Новосильцевъ доказывалъ, что сенатъ при Петрѣ I никогда не былъ законодательнымъ учрежденіемъ, такъ какъ онъ былъ подчиненъ государю безусловно. Новосильцевъ думаетъ, что нельзя вручать „столь важной власти“ (т. е., законодательной) собранію, „которое, по самому составу своему не можетъ пользоваться довѣріемъ народа и которое, состоя исключительно изъ лицъ, назначенныхъ верховною властью, не допускало бы общество участвовать въ составленіи законовъ, выходящихъ изъ рувъ этого собранія. Съ другой стороны, продолжалъ Новосильцевъ, императоръ, давъ сенату значительныя права, кромѣ вышеуказаннаго неудобства, связалъ бы себѣ руки такъ, что не могъ бы выполнить всего задуманнаго имъ на общую пользу, и встрѣтилъ бы въ невѣжествѣ этихъ людей помѣху, которая имѣла бы опасныя послѣдствія въ случаѣ борьбы между верховною властью и правительственными учрежденіями“¹). Изъ этихъ объясненій Новосильцева по поводу доклада сената можно видѣть, въ чемъ заключалась главная причина явнаго нежеланія членовъ комитета дать сенату законодательныя права и что хотѣли они сдѣлать изъ сената въ будущемъ при осуществленіи своего плана политическихъ реформъ. Ясно, что члены комитета готовы были бы согласиться, чтобы сенатъ сталъ законодательнымъ учрежденіемъ, но только при томъ условіи, чтобы онъ состоялъ не изъ „невѣжественныхъ людей, отжившихъ, лишенныхъ энергій“ и ничтожныхъ²)—членовъ старой партіи, нераздѣлявшихъ политическіе взгляды новой, а людей, избранныхъ обществомъ и поэтому всегда склонныхъ „допустить его въ составленіи законовъ“. Именно въ такомъ смыслѣ комментируетъ въ своихъ „Мемуарахъ“ взгляды членовъ комитета князь Чар-

¹ Протоколы неофициальнаго комитета, 45 стр. ²) Memoires pr. Czartoryski, I, 304—308 p.

торыйскій, который замѣчаетъ, что всё они видѣли въ реформѣ сената „первый шагъ на пути къ образованію національнаго представительства, по которому предполагали идти при послѣдующей дѣятельности. Идея этой реформы заключалась, по словамъ Чарторыйскаго, въ томъ, чтобы отнять у сената его исполнительную функцію, оставить ему роль высшаго судебнаго учрежденія и постепенно преобразовать его въ родъ верхней палаты, въ которую со временемъ вошли бы и депутаты отъ русской знати и приняли бы участіе въ обсужденіи и рѣшеніи разнаго рода законодательныхъ и административныхъ дѣлъ“¹⁾.

Опасеніе, чтобы сенатъ въ качествѣ законодательнаго собранія, состоящаго изъ членовъ старой партіи, не затормозилъ всё проектируемыя реформы, было одной изъ причинъ, заставившихъ членовъ комитета убѣдить императора сдѣлать изъ сената, главнымъ образомъ, высшее судебное учрежденіе въ имперіи²⁾, какимъ онъ былъ уже въ началѣ царствованія Александра I. Государь согласился съ комитетомъ, чтобы на сенатъ было возложено завѣдываніе судебными дѣлами³⁾, но вмѣстѣ съ тѣмъ высказалъ желаніе, чтобы сенату была вручена „исполнительная часть внутренняго управленія и власть охранительная“, т. е., администрація и контроль за дѣятельностью всѣхъ административныхъ учреждений. Члены комитета возразили государю, что цѣлесообразнѣе предоставить различныя части администраціи отдѣльнымъ лицамъ — министрамъ, отвѣтственнымъ за образъ своей дѣятельности. Охранительная же власть сената будетъ, по мнѣнію комитета, призрачна безъ организованнаго политическаго строя, общественнаго мнѣнія и особенной отвѣтственности министровъ, которые безъ такого подчиненія сенату будутъ дѣлать, что имъ угодно⁴⁾. Однако, полагалъ комитетъ, пока

¹⁾ Ibidem, ²⁾ Протоколы неофициальнаго комитета, 45 стр., ³⁻⁴⁾ Протоколы неофициальнаго комитета, 82 и 48—49 стр.

не будутъ образованы министерства, сенатъ могъ сохранить за собою прежнія административныя права, которыя потомъ комитетъ рѣшилъ отнять у сената и передать ихъ министрамъ³⁾). Послѣдніе должны были представлять въ сенатъ ежегодно отчеты о своей дѣятельности, такъ что сенатъ стада бы высшимъ контролирующимъ учрежденіемъ въ государственномъ управленіи. Поэтому въ немъ должны были разсматриваться всѣ дѣла о незаконныхъ превышеніяхъ власти⁴⁾). Остановившись окончательно на мысли о сенатѣ, какъ высшемъ судебномъ и административномъ учрежденіи, государь и комитетъ занимались потомъ только обсужденіемъ вопроса о составѣ сената, распредѣленіи дѣлъ между его департаментами⁵⁾ и согласованіи новаго образованія сената съ предположеннымъ планомъ учрежденія министерствъ⁶⁾).

Надъ вопросомъ о преобразованіи сената работалъ еще Непремѣнный Совѣтъ. Какія были въ немъ выражены мнѣнія по этому поводу, это мы увидимъ, когда намъ придется говорить о законодательной дѣятельности совѣта. Теперь же достаточно отмѣтить тотъ фактъ, что въ Непремѣнномъ Совѣтѣ были высказаны два противоположныхъ взгляда на реформу сената. Одни члены совѣта стояли за то, чтобы преобразовать сенатъ въ политическое учрежденіе: то были члены сената, попавшіе въ составъ Непремѣннаго Совѣта (графъ Завадовскій, графъ Воронцовъ) и графъ С. П. Румянцевъ. Другая часть совѣта, большинство его членовъ отвергало самую мысль о коренномъ преобразованіи сената и надѣленіи его разными правами и преимуществами⁷⁾).

³⁾ *Memoires Czartoryski*, I, 307 p. Эти слова Чарторыйскаго о намѣреніи комитета лишить сенатъ административныхъ правъ съ образованіемъ министерствъ подтверждаетъ Державинъ, который замѣчаетъ, что члены комитета, „думали, какъ со временемъ открылось, раздѣлить обязанности правленія по министерствамъ“ (Записки Державина, 442 с.), ^{2—5}) Протоколы неофициальнаго комитета, стр. 65, 87, 58—59, 60, 70, см. подробности въ I томѣ, 770—773 с., ⁷⁾ См. 2-го главу.

Общимъ результатомъ совмѣстной дѣятельности неофициальнаго комитета и Непремѣннаго Совѣта надъ реорганизаціей сената былъ указъ объ его правахъ и преимуществахъ (8 сент. 1802 г.). Этимъ указомъ сенату предоставлялись вся высшая судебная власть въ имперіи и права верховнаго правительственнаго учрежденія по отношенію къ нѣкоторымъ особенно важнымъ административнымъ дѣламъ финансоваго свойства и др. Сенатъ сталъ также высшимъ контролирующимъ, и, отчасти, законодательнымъ учрежденіемъ. Именно сенатъ получилъ право представлять государю „о великихъ неудобствахъ“ въ исполненіи законовъ „по общимъ государственнымъ дѣламъ“, или въ случаѣ неясности или несогласія законовъ по частнымъ суднымъ дѣламъ съ существующими „указаніями“ (10 статья)¹⁾. Сенатъ же могъ рѣшать безапелляціонно всѣ важнѣйшія уголовныя дѣла, исключая тѣхъ, въ которыхъ шла рѣчь о лишеніи дворянства и чиновъ (21 ст.). Первенствующая роль сената въ администраціи придается ему опредѣленіемъ, что „власть сената ограничивается единою властью Е. И. В., который предсѣдаетъ въ сенатѣ, и что указы сената исполняются всѣми, какъ собственные И. В.“ (2—4 ст.). Сенаторы надѣлены, въ качествѣ членовъ „почтеннаго сословія“²⁾, важными личными привилегіями (напр., правомъ объявлять именныя указы,—суда пэровъ и др.)—11—13 ст. Указъ придаетъ особенное значеніе праву сената представлять государю о неудобствахъ въ исполненіи законовъ и противорѣчіи новыхъ законовъ съ прежними, обставляя осуществленіе этого права особенно торжественными, публичными формами. Въ этомъ случаѣ сенатъ могъ посылать депутацію къ государю, которая должна была объяснить основанія тѣхъ или другихъ

¹⁾ О важномъ значеніи этого права сената см. во 2 главѣ наст. изслѣдованія, ²⁾ Это названіе сената въ указѣ 8 сент. 1802 г. имѣетъ нѣкоторую связь съ законодательными его правами, которыя ставили его на первомъ мѣстѣ въ управленіи.

ниій сената о дѣлѣ. Указъ устанавливаетъ опредѣленный порядокъ рѣшенія всѣхъ дѣлъ, какъ въ отдѣльныхъ департаментахъ сената, такъ и его общемъ собраніи (14—19 ст.) ¹⁾.

Указъ о правахъ и обязанностяхъ сената, опредѣляя довольно ясно тѣ и другія, ничего не говоритъ объ отношеніи сената ни къ Непремѣнному Совѣту, съ которымъ онъ долженъ былъ конкурировать въ законодательныхъ дѣлахъ, ни къ министерствамъ, появившимся въ одно время съ сенатомъ. Скоро, впрочемъ, сенатъ лишился своего права входить къ государю „по его въ состоявшихся указахъ сумнѣніяхъ“ ²⁾. Вскорѣ послѣ случая, подавшаго поводъ сенату воспользоваться этимъ своимъ правомъ ³⁾, послѣдовалъ указъ 21 марта 1803 г., гдѣ было сказано, что подъ именемъ существующихъ законовъ, о которыхъ говорится въ законѣ 8 сент. 1802 г., должно разумѣть не вновь издаваемые и подтверждаемые законы, а единственно уже существовавшіе, — прежніе ⁴⁾. Съ отнятіемъ у сената права представленія, — толкованія законовъ запрещено было ему посылать государю депутаціи въ подобныхъ случаяхъ ⁵⁾. Такъ сенатъ пересталъ быть законодательнымъ учрежденіемъ, равнымъ Непремѣнному Совѣту. Сенатъ долженъ былъ утратить также и большую часть своихъ административныхъ правъ съ образованіемъ министерствъ.

Въ основаніе реформы обоихъ высшихъ учреждений — Непремѣннаго Совѣта и сената были положены начала законности и распредѣленія двухъ функцій власти (законодательной и судебной) между двумя высшими спеціальными установленіями. На очереди стояло преобразование администраціи, министерствъ, на которое неофициальный комитетъ обратилъ особенное вниманіе ⁶⁾. Цѣлью новой реформы министерствъ

¹⁾ И. С. В., XXVII, № 20,405, ^{2—3)} XXVII, № 20,676, Записки Державина, 462—471 стр., см. I т. изслѣдованія, 781—782 стр. ⁴⁾ Записки Державина, *ibidem*, ⁵⁾ См. I т. изслѣдованія, 784—792 стр.

при Александрѣ I было централизовать все внутреннее управление, соединить всѣ однородныя дѣла въ специальныхъ ведомствахъ — отдѣльныхъ министерствахъ, установить принципъ ответственности министровъ за свою дѣятельность и ввести солидарность, единство въ дѣйствіяхъ всѣхъ органовъ администраціи. Члены комитета надѣялись, говорить Чарторыйскій, что образованныя въ такомъ видѣ министерства станутъ „дѣйствительнымъ средствомъ противъ безчисленныхъ злоупотребленій, лихоимства и воровства, которыя составляютъ большое зло въ русскомъ управленіи“ ¹⁾. Поэтому въ манифестѣ объ образованіи министерствъ 8 сен. 1802 г. было вѣщено въ обязанность министрамъ заботиться „объ утвержденіи народнаго благоденствія, исправленіи всякаго зла, пагубнаго для него, отвращеніи всѣхъ причинъ, могущихъ подать поводъ къ нарушенію общаго и частнаго спокойствія“. Министры должны были также „отерывать нужды народа, предупреждать ихъ и благоразумно, ревностно и дѣлательно способствовать соблюденію и утвержденію необходимаго во всемъ порядка и умноженію богатства“. Всѣ дѣла внутренняго управленія были распредѣлены между восемью министерствами ²⁾, въ число которыхъ вошли и три первыхъ коллегій (1—2 ст.). Въ манифестѣ опредѣляются особенно обязанности всѣхъ министровъ, исключая министровъ военнаго, морскаго и иностранныхъ дѣлъ (3—5 ст.), устанавливается порядокъ сношеній министерствъ съ подчиненными имъ мѣстами (9 ст.) и съ Высочайшею властью въ томъ случаѣ, если министръ не можетъ разрѣшить собственною властью сомнѣній подвѣдомственныхъ ему мѣстъ (10 ст.). Въ манифестѣ же указаны отношенія министровъ къ Непремѣнному Совѣту ³⁾ и сенату. Послѣдній явился мѣстомъ,

¹⁾ Mémoires, I, 313 p. ²⁾ Эти министерства были: 1) военное, 2) морское, 3) иностранныхъ дѣлъ, 4) юстиціи, 5) внутреннихъ дѣлъ, 6) финансовъ, 7) коммерціи и 8) народнаго просвѣщенія, ³⁾ См. выше.

предъ которымъ министры должны были отвѣчать за управленіе вверенными имъ частями управления. Сенатъ разсматривалъ въ присутствіи министровъ подаваемые ему ежегодные отчеты, при чемъ онъ могъ требовать отъ нихъ нужныхъ объясненій. Министерскіе отчеты сравнивались въ сенатѣ съ указами, поданными по разнымъ отраслямъ управления и рапортами сенату отъ подчиненныхъ ему мѣстъ; и затѣмъ препровождались съ замѣчаніями сената на Высочайшее усмотрѣніе (XIII ст.) Но и до представленія отчета сенатъ имѣлъ право въ случаѣ беспорядочнаго и противозаконнаго теченія дѣлъ въ какомъ-либо министерствѣ требовать отъ министра объясненій и въ случаѣ ихъ неудовлетворительности докладывать о томъ государю (XIV ст.¹⁾.

Манифестъ объ образованіи министерствъ 1802 г. былъ важнѣйшимъ актомъ реформаторской дѣятельности Александра I въ первую половину его преобразованій. Имъ были выдѣлены въ особую группу всѣ дѣла внутренняго управленія, между тѣмъ какъ „важнѣйшія (законодательныя) дѣла“ были предоставлены совѣту, а сенату—высшій контроль надъ ходомъ всего государственнаго управленія. При дальнѣйшихъ преобразованіяхъ въ организаціи министерствъ въ нихъ были введены еще болышій централизація, единство въ отдѣльныхъ отрасляхъ управленія и правильное соединеніе въ устройствѣ министерствъ личнаго и коллегіальнаго начала²⁾. Вышего съ тѣхъ съ министерствамъ перешло отъ сената почти все дѣйствительное управленіе, отъ котораго въ его вѣдомствѣ фактически осталась только самая небольшая часть, такъ что сенатъ пользовался незначительною властью въ сферѣ администраціи³⁾. Такъ какъ вскорѣ сенатъ, какъ мы видѣли, по-

¹⁾ П. С. З., XXVII, № 20,406, ²⁾ См. I т., 799—802 стр., ³⁾ П. С. З., XXVII, №№ 20,423, 20,619, XXVIII, №№ 21,248, 21,271, 21,296, 21,309, 21,813, 21,881, 21,648, 21,736, 21,916, 21,922, XXIX, №№ 22,084, 22,080, 22,312, 22,375, XXX, №№ 23,066, 23,381, 23,815.

терялъ и право извѣстнаго участія въ законодательствѣ; то ему теперь остались одни судебныя дѣла ¹⁾; но и въ этой области управленія съ сенатомъ стали конкурировать не только Непремѣнный Совѣтъ ²⁾, но даже и губернаторы, которые утверждали приговоры уголовныхъ палатъ по всѣмъ уголовнымъ дѣламъ ³⁾, за исключеніемъ дѣлъ о преступленіяхъ — дворянскихъ и чиновничьихъ ⁴⁾. По гражданскимъ же дѣламъ мимо сената шла прямо на усмотрѣніе государя всѣ тяжбы, превышающія сумму 500 р. ⁵⁾. Положимъ, сенату оставалось важное право — наблюденіе за ходомъ всего управленія ⁶⁾, особенно же высшій контроль надъ дѣятельностью министровъ. Но и это право сената столь скоро номинальнымъ. Дѣятельность министровъ начинаетъ понемногу ускользать отъ наблюденія сената почти съ самого перваго момента образованія министерствъ. Поводъ къ тому далъ, прежде всего, самъ манифестъ объ учрежденіи министерствъ, которымъ ихъ компетентность вообще опредѣлялась также, какъ и вѣдомство сената, особенно перваго его департамента ⁷⁾, чѣмъ, съ одной стороны, ослаблялось правительственное значеніе сената, какъ коллегія, а съ другой увеличивалась сильно личная власть отдѣльныхъ министровъ, въ руки которыхъ перешли всѣ дѣла управленія ⁸⁾. Расширенію ихъ власти не было положено никакихъ-либо границъ, такъ какъ она не была опредѣлена никакими наказами или инструкціями ⁹⁾. Поэтому всѣ и даже произвольныя рѣшенія министровъ должны были исполняться безпре-

¹⁾ XXVII, № 20,509, 20,561, 20,597, 20,874, XXVIII, № 21,333, 21,498, 21,783, XXIX, № 21,991, 22,144, 22,279, 22,712, XXX, № 22,886, 23,488, 23,586, 23,855, 23,990, ²⁾ См. ниже, ³⁾ П. С. З., XXVII, № 20,745, ⁴⁾ XIX, № 20,111, № 23,660, ⁵⁾ См. Архивъ Государственнаго Совѣта, изд. Балачева, III т., 2 ч., 1065 стр. (Мнѣніе графа С. П. Румянцева по дѣлу крестьянъ помѣщцы Загряжской), ⁶⁾ П. С. З., XXVII, № 20,372, 20,373, 20,884, ⁷⁾ Ср. манифесты объ образованіи сената (1 ст.) и министерствъ (введеніе и 4 ст.) ⁸⁾ *Mem.ires Czartoryski*, I, 314 p., ⁹⁾ Сперанскій: «О государственныхъ установленіяхъ», 42 стр.

кисловно всѣми подчиненными имъ мѣстами ¹⁾. Министры докладывали помимо сената государю о всѣхъ дѣлахъ управления ²⁾ и скоро сдѣлались всесильными въ государственномъ управленіи ³⁾. Они совершенно произвольно распоряжались государственными финансами ⁴⁾ и подъ предлогомъ личной отвѣтственности предъ государемъ освободились вполне отъ всякой законной отвѣтственности предъ сенатомъ, который превратился, по выраженію графа А. Р. Воронцова, въ „безучастнаго передатчика министерскихъ отчетовъ государю“ ⁵⁾. Наконецъ, самая отвѣтственность министровъ предъ сенатомъ сдѣлалась невозможною вслѣдствіе того, что министры сами не могли дать никакого правила въ поясненіе или дополненіе существующихъ законовъ и поэтому испрашивали Высочайшихъ рѣшеній на всѣ и даже маловажные случаи ⁶⁾. По всѣмъ этимъ причинамъ правило о представленіи министрами ежегодныхъ отчетовъ сенату дѣйствовало только на первыхъ порахъ ихъ дѣятельности. Всего въ сенатѣ было рассмотрѣно въ 1802—1803 гг. только два отчета,—министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ ⁷⁾. Но и эти отчеты обсуждались людьми, менѣе знакомыми съ административными дѣлами, чѣмъ сами министры ⁸⁾, которые и не могли быть поэтому привлечены къ дѣйствительной отвѣтственности за свою дѣятельность. Такъ на дѣлѣ установился порядокъ, на который позже указывалъ государю Карамзинъ. „Министры, основавъ бытіе свое на развалинахъ коллегій, стали, говорить онъ, между государемъ и народомъ, заслоняя сенатъ,

¹ и ⁴) Записки Державина, 456—458 с., ²) Сперанскій, 43 с., Архивъ кн. Воронцова, XII, 272 с. (Письмо графа Завадовскаго къ С. Р. Воронцову), XV, 158—160 с. (Письмо гр. С. Р. Воронцова къ кн. Чарторыйскому), ³ и ⁵) С. Р. Воронцовъ: „О внутреннемъ управленіи Россіи“, Рус. Архивъ, 1881, XIX, 2) 155—162 с., ⁶) Сперанскій, 43, ⁷) Журналы комитета министровъ, томъ первый, Спб., 1888, приложение 1—2 за 1803 г., ⁸) „Записка о слѣдствіяхъ учрежденія министерствъ и госуд. совѣта“, дѣла комитета 1826 г., 6 дек., № 72. Этого важнаго документа почему-то нѣтъ въ числѣ бумагъ комитета, напечатанныхъ въ 90 томѣ Собр. Рус. Ист. Общества.

отнимая его силу и величіе; хотя подвѣдомые ему отчетами, но сказавъ: „я имѣлъ счастье докладывать государю“, заграждали уста сенаторамъ и сія мнимая отвѣтственность была пустымъ обрядомъ. Указы, законы, предлагаемые министрами, одобряемые государемъ, сообщались сенату только для обнародованія. Выходило, что Россіей правили министры“¹⁾. Таковой же взглядъ на быстрый упадокъ контролирующей власти сената по отношенію къ министерствамъ высказываетъ неизвѣстный авторъ „Записки о слѣдствіяхъ учрежденія министерствъ и государственнаго совѣта“. Вслѣдствіе того, что министры докладывали государю о всѣхъ дѣлахъ управленія сенатъ, говоритъ авторъ этой „Записки“, „оставался въ нѣкоторомъ бездѣйствіи власти, поелику онъ докладывалъ посредствомъ одного изъ тѣхъ же министровъ и нѣкоторые изъ нихъ докладывали пустня дѣла“²⁾. Наконецъ, одинъ изъ очевидцевъ реформъ Александра I, Н. Тургеневъ замѣчаетъ, что контроль сената надъ министрами скоро исчезъ совершенно и изъ административныхъ правъ сената осталась у него только публикація законовъ и Высочайшихъ повелѣній³⁾. Обширная власть министровъ не ограничивалась и обязательнымъ для каждаго министра ренсеніемъ всѣхъ дѣлъ своего вѣдомства *въ комитетъ министровъ*, который возникъ одновременно съ образованіемъ министерствъ.

Когда въ неофициальномъ комитетѣ обсуждался вопросъ объ учрежденіи министерствъ, члены комитета предложили въ виду объединенія всѣхъ дѣйствій министровъ и установленія ихъ взаимной отвѣтственности, чтобы доклады министровъ по текущимъ дѣламъ обсуждались прежде представленія ихъ государю предварительно въ комитетѣ, составленномъ изъ

¹⁾ Карамзинъ: „Записка о древней и новой Россіи“, 2285 с., ²⁾ „Записка о слѣдствіяхъ учрежденія министерствъ и госуд. совѣта“, *ibidem*, ³⁾ Tourgueneff: „La Russie et les russes“, II, 293 p.

всѣхъ министровъ. Въ этомъ комитетѣ должны были разсматриваться и всякія новыя мѣры въ управленіи ¹⁾. Эти предположенія членовъ комитета были внесены цѣликомъ въ манифестъ объ образованіи министерствъ, гдѣ сказано, что каждый министръ прежде поднесенія своихъ докладовъ государю долженъ „предлагать ихъ прочимъ министрамъ для надлежащаго соображенія со всѣми государственными частями, въ вѣдѣніи ихъ находящимися“. Наблюденіе за сохраненіемъ такого порядка въ рѣшеніи всѣхъ дѣлъ внутренняго управленія было возложено на самихъ министровъ: каждый изъ нихъ могъ докладывать государю объ отступленіи отъ этого общаго правила какимъ-либо изъ его товарищей. Манифестъ же опредѣляетъ, что на общее обсужденіе всѣхъ министровъ въ ихъ комитетѣ поступаютъ только спеціально административныя, текущія, „обыкновенныя дѣла“ ²⁾. Комитетъ министровъ, слѣдовательно, не былъ особымъ отъ министерствъ государственнымъ учрежденіемъ, а только, какъ выражается Сперанскій, „образомъ совокупнаго доклада министровъ въ присутствіи государя“ ³⁾. На первыхъ порахъ комитетъ министровъ имѣлъ только такое значеніе общаго собранія министровъ для обсужденія текущихъ дѣлъ управленія. Однако, не всѣ эти дѣла проходили черезъ комитетъ министровъ, такъ какъ министры предпочитали дѣлать доклады самому государю и получать согласіе на проектируемыя ими мѣры помимо комитета ⁴⁾. Иногда же случалось, что дѣла предлагались на обсужденіе въ комитетѣ только для проформы, потому что они заранее были уже рѣшены въ присутствіи императора ⁵⁾. Но ни эта безформенность въ организаціи комитета министровъ, ни неопредѣленность его компетентности и частію уклоненія министровъ отъ обязанности вносить въ

¹⁾ Протоколы неофициальнаго комитета, 81 и 86 стр., ²⁾ П. С. З., XXVII, № 20, 403, XI и XV статьи, ³⁾ Сперанскій, *ibidem*, 42 с., ⁴⁾ Архивъ князя Воронцова, XII, 272 стр., ⁵⁾ Архивъ ил. Воронцова, XV, 158—160 стр.

него дѣла своего вѣдомства не помѣшали тому, что скоро комитетъ министровъ сталъ во главѣ всего государственнаго управленія. Причина этого факта заключалась, главнымъ образомъ, въ довѣрїи къ комитету самого государя, который присутствовалъ почти постоянно въ засѣданіяхъ комитета до 1805 г., посѣщалъ ихъ въ 1806 г. и пересталъ бывать въ комитетѣ только въ послѣдніе три года первой эпохи своихъ реформъ (1807—1809 гг.)¹⁾. Но въ это время комитетъ министровъ дѣйствовалъ уже въ качествѣ самостоятельнаго высшаго правительственнаго учрежденія, надѣленнаго на время двухкратнаго отсутствія государя изъ столицы (въ 1805 и 1806 гг.) особенными полномочіями²⁾.

Правила о дѣятельности комитета, изданныя въ 1805 г., опредѣляли составъ, вѣдомство комитета министровъ и порядокъ доклада и слушанія въ немъ дѣлъ и представленія ихъ на Высочайшее усмотрѣніе. Комитетъ получилъ теперь право разсматривать и разрѣшать не только текущія дѣла, но и тѣ, которыя „министры сочтутъ за нужное представить туда для разрѣшенія своихъ сомнѣній“ (5 ст.). Кроме того, комитету было предоставлено рѣшать собственною властью и тѣ дѣла, которыя „зависятъ единственно отъ Высочайшаго разрѣшенія“ (8 ст.³⁾). Права комитета министровъ были расширены еще болѣе въ 1808 году, когда кромѣ обыкновенныхъ дѣлъ ему были поручены еще дѣла высшей полиціи. Въ комитетѣ министровъ должны были представляться всѣ свѣдѣнія относительно благосостоянія и безопасности государства; здѣсь же разсматривались всѣ текущіе дѣла, требующіе Высочайшаго

¹⁾ Журналъ комитета министровъ, I т., стр. 9 и сл., 34 и сл., 92 и сл., 112 и сл., 131 и сл. Для Александра Павловича комитетъ министровъ замѣнялъ неофіціальный комитетъ, всѣ члены котораго попали въ комитетъ министровъ,

²⁾ Правила 1805 и 1808 гг. о дѣятельности комитета министровъ только подтвердили, какъ скоро увидимъ, ту фактическую власть въ управленіи, какую онъ успѣлъ приобрести съ самаго начала образованія министерствъ. ³⁾ П. С. З., XXVIII, № 21, 896.

разрѣшенія (9 ст.). Комитетъ могъ давать „подъ собственною отвѣтственностью всѣхъ его членовъ разрѣшенія и уполномочивать министровъ къ исполненію дѣлъ, нетерпящихъ ни малѣйшаго отлагательства и требующихъ въ обыкновенномъ порядкѣ Высочайшаго разрѣшенія“ (23 ст.)¹⁾. Правила 1808 г. были подтверждены государемъ по возвращеніи его изъ за границы, за исключеніемъ лишь тѣхъ, которыя сдѣлались излишними въ присутствіи государя²⁾. Въ этихъ правилахъ, оставшихся безъ измѣненія до 1811 г., не заключалось точнаго опредѣленія вѣдомства комитета министровъ, куда повтому вносились, какъ и ранѣе, самыя разнообразныя дѣла государственнаго управленія: законодательныя, высшія административныя, дѣла виѣшней политики и даже многія мелочныя дѣла внутренняго управленія. Въ комитетъ же министровъ поступали разныя прошенія и жалобы, подаваемыя на Высочайшее имя. Такъ рядомъ съ Непремѣннымъ Совѣтомъ, сенатомъ и министерствами стало новое высшее учрежденіе, въ которое входили дѣла всѣхъ этихъ установленій. Въ теченіе всей первой половины царствованія Александра I комитетъ министровъ приобрѣлъ такое вліяніе на всегосударственное управленіе, какого во многихъ отношеніяхъ не имѣли ни совѣтъ, ни сенатъ: въ одно и то же время онъ сталъ законодательнымъ, административнымъ и даже, отчасти, судебнымъ учрежденіемъ. Обзорѣніе компетентности комитета министровъ является поэтому необходимымъ для оцѣнки всего значенія въ администраціи каждаго изъ остальныхъ коллегіальныхъ высшихъ учрежденій³⁾, а также и Непремѣннаго Совѣта. Въ этой главѣ мы остановимся только на законодательной дѣятельности комитета министровъ, которую мы сравнимъ съ компетентностью совѣта по законодательнымъ дѣламъ, послѣ ея обзорѣнія въ слѣдующихъ главахъ.

¹⁾ XXX, № 23,262, ²⁾ XXX, № 23,352, ³⁾ Комитетъ министровъ былъ признанъ коллегіальнымъ учрежденіемъ правилами 1805 г., по которымъ дѣла рѣшались въ комитетѣ большинствомъ голосовъ.

Обращаясь къ законодательной дѣятельности комитета министровъ, мы видимъ, что имъ было произведено много существенныхъ измѣненій въ организаціи *центральныхъ учреждений*. Табъ относительно производства дѣлъ въ сенатѣ было постановлено подтвердить силу указа 8 сент. 1802 г. о томъ, чтобы при выбытіи голосовъ сенаторовъ въ департаментахъ сената дѣла переносились въ общее собраніе сената. Тотъ же указъ былъ дополненъ правиломъ, чтобы сенаторы, не участвующіе въ рѣшеніи дѣлъ, не могли подавать своихъ мнѣній. Эти послѣднія они должны были при рѣшеніи дѣлъ представлять немедленно и только министру юстиціи. дозволено въ случаѣ его несогласія съ общимъ собраніемъ сената представлять свое мнѣніе въ извѣстный срокъ ¹⁾. Дѣла, рѣшенныя въ общемъ собраніи московскихъ департаментовъ сената, не должны были переноситься въ петербургскіе его департаменты ²⁾. Комитетъ обратилъ вниманіе на дополненіе учрежденія министерствъ 1802 г. Въ одномъ изъ его засѣданій государь поручилъ комитету, чтобы каждый изъ министровъ представилъ въ него записку, въ которую „включило бы все, что для благопоспѣшнѣйшаго теченія дѣлъ по его части сочтено будетъ нужнымъ“ ³⁾. Определены случаи, въ какихъ министръ финансовъ долженъ былъ подписывать указы ⁴⁾. Для болѣе точнаго опредѣленія административной компетентности министровъ было положено, чтобы министры не принимали жалобъ на дѣла тяжёбныя и слѣдственныя, о чемъ объявлять въ коллегіяхъ просителямъ, которые могли подавать жалобы апелляціоннымъ порядкомъ въ сенатъ ⁵⁾. Министры по дѣламъ, требующимъ утвержденія государя, дол-

¹⁾ Журналы комитета министровъ, I т., 43—44 стр.; нужно замѣтить, что въ журналахъ комитета министровъ нѣрѣдко только приводится безъ всякихъ мотивовъ утвержденное или склоненное въ немъ то или другое положеніе (законъ) или рѣшеніе какого-либо административнаго дѣла. ²⁾ Ibidem, 23 стр., (II. С. 3., XXVII, № 20,546), ³⁾ Ж. К. М., I, 25 с., ⁴⁾ Ibidem, 15 с., ⁵⁾ Ibidem 43 стр.

жны были, согласно указу 8 сент. 1802 г., подносить не рескрипты, а доклады за своею подписью¹⁾. Установленъ былъ размѣръ жалованья чиновникамъ канцеляріи комитета министровъ²⁾. Комитетъ постановилъ, чтобы письменные ежегодные отчеты министровъ разсматривались не въ первомъ департаментѣ сената, состоящемъ почти изъ однихъ министровъ, а въ общемъ его собраніи³⁾. Комитетъ работалъ также надъ устройствомъ отдѣльныхъ министерствъ и другихъ высшихъ учреждений, остававшихся пока незакрытыми въ первое время дѣятельности новыхъ министерствъ. Такъ были одобрены въ комитетѣ: проектъ о временномъ образованіи канцеляріи министерства народнаго просвѣщенія, положеніе для департамента внутреннихъ дѣлъ и штаты департаментовъ: военнаго министерства, юстиціи, финансовъ и коммерціи⁴⁾. Утвержденъ штатъ лѣснаго департамента⁵⁾. Образованы: вторая и третья (медицинская) экспедиція департамента внутреннихъ дѣлъ⁶⁾ и экспедиція государственнаго хозяйства⁷⁾. Последняя должна была слѣдовать извѣстному порядку въ своихъ сношеніяхъ съ сенатомъ⁸⁾. Утверждены: записка министра юстиціи о консультаціи оберъ-прокуроровъ⁹⁾, способъ преобразования адмиралтействъ-коллегіи и штаты монетныхъ департаментовъ¹⁰⁾. Экспедиція заготовленія гербовой и вексельной бумаги присоединена къ экспедиціи о государственныхъ доходахъ и камеральный столъ, находящійся при экспедиціи государственнаго хозяйства, рѣшено включить въ департаментъ министерства финансовъ¹¹⁾. Расширена власть интендантской экспедиціи¹²⁾. Вновь преобразованы мануфактуръ-коллегія и соляная контора¹³⁾. Вѣдомство комиссаріата

¹⁻³⁾ Ibidem, 16 и 18 стр., ²⁾ Ibidem, 10 с., ⁴⁻⁵⁾ Ж. М., I т., стр.: 12—13, 24, 36, (П. С. З., XXVII, № 20,611, 20,673), 136 (XXIX, № 20,102), 92 (XXVII, № 21,105), 45 (XXVII, № 20,852) и 15 (XXVII, № 20,470), ⁹⁻¹²⁾ Ibidem; стр.: 14—15, 34 (XXVII, № 20,591), 36 (XXVII, № 20,602), 39 и 43—44 (XXVII, № 20,852).

увеличено включеніемъ въ него екатерининской казенной фабрики ¹⁾. Коммерцъ-коллегія преобразована въ департаментъ коммерческихъ дѣлъ ²⁾. Прибавлено извѣстное число чиновниковъ и служителей въ пятую экспедицію государственнаго казначейства для освидѣтельствованія прежнихъ счетовъ ³⁾. Третья и пятая экспедиціи министерства финансовъ соединены въ одну экспедицію для государственныхъ счетовъ ⁴⁾. Одобрень докладъ о новыхъ правилахъ для дѣятельности провіантской комиссіи ⁵⁾. Военной коллегіи дозволено ревизовать разные счета военнаго департамента ⁶⁾ и для обревизованія долговъ адмиралтействъ—коллегіи учреждена особая комиссія, состоящая изъ трехъ членовъ ⁷⁾.

Относительно образованія *мѣстныхъ учреждений* комитетъ министровъ предпринималъ слѣдующія мѣры. Прежде всего, былъ установленъ порядокъ сношеній губернаторовъ съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ ⁸⁾. Вице-губернаторъ въ случаѣ отсутствія губернатора изъ губернскаго города, если встрѣчалъ возраженіе по какому-либо дѣлу со стороны совѣтника губернскаго правленія, долженъ былъ отослать дѣло къ губернатору ⁹⁾. Комитетъ обозначилъ точно дѣла, по которымъ казенныя палаты должны были сноситься съ министромъ финансовъ и государственнымъ казначействомъ ¹⁰⁾. Сдѣланы распоряженія для пресѣченія недоразумѣній между гражданскимъ и военнымъ начальствомъ въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ и крѣпостяхъ ¹¹⁾. Губернскіе роты и комитеты рѣшено оставить въ вѣдѣніи одного министра внутреннихъ дѣлъ. Определены сроки отпуска магистратскимъ чиновникамъ отъ отправленія должности ¹²⁾. Комитетъ принималъ участіе въ преобразованіи губернскихъ учреждений. Такъ имъ утверж-

¹⁻⁷⁾ Ibidem, стр.: 92 (XXVIII, № 21, 116), 113—114, 256, 281, 392 и 401,

⁸⁻¹¹⁾ Ibidem, стр.: 10, 408, 35 и 49, ¹²⁾ Ж. К. М., I, стр.: 355 (Ц. С. З., XXX, № 24, 034), 47 (XXVII, № 20, 908).

денъ штатъ петербургскаго казначейства, установлены правила градоначальства въ г.г. Одессѣ и Таганрогѣ ¹⁾ и $\frac{1}{5}$ часть городскихъ доходовъ Одессы рѣшено употребить на постройку городскихъ строеній ²⁾. Сокращены комитетомъ штаты астраханской и кавказской губерній ³⁾. Г. Херсонъ сдѣланъ губернскимъ городомъ ⁴⁾. Изъ пошлинъ, собираемыхъ въ г. Таганрогѣ, позволено $\frac{1}{10}$ часть отдѣлить на постройку общепользныхъ зданій ⁵⁾. Въ Астрахани образована особая экспедиція для управленія соляными промыслами ⁶⁾. Въ Иркутскѣ и Θεодосіи учреждены строительныя экспедиціи ⁷⁾. Въ уѣздныя земскіе суды оренбургской губерніи прибавлено нѣсколько засѣдателей ⁸⁾. Комитетъ утверждаетъ инструкціи военнымъ начальникамъ разныхъ губерній: николаевской ⁹⁾, оренбургской ¹⁰⁾, иркутскому генералъ-губернатору и военному губернатору Θεодосіи ¹¹⁾. Разныя части казачьихъ войскъ получаютъ особое устройство: Чугуевскіе, Донскіе, Бугскіе, Уральскіе и Черноморскіе казаки ¹²⁾. Особенно было выработано комитетомъ положеніе о производствѣ и содержаніи офицеровъ Донскаго войска ¹³⁾. Преобразованы нѣкоторыя части управленія Грузіей ¹⁴⁾ и рассмотрѣнъ докладъ фидляндскаго военнаго губернатора о необходимыхъ измѣненіяхъ въ управленіи Фидляндіей ¹⁵⁾. Измѣненъ образъ дѣятельности комиссіи, учрежденной для разбора споровъ о земляхъ въ Крыму ¹⁶⁾. Въ пограничныхъ мѣстечкахъ Радзивиловѣ и Волочискѣ учреждена полиція на счетъ таможенныхъ доходовъ ¹⁷⁾ и образовано волостное правленіе въ имѣніи помѣщика Петрово-Соловова ¹⁸⁾.

¹⁻⁴⁾ 117 (XXIX, № 22,007) 37, 42 (XXVII, № 20,755), 44 (XXVII, № 20,819), 18 и 42, ⁵⁻¹¹⁾ Ibidem, стр.: 127, 136 (XXIX, № 22,103), 261—262, 308—309 (XXX, № 23,803), 319 (XXX, № 23,802), 36 (XXVII, № 20,610, 20,613), 48 (XXVII, № 20,939), 42 (XXVII, № 20,771), 96 (XXVIII, № 21,172), ¹²⁻¹⁸⁾ Ibidem, стр.: 43 (XXVII, № 20,811), 41 (XXVII, № 20,754), 93 (XXVIII, № 21,132, 21,133), 146, 355 (XXX, № 23,968), 13 (XXVII, № 20,436), 106, 380—381, 201 (XXX, № 23,325), 350 и 98. Въ комитетѣ разсматривался еще

Комитетъ министровъ вырабатываетъ общія правила о государственной службѣ, какъ независимо отъ вѣдомствъ, гдѣ служатъ чиновники, такъ и по отдѣльнымъ родамъ службы. На первомъ планѣ стоитъ здѣсь проектъ знаменитаго указа 1809 г. о чинахъ придворныхъ и гражданскихъ, при обсужденіи котораго разсматривались и представленія министровъ о должностяхъ, по которымъ должны были размѣститься камергеры и камеръ-юнкеры ¹⁾. Затѣмъ въ комитетѣ министровъ были установлены правила о наградахъ чиновниковъ по всѣмъ министерствамъ ²⁾. Положено крестьянъ за особые заслуги награждать серебрянными медалями, а купцовъ-золотыми ³⁾. Определены: права иностранцевъ-купцовъ на русской государственной службѣ ⁴⁾, порядокъ увольненія отъ службы унтеръ-офенцеровъ изъ дворянъ и другихъ состояній ⁵⁾, основанія производства въ чины горныхъ чиновниковъ ⁶⁾ и правила объ экзаменахъ и баллотираціи чиновниковъ, служащихъ во флотѣ ⁷⁾. Сравнены оклады чиновниковъ олонекской губерніи съ окладами—петербургской ⁸⁾. Прибавлено жалованье магазиннымъ вахтерамъ въ Кронштадтскомъ портѣ ⁹⁾. Причтена къ штату провіантской комиссіи извѣстная сумма денегъ на жалованье чиновникамъ и канцелярскіе расходы ¹⁰⁾. Изданъ указъ объ опредѣленіи чиновниковъ новгородской, кавказской, астраханской и сибирской губерній не по классамъ, а по способностямъ ¹¹⁾. Найдены средства для привлеченія въ Грузію канцелярскихъ служителей ¹²⁾. Въ виду развитія лѣсоводства увеличено число чиновниковъ по лѣсному вѣдомству ¹³⁾. Вдовамъ и семьямъ статскихъ чиновни-

цѣный проектъ о преобразованіи мѣстнаго управленія, куда входили: жалобы на губернскія начальства, учрежденіе волостныхъ правленій, мірскіе сборы, земская стража, сельскіе магазины, дороги и пр. (Ibidem, 250—253 с.).

^{1—6)} Ibidem, стр.: 271 (XXX, № 23,559), 106—107, 387, 348, (XXX, № 23,976), 23 (XXVII, № 20,542), и 49 (XXVII, № 21,003), ^{7—11)} Ж. К. М., I, стр.: 102 (XXVIII, № 21,468), 92, 224, 308 и 99 (XXVIII, № 21,273, ¹³⁾ См. ниже.

ковъ въ морскомъ министерствѣ положено давать такія же пенсіи, какъ и вдовамъ гражданскихъ чиновниковъ ¹⁾. Разсмотрѣвъ докладъ министра финансовъ о пенсіяхъ вдовамъ чиновниковъ лѣснаго департамента ²⁾ и — чиновниковъ, служившихъ въ банковомъ заводоначалствѣ ³⁾, и одобрено положеніе о собраніи капитала на пенсіи вдовамъ и сиротамъ пасторовъ въ Саратовской губерніи ⁴⁾.

По вопросу о правахъ отдѣльных *сословій* комитетъ министровъ далъ нѣсколько общихъ положеній, которыя относились къ опредѣленію правъ дворянскаго сословія и особенно крестьянъ. При обсужденіи положенія о чиншевой шляхтѣ комитетъ высказалъ мнѣніе, что въ качествѣ дворянъ она должна судиться военнымъ судомъ ⁵⁾. Дворяне, бывшіе подъ судомъ и имъ неоправданные, теряли право избранія въ должности ⁶⁾. Позволено избирать дворянъ въ нижніе земскіе суды безъ имущественнаго ценза ⁷⁾. Возведено въ дворянство нѣсколько мурзъ и чиновниковъ. Комитетъ разсматривалъ вопросъ о признаніи правъ за малороссійскимъ дворянствомъ ⁸⁾. Сумма, собранная съ лифляндскаго дворянства на жалованье неимущимъ чиновникамъ милиціи, обращена въ пользу кассы этого дворянства ⁹⁾. Въ комитетѣ разсуждали о способахъ къ отвращенію безпорядковъ при дворянскихъ выборахъ въ польскихъ губерніяхъ ¹⁰⁾. Опредѣлено аптекарскихъ учениковъ, удостоенныхъ по экзамену повышенія, исключать изъ прежняго ихъ состоянія ¹¹⁾. Ордюркѣ Шехавцевой разрѣшено отпустить вѣчно на волю свою крестьянку съ двумя сыновьями ¹²⁾. Комитетъ принималъ участіе въ опредѣленіи условій, при которыхъ крѣпостные крестьяне могли увольняться въ свободные хлѣбопашцы: въ комитетѣ было рѣшено не взыскивать одновременно пошлинныхъ денегъ при совершеніи условій между помѣщи-

^{1—4)} Ibidem, стр.: 52 (XXVII, № 21,087), 48 (XXVII, № 20,362) и 138, XXIX, № 22,313. ^{5—9)} Ibidem, стр.: 222, 404, 254, 435 (приложеніе), 379 и 410, ^{10—12)} Ibidem, стр.: 277, 336 (XXX, № 23,941), 285.

ками и крестьянами ¹⁾). Черезъ комитетъ же прошло нѣсколь-
ко указовъ о такого рода увольненіяхъ разными помѣщи-
ками своихъ крестьянъ ²⁾). Позволено фабриканту Пантелѣ-
ву выпустить купленныхъ имъ фабричныхъ людей въ состоя-
ніе вольныхъ ремесленниковъ ³⁾). Жителямъ г. Старицы о-
ставлена земля, которою они владѣли по сенатскому указу ⁴⁾,
а жителямъ г. Онеги возвращена земля, отобранная у нихъ
въ казну ⁴⁾). Комитетъ высказался противъ проекта министра
внутреннихъ дѣлъ о томъ, чтобы помѣщичьимъ крестьянамъ
было разрѣшено покупать земли не на имя помѣщиковъ,
а на свои имена, и владѣть и распоряжаться ими, какъ свое-
ю собственностью: отсюда произойдутъ, по мнѣнію коми-
тета, великія неудовольствія и тяжбы между помѣщиками и
крестьянами ⁵⁾). Одобренъ указъ о мѣрахъ къ тому, чтобы
поселяне, обыватели и помѣщики не отлучались безъ вѣдома
начальства за границу ⁶⁾). Утверждено положеніе о крестьянахъ
тираспольскаго уѣзда ⁷⁾). Крестьянамъ тверской губерніи пре-
доставлено пользоваться землями, имъ принадлежащими ⁸⁾.
Разсматривался вопросъ объ основаніяхъ, на какихъ должно
быть образовано поселеніе въ Сибири ⁹⁾). Постановлены пра-
вила о крестьянахъ, приписанныхъ къ фабрикамъ и упо-
требляемыхъ владѣльцами на другія дѣла ¹⁰⁾). Экономическіе
крестьяне села Исадъ причислены къ ивановской волости ¹¹⁾.
Изданъ указъ объ освобожденіи отъ удержанія или продажи
имѣнія, принадлежащаго семействамъ крестьянъ, изблечен-
ныхъ въ дѣланіи фальшивыхъ ассигнацій ¹²⁾). Утверждены
правила объ устройствѣ быта охтянъ и поселянъ вѣдомства
черноморской морской конторы ¹³⁾). Казеннымъ крестьянамъ
отведены въ надѣлъ лѣсные участки извѣстныхъ размѣровъ ¹⁴⁾.
Казеннымъ же крестьянамъ полтавской губерніи велѣно от-

¹⁻²⁾ Ibidem, 98—99 и 104, ³⁻⁷⁾ Ж. Е. М. I, стр.: 120, 124 (XXVIII, № 21,964), 178 (XXX, № 24,306), 305 и 314, ⁸⁻¹¹⁾ Ibidem, стр.: 102 (XXVIII, № 21,158), 124, 137, 44 и 49, ¹³⁻¹⁴⁾ Ibidem, с.: 51, 46—47 (XXVII, № 20,909).

дать въ безобразное владѣніе землю, которою они пользовались по откупу ¹⁾. Казеннымъ крестьянамъ смоленской губерніи дозволено переселиться въ новороссійскую ²⁾, разсрочены на разные годы оброчныя деньги казенныхъ крестьянъ воронежской губерніи ³⁾, крестьяне деревень Поповой Лежань и Коровяковки надѣлены землями изъ монастырскихъ земель, принадлежащихъ Софроніевской пустыни ⁴⁾. Наконецъ, комитетъ сдѣлалъ извѣстные измѣненія въ положеніи о дѣтяхъ пахотныхъ солдатъ ⁵⁾.

Въ области *государственного хозяйства* комитету министровъ принадлежало право высшаго контроля за состояніемъ финансовъ. Поэтому въ комитетъ вносились для разсмотрѣнія ежегодные отчеты министровъ прежде представленія ихъ въ сенатъ ⁶⁾ и росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ ⁷⁾. Комитетъ одобряетъ предложеніе министра внутреннихъ дѣлъ о разсмотрѣніи „настоящихъ штатовъ и денежнаго употребленія“ по всѣмъ частямъ государственнаго управленія ⁸⁾.

Комитетъ предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ для развитія кредита внутри и внѣ государства. Съ этою цѣлью комитетъ разсматриваетъ балансы ассигнаціоннаго и заемнаго банковъ. Последнему изъ этихъ банковъ разрѣшено прибавить извѣстную сумму на закладываемыя въ немъ имѣнія по сравненію съ цѣною ломбардовъ. Утвержденъ размѣръ 0/0 по двадцатипятилѣтнему банку ⁹⁾. Облигаціи голландскаго займа велѣно оставить въ Голландіи ¹⁰⁾. Дозволено курляндскому рыцарству выпустить земскихъ облигацій на 300 тысячъ талеровъ ¹¹⁾. Рѣшено дать пособіе въ полмилліона кредитному банку въ Лифляндіи и Эстляндіи ¹²⁾. Обращенъ въ ссуду купцамъ $\frac{1}{4}$ 0/0 сборъ съ купеческихъ капиталовъ ¹³⁾.

^{1—5)} Ibidem, стр.: 51—52, 113, 15, 422 и 397, ^{6—8)} Ibidem, стр.: 36—39, 19 (за 1803), 51 (за 1804), 104 (за 1805), 121 (за 1806 г.), 272, ^{9—13)} Ж. К. М. I, стр.: 45, 103 (XXVIII, № 21,512) и 106, 104, 292, 10 (XXVII, № 20,463), 272 (XXX, № 23,535 12, 15—16, 50 и 51.

Фабрикантамъ назначенъ ссудный капиталъ въ два милліона. Образованы эсконтныя конторы въ разныхъ болѣе крупныхъ по населенію городахъ ¹⁾. Для возстановленія казеннаго кредита опредѣлено немедленно расплачиваться съ подрядчиками ²⁾. Дозволено банковымъ заемщикамъ внѣ государства дѣлать займы посредствомъ повѣренныхъ ³⁾. Рѣшено выдавать подъ надежное поручительство деньги изъ приказа общественнаго призрѣнія ⁴⁾. Назначена извѣстная сумма на платежъ утвержденныхъ претензій по старымъ внутреннимъ и внѣшнимъ долгамъ ⁵⁾. Комитетъ принялъ рѣшеніе ввести въ Россіи систему постепеннаго погашенія всѣхъ государственныхъ долговъ ⁶⁾. Самыя разнообразныя отрасли государственнаго хозяйства вызывали также законодательную дѣятельность комитета министровъ. Особенное вниманіе комитета привлекло состояніе лѣсоводства въ имперіи. Комитетъ утверждаетъ общій уставъ о лѣсахъ ⁷⁾ и положеніе о вѣзжихъ лѣсахъ въ селеніяхъ ⁸⁾. Лѣсные чиновники подчиняются губернатору ⁹⁾. Дана инструкція комиссіямъ, посылаемымъ для отдѣленія крестьянскихъ лѣсовъ отъ казенныхъ вообще и особенно въ петербургской, казанской и оренбургской губерніи ¹⁰⁾. Лѣснымъ чиновникамъ опредѣлены фуражныя деньги на цѣлый годъ ¹¹⁾. Принять по лѣсоводству цѣлый рядъ другихъ мѣръ (увеличеніе числа чиновниковъ, усиленіе мѣстной стражи и др. въ разныхъ губерніяхъ: въ тульской, калужской, остзейскихъ губерніяхъ, могилевской, вятской, полтавской, нижегородской и др. ¹²⁾). Въ комитетѣ далѣе образованы новыя штаты казенныхъ винокуренныхъ заводовъ и приняты нѣкоторыя другія мѣры относительно винокуренія ¹³⁾. Преобразовано управленіе соляною частью

¹⁾ Ibidem, стр.: 325 и 118 (XXIX, № 22,042, 22,297, 22,334) ²⁻⁶⁾ Ibidem, стр.: 15 (XXVII, № 20,475) 42, 101, 96 и 253, ⁷⁻¹²⁾ Ibidem, стр.: 18, 45, 40, 45-46 (XXVII, № 20,898), 47, 23, 40, 50-53, 93, 95, 99, 103, 112, 116-117, 125, 138, ¹³⁾ Стр.: 403, (XXX, № 24,054), 164 (XXX, № 23,287) и 285.

въ государствѣ¹⁾. Утвержденъ докладъ министра финансовъ о покупкѣ въ казну у помѣщиковъ крестьянъ для употребленія ихъ на дѣланіе сукна²⁾. Ограничены требованія заводскихъ начальниковъ объ отпускѣ суммъ на строеніе заводовъ³⁾. Положено выкупить закладныя имѣнія въ Малороссіи и отдать ихъ съ публичнаго торга въ арендное содержаніе⁴⁾. Рѣшено купить въ казну у помѣщика Сераковского мѣстечко Сенно, которое превращено въ уѣздный городъ съ присутственными мѣстами⁵⁾; утвержденъ докладъ о казенныхъ строеніяхъ въ г. Пензѣ⁶⁾ и позволено снабжать польскія губерніи казеннымъ желѣзомъ и мѣдью⁷⁾.

Комитетъ министровъ устанавливаетъ разнаго рода повинности, опредѣляетъ размѣръ пошлинъ и предоставляетъ тѣ или другія льготы по освобожденію отъ уплаты податей и отпращиванію повинностей цѣлымъ сословіямъ или отдѣльными лицами. Такъ было дозволено эстляндскому дворянству платить за рекрутъ деньги по примѣру пограничныхъ губерній⁸⁾. За построеніе морскихъ купеческихъ судовъ определено взимать футовыя пошлинны⁹⁾. Установлены многія другія пошлинны: таможенныя, въ пользу городовъ, за строеніе конферскихъ судовъ изъ казенныхъ лѣсовъ и пр.¹⁰⁾. Положено взимать съ крѣпостныхъ людей, отдаваемыхъ въ работу за долги ихъ помѣщиковъ, деньги наравнѣ съ оброкомъ наемныхъ крестьянъ¹¹⁾. Комитетъ занимался вопросомъ объ уравнианіи земскихъ и городскихъ повинностей въ столицахъ и другихъ городахъ¹²⁾. Для помѣщенія войскъ въ городахъ рѣшено построить особые дома¹³⁾. Утверждено положеніе о томъ, что обыватели должны давать проводниковъ для сопровожденія полковыхъ ремонтныхъ лошадей¹⁴⁾. Поз-

¹⁾ Ibidem, стр.: 36, 47, 48, 97 и др., ^{2—7)} Ibidem, стр.: 314, 416, 114, 23—24, 98—99 и 101 (XXVIII, № 21,425), ^{8—14)} Ж. К. М., I, стр.: 11, 18, 106, 127, 128, 133 (XXIX, № 21,996), 49 (XXVII, № 21,012), 252, 43 (XXVII, № 20,806), 202, 817, 51 и 278.

волено продавать за казенныя взысканія дома, оцѣненные не свыше 500 р.¹⁾. Исправленіе земскихъ повинностей въ Крыму возложено на всѣхъ его жителей безъ всякаго платежа отъ казны за татаръ, обращенныхъ на службу²⁾. Отпалливать остроги должны были тѣ города, гдѣ они построены³⁾. Учреждены сборы съ вновь построенныхъ мостовъ въ г. Ригѣ⁴⁾. Содержатели откупа въ С.-Петербургѣ освобождены отъ платежа откупной суммы за ноябрь и декабрь 1803 г.⁵⁾. Жители мѣстностей между рѣками Бугомъ и Днѣпромъ, Каменнобродскаго селенія и Финляндіи освобождены отъ рекрутской повинности⁶⁾. Съ купцовъ положено не взыскивать денегъ за рекрутъ⁷⁾. Недоимки въ рекрутахъ могли быть очищаемы квитанціями, выданными за ратниковъ⁸⁾. Крымскіе татары⁹⁾ и евреи польскихъ и бѣлорусскихъ губерній освобождены отъ уплаты податей¹⁰⁾. Дана двухгодичная льгота французскимъ дезертирамъ для взысканія съ нихъ податей¹¹⁾. Демидовъ освобожденъ на два года же отъ платежа десятины по случаю убытковъ отъ пожара на его фабрикахъ¹²⁾.

Однимъ изъ важныхъ предметовъ законодательной дѣятельности комитета министровъ является организація *арміи* и особенно *флота*. Такъ въ засѣданіяхъ комитета были выработаны общія правила о наборѣ рекрутъ во всей имперіи и нѣкоторыхъ отдѣльных ея частяхъ¹³⁾. Утвержденъ прозектъ о приѣмѣ отдаваемыхъ помѣщиками безъ зачета рекрутъ¹⁴⁾. Положено отдавать въ полки изъ татаръ асырей (крымскихъ татаръ¹⁵⁾). Всѣхъ горныхъ поселянъ и обывателей, отправляющихся безъ вѣдома начальства за границу, опредѣлено отдавать въ солдаты¹⁶⁾. Назначена сумма складочныхъ рекрутскихъ денегъ (500 р.¹⁷⁾). Комитетъ занимался вопросомъ о томъ, чтобы

^{1—8)} Ibidem, стр.: 278 (XXX, № 23,626), 321 (XXX, № 23,778), 408, 334, 52, 35, 410—411, 246, 155 и 250 (XXX, № 23,536). ^{9—12)} Ibidem, 254, 413, 169 и 45, ^{13—17)} Ibidem, стр.: 325—321, (XXX, № 23,843) 320 (XXX, № 23,839), 285—286 (№ 23,657), 321 (XXX, № 23,778), 341 (XXX, № 23,809) и 347 (XXX, № 23,926).

крестьяне, поселившиеся на помещичьих землях, и бобыли сдавались въ рекруты не ихъ помѣщиками, а по приговору міра ¹⁾. Установлена цѣна зачетныхъ рекрутскихъ квитанцій (500 р.) ²⁾. Жены ратниковъ, поступившихъ на екатерининскую фабрику, сравнены въ правахъ съ солдатскими женами ³⁾. Въ флотѣ учреждено нѣсколько новыхъ должностей (контръ-адмирала и др.), положеніе объ экзаменахъ и о порядкѣ баллотировки чиновъ во флотѣ ⁴⁾. Расширены права адмиралтействъ-коллегіи и назначены особые средства для ея распоряженій по случаю экстренныхъ приготовленій флота къ компаніи ⁵⁾. Морскіе баталіоны преобразованы въ полки и укрѣпленъ свеаборгскій портъ ⁶⁾. Поощряется частная инициатива въ постройкѣ морскихъ судовъ ⁷⁾. Выданъ двойной окладъ жалованья нижнимъ чинамъ морской роты въ Охотскомъ морѣ ⁸⁾. Рѣшено образовать нѣсколько комиссій для разбора дѣлъ о корабляхъ, допускаемыхъ въ наши порты во время текущей войны (въ 1809 г.) съ Англіей и Швеціей ⁹⁾. Сдѣланы нѣкоторые необходимыя измѣненія въ правилахъ для нейтральнаго плаванія судовъ ¹⁰⁾. Одобрены инструкціи чиновникамъ, отправляющимся въ экспедицію вокругъ свѣта и японскую миссію ¹¹⁾ и принятъ цѣлый рядъ разнообразныхъ мѣръ относительно содержанія всей арміи ¹²⁾ и устройства военныхъ госпиталей ¹³⁾.

Комитетъ министровъ прилагалъ много стараній къ тому, чтобы улучшить разныя отрасли *промышленности* и развить *торговлю* внутри государства и внѣ его. Такъ были сдѣланы разныя преобразованія по горнымъ промысламъ. Утверждены договорныя статьи съ помѣщиками и рудо-промышленниками и положеніе о заводахъ для выдѣлки метал-

^{1—3)} Ibidem, стр.: 373 (XXX, № 23,927), 398 и 188, ^{4—6)} Ж. К. М., I, стр.: 11, 34, 102 (XXVIII, № 21,468), 39—41 50, 44, 41, (XXVII, № 20,721), 186, 188, 287 (XXX, № 23,632), 282 (XXX, № 23,661) ^{9—13)} Ibidem, стр.: 292, 356—357 (XXX, № 23,886), 40, 219—220 (XXX, № 23,387), 321—322 (XXX, № 23,767), 362 (№ 23,895) и 249.

лическихъ издѣлій ¹⁾). Установлена прибавочная съ чугуно-
плавильныхъ частныхъ заводовъ подать, которую велѣно от-
давать для приращенія изъ ⁰/₁₀ въ пользу заводовъ ²⁾). Во-
тѣки, живущіе около горныхъ заводовъ, включены въ число
непремѣнныхъ на нихъ работниковъ ³⁾). Для увеличенія же
ихъ количества позволено отдѣлить извѣстное число людей
отъ рекрутъ въ вятской и пермской губерніяхъ ⁴⁾). Рудо-
промышленникамъ прибавлена плата за добываемую ими мѣд-
ную монету ⁵⁾). Поддерживая казенные горные заводы, комитетъ
поощряетъ частныхъ лицъ въ занятіяхъ горнозаводской про-
мышленностью ⁶⁾). Въ виду ихъ облегченія отмѣнено взима-
ніе денегъ за пробу рудъ, представляемыхъ заводчиками или
рудопромышленниками въ горное правленіе по его требова-
нію ⁷⁾). Въ комитетѣ принимаются мѣры къ развитію соля-
ныхъ промысловъ. Съ этою цѣлью издается новое положе-
ніе объ управленіи крымскими соляными озерами ⁸⁾) и опре-
дѣлено внутреннія изъ нихъ отдавать на откупъ городскимъ
обществамъ ⁹⁾). Генераль-поручику Львову дано право на
выемку 5000 пудовъ соли изъ крымскихъ соляныхъ озеръ ¹⁰⁾).
Упорядочены ломка соли въ тѣхъ же крымскихъ озерахъ ¹¹⁾
и устройство эльтонскаго солянаго промысла ¹²⁾). Дедюхинскія
соляныя варницы отданы въ частное арендное содержаніе
и положено образовать запасы соли въ разныхъ частяхъ го-
сударства ¹³⁾). Для производства сукна на фабрикахъ рѣшено
покупать у помѣщиковъ ихъ крестьянъ ¹⁴⁾). Купцы и лица не-
дворянскаго званія могли воспользоваться ссудой изъ казны для
заведенія суконныхъ фабрикъ ¹⁵⁾). Для поддержанія же част-
ныхъ суконныхъ фабрикъ положено сдѣлать извѣстную надбав-
ку цѣны на поставляемые съ нихъ въ казну сукна ¹⁶⁾). Отпущено
два милліона рублей для усиленной выдѣлки солдатскихъ

¹⁻⁷⁾ Ibidem, стр.: 48—49, 3, 106, 103, 98, 112, 114 и 416, ⁸⁻¹⁴⁾ Ibidem, стр.: 101 (XXVIII, № 21, 267, 21, 387) 200, 36, 182, 134 (XXIX, № 29, 058), 113, 51 и 256, ¹⁵⁻¹⁶⁾ Ж. Е. М., I, Ibidem, стр.: 279—280, 389 (XXX, № 23, 975),

суконъ ¹⁾). Изданы положеніе и штаты рыбнаго и тюленьяго промысла въ Астрахани ²⁾). Казенная кунавинская шелковая фабрика отдана князю Юсупову въ потомственное владѣніе ³⁾). Утвержденъ докладъ объ удовлетвореніи крестьянъ новгородской губерніи, промысляющихъ по малоземелью построеніемъ барокъ ⁴⁾). Установлены число пильныхъ мельницъ въ олонекской губерніи и основанія ихъ устройства ⁵⁾). Дана ссуда купцу Сабурову на поддержаніе его парусной фабрики ⁶⁾). Комитетъ заботится даже о томъ, чтобы развести въ Россіи овецъ испанской породы, для чего специально образовано особое заведеніе около Одессы ⁷⁾). Комитетъ запрещаетъ ввозить цесарскую монету и опредѣляетъ срокъ обращенія для введеннаго уже въ страну ея количества ⁸⁾). Но прусская серебрянная монета, появившаяся на литовской границѣ, „апробована“ комитетомъ ⁹⁾). Позволено каждому приносить золото и серебро на монетный дворъ для обмѣна на монету ¹⁰⁾). Бронштадтская биржа передана адмиралтействъ-коллегіи ¹¹⁾). Разрѣшено отдавать подъ залогъ эсконтной конторы товары, находящіеся въ Кронштадтѣ ¹²⁾). Американской компаніи дозволено пользоваться ссудой изъ учетныхъ по векселямъ и товарамъ конторъ ¹³⁾). Въ Одессѣ и Таганрогѣ образованы промѣнные банковыя конторы ¹⁴⁾), а въ Феодосіи русскіе купцы получили право учредить торговый домъ. При одесскомъ портѣ и въ Феодосіи заведены складочныя магазины товаровъ и изданы правила о транзитѣ изъ Одессы ¹⁵⁾). Утверждены правила о пропускѣ за границу лѣса съ навигаціи 1803 г. ¹⁶⁾ и позволено пропускать лѣса изъ Швеціи чрезъ С.-Петербургскій портъ ¹⁷⁾). Комитетъ разрѣшаетъ затрудненія, которыя встрѣтились при сплаве лѣса промыш-

^{1—5)} Ibidem, стр.: 311, 45, 52 (XXVII, № 21,076), 53 и 97, ^{6—13)} Ibidem, стр.: 101, 117, 50 (XXVII, № 21,026), 96—97 (XXVIII, № 21,900), 52 (XXVII, № 21,099), 50 и 96—97, ^{14—17)} Ibidem, стр.: 96, 133 (XXIX, № 22,042) 137, 97 (XXVIII, № 21,196, 21,197 и XXIX, № 22,084) и 102 (Л. С. 3., XXVIII, № 21,455).

лежниками¹⁾. Запрещена торговля съ Англіей разными товарами²⁾. Дозволена вольная торговля солью и вывозъ за границу пшеницы съ уплатой извѣстной пошлины³⁾. Для облегченія заграничной торговли отмѣнено троекратное свидѣтельство товаровъ⁴⁾. Освобождены отъ осмотра иностранныхъ товаровъ тѣ губерніи, гдѣ существуютъ особые тарифы⁵⁾. Комитетъ призналъ необходимымъ уничтожить таможи въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (въ Севастополѣ, Паргальювѣ и Стрѣльнѣ⁶⁾), между тѣмъ какъ въ другихъ онѣ были образованы вновь (въ бухтарминской крѣпости, Грузіи и на литовской границѣ⁷⁾), или же расширены права уже существующихъ таможенъ (семипалатинской, петропавловской, одесской⁸⁾). Облегчена торговля покрывалами и ромомъ, привозимыми къ черноморскимъ портамъ⁹⁾. Ограничено право менонитовъ провозить безпошлинно черезъ границу товары извѣстной суммой ихъ цѣнности¹⁰⁾ и сдѣланы нѣкоторыя измѣненія въ законѣ о конфискаціи зановѣдныхъ товаровъ¹¹⁾.

Въ кругъ дѣятельности комитета министровъ входили вопросы *народнаго образованія* и нѣкоторыя *духовныя дѣла*. Комитетъ заботится объ усиленіи средствъ на содержаніе уже существующихъ учреждений по народному образованію и развитію новыхъ. Такъ были назначены имъ имѣнія — гави для содержанія дерптскаго университета¹²⁾; по представленію комитета отпущены деньги на содержаніе студентовъ духовныхъ училищъ, присылаемыхъ въ медико-хирургическую академію¹³⁾. Въ комитетѣ было принято предложеніе члена разныхъ ученыхъ обществъ, Лернета о покупкѣ имѣнія на его деньги для вѣчнаго воспитанія четырехъ учениковъ въ волынскій

¹⁻²⁾ Ibidem, стр.: 168 и 154, ³⁻⁸⁾ Ibidem, стр.: 260, 14 (XXVII № 20,469), 276 (XXX, № 23,631), 304, 96 (XXVIII, № 21,171), 43 (XXVII, № 20,782), 41 (№ 20,739), 50, 133, 44 (№ 20,821) и 50, ⁹⁻¹¹⁾ Ж. Е. М., I, стр.: 41 (XXVII, № 20,960), 100 (XXVIII, № 21,328), 119 (XXVIII, № 21,956) и 40

¹²⁻¹³⁾ Ibidem, стр.: 42, 118 (XXVIII, № 21,978) и 175.

гимназіи¹⁾. Утверждены были также: примѣрные штаты училищъ, проектъ графа Платера объ обученіи русскихъ въ нѣмецкой лѣсной школѣ²⁾ и уставы и штаты училища корабельной архитектуры³⁾ и горнаго⁴⁾. Образовано въ Царскомъ Селѣ лѣсное училище⁵⁾. Возстановлена цензура книгъ въ г. Ригѣ на основаніяхъ, на какихъ она была до 1796 года⁶⁾ и рѣшено пропускать изъ за границы книги, принадлежащія пассажирамъ со взиманіемъ пошлинъ⁷⁾. Утвержденъ докладъ о духовно-католическихъ гимназіяхъ и рѣшено избирать изъ среды униатовъ членовъ въ комитетъ для управленія училищными дѣлами губерній⁸⁾ и католическую коллегію⁹⁾. Барону Огеру дозволено окрестить новорожденного сына въ вѣру реформатскаго исповѣданія¹⁰⁾. Въ комитетѣ было высказано мнѣніе о дарованіи особенныхъ правъ московскимъ старообрядцамъ и обезпеченіи содержанія священникамъ у иностранныхъ колонистовъ въ новороссійскомъ краѣ¹¹⁾. Въ комитетѣ же разсматривался вопросъ объ учрежденіи въ Крыму магометанскаго духовнаго правленія¹²⁾.

Въ комитетѣ министровъ принимались мѣры относительно развитія *земледѣлія* въ странѣ, обезпеченія *народнаго продовольствія* и охраненія народнаго *здоровья*. Въ виду интересовъ земледѣльской культуры комитетъ поощряетъ колонизацію въ южныхъ губерніяхъ. Поэтому были пожалованы колонистамъ изъ Шотландіи земли въ кавказской губерніи и нѣкоторыя привиллегіи¹³⁾ и утверждены правила для водворенія колонистовъ въ новороссійской губерніи¹⁴⁾. Соляные возчики надѣлены землею¹⁵⁾. Крестьянъ, поселившихся въ астраханской губерніи, рѣшено оставить на мѣстахъ, записавши ихъ только въ число мѣщанъ¹⁶⁾. Приняты мѣры

^{1—4)} Ibidem, стр.: 254, (XXX, № 23,522), 16, 39, (XXVII, № 20,666), 37—38 (XXVII, № 20,651) и 93 (XXVIII, №№ 21,132 и 21,133), ^{5—12)} Ibidem, стр.: 42, (XXVII, № 20,766) 22 (XXVII, № 20,537), 208, 45, 101 (XXVIII, № 21,393), 18, 258, 235, 346—347 (XXX, № 23,807) и 317, ^{13—16)} Ibidem, стр.: 22 (XXVII, № 20,522), 333, 40 и 102 (XXVII, № 20,717).

для улучшенія скотоводства на земляхъ между Бугомъ и Днѣстромъ ¹⁾). Московскіе ямщики уравнины въ владѣніи землями ²⁾). Разрѣшенъ вопросъ о способѣ разсмотрѣнія споровъ о владѣніи землями въ Крыму, которые были поручены разбирать особой комиссіи ³⁾). Образована межевая комиссія въ оренбургской губерніи ⁴⁾). Облегчены способы продовольствія жителей г. Архангельска, виленской губерніи и приморскихъ селеній архангельской губерніи ⁵⁾). Комитетъ обращаетъ вниманіе на улучшеніе хозяйственнаго состоянія киргизовъ, которымъ запрещено продавать собственныхъ дѣтей хивинцамъ ⁶⁾, и уменьшеніе цѣнъ на соль и хлѣбные продукты ⁷⁾. Дано пособіе жителямъ Каменнобродскаго селенія, разореннымъ закубанскими хищниками ⁸⁾. Запрещено провозить товары по зачумленной границѣ ⁹⁾. Утверждено положеніе объ устройствѣ карантинныхъ на Черномъ и Азовскомъ морѣ ¹⁰⁾. Ассигнованы суммы на постройку Тинавскаго карантина и жалованье чиновникамъ въ немъ ¹¹⁾. Рѣшено устроить въ саратовской губерніи нѣсколько больницъ для бурлаковъ на деньги, пожертвованныя Злобинымъ, и утверждён докладъ объ отпускѣ денегъ на устройство и содержаніе больницъ при крымскихъ соляныхъ озерахъ ¹²⁾.

Наконецъ, въ комитетѣ министровъ было выработано нѣсколько новыхъ положеній объ организаціи *путей сообщенія* въ имперіи. Такъ подорожный сборъ по всему государству отданъ въ распоряженіе Дорожной Экспедиціи ¹³⁾. Изданы особыя правила для перевоза на время макарьевской ярмарки черезъ Волгу ¹⁴⁾. Разсмотрѣно новое положеніе объ основаніяхъ отпуска по государству лѣса для дорогъ и мостовъ ¹⁵⁾. Устроены бичевники по судоходнымъ рѣкамъ

^{1—6)} Ж. Е. М., I, стр.: 138 (XXIX, № 22,316), 414, 201, 379 (XXX, № 24,025), 51, 329, 52 и 138, ^{7—12)} Ibidem, стр.: 344 и 40, 411, 97 (XXVIII, № 21,199), 136 (XXIX, № 22,101), 382, 194 и 285 (XXX, № 23,649), ^{13—15)} Ibidem, стр.: 50, 93, 114 (XXVIII, № 21,832).

с.-петербургской губерніи ¹⁾. Произведены нѣкоторыя перемѣны въ почтовой таксѣ ²⁾; разсматривались: записка о страховых деньгахъ за обратное доставленіе денегъ и посылкъ изъ за 500 верстъ ³⁾ и вопросъ объ устройствѣ почтовой части въ Подольской губерніи ⁴⁾.

Въ числѣ предметовъ законодательной дѣятельности комитета министровъ въ первую половину царствованія Александра II мы находимъ также нѣсколько важныхъ опредѣленій относительно *судоустройства и судопроизводства*. Комитетъ старается провести взглядъ на сенатъ, какъ высшее судебное учрежденіе въ имперіи. Поэтому просителямъ запрещено подавать жалобы на тяжebныя и слѣдственные дѣла министрамъ: эти жалобы должны были направляться въ сенатъ ⁵⁾. Съ тою цѣлью, чтобы обезпечить здѣсь безпристрастное рѣшеніе дѣлъ, позволено обвиняемымъ прочитывать опредѣленія уголовныхъ палатъ, поданныя въ сенатъ, прежде ихъ заслушанія въ послѣднемъ: такимъ путемъ обвиняемые не будутъ „лишены сего послѣдняго способа къ оправданію себя“ ⁶⁾. Комитетъ обратилъ вниманіе и на то, что въ палатахъ очень медленно рѣшаются дѣла, возвращенныя туда для дополненій изъ сената ⁷⁾. Въ Грузію комитетъ опредѣляетъ прокурора и устанавливаетъ для Грузіи двухгодичный срокъ для апелляціонныхъ жалобъ въ сенатъ ⁸⁾. Судопроизводство въ Финляндіи положено оставить на прежнемъ основаніи, такъ какъ „всякая отмѣна можетъ нарушить коренное право“ ⁹⁾. Комитетъ принялъ нѣкоторыя части предложенія малороссійскаго генераль-губернатора о порядкѣ рѣшенія въ Малороссіи уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ ¹⁰⁾ и рѣшилъ распространить на малороссійскія губерніи общіе законы относительно дозволенія людямъ казеннаго

^{1—5)} Ibidem, стр.: 126, 140, 270—271, 359 и 43, ^{6—10)} Ж. Е. М. I, стр.: 268 (XXX, № 23,586), 337, 45, 226, 346, 379.

вѣдомства апеллировать въ высшія инстанціи съ сохраненіемъ установленныхъ сроковъ ¹⁾. Въ слѣдственныхъ дѣлахъ вмѣсто апелляціонныхъ прошеній недовольные рѣшеніемъ уголовныхъ палатъ во всѣхъ губерніяхъ могли подавать въ нихъ жалобы въ двухнедѣльный срокъ ²⁾. Установлены правила о томъ, какимъ образомъ составлять конкурсы по дѣламъ банкротовъ ³⁾. Приняты мѣры для прекращенія подлоговъ и злоупотребленій при припискѣ къ казеннымъ селеніямъ людей, отпускаемыхъ на волю ⁴⁾, и положены наказанія татарамъ, которые „разнообразно и звѣрски себя увѣчатъ для избѣжанія рекрутства“ ⁵⁾.

¹⁻⁵⁾ Ibidem, стр.: 47, 24 (XXVII, № 20,561), 336 (XXX, № 24,004), 261 и 101.

ВТОРАЯ ГЛАВА.

Законодательная дѣтельность Непремѣннаго Совѣта.

Образованіе закона: инициатива и обсужденіе закона въ совѣтъ, толкованіе и дополненіе законовъ, ихъ санкція. Отмѣна закона. Отношеніе закона къ указу и подписныхъ Высочайшихъ указовъ къ словеснымъ Высочайшимъ повелѣніямъ. Дѣтельность совѣта по отдѣльнымъ предметамъ управленія: реорганизація центральныхъ и мѣстныхъ учрежденій, государственная служба и права отдѣльныхъ сословій—дворянства, духовенства, купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ.

Мы видѣли, что главнымъ назначеніемъ Непремѣннаго Совѣта при его образованіи было обсужденіе и рѣшеніе законодательныхъ дѣлъ. „Поручаемое ему отъ Насъ дѣло, сказано въ „Наказѣ“ Совѣту, *относится только къ части законодательной*“. Предметомъ разсужденій совѣта являлись коренныя и временныя государственныя постановленія¹⁾. Разсматривая протоколы засѣданій Непремѣннаго Совѣта, мы можемъ убѣдиться въ томъ, что совѣтъ хорошо сознавалъ эту свою высшую, законодательную роль въ государственномъ управленіи и посвящалъ много времени на разработку, какъ „коренныхъ“, такъ и „временныхъ“ государственныхъ постановленій“. Вскорѣ послѣ начала дѣтельности совѣта въ средѣ его членовъ возникла мысль о составленіи новаго государственнаго уложенія, въ которомъ были бы опредѣлены общія основанія государственнаго устройства, особенно же—гражданскаго и уголовнаго судопроизводства. Графъ Завадовскій предложилъ членамъ совѣта заняться „изложеніемъ понятія о русскіихъ законахъ и

¹⁾ См. выше, первую главу.

расположенія къ проектамъ обряда и порядка судебного по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ". Завадовскій сообщилъ совѣту и тѣ средства, которыя были необходимы, по мнѣнію государя¹⁾, „въ удобнѣйшему составленію *общаго плана законовъ*". Совѣтъ согласился съ Завадовскимъ, что „сочиненіе такового плана необходимо нужно“ и, когда онъ будетъ составленъ, „тогда можно будетъ опредѣлить, какою частью законовъ прежде другихъ заняться нужно“. Противъ этого послѣдняго взгляда совѣта было сдѣлано возраженіе генераль-прокуроромъ, что составленіе этого общаго плана законовъ потребуетъ продолжительнаго времени, а между тѣмъ „великая настоятъ нужда въ установленіи лучшаго канцелярскаго обряда и формы производства“. Ихъ предварительнымъ „сочиненіемъ“ генераль-прокуроръ и предложилъ заняться совѣту. Однако, всѣ члены совѣта и въ числѣ ихъ самъ авторъ проекта остались при своемъ мнѣніи, думая исполнѣ основательно, что этотъ „обрядъ“ и безъ того долженъ войти въ общій планъ законовъ, и что предварительное составленіе такого частнаго устава затормозитъ все дѣло образованія „общей системы законовъ“, которой онъ можетъ даже противорѣчить²⁾. На этомъ рѣшеніи совѣта оставилось все дѣло составленія „общаго плана законовъ“; въ протоколахъ о дѣятельности Непремѣннаго Совѣта не встрѣчается какихъ-либо слѣдовъ дальнѣйшаго его движенія³⁾. Но за то эти протоколы богаты фактами о дѣятель-

¹⁾ Графъ Завадовскій прежде внесенія въ совѣтъ своего проекта представилъ его государю, который исполнѣ одобрилъ содержаніе проекта, совершенно согласнаго съ его политическими взглядами (Архивъ Государственнаго Совѣта, изд. Калачева, III томъ, 1 часть, 1—2 стр.), ²⁾ Архивъ Государственнаго Совѣта, *ibidem*, 1—2 стр. ³⁾ Только при обсужденіи законопроекта о преобразованіи сената были высказаны нѣкоторыми членами совѣта (графомъ С. П. Румянцовымъ и А. Р. Воронцовымъ) надежды на составленіе въ будущемъ государственнаго уложенія „сообразно съ настоящимъ положеніемъ Россіи, отъ коего старое уложеніе во многихъ частяхъ уже отстало“ (*ibidem*, 37 и 45 стр.).

ности Непремѣннаго Совѣта по образованію закона и отдѣльнымъ, самымъ разнообразнымъ предметамъ государственнаго управленія. Прежде, однако, чѣмъ обратиться къ обзорѣнню законодательной дѣятельности совѣта по этимъ двумъ главнымъ рубрикамъ, мы попытаемся указать, какъ смотрѣлъ на основную задачу своей дѣятельности самъ Непремѣнный Совѣтъ.

Совѣтъ старался твердо держаться того, не разъ высказываемаго имъ, взгляда, что въ качествѣ законодательнаго учрежденія онъ компетентенъ разсматривать лишь одни законодательныя дѣла. Вскорѣ послѣ образованія Непремѣннаго Совѣта на его разсмотрѣніе поступило (въ ноябрѣ 1801 г.) по Высочайшему повелѣнію прошеніе оберъ-камергера, князя Голицына объ учрежденіи попечительства надъ имѣніемъ двоюроднаго его племянника, камергера князя Голицына. Совѣтъ отклонилъ это дѣло на томъ основаніи, что, „вообще право разбирать долги и судить о правильности ихъ никому по закону не принадлежитъ, кромѣ установленныхъ судебныхъ мѣстъ“ ¹⁾. Въ томъ же ноябрѣ 1801 г. слушался въ совѣтѣ рапортъ общаго собранія сената по дѣлу генерала отъ инфантеріи Архарова объ имѣніи, проданномъ имъ коллежскому ассесору Малышеву. Когда совѣтъ рѣшилъ направить дѣло „къ разсмотрѣнію въ присутственныхъ мѣстахъ“, нѣкоторые изъ его членовъ (князь Зубовъ, графъ Зубовъ, графъ Воронцовъ и адмиралъ Мордвиновъ) сдѣлали еще замѣчаніе, что „не можетъ быть никакого основанія высшимъ присутственнымъ мѣстамъ, а *паче законодательной власти* входить въ рѣшеніе дѣла, совершенно до нижней части исполнительной принадлежащаго“ ²⁾. Также, когда немного позже (въ 1803 г.) въ совѣтъ была внесена по Высочайшему повелѣнію жалоба генераль-лейтенанта Неранчича-Зорича на

¹⁾ Архивъ Госуд. Совѣта, III, 2 ч., 779 стр., ²⁾ Ibidem, 389 стр.

министра юстиціи, Г. Р. Державина, бывшаго опекуномъ надъ шкловскимъ имѣніемъ Зорича, совѣтъ отказался разсматривать претензію Зорича, предоставляя ему отыскивать удовлетвореніе законнымъ порядкомъ въ судебныхъ мѣстахъ. Когда затѣмъ Державинъ сталъ просить совѣтъ разобрать его бумаги по управленію шкловскимъ имѣніемъ и дать ему защиту отъ нареканій и клеветы Н. Зорича, совѣтъ замѣтилъ, что ему неудобно входить въ подробное обсужденіе дѣла, всѣхъ распоряженій по имѣнію Державина, которыя могутъ быть провѣрены только на мѣстѣ. Кромѣ того, продолжалъ совѣтъ, „было бы противно общему порядку, чтобы дѣло, неизслѣдованное въ нижнихъ судебныхъ инстанціяхъ, которыя только и могутъ постановить обвиненіе опекуна въ расточеніи доходовъ, или осудить помѣщика въ несправильности иска и клеветѣ на опекуна, рѣшать въ высшей, *если бы и можно было признать совѣтъ инстанціей для тяжбныхъ*“. Но этого совѣтъ самъ признать не желалъ и поэтому ограничился лишь сложеніемъ опеки съ Державина согласно съ закономъ, уничтожившимъ всѣ частныя опеки¹⁾. Замѣчательно, что совѣтъ остался при своемъ рѣшеніи по этому дѣлу даже и тогда, когда изъ самой его среды выступили два члена совѣта, графъ Зубовъ и графъ Н. Румянцевъ съ настойчивымъ предложеніемъ совѣту разсмотрѣть бумаги, представленныя въ него министромъ юстиціи. Сославшись на состоявшееся ранѣе рѣшеніе совѣта оставить Державина, согласно съ мнѣніемъ особаго комитета по дѣлу Зорича, опекуномъ надъ шкловскимъ его имѣніемъ, графъ Зубовъ полагаетъ, что „по строгой справедливости“ совѣту нельзя теперь отказаться отъ разбора бумагъ Державина. „Ибо, ежели и никакому частному лицу безъ крайняго нарушенія справедливости не можно отказать, мотивируетъ

См. ниже.

свое мнѣніе Зубовъ, въ способахъ оправданія въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ принята или разсматривается на него жалоба, то кольми паче нельзя отказать въ томъ министру, дѣянія котораго сколько предъ публикой, особенно же предъ государемъ, не должны быть подвержены ни малѣйшему предосудительному даже сомнѣнію". По мнѣнію Зубова, „честь и достоинство совѣта требуютъ войти въ разсмотрѣніе бумагъ, представляемыхъ Державиннымъ; ибо совѣтъ, утвердивъ мнѣніе комитета о продолженіи опеки, тѣмъ самымъ поставилъ себя въ обязанность защищать его, и жалобу Неранчича на комитетъ не иначе уже принять можно, какъ жалобою на самый совѣтъ; слѣдовательно, совѣтъ долженъ оправдать собственное свое положеніе". Также и министръ коммерціи (графъ Н. П. Румянцевъ) считаетъ своимъ долгомъ „вступить за званіе министра юстиціи, которое Неранчичемъ оскорблено явно. Министръ юстиціи тогда только государству полезенъ быть можетъ, когда убѣдятся, что онъ вѣдаетъ законы и болѣе иного радѣетъ о правдѣ". Румянцевъ видитъ въ „отлученіи министра юстиціи отъ опеки безъ разсмотрѣнія дѣлъ его потрясеніе довѣрія и должнаго уваженія, принадлежащаго сему министру".

Къ этимъ доводамъ Зубова и Румянцева, старавшихся убѣдить совѣтъ взяться за дѣло Державина соображеніями государственной пользы, присоединилъ свой голосъ самъ Державинъ, который думалъ, что онъ долженъ оставаться главнымъ попечителемъ надъ имѣніемъ Зорича по Высочайшему повелѣнію, а не по частному довѣрію Зорича, даже послѣ закона 1801 г. объ уничтоженіи всѣхъ частныхъ опекъ. Самъ Державинъ, впрочемъ, находилъ, что Неранчичъ не имѣлъ права приносить на него жалобу сенату или государю (т. е., въ совѣтъ) помимо губернскихъ мѣстъ, гдѣ уже разбираются другія претензіи Неранчича на „мѣстныхъ управителей, и клеветать на него, *мимо всѣхъ судебныхъ мѣстъ,*

предъ лицомъ государя“. Державинъ, слѣдовательно, признавалъ, что все дѣло Зорича не подлежитъ компетентности совѣта, въ которую не входили судебныя дѣла. И если Державинъ, все таки, желалъ, чтобы совѣтъ разобралъ все это дѣло, то его просьба основывалась на особомъ мотивѣ: онъ ожидалъ отъ совѣта „должнаго уваженія“ къ своей просьбѣ уже „не въ качествѣ опекуна, а его сочлена“. Но даже такія исключительныя обстоятельства, при которыхъ поступило въ совѣтъ дѣло Зорича, не могли заставить его заняться разсмотрѣніемъ дѣла, неимѣющаго никакого отношенія къ его законодательнымъ функціямъ. Поэтому дѣло Зорича было препровождено совѣтомъ на усмотрѣніе государя. Послѣдній нашелъ, что неприлично было бы оставить министра юстиціи въ подозрѣніи, но въ тоже время нельзя допустить, „чтобы дѣло Зорича разсматривалось въ присутственныхъ мѣстахъ, зависящихъ отъ министра юстиціи“. Поэтому было предложено совѣту „избрать удобнѣйшій способъ“ къ разсмотрѣнію претензій Зорича или посредствомъ собранія въ совѣтѣ всѣхъ свѣдѣній по дѣлу, или же составленіемъ особой мѣстной комиссіи, какъ того желаетъ самъ Зоричъ. Вѣроятно, совѣтъ рѣшился бы на послѣднее, если бы не изменились обстоятельства, не былъ уволенъ отъ должности министра юстиціи самъ Державинъ¹⁾. Совѣтъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы отказаться отъ всякаго участія въ дѣлѣ Зорича и подтвердить свое прежнее рѣшеніе по этому дѣлу объ удовлетвореніи Неранчича обыкновеннымъ законнымъ путемъ²⁾.

Дѣло Н.-Зорича доказываетъ, что совѣтъ не хотѣлъ отступать отъ своего первоначальнаго назначенія быть только законодательнымъ учрежденіемъ даже въ виду особенныхъ

¹⁾ Увольненіе Державина произошло по другому поводу, а не было прямымъ результатомъ дѣла Зорича (Записки Державина, 494—495 стр.), ²⁾ Архивъ Госуд. Совѣта, III, 2 ч., 83—94 стр.

условіи, при которыхъ оно вступило въ совѣтъ: послѣдній отклонилъ отъ себя, предлагаемую ему Зубовымъ, Румянцевымъ и Державинымъ, роль верховнаго суда надъ высшимъ сановникомъ и членомъ самого совѣта. Но затѣмъ, когда въ совѣтъ стало поступать по волѣ государя много другихъ судебныхъ дѣлъ, ему поневолѣ пришлось заниматься ими въ ущербъ прямому своему назначенію. Однако, въ этомъ случаѣ совѣтъ самъ не пожелалъ стать высшей апелляціонной инстанціей, предпочиталъ ограничиться только формальнымъ разсмотрѣніемъ рѣшенія судебныхъ дѣлъ, которое не могло отнимать у него такъ много времени, какъ разборъ дѣлъ по существу. Такой взглядъ совѣта выражается въ его отношеніи къ жалобѣ бѣлорусскаго помѣщика Фаца на неправильное рѣшеніе третейскаго суда по дѣлу его съ княгиней Воронцовой о недвижимомъ имѣніи. Жалоба Фаца была внесена въ совѣтъ по Высочайшему повелѣнію. Совѣтъ отказался разбирать это дѣло по существу его рѣшенія третейскимъ судомъ, такъ какъ оно „*есть дѣло тяжёбое*, и если бы спорящимъ сторонамъ не предназначено было особеннымъ исключительнымъ повелѣніемъ разобратся третейскимъ судомъ, то оно принадлежало бы къ обыкновеннымъ искамъ, кои избирать и рѣшить предоставлено судебнымъ мѣстамъ“. Поэтому совѣтъ не сталъ разсматривать самого существа дѣла, а ограничился только тѣмъ, что обратилъ вниманіе на порядокъ и форму производства дѣла Фаца третейскимъ судомъ¹⁾. Государь не утвердилъ такого рѣшенія совѣта, какъ только кассационной судебной инстанціи, и повелѣлъ ему высказать свое мнѣніе и по существу дѣла въ качествѣ высшаго совѣстнаго суда. Въ исполненіе этой Высочайшей воли совѣтъ потребовалъ отъ министра юстиціи всѣ нужные документы по дѣлу, которое, однако, не пришлось разсма-

¹⁾ Архивъ Государ. Совѣта, III, 2 ч., 567—572 стр.

привать самому совѣту за выѣздомъ одной изъ сторонъ (княгини Воронцовой) за границу ¹⁾).

Вообще Непремѣнный Совѣтъ дорожилъ, порученной ему „Наказомъ“, законодательною властью, на которую онъ смотрѣлъ, какъ „на власть держать подданныхъ въ нравственности и правотѣ“; вырабатываемые же совѣтомъ законы были только „объявленными къ тому средствами“ ²⁾. Мы увидимъ потомъ, что Непремѣнный Совѣтъ къ концу своего существованія долженъ былъ разбирать массу всякихъ судебныхъ дѣлъ не только въ качествѣ апелляціонной, но даже и первой инстанціи ³⁾. Но это обстоятельство легко объясняется неустановившимися точно границами компетентности всѣхъ, преобразованныхъ въ первое время царствованія Александра I-го (1801—1802 г.), высшихъ учреждений и неблагоприятными условіями дѣятельности самого Непремѣннаго Совѣта. Послѣдній принималъ дѣятельное участіе въ законодательствѣ во все время до созданія государственнаго совѣта 1810 года, не смотря даже на конкуренцію съ нимъ въ законодательныхъ дѣлахъ комитета министровъ. При этомъ Непремѣнный Совѣтъ оставался всегда вѣренъ своему „Наказу“, являлся только законосоветательнымъ учрежденіемъ. Инициатива закона поэтому не принадлежала совѣту. Обыкновенно законодательныя дѣла входили въ совѣтъ или черезъ сенатъ, или же чаще законопроекты вносились въ него по Высочайшему повелѣнію отдѣльными министрами ⁴⁾. Законопроекты по духовнымъ дѣламъ поступали въ совѣтъ изъ синода ⁵⁾ или отъ петербургскаго митрополита ⁶⁾, но также и черезъ сенатъ и министровъ ⁷⁾. Иногда

¹⁾ Ibidem, 575—578 стр., ²⁾ Архивъ Госуд. Совѣта, III, 1 ч. 660 с. (Мнѣніе графа Н. П. Румянцева по дѣлу о присвоеніи дворянскаго званія воспитанникамъ графа Разумовскаго, Перовскимъ), ³⁾ См. ниже, ⁴⁾ Архивъ Государств. Совѣта, III, 1 ч., стр.: 2, 15, 65—66, 69, 104, 109, 117, 123 и мн. др., III, 2 ч., стр.: 3, 23, 31, 75, 101, 103, 122, 245, 287, 298, 602, 607, 713—714, 815 и мн. др., ⁵⁾ Ibidem, III, 1 ч., 711 с., III, 2 ч., 47 стр., ⁶⁾ Ibidem, III, 2 ч., 4 стр., ⁷⁾ Ibidem, III, 1 ч., 713, 718.

же самъ государь предлагалъ совѣту по какому-либо особенному поводу обсудить тотъ или другой законопроектъ. Тамъ во время своего путешествія по губерніямъ (въ 1802 г.) государь убѣдился въ томъ, что поселяне и помѣщики не знаютъ точнаго размѣра казенныхъ и земскихъ податей, которыя при ихъ разнообразіи, „раздробительности“ и разныхъ срокахъ взиманія оказывались отяготительными для населенія, тѣмъ болѣе, что они требовались не въ одинаковое время и одинаковомъ количествѣ и отъ власти земскихъ чиновниковъ зависѣло увеличить или уменьшить эти сборы. Въ виду ихъ упорядоченія государь предложилъ совѣту по собраніи точныхъ свѣдѣній о существующихъ всякаго рода казенныхъ податяхъ и общественныхъ повинностяхъ „привести ихъ въ такое единообразное положеніе, чтобы каждый подданный точно и постоянно зналъ, что и когда платить онъ долженъ, чѣмъ какъ лихоимство, при сборѣ сихъ податей существующее, такъ и самовольныя требованія земскихъ начальствъ скорѣе пресѣчены быть могутъ, нежели слѣдствіями, судами и наказаніями“. Въ исполненіе этого Высочайшаго повелѣнія объ уравненіи всѣхъ казенныхъ сборовъ и земскихъ повинностей совѣтъ предписалъ сенату собрать въ непродолжительномъ времени всѣ нужныя свѣдѣнія за 1799—1801 г. о количествѣ разнаго рода податей и общественныхъ повинностей ¹⁾).

Непремѣнному Совѣту была предоставлена полная свобода въ обсужденіи всякаго рода законопроектвъ. Бывали случаи, что совѣтъ не соглашался съ замѣчаніями государя на рѣшеніе совѣтомъ того или другаго дѣла и настаивалъ на этомъ своемъ рѣшеніи. Такъ, напр., совѣтъ представилъ на утвержденіе государя положеніе объ уничтоженіи частныхъ судовъ, компетентность которыхъ была неопредѣлена, судопроизводство краткое, а между тѣмъ они могли приго-

1) Ibidem, 263—265 стр.; см. ниже.

варивать къ тяжелымъ наказаніямъ (заключенію въ рабочіе или смирительные дома и др.). Рѣшенія частныхъ судовъ поступали на утвержденіе въ экспедиціи при военныхъ столичныхъ губернаторахъ, которыя были образованы вмѣсто управъ благочинія въ Москвѣ и С.-Петербургѣ въ царствованіе Павла I¹⁾. Государь замѣтилъ совѣту, что съ уничтоженіемъ частныхъ судовъ всѣ маловажныя дѣла, которыя разрѣшались ими, будутъ входить въ возстановленныя управы благочинія. Эти же послѣднія вслѣдствіе такого накопленія въ нихъ постороннихъ дѣлъ не будутъ въ состояніи обработать вниманіе на важные предметы своего вѣдомства. Совѣтъ не согласился съ императоромъ, такъ какъ былъ увѣренъ, что дѣятельность словесныхъ судовъ, которые должны быть возстановлены на основаніи устава объ управѣ благочинія, будетъ достаточна не только для „разбора мелкихъ ссоръ и тяжбъ, но и для личной безопасности гражданъ полезнѣе, нежели дѣйствіе частныхъ судовъ“. Совѣтъ приводитъ въ опору своего рѣшенія объ ихъ уничтоженіи еще то соображеніе, что они „не ограждены ни обрядомъ, ни законнымъ общимъ надзоромъ и поэтому не могутъ быть признаны законными судами“, которые дѣйствовали бы по общепризнанному „государственному закону“, что никто не можетъ быть наказанъ безъ суда²⁾. Въ силу всѣхъ этихъ соображеній, представленныхъ государю совѣтомъ, частныя суды вмѣстѣ съ полицейскими экспедиціями были упразднены въ обѣихъ столицахъ и вмѣсто нихъ возстановлены управы благочинія³⁾. Другой случай такого же свободнаго возраженія со стороны совѣта государю относится къ вопросу объ устройствѣ городского состоянія. Совѣтъ представилъ государю проектъ указа о распространеніи права покупки земель на купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ, исключая помѣ-

¹⁾ П. С. З., XXV, № 18,663, ²⁾ Архивъ Государ. Совѣта, III, 1 часть, 155 стр., ³⁾ П. С. З., XXVIII, № 20,143.

щичьихъ: пожалованіе всѣмъ этимъ сословіямъ указаннаго права совѣтъ считалъ однимъ „изъ важныхъ средствъ къ поощренію земледѣлія и расширенію народной промышленности“ Государь сомнѣвался въ пользѣ предлагаемой совѣтомъ мѣры. Неограниченность права покупки земель, предоставляемаго городскому сословію, можетъ, по мнѣнію государя, привести къ „тому неудобству, что богатые купцы или по недостатку разсчета, или по алчности прибытка захватятъ земли болѣе, нежели сколько ее они могутъ обработать собственными силами, а потому или оставить земли безъ употребленія, или же будутъ перепродавать ее высокою и утѣснительною для бѣдныхъ цѣною“. Во избѣжаніе подобныхъ злоупотребленій государь предложилъ установить вмѣстѣ съ дарованіемъ права покупки земель подать на приобрѣтаемыя такимъ образомъ земли: послѣдующее установленіе этой подати имѣло бы „видъ приманки правительствомъ частныхъ лицъ въ издержки и налоги“. Совѣтъ, однако, не находилъ основательными эти возраженія императора. Обложеніе податями еще некупленной земли не можетъ, по его словамъ, остановить приобрѣтенія ея изъ „непомѣрной алчности къ покупкамъ великаго количества земель въ однѣ руки“: при перепродажѣ ихъ продавцы приложатъ къ цѣнѣ земли и подать на нее и эта послѣдняя обратилась бы такимъ образомъ на среднихъ людей, которые будутъ покупать земли у богатыхъ. Кромѣ того, обязанность платить подать на землю съ момента ея покупки прежде, чѣмъ она будетъ въ состояніи возратить потраченный на ея приобрѣтеніе капиталъ, можетъ отвратить это приобрѣтеніе изъ первыхъ рукъ и поставить въ зависимость отъ перекупщиковъ. Установленіе подати на землю ранѣе ожидаемыхъ отъ нея выгодъ будетъ справедливымъ, если вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ сложены личныя повинности съ покупателей, что невозможно сдѣлать заранѣе. По всѣмъ этимъ доводамъ совѣтъ

склонился къ мысли наложить подать на собственниковъ подобныхъ земель только тогда, когда онѣ при обработкѣ начнутъ приносить извѣстные доходы и вознаграждать владѣльцевъ за потраченный на ихъ покупку капиталъ. Эта поземельная подать, „яко справедливейшая и съ порядкомъ вещей сообразная“, должна со временемъ, предполагалъ совѣтъ, замѣнить собою подушную подать. Мнѣніе совѣта о покупкѣ земель лицами разныхъ другихъ сословій, кромѣ помѣщиковъ, было уважено государемъ¹⁾.

Иногда совѣтъ не соглашается со взглядомъ сената, выраженнымъ имъ въ представляемомъ въ совѣтъ законопроектѣ. Такое разногласіе во мнѣніяхъ совѣта и сената произошло, напр., при обсужденіи вопроса о взиманіи извѣстной цѣны съ казенныхъ земель въ саратовской, астраханской и кавказской губерніяхъ, розданныхъ для заселенія. Совѣтъ былъ противъ обложенія такихъ земель налогами, рекомендованнаго сенатомъ. При этой раздачѣ земель правительство, по мнѣнію совѣта, имѣло въ виду поощрить заселеніе дикихъ и необитаемыхъ мѣстъ. Но при этомъ не предполагалось взимать какую-либо плату за эти земли. Помѣщики, бывъ привлечены этой безденежной раздачей земель, взяли ихъ на этомъ основаніи въ полной увѣренности, что расходы, сдѣланные ими на заселеніе этихъ земель, не увеличатся еще новымъ и непредвидѣннымъ ими взысканіемъ, предлагаемой сенатомъ, платы. Установленіе этой платы было бы, по мнѣнію совѣта, очевидной несправедливостью, потому что въ продолженіе 12 лѣтъ, когда производилась роздача земель, даже и не помышляли о какомъ-либо налогѣ. Съ своей стороны, совѣтъ предлагалъ постановить, чтобы земли уже заселенныя оста-

¹⁾ Архивъ Государ. Совѣта, III, 1 ч., 723—725. Указъ см. П. С. З., XXVII, №№ 20,224 и 20,225. Мы цитируемъ №№ разныхъ указовъ, изданныхъ вслѣдствіе законодательныхъ работъ Непременнаго Совѣта надъ тѣмъ или другимъ вопросомъ государственнаго управленія для того, чтобы показать все практическое значеніе этихъ работъ совѣта.

вить въ спокойномъ владѣніи безъ всякаго взысканія въ казну, считая по 30 десятинъ на душу, а съ незаселенныхъ же земель, розданныхъ для этой цѣли, взимать пятикопѣчную поземельную подать до тѣхъ поръ, покуда онѣ не будутъ заселены, такъ какъ съ заселеніемъ эта подать перемѣнится уже въ подушную¹⁾). Такого содержанія, согласнаго съ мнѣніемъ совѣта, и былъ изданъ указъ²⁾).

Въ самомъ совѣтѣ допускались при обсужденіи законопроектвъ большая самостоятельность и независимость мнѣній³⁾, которыми отличался особенно одинъ изъ членовъ совѣта, графъ Н. П. Румянцевъ. Не было почти ни одного важнаго законодательнаго вопроса, выдающагося по своему особенному значенію для общественныхъ интересовъ, по которому не раздавался бы въ совѣтѣ смѣлый и безпристрастный голосъ графа Румянцева, который нерѣдко расходился совѣмъ съ рѣшеніемъ всего совѣта⁴⁾).

При обсужденіи новыхъ проектовъ закона Непремѣнный Совѣтъ часто прибѣгалъ къ *толкованію прежнихъ законовъ*, которые имѣли извѣстное отношеніе къ разсматриваемому вопросу. Совѣтъ пользовался этимъ правомъ толкованія въ широкой мѣрѣ во все время своего существованія. Разъяснять смыслъ существующихъ законовъ совѣту приходилось по самымъ разнообразнымъ поводамъ. Изъ вопросовъ *пуб-*

¹⁾ Архивъ Госуд. Совѣта, III, 1 ч., 265—268 стр., ²⁾ П. С. З., XXVII, № 20,979, ³⁾ Такъ, напр., было при обсужденіи новаго устройства сената (Архивъ Госуд. Совѣта, III, 1 ч., 15 с. и сл.),—дѣла о винныхъ откупахъ (281—284 и 306—314 с.),—о казенныхъ заводахъ (462—471 и 475),—о ленныхъ и имѣтеутическихъ имѣніяхъ въ польскихъ губерніяхъ (567—572 с.),—о дворянскомъ званіи и правахъ (669—672 и 693—695 с.),—дѣла о бракѣ Баташева (Архивъ Госуд. Совѣта, III, 2 ч. 4—24 с.),—дѣла объ имѣніи Вердеревскаго (107—108 с.),—о раздѣлѣ родовыхъ и наслѣдственныхъ имѣній (299—300 с.),—о наслѣдствѣ въ восходящей линіи (320—325 с.),—дѣла о евреяхъ (741—743 с.),—о чиншевой шляхтѣ (747—754 с.),—о непродажѣ людей безъ земли (775—782 с.),—о выходцахъ изъ Грузіи (820—824 с.), и др., ⁴⁾ Архивъ Госуд. Совѣта, III, 1 ч., стр.: 14, 19, 661, 669, 884 и др., III, 2 ч., 30, 398 стр. и ин. др.; см. ниже.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ХОЗЯЙСТВО ШВЕЦИИ

ИЗСЛѢДОВАНИЕ

Эдуарда Берендтса

ПРОФЕССОРА ДЕМИДОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ЛИЦКА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

Формальный строй государственнаго хозяйства
Швеции.

ЯРОСЛАВЛЬ.

Типо-литографія Э. Г. Фалькъ. Духовская ул., собств. домъ.
1894.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ С. Шпилевскій.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ВВЕДЕНИЕ 1—5.

ГЛАВА I. *Субъекты финансового верховенства* стр. 6—93.

Своеобразности въ госуд. строѣ Швеціи 6—10. Король — одинъ изъ субъектовъ финансоваго верховенства. Его „право экономическаго законодательства“. Понятіе законъ по шведскому праву. Понятіе экономической законъ Сравненіе съ провизорными законами Норвегіи и Даніи, съ административными распоряженіями королей Англіи и Пруссіи 10—46. Функціи короля въ области финансоваго управленія. 47—58. Сравненіе съ Даніей и Норвегіей 58—61. Риксдагъ—второй субъектъ финансоваго верховенства. Его организація. Его постоянные и временные комитеты 61—71. Бюджетный комитетъ, 71—74. Комитетъ ассигнованій. 74—75. Комитетъ банковый. 75—76. Спеціальные финансовые комитеты. 76—79. Недостатки организаціи комитетовъ 79—82. Функціи риксдага какъ субъекта финансоваго верховенства 82—93.

ГЛАВА II. *Бюджетъ и бюджетное право Швеціи*. Въѣшняя структура и составныя части шведскаго бюджета 93—125. Юридическая природа бюджета по шведскому праву. Бюджетъ—не есть законъ въ матеріальномъ смыслѣ. Вліяніе на ученіе о бюджетѣ въ шведской литературѣ англійскаго бюджетнаго права, франко-бельгійской доктрины, нѣмецкой теоріи. 125—148. Попытка опредѣлить юридическую природу бюджета 148—155. Порядовъ составленія бюджета въ Швеціи 155—176.

ГЛАВА III. *Органы финансового управления.* Органы верховнаго финансового управления. Государственный совѣтъ короля. 176—185. Функции начальника финансового департамента и канцеляріи его. Его отвѣтственность. 185—190. Органы центральнаго финансового управления. Каммеръ-коллегія 191—194. Статсъ-контора 194—198 Управление доменами 198—200. Главное интендантское управление 200. Главное таможенное управление 200. Главное телеграфное управление, главное почтовое управление 202, пробирная палата, монетный дворъ 205, главное управление государственными желѣзными дорогами 207. Коммерцъ-коллегія 207. Органы центральнаго финансового управления, не подчиненные королю: банкъ государства, 209 коммиссія погашенія госудударственныхъ долговъ, 216. Органы мѣстнаго финансового управления. Правительственные: губернаторъ 221, провинціальный камериръ, провинціальный казначей 223, коронный фохтъ 223 Окружный секретарь 225, ленсманъ и фьердингсманъ 226. Сборщики податей въ городахъ 226. Финансовые органы общественнаго самоуправления. Обзоръ истории развитія мѣстнаго самоуправления въ шведскихъ селахъ 228. Отдѣленіе церковной общины отъ общины свѣтской, какъ органа общественнаго самоуправления 230. Характеристика современной организаціи шведскаго городского самоуправления. 232. Компетенція общиннаго самоуправления 233—238. Составленіе проекта бюджета общиннаго. 238—239, бюджетъ столичный 240. Органы финансового управления въ сельскихъ общинахъ 240—242, въ городахъ, 242, въ Стокгольмѣ 244. Финансовое положеніе шведскихъ общинъ. 245. Ограниченное значеніе Герадовъ. 246. Органы финансового управления провинціальнаго земства 246—249.

ГЛАВА IV. *Организмъ движенія суммъ, контроль и административная юстиція въ области финансового управления.*

Исторія развитія кассоваго строя Швеціи. 251—258. Необходимость расширенія понятія „денежное управленіе. 258—260. Три стадіи движенія суммъ въ Швеціи. Внесеніе въ окладъ и взиманіе: Окладныя книги и податныя реестры 262—271. Порядокъ собиранія госуд. доходовъ 272—275. Недоимки и ихъ взысканіе, давность. 275—280. Кассовый строй Швеціи. 280—291. Счетоводство и отчетность 291—296. Организациа котороля 296—308. Административная юстиціа, исторія развитія и современная организациа. 308—324.

Представивъ читателямъ въ первомъ отдѣлѣ картину политическаго и соціально-экономическаго развитія Швеціи въ XIX столѣтіи, я разсмотрю въ двухъ слѣдующихъ отдѣлахъ формальный и матеріальный строй шведскаго государственнаго хозяйства, ея дѣйствующее финансовое право.

Второй отдѣлъ посвященъ обзорѣнію формальнаго строя государственнаго хозяйства Швеціи. Въ него войдутъ слѣдующіе раздѣлы: Глава I посвящена субъектамъ финансоваго верховенства, королю и риксдагу, разсмотрѣнію ихъ взаимнаго отношенія, правъ и обязанностей каждаго изъ нихъ; глава II—разсмотрѣнію бюджетнаго права Швеціи, глава III—обзорѣнію органовъ финансоваго управленія, центральныхъ и мѣстныхъ. Первые раздѣляются на 1) органы центральнаго финансоваго управленія, подчиненные исключительно королю (органы управленія верховнаго и подчиненнаго), и 2) подчиненные риксдагу и дѣйствующіе независимо отъ короля, какъ верховнаго главы всей администраціи. Мѣстные органы финансоваго управленія также распадаются на 2 группы: 1) коронные органы мѣстнаго финансоваго управленія; 2) органы финансоваго управленія подчиненныхъ государству принудительныхъ общественныхъ хозяйствъ, земства и общины (сельской и городской). Глава IV посвящена разсмотрѣнію организаціи контроля надъ финансовымъ управленіемъ и административной юстиціи, т. е. способамъ рѣшенія споровъ о правѣ въ области финансоваго управленія.

Отдѣлъ III, посвященный обзорѣнію матеріальнаго строя государственнаго хозяйства Швеціи, распадается въ свою очередь на 3 крупныхъ раздѣла. I раздѣлъ, содержитъ въ се-

бѣ 4 главы, обнимающія собою разсмотрѣніе доходовъ, поступающихъ въ казну отъ спеціального государственнаго капитала, т. е. доходовъ, носящихъ въ финансовой литературѣ неправильное, по моему мнѣнію, названіе механическихъ или частно-правовыхъ (доходы отъ государственной земледѣльческой недвижимой собственности, отъ казеннаго лѣснаго хозяйства, отъ рыбныхъ ловлей, которыя шведскимъ государственнымъ правомъ причисляются къ недвижимой собственности, отъ государственныхъ желѣзныхъ дорогъ и движимыхъ капиталовъ). 2 раздѣлъ (раздѣленный на 10 главъ) посвященъ разсмотрѣнію: доходовъ государства отъ общенароднаго капитала, называемыхъ въ финансовой литературѣ—органическими; доходъ отъ регалій (часто, въ особенности въ прежнее время, вводимыхъ въ категорію частно-правовыхъ или механическихъ доходовъ, хотя уже одна этимологія слова показываетъ, что о частномъ правѣ или о механическомъ полученіи дохода рѣчи быть не можетъ); пошлинъ; налоговъ прямыхъ (личныхъ, реальныхъ, подоходныхъ) и косвенныхъ (акцизъ на спиртные напитки, пиво, свеклосахарное производство и таможенные пошлины). Къ доходамъ государства можно причислить и повинности, отправляемыя жителями для удовлетворенія государственныхъ нуждъ, такъ какъ всякая такая повинность есть ничто иное, какъ замѣна личными услугами матеріальныхъ жертвъ на общегосударственныя потребности. Въ особой главѣ мы обратимся къ государственнымъ долгамъ Швеціи. Наконецъ, послѣднюю главу II раздѣла мы посвятимъ обзорѣнію доходовъ мѣстныхъ принудительныхъ союзовъ.

III раздѣлъ будетъ посвященъ обзорѣнію государственныхъ расходовъ. Помѣщеніе расходовъ въ концѣ сочиненія покажется страннымъ, покажется противорѣчіемъ положенію финансовой науки, что въ государственномъ хозяйствѣ расходы регулируютъ размѣры хозяйства, что слѣдовательно рас-

ходы, какъ абсолютное требованіе государственной жизни, должны быть поставлены на первомъ мѣстѣ.

Я не оспариваю основательности этого теоретическаго положенія, оправдываемаго по большей части и практикою (хотя и не всегда, не на всякой ступени исторіи народовъ, не на всякой стадіи развитія хозяйственной жизни народовъ). Но эта научная систематика имѣетъ много и противъ себя. Строй доходовъ, а не строй расходовъ опредѣляетъ собою типичную индивидуальность даннаго государственнаго хозяйства. Система пользованія спеціально-государственными и общенародными капиталами (вещественными и невещественными), т. е. так. наз. механическими и органическими источниками доходовъ, даетъ типичную окраску финансамъ каждаго государства. Расходы (не количественно, а качественно, абсолютно а не относительно, не съ точки зрѣнія взаимнаго отношенія отдѣльныхъ группъ другъ къ другу) почти одинаковы во всѣхъ государствахъ культурнаго міра. Имѣя таблицу расходовъ того или другаго государства предъ собою, мы не можемъ судить о ихъ значеніи. Даже вычисленіе цифроваго отношенія отдѣльныхъ расходныхъ статей, так. наз. производительныхъ (прямо или косвенно) и непроизводительныхъ, не даетъ намъ ключа къ сужденію о томъ, производительно ли ведется государственное хозяйство. Ключъ этотъ дается намъ только знакомствомъ со способомъ полученія доходовъ (по времени и по мѣсту), способомъ раскладки на различные соціальные классы и отношеніемъ доходовъ отъ спеціально государственнаго капитала къ доходамъ отъ общенароднаго капитала. Безъ этого предварительнаго знакомства съ подробностями строя доходовъ всякое $\%$ вычисленіе различныхъ группъ расходовъ останется мертвою буквю, а не будетъ живою картиною: мы не будемъ имѣть въ рукахъ вѣрнаго критерія для оцѣнки производительности государственнаго хозяйства. Пояснимъ это положеніе примѣромъ. Соору-

женіе желѣзныхъ дорогъ на государственной счетъ считается производительнымъ расходомъ. Съ этимъ можно согласиться только условно, а именно только тогда, если мы знаемъ, что система налоговъ или пошлинъ, дающая средства на уплату процентовъ по ж.-дорожнымъ займамъ и на погашеніе ихъ, основана на принципѣ равномѣрнаго распредѣленія податной тяжести на всѣ классы общества. Въ государствѣ, имѣющемъ неправильную податную систему (преобладаніе напр. подушныхъ сборовъ съ низшихъ классовъ или косвенныхъ налоговъ, лежащихъ съ особенною тяжестью на классѣ не имущихъ), сооруженіе желѣзныхъ дорогъ на счетъ казны или значительные платежи въ пользу гарантированныхъ желѣзнодорожныхъ предпріятій, не могутъ отзываться производительнымъ образомъ на народномъ хозяйствѣ, усиливая неравномѣрность распредѣленія экономическихъ благъ. Неправильная податная система есть признакъ отсталой народной культуры. Сохраненіе ея и одновременное введеніе въ народное хозяйство элементовъ высшей культуры есть противорѣчіе, а противорѣчіе между наличными силами и стремленіями въ народномъ хозяйствѣ ведетъ къ кризису. Кризисъ этотъ можетъ быть замаскированъ блестяще-одностороннимъ развитіемъ той или другой отрасли народнаго хозяйства, но послѣдствія его будутъ тѣмъ губительнѣе, чѣмъ дольше продолжалось замаскированіе. Производительнымъ, прочно производительнымъ будетъ только то государственное хозяйство, въ которомъ социальное-экономическое качество доходовъ соотвѣтствуетъ социальное-экономическому качеству расходовъ. Абсолютно необходимыя потребности и абсолютно необходимые расходы на ихъ удовлетвореніе (расходы на обезпеченіе минимума внѣшней и внутренней безопасности, минимума общеній, минимума образованія и т. д.) всегда будутъ регулировать минимальныя суммы доходовъ, но шагъ за эти предѣлы, твердый, прочный шагъ обусловленъ прогрессомъ въ системѣ доходовъ.

Таковы соображенія, побудившія меня разсмотрѣть строй доходовъ прежде строя расходовъ, такъ какъ только послѣ начертанія по *возможности* полной картины строя доходовъ Швеціи, послѣ опредѣленія значенія каждаго изъ нихъ въ системѣ доходовъ, я могу критически отнестись къ ея расходамъ и придти къ твердому выводу о характерѣ государственнаго хозяйства этой страны, а этотъ выводъ, по правиламъ строгой систематики, долженъ быть помѣщенъ въ концѣ труда.

ОТДѢЛЪ II.

Формальный строй шведскаго государственнаго хозяйства.

ГЛАВА I.

Субъекты финансоваго верховенства.

Источники: Форма правленія 1809 г. Учрежденіе о сеймѣ 1810 г. Учрежденіе о сеймѣ 1866 г. (Riksdagsordning). Всѣ узаконенія, касающіяся формальнаго строя государственнаго хозяйства, вышедшія въ періодъ 1866—1890 г., публикуются въ собраніи законовъ и распоряженій (Svensk Författningssamling). Для истолкованія положеній формы правленія 1809 г. весьма важны мотивы комитета, выработавшаго этотъ основной законъ Швеціи. Они изданы въ 1874 г. подъ заглавіемъ «Riksens Höglofl. Ständers constitutiöns—utskotts memorialer och öfriga expeditioner vid riksdagen i Stockholm 1809—1810 гг.

Литература. Naumann. Sveriges Statsförfattningsrätt. Томъ II, III, IV. Rabenius. Lärbok i Kamerallagfarenhet. Rabenius (сынъ) Sveriges gällande Förvaltningsrätt. Linde Sveriges Finanzrätt. Aschehoug. Das Staatsrecht der vereinigten Koenigreiche Schweden und Norwegen. Rydin. Svenska Riksdagen. Dess Sammansättning och verksamhet. Часть II. Ero же. Om svenska folkets beskattningsrätt. Ero же статьи въ Svensk Tidskrift 1873. Om Kamrarne och Beskattningsfrågan. Ero же актовыя рѣчи. Om 1809—1810 års Riksdags statsrättliga betydelse för statsregleringen. I и II. 1875—1876. Thulin. Om Konungens ekonomiska lagstiftningsrätt. 1890. Svedelius Om statsrådets ansvarighet;

Kjellén Studier rörande ministeransvarigheten. Alin Om Kongl. Majts rätt i fråga om nedsättning af tullbevillningsafgifter. Landgren. Om Konungens sanktionsrätt vid förändring eller upphäfvande af statens ordinarie inkomster. О правах короля и риксдага въ области финансоваго управленія говорится также въ сборникѣ Cobden Club, a «Correspondance relative to the budgets of various countries. 1877. Извлечение изъ реферата о Швеціи находится у Леруа Болье: Traité de la science des Finances. II. Обзоръ шведской конституціи 1809 г. находится въ сочиненіи Лохвицкаго: Обзоръ современныхъ конституцій. II изд. 1865 г. Онъ составленъ безъ пользованія какимъ бы то ни было шведскимъ источникомъ или пособіемъ, на основаніи французскихъ и нѣмецкихъ трудовъ, притомъ въ высшей степени небрежно; событія, цифры, названія перепутаны, даже хронологія важнѣйшихъ событій шведской исторіи не вѣрна.

Знаменитая нѣкогда теорія раздѣленія властей, результатъ философскаго размышленія Локка, Свифта, Монтескье, Канта и Бенжамена Констана, теорія, въ которой долго видѣли философскій камень политики, считавшаяся панацеею противъ нарушенія общественной свободы, послужившая основою для созданія нѣкоторыхъ образцовыхъ конституцій (французской 1791 г., Испанской, Португальской, Бразильской, отчасти Бельгійской и Норвежской), признается нынѣ неосновательною. Наука выставила принципъ нераздѣльности и единства государственной власти и говорить только о разпредѣленіи функцій нераздѣльной власти между органами ея.

Но практика какъ будто совершенно игнорируетъ это опроверженіе современною наукой положеній науки нашихъ предковъ. На каждомъ шагѣ мы сталкиваемся съ выраженіями: „pouvoir législatif“ „pouvoir exécutif“, „gesetzgebende, richterliche, vollziehende Gewalt“, и даже представители науки впадаютъ часто въ старую ошибку и говорятъ объ отдѣльной якобы „исполнительной власти“ (Штейнъ).

Шведскіе юристы, цитируючі въ своихъ сочиненіяхъ Лабанда, Шульце, Гәнеля, Гнейста, Гаррейса и Мартица, постоянно говорятъ не только о законодательной власти, о судебной власти, объ исполнительной власти, но какъ будто выступая оппозиціей научному принципу нераздѣльности и единства государственной власти, говорятъ о двухъ государственныхъ властяхъ—власти королевской и власти народной. Можетъ быть, они подразумѣваютъ подъ этимъ выраженіемъ—раздѣленіе пользованія и распоряженія государственной властью, служащей объектомъ юридическаго отношенія принудительнаго властвованія. Но этого они не высказываютъ, а прямо противопоставляютъ власть короля и власть народа, какъ двѣ различныя, другъ отъ друга по существу отличныя власти. Выраженія „Konungens makten“, „Folks-makten“ встрѣчаемъ мы у Наумана, Тулина, Рюдина, Сведелиуса и др. Чѣмъ объяснить это противорѣчіе между наукою и ея лучшими представителями въ одной изъ странъ культурнаго міра?

Если встать на ту точку зрѣнія, что изслѣдователи положительнаго государственнаго права должны обращать вниманіе на понятія и слова, ихъ выражающія, употребляемые въ источникахъ государственнаго права данной страны,—то указанные выше ученые—правы. Понятія и слова, встрѣчаемые въ памятникахъ законодательства часто не выдерживаютъ научной критики. Памятники не писаны по правиламъ строгой логики. Ихъ выраженія и слова продиктованы исторически развившимися понятіями. Можетъ быть, возразятъ намъ, что основной законъ Швеціи, форма правленія 1809 г., составлена въ эпоху очарованія знаменитой теоріей Монтескье, въ эпоху, когда его магическая формула плѣняла умы сѣверныхъ революціонеровъ—консерваторовъ не менѣе радикальныхъ кортесовъ 1812 г. и конституанты 1791 г.? Если такъ, то почему же и политики и юристы 17 столѣтія въ Швеціи

говорять о двухъ властяхъ? Нѣтъ! Конституціонный комитетъ 1809 г., творецъ формы правленія, поставившій себѣ задачею привести въ гармонію королевскую власть съ властью народа, не даромъ называлъ себя охранителемъ историческаго наслѣдства. Понятіе двѣевластія красною нитью проходитъ черезъ всю исторію Швеціи. Политическая мудрость, по мнѣнію шведовъ, всегда состояла въ умѣніи примирить эти двѣ соперничающія власти. Понятіе двѣевластія есть отличительная черта шведскаго государственнаго права. Англія—государство, учрежденія котораго, подобно учрежденіямъ Швеціи, развились преемственнымъ образомъ, не терпитъ въ теченіе своей исторіи внезапныхъ переломовъ и скачковъ—знаетъ только одну государственную власть, осуществляемую парламентомъ, состоящимъ изъ короля, лордовъ и коммунеровъ, которые всѣ три вмѣстѣ олицетворяютъ единство англійскаго народа. Въ Швеціи король не входитъ въ составъ парламента. Совѣтъ его министровъ не есть кабинетъ въ смыслѣ англійскомъ, не есть министерство въ смыслѣ континентальномъ. Король имѣетъ своего канцлера, наблюдающаго за законностью дѣйствій чиновниковъ и за не нарушеніемъ права короля; риксдагъ имѣетъ своего синдика, наблюдающаго за ненарушеніемъ администраціей правъ шведовъ: первый есть око государства, второй—око народа, преемникъ древняго лагмана. Король имѣетъ свою администрацію для осуществленія королевскихъ обязанностей; онъ охраняетъ миръ и право и заботится о благоденствіи государства. Но двѣ отрасли управленія, государственный банкъ и управленіе государственными долгами, не подчинены королю. Король завѣдуетъ доходами и расходами общегосударственными, по бюджету составленному по соглашенію съ риксдагомъ; но средства, завѣдуемые банкомъ и комиссіей погашенія долговъ, изъяты изъ подъ его надзора. Высшій королевскій судъ судитъ отъ имени короля, но риксдагъ избираетъ комитетъ

для оцѣнки дѣйствій высшихъ судей. Риксдагъ даетъ законы о подоходномъ налогѣ, и таковыя законы не требуютъ санкціи короля. Король пользуется правомъ экономическаго законодательства, и изданные имъ экономическіе законы не требуютъ согласія риксдага! Словомъ, мы имѣемъ передъ собою двѣ власти, каждая съ законодательными, судебными и исполнительными функціями,—и завершительный актъ каждой сессіи риксдага есть ничто иное, какъ мирный договоръ между ними. Это двоевластіе—живой памятникъ договорныхъ отношеній короля и сословій въ эпоху средневѣковаго патримоніальнаго государства, пережившій краткую эпоху королевскаго абсолютизма (1680—1719 г.) и время, когда колеблень былъ его принципъ въ угоду власти народной (1719—1772 гг.)—по всей вѣроятности уступить мѣсто единовластію, но не королевскому, а народному, если партіи радикальныхъ демократовъ удастся преодолѣть традиціонное уваженіе къ королю со стороны центра шведскаго народа—крестьянскаго сословія.

Выставивъ на видъ этотъ основной принципъ шведскаго государственнаго права, я перехожу къ разсмотрѣнію отдѣльных правъ короля, а затѣмъ, риксдага, какъ субъектовъ финансоваго верховенства. Послѣ изложеннаго выше читателямъ будетъ ясно, почему я долженъ говорить о субъектахъ, а не о субъектѣ финансоваго верховенства.

Въ первомъ томѣ моего труда я указалъ, что король есть глава всей администраціи (за исключеніемъ двухъ отраслей). § 4. формы правленія 1809 г. (нѣсколько измѣненной, но въ главныхъ своихъ чертахъ дѣйствующей и нынѣ) гласитъ „Konungen eger att allena styra riket på detsätt denneregeringsform föreskrifver“ (т. е. „королю одному предоставлено право управлять государствомъ, по правиламъ установленнымъ этой формой правленія“¹⁾).

¹⁾ Нѣмецкій переводъ формы правленія 1809 г. помѣщенъ въ сборникѣ Шу-

Подъ управленіемъ мы понимаемъ послѣдовательное осуществленіе цѣлей государства способами и мѣрами указанными или дозволяемыми закономъ, съ помощью матеріальныхъ средствъ, ассигнуемыхъ на цѣли управленія законодательнымъ порядкомъ. Слѣдовательно, какъ формальныя границы, такъ и матеріальныя силы управленія нормируются закономъ. Если функція законодательная раздѣлена между главою государства и народнымъ представительствомъ, а функція управленія передана въ руки короля и подчиненной ему администраціи, то народное представительство, устанавливая юридическія нормы, регулирующія ходъ управленія, и опредѣляя размѣръ и распредѣленіе матеріальныхъ средствъ и силъ, фактически участвуютъ въ управленіи, не въ его деталяхъ, но въ опредѣленіи его главныхъ путей и его политическаго характера. Естественнo, что чѣмъ шире установлено участіе народнаго представительства въ опредѣленіи повелѣній, имѣющихъ характеръ закона, тѣмъ болѣе суживается сфера самостоятельнаго дѣйствія главы администраціи, тѣмъ сильнѣе отражается вліяніе партійныхъ интересовъ на характеръ, направленіи и цѣляхъ управленія, тѣмъ ближе органъ управленія къ идеалу конституціонной администраціи — быть осуществительницей закона, осуществительницей наміреній законодателя относительно направленія государственной жизни. Въ Норвегіи, гдѣ король пользуется только *vetos suspensivum*, управленіе близко къ этому идеалу. Отъ настойчивости Стуртинга зависитъ ссужить рамки свободнаго управленія до минимума и наложить ярмо законной предѣленности и неизмѣнности даже на административныя детали. Швеція, напротивъ, далека отъ этого конституціоннаго идеала. — Король имѣетъ широкую сферу свободнаго

бepa „Die Verfassungsurkunden und Grundgesetze der Staaten Europas“, у Моргенштерна (Schweden im J. 1843 г.), у Норденфлихта. Главнѣйшія положенія сѣ приняты у Демомбуреза „Constitutions Européennes“, 1880 г.

управленія, и широта его функцій, какъ главы администраціи, обусловлена его широкимъ участіемъ въ законодательствѣ. Король не только имѣетъ право издавать общія административныя распоряженія, регулируюція въ границахъ, законами установленныхъ, детали государственно-общественной жизни, онъ не только издаетъ предписанія о приведеніи законовъ въ дѣйствіе (*Vollzugsverordnungen*), не только пополняетъ пробѣлы въ законодательствѣ въ случаѣ нужды (*Nothverordnungen*), не только пользуется абсолютнымъ veto: въ его рукахъ всецѣло находится широкая область законодательства—так. наз. область *законодательства экономического*.

Выдѣленіе ея изъ области законодательства вообще, являющейся сферою параллельнаго дѣйствія и соглашенія двухъ государственныхъ властей—королевской и народной (риксдага),—есть опять одна изъ типичныхъ особенностей государственнаго права Швеціи. Нѣчто подобное мы встрѣчаемъ только въ Норвегіи и Даніи; во всѣхъ же другихъ конституціонныхъ государствахъ Европы и Америки—будь то монархіи конституціонныя, приближающіяся къ республикѣ, или конституціонныя монархіи, приближающіяся къ абсолютной монархіи, республики непосредственныя или представительныя—вездѣ мы видимъ стремленіе къ строгому разграниченію функцій законодательныхъ и административныхъ. Если мы соединимъ функцію изданія повелѣній, содержащихъ въ себѣ установленіе правовыхъ нормъ для цѣлаго ряда однородныхъ случаевъ, и функцію изданія повелѣній, содержащихъ въ себѣ опредѣленіе путей и средствъ къ достиженію государственныхъ цѣлей внѣ сферы охраны права, подъ общимъ именемъ нормирующей функціи, то съ точки зрѣнія участія въ осуществленіи этой функціи двухъ элементовъ государственной власти (короля или президента и народнаго представительства) всѣ конституціонныя государства культурнаго міра могутъ быть раздѣлены на 3 типа. Представительницей перва-

го типа государствъ, въ которыхъ распорядительное право и самостоятельное дѣйствіе высшей администраціи ограничивается правомъ народного представительства издавать не только общіе, но и частные законы, является Англія. Представительницей втораго типа государствъ, въ которыхъ народное представительство ограничиваетъ распорядительное право и сферу самостоятельнаго дѣйствія администраціи косвенно—осуществленіемъ своего бюджетнаго права, благодаря отсутствію консолидированнаго бюджета и благодаря дробности бюджетныхъ подраздѣленій—является Пруссія. Наконецъ представительницей третьяго типа государства, въ которыхъ цѣлыя области общественной жизни не подлежатъ ни косвенному, ни прямому нормированію со стороны народного представительства, является именно Швеція.

Извѣстно, что своеобразно широкія функціи парламента Англіи, его прямое участіе въ управленіи, есть результатъ непрерывнаго развитія ея государственной жизни, органической связи, существовавшей всегда между мѣстнымъ самоуправленіемъ и общенароднымъ представительствомъ. Широкія прерогативы короля въ Швеціи являются результатомъ исторически развившагося и до нынѣ сохранившагося воззрѣнія, что король есть представитель общенародныхъ, общегосударственныхъ интересовъ, въ противоположность государственнымъ чинамъ, представителямъ спеціальныхъ сословныхъ и классныхъ интересовъ. Сословный сеймъ уступилъ мѣсто несословному риксдагу, но боязнь передъ возможностью какого нибудь класснаго преобладанія побудила сохранить древнія преимущества короля. Мы рассмотримъ ближе это королевское право экономического законодательства (*Konungens ekonomiska lagstiftningsrätt*), потому что оно не только тѣсно соприкасается съ финансовымъ управленіемъ Швеціи, но и опредѣляетъ собою характеръ и мѣру участія короля при осуществленіи правъ финансоваго верховенства.

Прежде всего мы должны отвѣтить на вопросъ, что понимаетъ шведское государственное право подъ словомъ законъ? Опредѣленіе этого понятія тѣмъ болѣе необходимо, что безъ него не будемъ въ состояніи опредѣлить юридическій характеръ шведскаго бюджета. Источники шведскаго государственнаго права въ отношеніи опредѣленія понятія закона и относительно проведенія различія между закономъ и административнымъ распоряженіемъ столь же неясны и неопредѣленны, какъ и конституціонныя грамоты другихъ государствъ Европы и тотъ рядъ свободо-охранительныхъ хартий, которыя составляютъ пестрое строеніе англійской конституціи. Рѣшеніе вопроса о томъ, что является закономъ въ истинномъ смыслѣ слова и что административнымъ распоряженіемъ, изданнымъ законодательнымъ порядкомъ, представляетъ поэтому для шведскихъ юристовъ немало затрудненій. Имъ приходится рыться въ мотивахъ конституціоннаго комитета 1809 г., въ протоколахъ совѣта министровъ, въ замѣчаніяхъ на нихъ конституціоннаго комитета, въ собраніяхъ королевскихъ приказаній, въ рѣшеніяхъ высшаго суда, въ протоколахъ бюджетнаго комитета. Для освѣщенія этого необъятнаго матеріала, лучшіе изъ нихъ (Naumann, Rydin, Sydelius, Thulin) обращаются къ теоріи, къ нѣмецкой системѣ, но отвѣты авторитетовъ нѣмецкой юриспруденціи противорѣчатъ другъ другу.

Уже литература государственнаго права эпохи конституціоннаго идеализма и представители англійскаго государственнаго права сознавали внутреннее различіе различныхъ категорій законовъ, изданныхъ однимъ и тѣмъ же порядкомъ¹⁾. Но въ то время успокоивались вообще участіемъ народнаго представительства въ опредѣленіи государственной воли и въ

¹⁾ G. Meyer. статья „Der Begriff des Gesetzes und die rechtliche Natur des Staats—haushaltsetats“ въ Grünhuts „Zeitschrift für das Privat und öffentliche Recht der Gegenwart“ 8 Jahrgang;

возможной неограниченности этого періодическаго участія видѣли залогъ возможности провести черезъ всю государственную жизнь великую идею законности. Конфликтъ между гессенскимъ правительствомъ и ландтагомъ побудилъ Бера написать свое разсужденіе „Der Rechtsstaat“ въ защиту расширенія господства закона въ сферѣ администраціи. Въ 1861 году ¹⁾ Фрикеръ старался провести границу между обязательнымъ и необязательнымъ содержаніемъ закона. Его положеніе („Es gibt einen nothwendigen Inhalt der Gesetze, der nur in der Form des Gesetzes zur rechtlichen Gestaltung gelangen kann und einen facultativen Inhalt, der dieser Form an und für sich nicht bedarf. Nur in der Form des Gesetzes können rechtliche Geltung in Anspruch nehmen alle den Inhalt des Rechts-Kreises einer Person und deren Verhältniss zu den Rechtskreisen aller übrigen Personen betreffenden Bestimmungen. Was ausserhalb dieses Gebietes liegt, ist Sache der formell freien, materiell an die Grundsätze einer guten Verwaltung gebundenen Regierung“) послужило, такъ сказать, толчкомъ къ обсужденію спора о томъ, чѣмъ обусловливается подведеніе даннаго повелѣнія подъ категорію „законъ“, содержаніемъ или формою изданія; всякое ли изъясненіе воли государственной власти, состоявшееся по взаимному соглашенію ея элементовъ, есть законъ, и всякому ли такому повелѣнію въ одинаковой степени присущъ характеръ неизмѣнности и непоколебимой святости? Центральнымъ объектомъ этого спора было одно изъ таковыхъ повелѣній, ежегодно или черезъ нѣсколько лѣтъ возобновляемое, — повелѣніе, содержаніемъ котораго является приуроченіе опредѣленной суммы матеріальныхъ средствъ къ исполненію необходимыхъ или желательныхъ задачъ государства — бюджетъ. Бюджетъ и его вотированіе — предметъ и арена борьбы узкихъ классовыхъ интере-

¹⁾ Ср. его статью въ Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft 1861 г.

совъ даннаго поколѣнія съ непрерывно растущими задачами и вѣчными интересами государства, представителя народа въ смыслѣ непрерывной цѣпи поколѣній. Недовѣріе къ правительству, наслѣдство минувшаго времени, свѣжаго въ памяти борцовъ 1848 г., и интересы собственного кармана, наконецъ преклоненіе передъ догматами великихъ учителей либерализма требовали возведенія бюджета на степень незыблемого закона *κατέσοχόν*. Знаменитый прусскій конфликтъ 1862—1866 г., въ продолженіи котораго свободѣ народа грозила опасность пожертвованія въ пользу милитаризма, заставилъ науку приступить къ анализу понятія „законъ“. Вопросъ объ отношеніи бюджета къ законодательнымъ функциямъ втораго элемента государственной власти (народнаго представительства) былъ рѣшенъ въ діаметрально противоположномъ смыслѣ двумя дѣятелями эпохи конфликта—Бисмаркомъ и Гнейстомъ. Первый исходилъ отъ мысли о подчиненіи формальной законности высшимъ принципамъ государственной жизни, обезпеченію условій непрерывнаго развитія государства; второй настаивалъ на томъ, что охраненіе формальной закономѣрности не есть требованіе пустаго увлеченія теоріями либерализма, а основа политической ответственности ¹⁾. Споръ, возникшій на практической почвѣ борь-

¹⁾ Рѣчь Гнейста, 12-сентября 1862 г. „Sie, die Minister sprechen von ihren Pflichten zur Einführung und Durchführung einer absolut nothwendigen, dauernden Einrichtung, als ob eine dauernde Verpflichtung des Staates gedacht werden könnte ohne Gesetz! als ob die Überzeugung der jetzigen Minister S. Majestät jemals eine dauernde Nothwendigkeit für den Staat begründen könnte, anders als durch das Gesetz. Die Regierung beansprucht ein Recht, ohne ihrerseits die entsprechende Pflicht zu erfüllen, nämlich ihre Einrichtung zum Gesetz zu machen.“ Въ брошюрѣ „Die Lage der preussischen Heeresorganisation am 29 September 1862. etc“ онъ говоритъ: Die Gesamtheit der Menschenleistung kann nur durch ein Gesetz bestimmt sein, denn ohne das wäre die Nation zu ungemessenen Diensten verurtheilt. Wir wären nicht die Unterthanen des Königs, sondern Unterthänige. Eine verfassungsmässig regierte Nation kann nur zu gesetzlich fixirten Gesamtleistungen verpflichtet sein. Und wie im constitutionellen Staat die Mitwirkung der Kammern nicht nur bei der Besteuerung des einzel-

бы изъ за усиленія военнаго бюджета, вышелъ изъ границъ финансоваго права и принялъ характеръ общаго спора о природѣ закона, спора, нерѣшеннаго и въ настоящее время. Лабандъ (*Das Budgetrecht nach der preussischen Verfassungs-Urkunde*. 1871, его же, *Das Finanzrecht des deutschen Reiches*. 1873; Его же: *Staatsrecht des deutschen Reiches II*, 1878), Гнейстъ (*Budget und Gesetz 1867, Gesetz und Budget*. 1879) и, менѣе послѣдовательно, Георгъ Мейеръ (*Deutsches Staatsrecht 1878* и указанная выше полемическая статья противъ Мартица), Э. Мейеръ (статья *Budget* въ *Encyclopädie Holzendorff*), Г. Шульце (*Preussisches Staatsrecht*), Баръ (*Budgetrecht*, статья въ журналѣ *Im Neuen Reich*. 1871), Иеллинекъ (*Gesetz und Verordnung*, и его статья: *Budget* въ *Handwörterbuch f. Staatswissenschaften II*)—различаютъ 2 категории повелѣній, смотря по ихъ содержанію. За одной изъ этихъ категорий, содержащей въ себѣ общее правовое правило (*ein allgemeiner Rechtssatz*), они признаютъ значеніе законовъ въ матеріальномъ смыслѣ слова; за другой категоріей повелѣній, не содержащихъ въ себѣ общаго юридическаго правила—они признаютъ значеніе законовъ только въ формальномъ смыслѣ слова. Противъ этого раздѣленія законовъ на категории въ зависимости отъ содержанія выступаютъ Лэвингъ (*Lehrbuch des deutschen Verwaltungsrechts*), Цорнъ (*Reichsstaatsrecht*), Гэнель (*Studien zum deutschen Staatsrecht*. 1888), не такъ рѣзко—Зейдлеръ (*Budget und Budgetrecht*), но съ особенною энергіей ф. Мартицъ (статья въ *Zeitschrift für die*

nen (Finanzgesetz), sondern auch bei der Festsetzung der Gesamtkosten der Staatsverwaltung (Budget) nothwendig ist, so bedarf es der Mitwirkung der Kammern nicht blos bei der Feststellung der Zwangs dienstpflicht des einzelnen (Conscriptiionsgesetz), sondern auch bei der Fixirung der Gesamtleistung an Menschen (Contingentsgesetz)“. Вслѣдствіи Гнейстъ нѣсколько модифицировалъ строгость своего взгляда по отношенію къ связности правительства ежегоднымъ вотированіемъ бюджета. Ср. его *Gesetz und Budget*, 1879, отдѣлъ IV.

gesammte Staatswissenschaft“, 1880, 36 „Über den constitutionellen Begriff des Gesetzes etc). Мартицъ въ основу своей теоріи о юридическомъ тождествѣ всѣхъ повелѣній, изданныхъ законодательнымъ порядкомъ, положилъ принципъ: „Законъ, каково бы то ни было его содержаніе, во всякомъ случаѣ содержитъ въ себѣ объективное право, правовое правило. Законы, не содержащіе въ себѣ правового правила, являющіеся законами съ внѣшней, формальной стороны, т. е. призрачными законами (намекъ на Гербера, назвавшаго бюджетъ „ein scheinbares Gesetz“) вовсе не существуютъ. („Sobald ein Gesetz vorliegt, erlangt die darin niedergelegte Willensbestimmung des Staates, worauf sie sich auch richte, wie speciell, wie unbestimmt, wie unzweckmässig, wie ungerecht, wie unsittlich sie auch sei oder im vorhommenden Falle sich bewähre, welche Rechtsfolge auch an ihre Übertretung geknüpft seien, die Kraft des Gesetzes. Formelle Gesetzeskraft ist nichts Anderes als eben Gesetzeskraft.... Es gibt überhaupt nur eine Gesetzes-Kraft. Es gibt keine Gesetze ohne Gesetzes-Kraft. Das Gesetz, worauf es sich auch bezieht und was es auch vorschreibt, ist diejenige Willensaussprechung des Staates, welche feststellt, was Rechtens sei.... Gesetz ist derjenige Willensact des Staates, durch welchen Landesrecht auch der Krone gegenüber zur Unverbrüchlichkeit gebracht wird... Das Gesetz ist was auch sein Inhalt sein möge, unter allen Umständen objectives Recht, ist eine Rechtsregel, Gesetze die keinen Rechtsatz enthielten, die nur in formellem Sinne, nur scheinbar Gesetze wären, giebt es nicht“). Ганель, а за нимъ и Зейдлеръ высказываютъ по существу тоже самое, но въ менѣ рѣзкой формѣ, отвергая различіе между законами въ формальномъ и матеріальномъ смыслѣ слова. По словамъ Зейдлера „Характеристичнымъ признакомъ закона является интензивность воли и вытекающая отсюда безусловность примѣненія“. „Законъ есть норма, изданная въ установленной правомъ формѣ

представителем государственной власти и снабженная высшим авторитетом государственной воли“¹⁾).

Съ точки зрѣнія строго логичной послѣдовательности выводовъ изъ понятія закона, нельзя не отдать предпочтенія теоріи противниковъ Лабанда, но теорія автора „Reichsstaatsrecht“ и его сторонниковъ соотвѣтствуетъ фактическимъ исторически развившимся условіямъ конституціонной жизни. Никто не оспариваетъ положенія Мартица, что „um blosse Solennitäten hat es sich bei einer Einführung des constitutionellen Systems auf dem Continent und in England und bei den kritischen Momenten seiner Entwicklung nicht gehandelt“, но форма играла большую роль въ эпоху водворенія конституціоннаго режима и формою старались обезпечить неприкосновенность сферы частныхъ правъ и правомъ охраняемыхъ интересовъ отъ произвольнаго вторженія государственной власти. Все, что прямо или косвенно касалось частныхъ правъ и интересовъ, личныхъ и имущественныхъ, старались сдѣлать объектомъ соглашенія главы государства и народнаго представительства. Не только повелѣнія, содержащія въ себѣ общее объективное правовое правило, но и повелѣнія, не имѣвшія этого содержанія, но могущія съузить сферу осуществленія какихъ либо частныхъ интересовъ, должны были впредь издаваться законодательнымъ порядкомъ. Съ другой стороны цѣлый рядъ повелѣній, содержащихъ въ

¹⁾ Зейдлеръ I. с. стр. 199 „Will eine Äusserung des Staatsswillens die Unbedingtheit ihrer Geltung in Anspruch nehmen, so muss sie sofort durch ihre Erscheinung sich als Staatswille manifestiren.... Es darf darüber auch nicht einen Augenblick ein Zweifel möglich sein, ob das Gesetz thatsächlich v n demjenigen, der zur Setzung des Staatsswillens befugt ist, gewollt sei, und das ist eben nur bei der Unmittelbarkeit des Willens durch den Willensberechtigten der Fall“. Nach dem Gesagten erscheint die Intensität des Willens und die aus derselben folgende Unbedingtheit der Geltung als das wesentliche Merkmal des Gesetzes, und wir können das Gesetz definiren als eine unmittelbar vom Inhaber der Staatsgewalt in der Form Rechtsens erlassene, mit der höchsten Autorität staatlichen Willens ausgestattete Norm“.

себѣ правовое правило или норму для регулированія юридическихъ отношеній, остался внѣ сферы дѣйствія народнаго представительства, могъ быть издаваемъ законодательнымъ путемъ, потому что связь ихъ съ частнымъ правомъ и интересами казалась или была менѣе осязательною и непосредственною. Что это разграниченіе сферы объектовъ законодательства и распоряженія было разнообразно въ различныхъ государствахъ—это понятно. Окончательный результатъ спора о правѣ между правительствомъ и народнымъ представительствомъ—спора короткаго, но жестокаго въ государствахъ континентальныхъ, спора, тянувшагося цѣлые вѣка въ Англіи—зависѣлъ не только отъ степени злоупотребленій властью въ минувшія вѣка и степенью минутнаго раздраженія подданныхъ, но и отъ причины болѣе глубокой,—отъ характера народнаго хозяйства. Чѣмъ прочнѣе установилось народное хозяйство даннаго народа, чѣмъ прочнѣе установились его формы, тѣмъ болѣе старались тѣ элементы, которые получили доступъ въ собраніе народныхъ представителей, обезпечить за собою широкое право участія при изданіи повелѣній, регулировавшихъ юридическія отношенія, возникшія на данной экономической почвѣ. Тамъ же, гдѣ народное хозяйство не развило еще прочныхъ формъ, гдѣ установленіе этихъ формъ было задачей будущаго, гдѣ, слѣдовательно, съ сохраненіемъ той или другой формы не были связаны живые интересы, или гдѣ съ перемѣной политическаго строя совпадалъ переходъ къ новымъ формамъ экономической дѣятельности,—тамъ борьба изъ за способа участія народа въ управленіи (въ ш. см. слова) привела только къ ограниченію распоряженій высшей власти предѣлами важнѣйшихъ человѣческихъ правъ (неприкосновенности собственности, жизни, свободы слова, передвиженія и свободы вѣроисповѣданія). Къ результатамъ послѣдняго рода привела борьба изъ за новой формы правленія въ Швеціи.

Шведское государственное право (основной законъ 1809 г) раздѣляетъ всѣ законы (lag) на слѣдующія группы: (по способу ихъ изданія, ихъ измѣненія и ихъ отмѣны) 1) Основные законы ¹⁾, 2) общіе гражданскіе законы, общее уголовное уложеніе, военные законы, въ тѣхъ частяхъ, которые касаются шведскихъ гражданъ, не числящихся въ рядахъ войска, 3) церковные законы, 4) сохранившіеся сословныя привиллегіи, 5) Инструкціи и регламенты риксдага, данные ревизорамъ банка, комиссіи погашенія, бюджета, 6) законы и распоряженія, касающіяся народнаго хозяйства и различныхъ общественныхъ учрежденій, так. наз. экономическіе законы (*Lagar och forfattningar som rikets allmänna hushållning röra samt grunderna för allmänna inrättningar af alla slag*^a), 7 так. наз. Riksakten, постановленія, касающіяся уніи Швеціи съ Норвегіей.

Шведскіе юристы, теоретики и практики (напр. члены конституціонныхъ комитетовъ), проводятъ различіе между законами въ настоящемъ смыслѣ слова и законами не настоящими, ссылаясь на мнѣнія нѣсколькихъ нѣмецкихъ авторитетныхъ ученыхъ (напр. Puchta, Pandecten § 14, и Vorlesungen über das heutige römische Recht § 14, Zachariae, Roenne и др.). Въ первую категорію, по ихъ мнѣнію, входятъ: общіе гражданскіе, уголовные, военные, церковные законы и сословныя привиллегіи. Во вторую входятъ инструкціи и регламенты риксдага и так. наз. экономическіе законы. Особо ставятся основные законы и так. наз. Riksakten. Примѣнимо ли ко всѣмъ этимъ категоріямъ положеніе Мартица и его сторонниковъ о тождественной силѣ и значеніи всѣхъ законовъ? Нѣтъ. Но, можетъ быть, нѣкоторыя категоріи этихъ зако-

¹⁾ Форма правленія 6 іюня 1809 г., Учрежденіе о риксдагѣ 22 іюня 1866 г., законъ о престонаслѣдіи 26 сентября 1810 г. и Законъ о свободѣ печати 16 іюля 1812 г. съ слѣдующими измѣненіями, введенными по согласію риксдага съ королемъ.

новъ вовсе не суть законы, а административныя распоряженія, или по отношенію къ шведскимъ законамъ слѣдуетъ примѣнить классификацію: *leges generales*, *leges speciales*, *constitutiones personales*, которой держатся такіе авторитеты науки, какъ Пухта и К. З. Цахаріу? И это раздѣленіе не примѣнимо. Одинъ изъ авторитетнѣйшихъ шведскихъ юристовъ, Науманъ, категорически заявляетъ, что шведскій основной законъ, установившій выше указанныя рубрики, не знаетъ различія между *leges generales* и *leges speciales* (Naumann. l. c. III, I. стр. 139).

Къ шведскимъ законамъ почти вполне примѣнима классификація Лабанда, и распределеніе законовъ по классамъ обусловлено весьма сложными историческими условіями. Законами съ точки зрѣнія формальной и матеріальной, т. е. изданными законодательнымъ порядкомъ и содержащими общее правовое правило, являются: законы основные, гражданскіе, уголовные, военные и церковные. Законами только формальными, не содержащими въ себѣ общаго юридическаго правила, являются сословныя привилегіи; законами матеріальными, но не формальными—мы должны признать так. наз. экономическіе законы. Что же касается инструкцій и регламентовъ риксдага въ области его спеціальнаго финансоваго управленія, то наука не можетъ признать ихъ законами. Если же шведское государственное право даетъ имъ имя законовъ, то только въ угоду принципу двоевластія, дабы выразить независимость риксдага въ одной области финансоваго управленія. *Riksakt* есть международный договоръ. Замѣтимъ здѣсь же, что бюджетъ не ѣходитъ ни въ одну изъ этихъ категорій. Отношеніе двухъ властей: короля и народнаго представительства къ этимъ 7 категоріямъ законовъ весьма различно. Основные законы могутъ быть измѣнены или отмѣнены только на основаніи соглашенія короля съ двумя слѣдующими другъ за другомъ риксдагами, т. е. король и

риксдагъ въ одной и той же сессіи не могутъ отмѣнить или измѣнить основныхъ законовъ, ни въ полномъ ихъ составѣ, ни даже одну часть изъ нихъ. Королю предоставлено право рѣшительнаго veto по отношенію къ постановленіямъ риксдага объ измѣненіяхъ основныхъ законовъ. Въ первомъ отдѣлѣ мы неоднократно приводили примѣры несогласенія короля съ проектами объ измѣненіи строя народнаго представительства, исходившими отъ риксдага. Отношенія короля къ риксдагу въ этомъ пунктѣ нисколько не измѣнились и по введеніи въ силу учрежденія о риксдагѣ 1866 г. Что касается 2 и 3 категорій, т. е. законовъ общегражданскихъ, уголовныхъ и военныхъ, то требуется для изданія новыхъ, отмѣны, измѣненія или дополненія старыхъ, согласіе короля и риксдага (одной сессіи) (ср. § 87 пунктъ 1 ф. пр. 1809 г.). Церковные законы подлежатъ отмѣнѣ, измѣненію или дополненію при условіи 1) согласія короля и риксдага и 2) согласія собора представителей церкви (allmän Kyrkomöte); § 87, II 2¹). Привилегіи сословій (къ настоящему времени сохранились только нѣсколько чисто внѣшнихъ привилегій дворянства) могутъ быть отмѣнены или измѣнены только путемъ согласенія короля, риксдага и дворянскаго собранія (§ 114 ф. пр.). Что касается инструкцій и регламентовъ, которые риксдагъ даетъ ревизорамъ банка, государственнаго бюджета, комиссіи погашенія, синдикъ риксдага, то они, насколько касаются исключительно упомянутыхъ лицъ и учреждений, издаются риксдагомъ и не требуютъ санкціи короля; но эта санкція необходима и слѣдовательно veto имѣетъ мѣсто, какъ скоро эти регламенты и инструкціи имѣютъ отношеніе къ должностнымъ лицамъ государственнаго управленія, верховною главою котораго является король. Измѣненіе, от-

¹) Этотъ пунктъ введенъ въ форму правленія въ 1886 г. послѣ упраздненія курій духовенства.

мѣна или дополненіе „Riksaakta“ совершается путемъ соглашенія короля, шведскаго риксдага и норвежскаго стортинга (послѣ обсужденія вопроса въ соединенномъ совѣтѣ шведскихъ и норвежскихъ министровъ). Замѣтимъ, что если король вноситъ въ риксдагъ отъ себя проектъ общаго гражданскаго, уголовного или военнаго закона и если риксдагъ соглашается съ этимъ проектомъ безъ всякихъ измѣненій, то предложеніе короля eo ipso становится закономъ безъ особенной санкціи со стороны короля. Формула промугаціи слѣдующая: Vi med Riksdagen funnit för godt förordna“. (Мы съ риксдагомъ заблагоразсудили постановить, что и т. д.).

Не имѣя возможности входить въ разсмотрѣніе детальныя вопросовъ, возникающихъ на практикѣ при примѣненіи указанныхъ выше правилъ, мы переходимъ къ разсмотрѣнію шестой категоріи законовъ, такъ наз. *экономическихъ*.

Что понимаетъ шведское государственное право подъ словами „экономическое законодательство“, какъ отграничить сферу экономическаго законодательства отъ другихъ законодательныхъ сферъ, какъ осуществляетъ король право экономическаго законодательства, чѣмъ объяснить выдѣленіе этой своеобразной категоріи законовъ и исключительное господство надъ ними королевской воли, чѣмъ отличается право изданія экономическихъ законовъ отъ прерогативы конституціонныхъ королей континентальныхъ государствъ издавать общія административныя распоряженія, чѣмъ отличаются экономическіе законы Швеціи отъ провизорныхъ законовъ Даніи и Норвегіи (förelöbige Love въ Даніи и Anordningar der angaae Handel, Told, Naeringsveie og Politi въ Норвегіи)? Таковы вопросы, на которые намъ слѣдуетъ дать отвѣтъ.

Въ § 89 ф. правленія 1809 г. сказано: Въ палатахъ риксдага могутъ быть возбуждены вопросы объ измѣненіи или отмѣнѣ законовъ и учрежденій (lagar och författningar), касающихся общаго государственнаго хозяйства (som rikets all-

männna hushållning röra) объ изданіи новыхъ законовъ (lagars) этого рода, и объ основаніяхъ для общественныхъ учрежденій всякаго рода (om grunderna för allmänna inrättningar af alla slag). Но риксдагъ не имѣетъ права постановлять въ этомъ отношеніи что либо другое, кромѣ представленій и желаній для поднесенія королю, а король, по выслушаніи мнѣній совѣта министровъ (statsrådet), рѣшаетъ вопросъ такъ, какъ онъ считаетъ сообразнымъ съ пользою государства ¹⁾.

Что слѣдуетъ понимать подъ словами „законы и учрежденія, касающіяся общаго государственнаго хозяйства“ и „общественныя учрежденія всякаго рода“? Ни въ мотивахъ конституціоннаго комитета и комитета законовъ 1809 г., ни въ проектахъ и окончательно выработанномъ учрежденіи 1866 г. мы не находимъ точнаго опредѣленія значенія этихъ терминовъ. Между тѣмъ понятія, выраженные этими словами весьма растяжимы. Что такое „государственное хозяйство“. Совокупность ли мѣръ и способовъ, которыми государственная власть собираетъ средства для удовлетворенія государственныхъ потребностей и расходуетъ ихъ на обще-государственныя дѣли? Если такъ, то финансовое управленіе всего государства передано исключительно въ руки короля и этимъ постановленіемъ парализуется принципъ, выраженный въ словахъ „Древнее право шведскаго народа облагать себя налогами осуществляется только однимъ риксдагомъ“ (ст. 57 ф. пр. 1809 г.).

¹⁾ Первоначально, до измѣненій, внесенныхъ въ 1863 г., эта статья была формулирована слѣдующимъ образомъ. (Я цитирую шведскій текстъ въ дословномъ переводѣ Шуберта, 1. с. стр. 382) „Im Plenum der Reichsstände können Anträge geschehen, Gesetze und Verfassungen, welche die öffentliche Haushaltung des Reichs betreffen, zu verändern, zu erklären und aufzuheben, neue Gesetze hierüber zu erlassen und Gründe für öffentliche Einrichtungen aller Art auszubedenken. Diese Anträge sind an den öffentlichen Beschwerde und Oeconomia Ansschuss zur Erörterung zu verweisen.“

Или эти слова означают совокупность действий отдельных хозяйств и групп хозяйств для обеспечения своего материального быта въ предѣлахъ и подъ защитой законовъ? Въ такомъ случаѣ организація народнаго хозяйства, т. е. субстрата государственнаго финансоваго строя, всецѣло находится въ распоряженіи короля и законъ санкціонируетъ сохраненіе „полицейскаго государства“, въ полномъ смыслѣ слова. Что понимать подъ словами „общественныя учрежденія всякаго рода“? Учрежденія ли для призрѣнія бѣдныхъ, госпитали, богадѣльни, или банки, акціонерныя компаніи, или наконецъ дороги, каналы, почты, желѣзныя дороги? Неужели вопросъ о правовыхъ основаніяхъ всѣхъ этихъ предпріятій и учреждений изять изъ сферы обыкновеннаго законодательства? Нельзя думать чтобы таково было намѣреніе законодателей 1809 г., низвергнувшихъ короля, посягнувшаго на экономическія основы шведскаго хозяйства, и рѣшившихся установить правомѣрное государство съ гармоническимъ сочетаніемъ действий 3 властей, управляющей (styrgande), законодательной (lagstiftande) и судящей (domaremagt). Комитетъ 1819 г. опредѣлилъ значеніе и границы экономическаго законодательства чисто формальнымъ путемъ. Онъ постановилъ: „Всѣ учрежденія, которыя не опредѣлены общимъ кодексомъ 1734 г., или хотя вошли въ него, но имѣютъ значеніе временное и мѣстное (напр. многія постановленія, касающіяся строительнаго устава) должны быть причислены къ категоріи экономическихъ законовъ“ ¹⁾.

Повидимому, здѣсь указаны 2 критерія для опредѣленія сферы так. наз. экономическаго законодательства: въ эту сферу не входятъ 1) все то, что регулировано общимъ уложе-

¹⁾ „Alla de författningar, hvilkas ämnen antingen icke influtit i 1734 års allmänna lagbok, ellerom de der finnas intagne, äro af mera lokal och temporär beskaffenhet (t. ex. många stadganden i byggningsbalken) äro att räkna till de så kallade ekonomiska“.

нієм 1734 г., т. е. всѣ тѣ стороны хозяйственной жизни, которыя регулированы общими правовыми нормами; 2) всѣ постоянныя и повсемѣстныя хозяйственныя отношенія. Другими словами, король имѣетъ право издавать только административныя распоряженія для исполненія, объясненія и дополненія законовъ и *leges speciales*. Но подобный выводъ былъ бы невѣренъ. Комитетъ 1810 г., учрежденный по желанію короля для болѣе точнаго опредѣленія смысла 89 ст., старался дать матеріальное разграниченіе между законодательствомъ общимъ и законодательствомъ экономическимъ. По его мнѣнію цѣль экономическихъ законовъ заключается въ „разумномъ распоряженіи и поддержкѣ различныхъ отраслей промышленности вообще и въ томъ, чтобы установленіемъ основъ для ихъ развитія содѣйствовать общему благосостоянію“. Въ ту эпоху, когда комитетъ формулировалъ этими словами задачу экономическихъ законовъ и цѣль существованія особеннаго экономическаго законодательства, въ Швеціи держались еще меркантильные взгляды, пустившіе глубокіе корни въ 17 и 18 столѣтіяхъ и побѣдить которыхъ рѣшительно и окончательно не удалось представителямъ экономическаго либерализма (Шефферъ, Лиліенкранцъ, Хиденіусъ и др.)¹⁾. Распредѣленіе различныхъ отраслей промышленности считалось не вопросомъ, рѣшаемымъ частными лицами въ свободной борьбѣ частно-хозяйственныхъ интересовъ и силъ, а объектомъ государственной дѣятельности.

Развитіе ихъ, по мнѣнію большинства экономистовъ того времени, стояло не въ зависимости отъ частной предпримчивости, а отъ прямого и косвеннаго правительственнаго покровительства путемъ выдачи премій и ссудъ, установленіемъ покровительственныхъ и запретительныхъ таможенныхъ тари-

¹⁾ Ср. I часть, глава XIII, XIV и XV и мое сочиненіе „Меркантилисты и фیزیократы въ Швеціи въ XVIII ст. (1892 г.).“

февъ и last not least пресловутыми законами о роскоши. Предоставить рѣшеніе вопросовъ объ изданіи таковыхъ законовъ, о принятіи такихъ мѣръ риксдагу значило передать судьбу народнаго хозяйства въ руки класснаго эгоизма. Это воззрѣніе, между прочимъ, нашло яраго защитника въ лицѣ одного изъ членовъ комитета, ассесора Цениуса, который въ особомъ миѣніи, приложенномъ къ протоколу 15 декабря 1810 года, изложилъ цѣлую теорію экономическаго законодательства и опредѣлилъ принципъ, по которому слѣдуетъ разграничить сферу общаго законодательства отъ сферы экономическаго законодательства. „Предметомъ экономическихъ законовъ въ государствѣ, пишетъ Цениусъ, является забота объ упроченіи народнаго благосостоянія такимъ образомъ, чтобы каждому отдѣльному лицу была предоставлена полная возможность—примѣненіемъ своего ума и трудовой силы, не нарушая правъ и интересовъ другихъ лицъ, получать доходъ, и 2) забота о распредѣленіи, поощреніи и охраненіи всѣхъ отраслей промышленности такъ, чтобы не только тѣ отрасли достигли высшей ступени совершенства, которыя служатъ приобрѣтенію и добычѣ необходимыхъ средствъ человѣческаго существованія, но и тѣ, задача которыхъ состоитъ въ обработкѣ сырья, въ распредѣленіи цѣнностей по всей странѣ путемъ обмѣна. Хотя существуютъ такимъ образомъ общіе, сохраняющіе на всегда свое значеніе, принципы, по которымъ должны быть издаваемы экономическіе законы; тѣмъ не менѣе они подвергаются частымъ измѣненіямъ (?), благодаря различію въ естественныхъ условіяхъ развитія народнаго хозяйства въ различныхъ областяхъ страны, благодаря различнымъ условіямъ сбыта и торговымъ сношеніямъ съ другими государствами, различію въ народныхъ обычаяхъ и воззрѣніяхъ, необходимости приурочить ихъ къ особенностямъ того или другого города или провинціи. Отсюда возникаетъ необходимость предоставить изданіе ихъ представителю государ-

ственнаго управленія, стоящему выше индивидуальных и
 классовых интересов, способному свыше обозрѣть и обсу-
 дить связь, существующую между различными отраслями на-
 роднаго хозяйства, и степень вліянія каждой изъ нихъ на
 общее народное благосостояніе; отсюда возникаетъ необхо-
 димость предоставить ему власть и право *организовать* и *ре-
 гулировать* отдѣльныя отрасли хозяйства, смотря по потреб-
 ностямъ времени, мѣста, и издавать соотвѣтствующія пове-
 лѣнія. Задача гражданскихъ законовъ заключается въ охранѣ
 всего того, что находится во владѣніи и собственности каж-
 даго частнаго лица, путемъ разграниченія частно-правовыхъ
 сферъ и путемъ опредѣленія постоянныхъ нормъ, по кото-
 рымъ споры о моемъ и твоёмъ могли бы быть съ точностью
 рѣшаемы. Хотя таковая функція охраненія и регулированія
 права неразрывно связана со всякаго рода законодатель-
 ствомъ въ государствѣ, хотя общее благосостояніе не мыслимо
 безъ этого своего кореннаго условія; тѣмъ не менѣе эконо-
 мическіе законы отличаются отъ гражданскихъ въ томъ от-
 ношеніи, что первые основаны на принципахъ общаго благо-
 состоянія и что законодатель при ихъ примѣненіи долженъ
 обратить вниманіе только на отрицательную сторону пред-
 писаній справедливости, т. е. долженъ наблюдать за тѣмъ,
 чтобы право кого либо не приносилось въ жертву выгодамъ
 другого лица, чтобы эти выгоды не нарушали общихъ, твер-
 дыхъ и неизмѣнныхъ требованій справедливости, чтобы эти
 требованія не ограничивались или отрицались подчиненіемъ
 экономическимъ интересамъ; (которые часто могутъ быть удо-
 вѣтворены только при условіи игнорированія требованій спра-
 ведливости). Изъ этого слѣдуетъ, что гражданскіе и уголов-
 ные законы должны быть тверже и менѣе подвержены измѣ-
 нѣнью, чѣмъ экономическіе законы. Но эти попытки опре-
 дѣлить понятіе „экономическое законодательство“ не могутъ
 быть признаны удачными. Прочность, постоянство, мѣстностью

ограниченное дѣйствіе не являются строго опредѣленными признаками. Законы, касающіеся торговли, фабрикъ, ремесла, лѣснаго и горнаго хозяйства, несомнѣнно суть экономическіе законы и всегда считались таковыми въ Швеціи, и ихъ неизмѣнное примѣненіе можетъ длиться въ теченіе ряда человѣческихъ поколѣній. Эти законы содержатъ въ себѣ общія правовыя правила, слѣдовательно являются законами въ матеріальномъ смыслѣ слова, а не административными распоряженіями; напротивъ изданіе ихъ, служитъ поводомъ къ появленію цѣлаго ряда общихъ и спеціальныхъ административныхъ распоряженій.

Въ 1847 г., въ эпоху, когда шведское народное хозяйство достигло болѣе высокой ступени своего развитія, когда подъ вліяніемъ теоріи экономическаго либерализма и сознанія практическихъ недостатковъ стараго хозяйственнаго строя, связаннаго съ устарѣлыми формами, благодаря правительственной регламентаціи, гильдейскимъ и цеховымъ привилегіямъ, пришлось правительству допустить бѣольшую свободу хозяйственной дѣятельности, въ риксдагѣ снова былъ поднятъ вопросъ объ опредѣленіи точныхъ границъ экономическаго законодательства. Конституціонный комитетъ высказалъ слѣдующее мнѣніе относительно различія между гражданскими законами (издаваемыми по соглашенію короля съ риксдагомъ) и экономическими (издаваемыми королемъ собственною властью): Назначеніе гражданскихъ законовъ, несомнѣнно, состоитъ въ регулированіи юридическихъ отношеній, возникающихъ и развивающихся въ жизни частной, гражданской. Ихъ отличительная черта заключается въ томъ, что они даютъ частному лицу право, которымъ оно по своему усмотрѣнію можетъ пользоваться или отъ котораго, если ему угодно, можетъ отказаться. Напротивъ, предписанія, даваемыя въ силу права экономическаго законодательства, исходятъ изъ мотивовъ (*utgå från motiver*), имѣющихъ въ виду общегосударственный ин-

тересъ) и поэтому предписываютъ обязанности, отъ исполненія которыхъ отказаться никто не можетъ.

Если мы пожелаемъ провести это различіе между двумя сферами положительнаго законодательства на практикѣ, то встрѣтимъ на нашемъ пути непреодолимые препятствія. Такъ какъ въ область функцій законодательной власти входитъ обязанность выступать посредникомъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда должны быть установлены общія гарантіи для пользованія правомъ, когда частныя лица не могутъ рѣшить спора путемъ мирнаго соглашенія, то повелѣнія этого рода; насколько они касаются частной гражданской жизни, должны получить мѣсто въ гражданскомъ правѣ наравнѣ съ правовыми нормами, для укрѣпленія которыхъ они изданы. Вслѣдствіе этого въ каждый гражданскій кодексъ входятъ и общія постановленія, по существу своему административныя или экономическія. Если же, на основаніи основныхъ законовъ, законодательная власть по своей организаціи распадается на двѣ, въ виду различія гражданского и экономического права, то, при рѣшеніи вопроса о подведеніи того или другаго постановленія подъ ту или другую рубрику, нельзя связывать формальнымъ различіемъ двухъ законодательныхъ властей. Если предполагаемый къ изданію новый законъ имѣетъ въ виду права частной гражданской жизни, то вопросъ входитъ въ область дѣйствій гражданской законодательной власти, хотя бы онъ содержалъ повелѣнія общедминистративнаго и экономического характера; если же законъ имѣетъ въ виду рѣшеніе чисто административныхъ вопросовъ, то онъ входитъ въ сферу дѣйствій экономического законодательства". И это опредѣленіе не достигло цѣли, выставивъ въ качествѣ главнаго критерія принадлежности дѣла къ области экономического или гражданского законодательства. растяжимое понятіе: государственной интересъ и обязательное ему служеніе.

Гораздо яснѣе опредѣленіе конституціоннаго комитета

1867 г. Къ тому времени и литература шведскаго государственнаго права высказала сужденіе о значеніи и предѣлахъ эконоимческаго законодательства (литературныя указанія см. ниже), къ этому времени Швеція освободилась отъ столь долго господствовавшихъ взглядовъ меркантилизма, отъ взгляда на народное хозяйство какъ на механизмъ, которымъ государственная власть можетъ управлять по своему усмотрѣнію. Комитетъ 1867 г. старался провести границу между эконоимическими законами и общегражданскими, съ другой стороны границу между первыми и административными распоряженіями. Хотя въ результатѣ онъ высказалъ убѣжденіе, что безспорная граница не можетъ быть проведена, тѣмъ не менѣе, его разсужденіе много содѣйствовало правильному уразумѣнію этой своеобразной части шведскаго публичнаго права. По мнѣнію комитета 1867 г. все, что входитъ въ правовую строй въ строгомъ смыслѣ слова (*sjelfva rättsordning*), и все, что опредѣляетъ объемъ и сферу свободы частныхъ лицъ и гражданско-правовыя отношенія, должно быть предписано правосознаніемъ народа (*folkets rättsmedvetande*); поэтому въ каждомъ конституціонномъ государствѣ народному представительству должно быть предоставлено существенное вліяніе на этого рода законодательство. Но, съ другой стороны, какъ бы широко ни было установлено понятіе гражданскаго права и законовъ, его регулирующихъ и охраняющихъ, въ каждомъ государствѣ съ правильно организованнымъ управленіемъ исполнительной власти должно быть предоставлено право, во имя общегосударственныхъ интересовъ, безъ согласія народнаго представительства, издавать повелѣнія, ограничивающія свободу частныхъ лицъ. Въ свободную сферу управленія безусловно входитъ право издавать регламенты и инструкціи для поддержанія порядка въ строѣ администраціи и для регулированія дѣйствій на различныхъ ступеняхъ административной іерархіи. Что же касается такъ

наз. экономическихъ законовъ, то они занимаютъ среднее мѣсто между гражданскими и уголовными законами съ одной стороны, и административными распоряженіями съ другой. Эти экономическіе законы отличаются отъ административныхъ распоряженій тѣмъ, что они возлагаютъ положительную обязанность на частныхъ лицъ, или же ограничиваютъ осуществленіе признанныхъ закономъ гражданскихъ правъ. Т. е. отъ административныхъ распоряженій экономическіе законы отличаются степенью своей силы, отъ гражданскихъ законовъ — своимъ содержаніемъ. А именно, въ отличие отъ гражданскихъ законовъ, они служатъ тѣмъ цѣлямъ государства, которыя не совпадаютъ съ цѣлью правоохраненія. Смотри потому, является ли содержаніемъ экономического закона ограниченіе частнаго права, или регулированіе дѣятельности органовъ исполнительной власти, экономическіе законы приближаются къ гражданскимъ законамъ или къ административнымъ распоряженіямъ и полицейскимъ предписаніямъ. Часто приходится включать въ гражданскіе законы повелѣнія, имѣющія характеръ административныхъ предписаній, и на оборотъ въ составъ экономическихъ законовъ часто входятъ гражданско-правовыя нормы. Измѣненіе въ сферахъ экономического или гражданского законодательства зависитъ отъ развитія общества и разъясненія принциповъ правительственной дѣятельности. Многое, что прежде регулировалось экономическимъ законодательствомъ, теперь опредѣляется нормами гражданского права; на оборотъ многое, что почиталось неизмѣнною принадлежностью гражданского права, превратилось въ объектъ дѣятельности управленія и экономического законодательства. На риксдагахъ 1869, 1884, 1885, 1886 и 1889—1890 гг. болѣе не поднимался вопросъ о разграниченіи сферы гражданского и экономического законодательствъ, но за то партія демократическая старалась убѣдить риксдагъ въ необходимости упразднить пре-

рогативу короля издавать экономическіе законы собственною властью, безъ испрошенія согласія народнаго представительства. Съ политическими взглядами радикаловъ, какъ извѣстно, не вяжется самостоятельность королевской власти; даже узкая сфера королевскихъ прерогативъ въ Норвегіи не по вкусу демократамъ. Проекты радикаловъ не встрѣтили сочувствія, а теперь, послѣ побѣды консервативной и умѣренно-либеральной партій (осенью 1893 г.), они менѣе чѣмъ прежде могутъ ожидать своего осуществленія. Но и вопросъ о границахъ экономическаго законодательства остался неразрѣшеннымъ. Тѣ, отъ которыхъ зависитъ аутентическая интерпретація смысла законовъ, король и риксдагъ, не дали твердаго, точнаго отвѣта. Наука же, въ лицѣ представителей шведскаго государственнаго права, видя не возможность подвести своеобразное понятіе „экономическій законъ“ подъ одну изъ рубрикъ, принятыхъ въ системахъ общаго и положительнаго государственнаго права, обратилась къ прецедентамъ: она старается изучить въ подробности исторію взаимныхъ отношеній „двухъ властей“, при рѣшеніи вопросовъ, въ которыхъ выступали „государственные интересы“ и „особенности мѣстности“ и вывести индуктивнымъ путемъ границу права экономическаго законодательства ¹⁾).

Но отвѣты исторіи весьма противорѣчивы. Прецеденты говорятъ и въ пользу широкой самостоятельности короля, и въ пользу конкurreнціи риксдага. Рѣшающую роль играло

¹⁾ Такъ поступаетъ Науманъ и такъ же Тулинъ, авторъ новѣйшей монографіи о правѣ экономическаго законодательства. До него разсмотрѣнъ этотъ вопросъ въ слѣдующихъ трудахъ: Palmén. Rättshistorisk tolkning af ordet lag i §§ 40—43 1809 års regeringsform—въ журналѣ юридическаго общества въ Финляндіи I 1865 г. (Juridiska Föreningens i Finland tidskrift); Posse: Bidrag till Svenska Lagstiftningens historia från slutet af 16 de arhundradet till stadfästelsen af 1734 års lag. 1850. Ryd in Ekonomisk Lag въ Nordisk Familjebok; статьи Rabenius 'а младшаго: Om förvaltningsrättens begrepp въ Naumanns Tidskrift XI и еро же „Om den administrativa rättskipningen“ въ журналахъ 2 собранія сѣверныхъ юристовъ (2 dra nordiska juristmötes förhandlingar 1875).

фактическое соотношение силъ двухъ властей. Сфера экономического законодательства съуживалась въ эпоху упадка силъ королевской власти; она расширялась далеко за предѣлы народнаго хозяйства въ періоды сильнаго личнаго королевскаго управленія. Швеція пережила эпоху „свободы“, т. е. подчиненія короля рѣшеніямъ Государственнаго совѣта, секретнаго комитета и земскихъ чиновъ—эпоху, когда эти представители свободныхъ шведовъ входили въ малѣйшія детали государственнаго управленія; но она не знала періода, когда какъ въ абсолютныхъ монархіяхъ континента, каждое велѣніе короля, каждое его предписаніе eo ipso имѣло *legis vigorem*. (Періодъ военнаго управленія Карла XII не можетъ быть принятъ во вниманіе). Даже ненавистный аристократіи представитель и основатель единовластія, Карлъ XI, въ своихъ повелѣніяхъ доходилъ только до тѣхъ предѣловъ, за которыми начиналось „древнее право шведовъ облагать себя налогами“, т. е. право пріобщенія личныхъ и матеріальныхъ силъ народа къ служенію тому или другому интересу государства не входило въ предѣлы королевской прерогативы. Экономическіе законы королей не могли налагать на шведовъ новыхъ налоговъ или повинностей; это положеніе ставило и ставило королю матеріальныя границы при примѣненіи права экономического законодательства. Но разъ приведеніе въ исполненіе изданнаго экономического закона не требовало новыхъ денежныхъ или личныхъ средствъ со стороны подданныхъ; разъ король, при пользованіи своей прерогативой, сообразовался съ наличными, введенными въ штатъ суммами и установленною мѣрою повинностей,—то онъ въ эпоху королевскаго полновластія дѣйствовалъ вполне свободно. Онъ издавалъ регламенты для регулированія торговли, промышленности, земледѣлія, строилъ мосты, гати, каналы, гавани; устанавливалъ порядокъ призрѣнія бѣдныхъ сиротъ, увѣчныхъ, давалъ рыночныя законы, уставы строительные и

пожарные, судоходные, законы против роскоши и распутства, и въ формѣ этихъ регламентовъ и уставовъ часто издавались положительныя правовыя нормы, ограничивавшія права частныхъ лицъ и привилегіи сословій. Нѣмецкій юристъ Р. Зомъ ¹⁾ говоритъ о старинномъ правѣ германскихъ королей—въ силу своихъ „Bannrechte“ издавать правовыя предписанія (Rechtsvorschriften) съ обязательною для всѣхъ силою; онъ называетъ это право королей „Das allgemeine Surrogat der gesetzgebenden Gewalt“. Этотъ суррогатъ законодательной власти, признанный и въ Швеціи, имѣлъ въ ней фактически, какъ мы замѣтили выше, только матеріальную границу—предоставленныя королю закономъ и сеймомъ денежныя суммы и размѣръ повинностей. Формальная отрицательная граница—не касаться того, что внесено въ кодексъ 1734 г.,—ни въ 18 столѣтіи, ни въ 19 ст. не имѣла рѣшающаго значенія. Всѣ вопросы, рѣшенные отдѣлами кодекса 1734 г., носящими названіе „Giftermålsbalken (брачныя законы), Ärfdebalken (законы о наслѣдствѣ), Straffbalken (уложеніе о наказаніяхъ), Rättegångs balken (уставъ объ уголовномъ и гражданскомъ судопроизводствѣ), конечно были фактически изъяты изъ сферы королевской прерогативы; но всѣ другіе отдѣлы никогда фактически не состояли внѣ этой сферы. Jordobalken, регулируетъ право поземельной собственности, но король собственною властью издалъ законъ о раздробленіи поземельныхъ участковъ и объ отмежеваніи гейматовъ (1827, 1864, 1881 гг.); Handelsbalken регулируетъ торговое право и юридическія отношенія, возникающія въ области торговли, а между тѣмъ цѣлый рядъ законовъ и регламентовъ относительно торговли стапельныхъ и нестапельныхъ городовъ, оптовой и мелочной торговли, сельской торговли, рынковъ, мѣръ и вѣсовъ изданы королемъ въ силу права эконо-

¹⁾ R. Sohm, Fränkische Reichs—und Gerichtsverfassung 106, 138.

номическаго законодательства; Byggningsbalken—общій уставъ строительный, но уже комитеты 1809 г и 1847 г. опредѣлили право короля измѣнять отдѣльныя постановленія собственною властью. Король издалъ собственною властью законъ о преслѣдованіи бродягъ (1827 г.), о наймѣ прислуги (1833 г.), уставъ школьный, о призрѣніи бѣдныхъ; наконецъ въ 1862—1865 гг. важные законы объ организаціи мѣстнаго самоуправленія въ столицѣ, городахъ и селахъ изданы королемъ на основаніи его права экономическаго законодательства! Нельзя не признать, что законодательныя функціи короля въ Швеціи шире, чѣмъ въ какомъ либо другомъ конституціонномъ государствѣ, и что онъ не только глава исполнительной власти, но что въ его рукахъ сосредоточено достаточно силы для глубокаго воздѣйствія на государственное управленіе въ широкомъ смыслѣ слова! Въ теченіе второй половины 19 столѣтія король фактически уступалъ желанію риксдага участвовать въ установленіи содержанія такъ наз. экономическихъ законовъ, и не только выслушивалъ и принималъ желанія и проекты риксдага, но прямо вносилъ проекты на разсмотрѣніе и вотированіе риксдага, проекты касающіеся вопросовъ, входившихъ всегда въ сферу экономическаго законодательства. Этимъ онъ предупреждалъ столкновенія со второй государственною властью, помогавшеюся болѣе широкаго воздѣйствія на управленіе ¹⁾. Для иллюстраціи значенія права экономическаго законодательства въ Швеціи, обратимся къ разсмотрѣнію такъ наз. экономическихъ зако-

¹⁾ Фактически право экономическаго законодательства король ограничиваетъ постановленіемъ ф. правленія 1809 г. (ст. 60), запрещающимъ учрежденіе монополій въ пользу короны, корпорацій и частныхъ лицъ, т. е. запрещающимъ употребленіе любимнаго средства меркантилизма къ поощренію отечественной торговли и промышленности. Ст. 60 гласитъ (переводъ Шуберта) Eben so wenig darf der König die Einkünfte des Staates verpachten, oder zum Gewinn für sich, für die Krone oder einzelne Personen und Corporationen, irgend welche Monopole errichten.

новъ въ Норвегіи и Даніи и приведемъ для сравненія постановленія конституціи Пруссіи и основныхъ законовъ Англіи о прерогативахъ короля, а затѣмъ обратимся къ вопросу о томъ, насколько широта функцій королевской власти въ Швеціи имѣетъ вліяніе на права короля, какъ субъекта финансоваго верховенства и главы финансоваго управленія ¹⁾

Король Норвегіи (конституція которой 17 мая 1814 г., дополненная въ 1814 г. и 14 ноября 1869 г., составлена отчасти по образцу знаменитыхъ конституцій французской 1791 и испанской 1812 г.) признается главою исполнительной власти („den utøvende Magt er hos kongen); его законодательныя функціи довольно ограничены, онъ имѣетъ только условное veto по отношенію къ постановленіямъ сейма ²⁾. Но

¹⁾ Friedrich Stange. Systematiske Fremstilling af kongeriket Norges Konstitutionelle eller grundlovbestemte Ret. Aschehoug. Das Staatsrecht v. Norwegen. Holk. Den danske Statsforfatningsrett. 1869. Goos und Hansen Staatsrecht des Königreichs Dänemark. H. Schulze. Das preussische Staatsrecht etc. I, II. 1872. Gneist. Das englische Verwaltungsrecht der Gegenwart etc. 3 te Auflage II. 1884.

²⁾ Впрочемъ король вовсе не такъ безусловно подчиненъ повтореннымъ рѣшеніемъ Стортинга, какъ то обыкновенно полагаютъ. У Demombyne'a стр. 157. не совершенно точно сказано: „Lorsqu'un projet de loi a été approuvé, soit successivement par les deux chambres, soit par le Storthing réuni, il est présenté au roi ou à la régence afin d'obtenir la sanction du Roi. Celui ci peut opposer son veto, et le Storthing, alors assemblé ne peut plus lui présenter la même résolution. Le Roi peut encore opposer son veto lorsque la résolution lui sera de nouveau présentée par le Storthing ordinaire suivant. Mais si le troisième Storthing ordinaire persiste et présente encore la même résolution votée par lui sans changement, elle aura force de loi malgré le refus de la sanction royale“. Если бы это было дѣйствительно такъ, то стояло бы одному и тому же стортингу въ трехъ ординарныхъ сессіяхъ повторять одно и тоже постановленіе, и король былъ бы безусловно связанъ. Фактически существующій порядокъ нѣсколько иной.

Согласно статьѣ 79 основнаго закона (редакція 1869 г.) „если какое либо постановленіе принимается безъ всякихъ измѣненій тремя очередными стортингами, составленными на основаніи 3 различныхъ, другъ за другомъ слѣдовавшихъ, выборовъ, и если эти стортинги отдѣлены другъ отъ друга по крайней мѣрѣ 2 очередными стортингами; если при томъ въ промежуточное между первымъ и послѣднимъ принятіемъ предложенія время не послѣдовало какого либо

король, въ качествѣ главы исполнительной власти, имѣетъ право издавать распоряженія (förfordningar) при условіяхъ, изложенныхъ въ §§ 92—101 основныхъ законовъ. Ст. 17 О. З. гласитъ: „король можетъ издать постановленія, касающіяся торговли, таможенъ, различныхъ отраслей промышленности и полиціи, (Kongen kan give og orphaeve anordningar, der angaaer Handel, Told, Næringsveie og Politie), и отмѣнять таковыя“. Но его распоряженія не должны противорѣчить ни конституціи, ни изданнымъ съ согласія стортинга, законамъ. Распоряженія короля имѣютъ силу до слѣдующаго стортинга“. Кромѣ этихъ ограниченій распорядительной власти короля ст. 101 вводитъ еще одно: „Новыя и постоянныя ограниченія свободы промышленности не должны быть устанавливаемы“. Повелѣнія короля, касающіяся указанныхъ выше предметовъ, носятъ названіе распоряженій, но не законовъ, какъ въ Швеціи и имѣютъ только временную силу. При этомъ они не должны противорѣчить законамъ, изданнымъ стортингомъ. Это ограниченіе имѣетъ громадное значеніе, потому что законодательство, въ строгомъ, формальномъ смыслѣ слова, не ограничено какой либо категоріей юридическихъ отношеній, какъ въ Швеціи. Напротивъ каждое гражданско-правовое или публично-правовое отношеніе можетъ быть нормируемо формальнымъ закономъ, разъ конституція его не изъяла изъ сферы взаимнаго соглашенія стортинга и короля. Что касается матеріальнаго ограниченія экономическо-распорядительной функціи короля, то нельзя не замѣтить, что два изъ понятій употребляемыхъ конституціей: „Nærings veie og Politie“ (дословный переводъ: пути къ пропитанію и поли-

другаго рѣшенія, то постановленіе становится закономъ, если даже санкція короля не послѣдуетъ до закрытія стортинга“. Слѣдовательно, для преодоленія воли короля необходимо согласіе трехъ, по составу могущихъ быть совершенно различными, стортинговъ, причемъ всѣ стортинги во всѣхъ сессіяхъ должны держаться неизмѣнно одного и того же мнѣнія.

ція) весьма растяжимы. Законъ нигдѣ не говоритъ о томъ, что понимать подъ словомъ „полиція“. Ашехугъ утверждаетъ что подъ этимъ словомъ въ Норвегіи понимается забота правительства объ обеспеченіи безопасности, нравственности, народнаго здравія и ви́шняго порядка. Но юридически король вовсе не ограниченъ этими предѣлами; законъ не запрещаетъ ему примѣнять слово полиція въ широкомъ смыслѣ 17 столѣтія. Заботы о путяхъ и средствахъ къ пропитанію (Næringsveie) прямо относятся къ области полиціи благосостоянія, а не безопасности. Затѣмъ, король имѣетъ право издавать постановленія относительно таможенъ и таможенныхъ пошлинъ, приостанавливать ихъ взиманіе, понижать ихъ; понижать сборы ластовые, маячные, лоцманскіе. (Всѣ эти сборы въ Норвегіи входятъ въ категорію told, таможенная пошлина, соотвѣтствующая шведской tull). Изъ этихъ указаній видно, что и въ Норвегіи граница между законами въ истинномъ смыслѣ слова, т. е. содержащими въ себѣ общее правовое правило, и законами спеціальными, а также административными распоряженіями (въ формальномъ смыслѣ слова) не ясно проведена. Если же пререканій между королемъ и стортингомъ по этому поводу не бывало, или они бывали очень рѣдко, то это только потому, что административныя распоряженія короля имѣютъ лишь провизорный характеръ. Стортингъ, пользуясь отсутствіемъ конституціонной границы законодательства, стремится нормировать по возможности всѣ сколько нибудь важныя отношенія общественной жизни формальными законами.

Несравненно яснѣе, чѣмъ въ Швеціи и Норвегіи, поставленъ вопросъ о разграниченіи сферъ законодательства и управленія въ Даніи, въ которой съ 1660—1831 г. существовала дѣйствительно абсолютная власть, основанная на знаменитомъ въ исторіи скандинавскихъ государствъ королевскомъ законѣ (Kongeloven). На основаніи „пересмотрѣннаго основ-

наго закона датскаго королевства" 5 іюня 1849 г. (§§ 8—12, 32, 33, 40, 47—49, 51, 58, 70, 71, 75, 79, 81, 82, 83, 84, 90, 91, 93) въ область законодательства входитъ цѣлый рядъ предметовъ, нормируемыхъ въ Швеціи экономическими, а въ Норвегіи провизорными распоряженіями; а именно: кромѣ постановленій объ организаціи правительства, опредѣленія *liste civile*, отвѣтственности министровъ, выборовъ въ Фолкетингъ и Ландстингъ и т. д., взиманій податей, сборовъ рекрутъ, заключеній займовъ, продажъ государственнаго имущества; установленіи бюджета, дарованіи индигената, организаціи судебной власти, административной юстиціи, отдѣленія суда отъ администраціи, организаціи государственной церкви, экспроприаціи частной собственности, также всѣ постановленія объ регулированіи промышленности, организаціи строя призрѣнія бѣдныхъ, самоуправленія общинъ, торговли, и т. д. Всѣ эти вопросы, произвольное рѣшеніе которыхъ въ прежнее время, въ эпоху абсолютизма, вызывало часто жалобы и обвиненія въ пристрастіи, могутъ быть рѣшены только посредствомъ „lov“, закона. Но и датское государственное право знаетъ средство, въ силу котораго король, глава исполнительной власти, „*udøvende Magt*“, можетъ выйти далеко за предѣлы простаго исполненія. Въ случаѣ особенной необходимости, не нарушая постановленій основнаго закона, король можетъ издать „*förelöbige Love*“, временные законы, которыхъ окончательное утвержденіе зависитъ отъ риксдага. Эти провизорные законы, какъ и экономическіе законы въ Швеціи, не суть административныя распоряженія, которымъ только данъ *epitheton organans* „закона“,—они дѣйствительно законы, результатъ осуществленія королемъ самостоятельной законодательной власти, и потому подлежащіе исполненію какъ органами администраціи, такъ и подданными. Эти провизорные законы не имѣютъ строго ограниченной сферы объектовъ, но фактически коснулись и касаются экономиче-

скихъ и финансовыхъ вопросовъ, какъ то: таможенныхъ пошлинъ, способовъ раскладки и взиманія налоговъ, заключенія займовъ, заключенія торговыхъ конвенцій, изданія ж. д. концессій. Съ помощью провизорныхъ законовъ въ Даніи даже неоднократно октроировался бюджетъ (1853, 1877, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 гг., въ эпоху все еще длящагося конфликта), чего въ Швеціи никогда не бывало.

И такъ, въ 3 скандинавскихъ государствахъ вопросы экономическіе, вопросы объ условіяхъ обезпеченія развитія народнаго хозяйства, послужили поводомъ къ установленію совершенно своеобразныхъ границъ административныхъ функций короля и его участія въ осуществленіи законодательной функции. Швеція, не знавшая перелома въ исторіи развитія своихъ государственныхъ учреждений, поздно и медленно достигшая твердыхъ формъ народнаго хозяйства, въ болѣе сильной степени сохранила широкую власть древне-германскаго *Volkskönig'a*. Норвегія, исторія которой движеніемъ 1814 г. раздѣлена на двѣ рѣзко другъ отъ друга отдѣленныя половины, давно опредѣлившая характеръ своего хозяйства, одностороннимъ развитіемъ торговли и промышленности, сократила до минимума прерогативы короля. Наконецъ Данія, не знавшая въ своей исторіи государственнаго переворота, въ родѣ норвежскаго 1814 г., но и не сохранившая свои государственныхъ учрежденія, подобно Швеціи, видѣвшая быстрое развитіе своего народнаго хозяйства и усиленіе значенія класса среднихъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, промышленниковъ и торговцевъ, колеблется между подчиненіемъ парламентскому режиму и подчиненіемъ претензіи королевской власти на высшее руководство всѣмъ государственнымъ управленіемъ. Ниже, при сравненіи бюджетнаго права Швеціи, Норвегіи и Даніи, мы увидимъ, что это различное рѣшеніе вопроса о соотношеніи короля и народнаго представительства кладетъ свой рѣзкій отпечатокъ на юридическій характеръ бюджета

и финансовой администраціи. Ни въ одномъ изъ другихъ конституціонныхъ государствъ Западной Европы мы не встрѣчаемъ этой своеобразной категоріи провизорныхъ экономическихъ распоряженій, провизорныхъ экономическихъ законовъ и окончательныхъ экономическихъ законовъ. Въ Швеціи администрація вторгается въ сферу законодательства и установленіе главнѣйшихъ нормъ административнаго права лежитъ въ рукахъ главы управленія, короля. Въ Англіи, идеальной странѣ конституціонализма, мы видимъ прямо противоположное явленіе. Гнейстъ ¹⁾ говоритъ „Отличительнѣйшею своеобразностью англійскаго административнаго права является безмѣрное расширеніе законодательства, вторженіе его въ предѣлы управленія“. Всѣ тѣ условія, которыя, по мнѣнію Гнейста, повліяли на это постепенное расширеніе сферы законодательства, сводятся къ одному главному: стремленію экономически—сильныхъ классовъ, представителями которыхъ являются палаты лордовъ и общинъ, обезпечить за собою вліяніе на организацію экономическихъ отношеній. Англійское народное хозяйство сравнительно рано достигло высшей ступени развитія, и установившіяся формы его соотвѣтствовали интересамъ правящихъ классовъ. Допустить самостоятельное вторженіе короля въ эту сферу живыхъ интересовъ было бы съ ихъ стороны посягательствомъ на основы собственнаго своего хозяйственнаго быта

Въ шведской конституціи прямо сказано: „королю слѣдуетъ управлять государствомъ,—ему одному, никому другому“. Уже въ первомъ томѣ нашего труда намъ приходилось говорить о томъ, что эти слова не пустая фраза. Въ Англіи, гдѣ значеніе королевскаго сана и королевской власти опредѣляется Блэкстономъ высокопарными выраженіями: „Personal sovereignty, absolute perfection, political perpetuity“,

¹⁾ L. c. I. § 12. Das Verhältniss v Gesetz und Verordnung.

гдѣ говорится, что вся исполнительная власть, для охраненія ея единства, силы, быстроты дѣйствій, вложена въ руки короля, управляютъ государствомъ: кабинетъ, парламентъ, органы мѣстнаго управленія, но никакъ не король. И англійская королевская власть и ея государственныя учрежденія—германскаго, даже, отчасти, скандинавскаго происхожденія, и она гордится преемственностью развитія своихъ учреждений, но результаты этого развитія прямо противоположны тѣмъ, которыхъ достигла Швеція. Да и не только въ Англіи, гдѣ король, при всемъ глубокомъ уваженіи къ его сану, отступаетъ передъ всеобъемлющимъ парламентскимъ управленіемъ, и въ Пруссіи—государствѣ, о которомъ говорятъ, что оно сохранило истинно монархическую власть, а не призракъ ея—и въ Пруссіи мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго прерогативамъ шведскаго короля. Сущность и предѣлы королевской власти по нѣмецкимъ правовымъ понятіямъ опредѣляются принципами: *Nihil aliud potest rex, nisi id solum, quod de jure potest* и *rex debet esse sub lege, quia lex facit regem*. Эти принципы признаются и шведскимъ государственнымъ правомъ, но приводятъ къ совершенно инымъ послѣдствіямъ. Шведскій король есть „высшій охранитель мира и права“. Нарушеніе земскаго права и мира было бы противорѣчіемъ существу королевской власти. Лех, будь это писанный законъ, или норма обычнаго права, стоитъ внѣ сферы свободныхъ распоряженій короля. Но изъ этого положенія шведское государственное право дѣлаетъ рядъ выводовъ, къ которымъ не приходитъ прусская конституція. Король Швеціи охраняетъ миръ и право противъ всѣхъ, противъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, противъ частныхъ лицъ, корпорацій, сословій; во имя своей охранительной функціи онъ можетъ и долженъ противоудѣйствовать рѣшеніямъ другой власти, если она грозитъ нарушить миръ и право. Во имя своей обязанности охранять миръ и право шведскіе короли 55 лѣтъ

противоставляли свое veto всѣмъ проектамъ измѣненія формы, народного представительства и не ранѣе допустили реформу, какъ по реорганизаціи (замѣтимъ собственною властью короля безъ согласія риксдага) мѣстнаго управленія. Во имя этой охранительной функціи король Оскаръ II утвердилъ постановленіе риксдага объ обложеніи иноземнаго хлѣба таможенною пошлиною только тогда, когда убѣдился самъ въ томъ, что большинство Шведовъ желаетъ перехода къ покровительственной системѣ¹⁾. Монархическій принципъ въ правомѣрномъ государствѣ, по словамъ Шульце (I. с. I, 158), требуетъ „соединенія всей государственной власти и права ея осуществленія въ лицѣ главы государства; онъ требуетъ, чтобы ни одна функція государственной власти не была отдѣлена отъ монархическаго центра, чтобы въ отношеніи всѣхъ государственныхъ дѣлъ ничего не совершалось безъ согласія монарха, ничего противъ его воли“.

„По государственному праву Пруссіи король глава законодательства и исполненія, высшій органъ единой государственной власти“. Несмотря на то, что слѣдовательно ни одна область государственнаго управленія не изъята изъ сферы воздѣйствія короля, что нельзя говорить о прерогативахъ короля, о „Reservatrechte der Krone“,—король Пруссіи болѣе

¹⁾ При осуществленіи своего права управленія король Швеціи обязанъ руководствоваться только слѣдующими требованіями основнаго закона (переводъ Шуберта), ст. 16. „Der König muss, was recht und wahr ist, befördern, Falschheit und Unrecht hindern und verbieten, keinen verderben, noch am Leben, Ehre, persönlicher Freiheit und Wohlfahrt Jemanden, ohne gesetzmässig überführt und gerichtet zu sein, verderben lassen, auch keinem weder bewegliche noch unbewegliche Güter ohne Untersuchung und Urtheil, in der Ordnung, so wie es Schwedens Gesetz und gesetzmässige Verordnungen vorschreiben entziehen, noch entziehen lassen; Niemandes Frieden in dessen Hause stören oder stören lassen, Niemandes Gewissen zwingen noch zwingen lassen, sondern einen Jeden bei freier Ausübung seiner Religion schützen, in sofern er dadurch nicht die öffentliche Ruhe stört, oder sich kein allgemeines Ärgerniss zu Schulden kommen lässt. Der König lässt einen Jeden vor demjenigen Tribunal richten, unter welches er rechtlich gehört und dem er zu gehorchen hat.“

ограниченъ, чѣмъ король Швеціи, прерогативамъ котораго противопоставляется прерогатива риксдага. Если бы король въ Пруссіи вздумалъ воспользоваться древнегерманскимъ суррогатомъ законодательства, своимъ королевскимъ „*Bannrecht*“, то онъ какъ въ 1861—1866 гг., вступилъ бы въ конфликтъ съ народнымъ представительствомъ, благодаря тому что ст. 62 прусской конституціи предоставляетъ ландтагу право принимать участіе при рѣшеніи всякаго рода законодательныхъ вопросовъ ¹⁾. Король въ Пруссіи имѣетъ право санкціи законовъ и право абсолютнаго veto, онъ издаетъ общія административныя распоряженія для исполненія закона; но только въ случаѣ крайней нужды ему предоставлено право издавать распоряженія, имѣющія значеніе закона, такъ наз. *Nothverordnung* n, *Verordnungen mit Gesetzeskraft* ²⁾.

Мы сдѣлали эти сопоставленія конституціонныхъ ограниченій королевскаго распорядительнаго права для того, чтобы ярче выставить своеобразное положеніе короля въ государственномъ строѣ Швеціи. Благодаря тому, что шведскій король не только издаетъ общія и спеціальныя исполнительныя распоряженія (*allgemeine und specielle Vollzugsverordnungen*) или чрезвычайныя распоряженія въ случаяхъ крайней

¹⁾ По проекту закона о сословномъ представительствѣ Пруссіи 1815 г. 22 мая, функціи его ограничивались совѣщаніемъ по законодательнымъ вопросамъ, касающимся личныхъ и имущественныхъ правъ подданныхъ и налоговъ, т. е. сфера правомочій ландтага была бы не шире, чѣмъ въ Швеціи и въ нѣкоторыхъ южно-германскихъ государствахъ.

²⁾ § 63, главы V конституціи 1850 г. гласитъ „Nur in dem Falle wenn die Anfechtung der öffentlichen Sicherheit oder die Beseitigung eines ungewöhnlichen Nothstandes es dringend erfordert, können, insofern die Kammern nicht versammelt sind, —unter Verantwortlichkeit des gesammten Staatsministeriums Verordnungen, die der Verfassung nicht züwider laufen, mit Gesetzeskraft erlassen werden, dieselben sind aber den Kammern bei ihrem nächsten Zusammentritt zur Genehmigung sofort vorzulegen“. Следовательно только при условіи „aussergewöhnlicher Nothstand“ прусскій король пользуется правомъ, которое предоставлено королямъ Даніи и Норвегіи даже при обыкновенномъ положеніи дѣлъ.

необходимости, но и имѣть самостоятельную сферу свободнаго законодательства,—онъ дѣйствительно является властью управляющею (*en stygande makt*); про него можно сказать *il règne et il gouverne*". Широкія прерогативы короля въ области законодательства и администраціи обуславливаютъ собою и широту правъ его, какъ субъекта финансоваго верховенства. Обратимся къ этимъ его правамъ, надѣясь что читатели не напши излишнимъ наше отступленіе, содержаніемъ котораго была характеристика права экономическаго законодательства.

Науманъ называетъ права короля въ области финансоваго управленія общимъ именемъ „королевскаго права надзора за финансами королевства“ (*konungens rätt till uppsigt öfver rikets finanser*). Посмотримъ, можемъ ли мы финансовую власть короля называть—исключительно властью надзора?

О финансовой власти короля говорится въ ст.: 58—80 ф. правленія 1809 г. Эти статьи слѣдуютъ непосредственно за ст. 57, гласящей: „Древнее право шведскаго народа облагать себя налогами осуществляется только риксдагомъ“. Но если мы сдѣлали бы отсюда выводъ, что король, глава управленія, въ отношеніи матеріальныхъ силъ и средствъ, необходимыхъ для выполненія задачъ управленія, зависитъ вполне отъ ежегодно вотируемыхъ риксдагомъ денежныхъ суммъ, то этотъ выводъ былъ бы ошибочнымъ. Мы увидимъ ниже, что риксдагъ не имѣетъ права отказать въ ассигнованіи суммъ на удовлетвореніе государственныхъ потребностей, не только потребностей ординарныхъ, но и экстраординарныхъ. Согласно ст. 58, король при открытіи сессіи риксдага поручаетъ члену своего совѣта, завѣдывающему финансовымъ департаментомъ, внести „обзоръ о состояніи финансовъ во всѣхъ ихъ частяхъ, какъ относительно доходовъ, такъ и относительно расходовъ“. Этотъ обзоръ передается на разсмотрѣ-

ніе бюджетнаго комитета (о функціях котораго рѣчь будетъ въ слѣдующей главѣ). Этотъ обзоръ не имѣетъ значенія отчета короля риксдагу о способѣ употребленія государственныхъ средствъ и силъ на исполненіе государственныхъ задачъ. (Отчеты объ исполнительныхъ смѣтахъ поступаютъ къ ревизорамъ риксдага непосредственно изъ Статсъ-конторы). Въ немъ мы находимъ изложеніе мнѣнія короля о подлежащихъ въ слѣдующемъ году исполненію задачахъ и о томъ, какими путями и средствами (на основаніи какихъ уже дѣйствующихъ законовъ или же на основаніи какихъ приближительныхъ расчетовъ) получить необходимыя для ихъ исполненія денежныя суммы. Этотъ обзоръ становится основою сопоставленія бюджетныхъ цифръ, причемъ ни одинъ изъ титуловъ или статей такъ наз. ординарнаго бюджета доходовъ и расходовъ не можетъ быть измѣненъ безъ согласія короля, а противъ измѣненія титуловъ и статей чрезвычайнаго бюджета король можетъ протестовать и требовать новаго разсмотрѣнія. Такъ какъ право распоряжаться ординарными доходами (*ordinarie inkomster*), появившимися постепенно въ качествѣ дополненія къ недостаточнымъ доходамъ отъ *Ursala öde* (старинныхъ коронныхъ земель), всегда считалось органическою частью королевской прерогативы, и такъ какъ обязанность покрывать расходы на необходимыя государственныя учрежденія (*anstalter*) считается одной изъ коренныхъ обязанностей короля, какъ высшаго охранителя права и мира, то консолидированная часть бюджета (основывающаяся на росписи 1694 г., составленной Карломъ XI) изъята изъ области свободнаго опредѣленія бюджетныхъ суммъ. Но такъ наз. *bevillningar* (ассигнованія) имѣютъ значеніе добровольнаго пожертвованія шведскаго народа (подобно *bevolences* палаты коммонеровъ въ Англіи) для цѣлей и задачъ, необходимость которыхъ признана и королемъ и риксдагомъ.

Сумма этихъ пожертвованій опредѣляется народнымъ представительствомъ (I и II палатой, которыя вполнѣ равноправны), которое по возможности придерживается расчетовъ королевской „пропозиціи“. Король имѣетъ право протеста въ двухъ случаяхъ: 1) если ассигнованная риксдагомъ сумма превышаетъ необходимый, по его мнѣнію, размѣръ, т. е. если онъ опасается чрезмѣрнаго отягощенія народа, 2) если риксдагъ связываетъ вотированіе опредѣленной суммы съ какимъ либо условіемъ, не вполнѣ тождественнымъ съ цѣлью назначенія, съ подлежащимъ исполненію расходомъ. Всякое вотированіе так. наз. *tacking bills* (*berackte Voten*, употребляя выраженіе англійскаго бюджетнаго права) неумѣстно и считается вторженіемъ риксдага въ правовую сферу короля, управляющаго „аллена“ государствомъ. Только цифровое опредѣленіе потребностей банка, комиссіи погашенія и самого риксдага совершается безъ всякаго участія короля. Онъ получаетъ только увѣдомленіе объ ассигнованіяхъ этого рода. Слѣдовательно, первая функція короля, какъ субъекта финансоваго верховенства, заключается въ начертаніи финансоваго плана, т. е. опредѣленіи постоянныхъ и твердыхъ основъ для установленія баланса въ государственномъ хозяйствѣ, путемъ согласованія источниковъ доходовъ и статей расходовъ. Второй функціей является составленіе проекта исполненія финансоваго плана, насколько это исполненіе можетъ быть введено въ предѣлы опредѣленнаго, т. е. бюджетнаго періода. Исполняя эти двѣ функціи король выступаетъ т. ск., въ качествѣ верховнаго распорядителя финансами.

Такъ какъ король обязанъ заботиться объ отраженіи всякихъ опасностей, грозящихъ или могущихъ грозить государству и народу, внѣшнему миру, внутреннему спокойствію, народному благосостоянію, здравью, и т. д., то въ его рукахъ находится распоряженіе чрезвычайными средствами, такъ наз. двумя кредитивами, большимъ и малымъ. О спе-

ціальному назначеніи каждаго изъ нихъ мы говорили въ I томѣ (стр. 838), о порядкѣ ихъ вотиrowанія рѣчь будетъ ниже¹⁾.

Четвертая функція короля, какъ субъекта финансоваго верховенства, заключается въ высшемъ распоряженіи ассигнованными по соглашенію съ риксдагомъ суммами, наблюденіи за тѣмъ, чтобы доходы изъ установленныхъ источниковъ извлекались законнымъ путемъ и чтобы всѣ расходы были открыты, на основаніи тѣхъ законовъ, въ силу которыхъ они вносятся въ бюджетъ, а также на основаніи ежегоднаго соглашенія съ риксдагомъ. Ст. 64 и 65 ф. пр. 1809 г. гласятъ: „Какъ ординарные государственные доходы (*riketsordinarie statsmedel*) и средства, такъ и тѣ суммы, которыя вносятся въ роспись установленнымъ образомъ риксдагомъ подъ названіемъ чрезвычайныхъ налоговъ или ассигнованій для пополненія государственныхъ доходовъ—находятся въ распоряженіи короля (*vare under Konungens disposition*), дабы онѣ, т. е. суммы, были употреблены на признанныя риксдагомъ потребности и согласно установленному штату. (*att till de af riksdagen pröfvade behof och efter den upprättade riksstaten anordnas*). Государственные средства не должны быть упо-

¹⁾ О двухъ кредитивахъ, которые теперь открываются не въ банкѣ, а въ государственной комиссіи погашенія долговъ, въ ф. правленія 1809 г. сказано (изд. Шуберта) ст. 63 „Ausserdem (т. е. за опредѣленіемъ т. н. ординарныхъ доходовъ и экстраординарныхъ *bevillningar*) müssen für unvorhergesehene Zufälle zwei besondere hinreichende Summen angesetzt und veranschlagt werden; die eine, die der König benutzen mag, wenn er sie zur Vertheidigung des Reichs oder zu andern höchst wichtigen und passenden Zwecken, nachdem das Gutachten des gesammten Staatsrathes vernommen ist unumgänglich notwendig findet; die andere, damit der König bei entstandenem Kriege aus der Bank (въ 1809 г.) der Reichsstände Hebungen mache, nachdem sein Staatsrath im Plenum darüber gehört und die Reichsstände zusammen berufen worden. Die versiegelte Anordnung für die letztgedachte Summe darf nicht eher angebrochen, noch darf die Summe von den Bevollmächtigten der Bank eher ausgezahlt werden, als die Zusammenberufung des Reichstags in den Kirchen der Hauptstadt gehörig kund gemacht worden“.

треблены иначе, какъ то установлено (*dessa medel må icke annorlunda användas, än fastställt blifvit*). Члены совѣта государства (*statsrådet*) отвѣчаютъ, если они допустить отклоненіе. Они обязаны дѣлать представленіе со внесеніемъ въ протоколъ указанія на то, что опредѣлено въ данномъ случаѣ риксдагомъ“.

Что означаютъ слова „находятся въ распоряженіи короля“ (*vare under konungens disposition*)? Не пустая ли это фраза, въ виду слѣдующихъ за этими словами ограниченій и условій?

О томъ, что король имѣлъ бы право исполнѣ свободно и по своему произволу распоряжаться кредитами, подобно тому, какъ это было правиломъ въ 16 и 17 столѣтіяхъ, когда государственные чины вотировали жертвы или подарки королю, и затѣмъ не имѣли права контроля надъ ихъ употребленіемъ—конечно рѣчи быть не можетъ. Со времени реорганизациі финансоваго строя въ Швеціи (или, по терминологіи 17 столѣтія, камеральнаго дѣла) Карломъ XI, составившимъ нормальный основной бюджетъ 1694 г., учредившимъ Камеральный Судъ и Статсъ-канцлеру (т. е. счетную палату и Департаментъ Государственнаго Казначейства), принято за ненарушимое правило, что свобода распоряженія государственными средствами ограничена титулами бюджета и что безъ удостовѣренія со стороны уполномоченныхъ королемъ распорядителей кредитами—того, что ассигновка основана на такомъ-то титулѣ или такой-то статьѣ, ни одна касса, ни мѣстная, ни центральная, не имѣетъ права удовлетворить предъявителя и, наконецъ, адвокатъ-фискаль камеральнаго суда немедленно обязанъ предъявить протестъ, разъ онъ замѣтитъ формально нецѣльное распоряженіе суммами. Но, не смотря на эти строгія ограничительныя постановленія, указанныя выше слова—все таки не простая фраза. Не входя въ этомъ мѣстѣ въ подробности (такъ какъ эти вопросы будутъ раз-

смотрѣны въ главѣ „бюджетъ и бюджетное право“), замѣтимъ, что специализація бюджета въ Швеціи не доходитъ до тѣхъ предѣловъ, которые установлены напримѣръ въ Пруссіи, республиканской Франціи, Бельгіи или Даніи ¹⁾). Специальные бюджеты для каждой отрасли администраціи составляются въ совѣтъ короля.

2) Переводъ кредитовъ, такъ наз. *virements*, запрещенъ только изъ титула въ титулъ, но не изъ статьи въ статью.

3) Сбереженія по такъ наз. твердымъ кредитамъ (*fasta anslag*) король можетъ употребить на потребности, неуказанныя специально въ бюджетъ, разъ онѣ по существу не выходятъ изъ рамокъ главнаго титула. Только относительно сбереженій по приблизительно рассчитаннымъ кредитамъ (*föreslagsanslag*) и по резервнымъ кредитамъ (*reservationsanslag*) король не имѣетъ права свободнаго распоряженія.

Загѣмъ не по всѣмъ категоріямъ налоговъ и пошлинъ нормы обложенія, установленныя по соглашенію съ риксдагомъ, являются для короля обязательными и неизмѣнными. Въ силу своего права „экономическаго законодательства“ король можетъ понизить таможенные пошлины, почтовый сборъ, телеграфный и телефонный сборы, маячные, портовые, доцманскія сборы, тарифъ каз. жел. дорогъ, арендные платежи за отданныя въ аренду казенныя земли и оброчныя статьи.

Пятой функціей короля, какъ субъекта финансоваго верховенства, является право надзора за управленіемъ государственными имуществами и попеченіе о сохраненіи въ цѣлости этой части государственнаго капитала. Отчужденіе государственныхъ имуществъ, какъ окончательное, путемъ продажи

¹⁾ Въ Пруссіи бюджетъ (1878 г.) распадался на 264 статьи, 1460 расходныхъ статей и 306 чрезвычайныхъ вотъ. Французскій бюджетъ распадался въ 1877 г. на 388 *chapitres*, а въ 1890 г. на 807 (ср. Stourm Le Budget. 1889 стр. 295). Въ Швеціи бюджетъ доходовъ распадается на 24 статей, а бюджетъ расходовъ на 9 главныхъ титуловъ и 278 статей.

или даренія, такъ и временное, путемъ залога, допускается только по соглашеніи короля съ риксдагомъ. Но порядкомъ управленія государственными имуществами устанавливается риксдагомъ только въ общихъ чертахъ. Королю же предоставлено право регулированія деталей доменнаго управленія ¹⁾).

Что же касается такъ наз. skatteköp, т. е. перехода участка изъ категоріи коронныхъ гейматовъ въ категорію податныхъ (skattehemman), другими словами, передача короннаго участка въ наслѣдственную вѣчную аренду вмѣсто срочной (20 лѣтней), то относительно этого рода сдѣлокъ установлены разъ на всегда правила въ законахъ 1723, 1770, 1773, 1789, 1793 и 1848 гг. Въ предѣлахъ установленнаго этими законами порядка, распорядительная власть въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ принадлежитъ королю. Тоже самое имѣетъ мѣсто и относительно frälseköp, т. е. перехода участка изъ категоріи податныхъ въ категорію привилегированныхъ (frälse).

Шестой функціей является надзоръ и руководство при взиманіи податей и поступленіи всѣхъ вообще доходовъ государства (за исключеніемъ доходовъ комиссіи погашенія государственныхъ долговъ и государственнаго банка). При осуществленіи права надзора и руководства дѣятельностью подчиненныхъ органовъ финансоваго управленія король ограниченъ слѣдующими постановленіями формы правленія 1) всѣ

¹⁾ Ст. 77 ф. пр. 1808 (переводъ) гласитъ: „Die Domänen mit den darunter stehenden Dörfern, die Kronwälder, Parke, Thiergärten, Kronwiesen nebst Lachs-fänge und andere Kronfischerei, wie auch die übrigen Kronbeneficien, darf der könig nicht ohne Einwilligung der Reichsstände durch Verkauf, Verpfändung oder Verschuldung, noch auf irgend eine andere Art veräussern. Sie sollen so, wie es die Reichsstände bestimmen, verwaltet werden; doch mögen die Personen und Gemeinden, die nach den bisher geltenden Verfassungen solche Domänen inne haben oder benutzen, aus denselben ein gesetzmässiges Recht zu ihrem Nutzen geniessen auch Können urbare oder urbar zu machende Felder in den Kronwäldern in gewöhnlicher Ordnung, nach den gegenwärtigen oder künftig bestehenden Verfassungen zinsbar verkauft werden.“

распоряженія его, касающіяся управленія государственными доходами, должны быть скрѣплены министромъ (послѣ обсужденія въ совѣтѣ; 2) всѣ эти распоряженія не должны нарушать древняго права самообложенія шведскаго народа; 3) ежегодныя таксы, по которымъ исчисляется денежная цѣнность натуральныхъ сборовъ (*markgängs taxa*), должны быть составлены особыми, риксдагомъ избранными, депутатами (ст. 7, 57, 75; 4) всѣ правила относительно оцѣнки, раскладки, взиманія, сложенія недоимокъ, отсрочки, сокращенія, отчетности общаго подоходнаго налога (*allmänna bevillning*) устанавливаются риксдагомъ въ положеніи о *bevillning* (такъ наз. *Bevillningsstadga*). Замѣтимъ, что эта *Bevillningsstadga* не измѣняется ежегодно, а что напротивъ риксдагъ избѣгаетъ крупныхъ перемѣнъ въ строѣ подоходнаго налога. 5) ст. 60 ф. пр. запрещаетъ королю отдавать на откупъ сборъ государственныхъ доходовъ („*Ej må konungen statens inkomster förakta*“). Это постановленіе внесено въ ф. правленія въ виду злоупотребленій откупщиковъ въ 17 и 18 столѣтіяхъ, въ особенности компаній, бравшихъ на откупъ взиманіе таможенныхъ пошлинъ и гербоваго сбора, и компаніи виннаго откупа, подвиги которой въ царствованіе Густава III долго были памятны въ Швеціи.

Мы увидимъ ниже, что, не смотря на это рѣшительное запрещеніе откуповъ въ Швеціи, съ согласія риксдага, въ видахъ полицейскихъ сдается фактически на откупъ право продажи спиртныхъ напитковъ (знаменитая Готенбургская система). О запрещеніи учреждать монополіи съ цѣлью полученія дохода для короля самого или для казны мы говорили выше (ст. 60 гласитъ: *Ej må konungentill vinning för sig och Kronan eller enskilda personer och korporationer några monopolier fasttälla*“). Въ своемъ мѣстѣ мы укажемъ, что въ шведскомъ государственномъ правѣ не проведено яснаго различія между фискальной монополіей и финансовой регаліей.

7) Въ рукахъ короля, какъ субъекта финансоваго верховенства и высшаго охранителя права и мира, находится надзоръ за финансовымъ хозяйствомъ мѣстныхъ самоуправляющихся принудительныхъ союзовъ (провинціи, län, округа, härad, общинъ (kommuner) сельскихъ и городскихъ). Отчужденіе общинныхъ недвижимыхъ имуществъ, установленіе сборовъ за пользованіе различными благотворительными или хозяйственными учрежденіями (больницы, богадѣльни, школы, мосты, гати, паромы, дороги, пристани, гавани и т. д.) требуетъ предварительнаго утвержденія со стороны или короля, или его представителя въ провинціи (Landshötding'a). Жалобы на неправильную оцѣнку, раскладку, взиманіе и т. д. общинныхъ и провинціальныхъ налоговъ подаются Landshötding'у, камеральному суду, а въ высшей инстанціи—королю.

8) Ст. 79 ф. пр. запрещаетъ королю безъ согласія риксдага измѣнять пробу и вѣсъ (skrot och korn) государственной монеты, но, гласитъ она, право короля приказывать чеканить монету остается неприкосновеннымъ ¹⁾.

Слѣдовательно, монетная система можетъ быть измѣнена только по соглашенію короля съ риксдагомъ (поэтому заключеніе такъ наз. скандинавской монетной уніи съ Даніей и Норвегіей требовало утвержденія въ законодательномъ порядкѣ). Монета чеканится отъ имени короля, но называется государственною монетою (rikets mynt). Сумма монетъ, ежегодно выпускаемыхъ изъ монетнаго двора, нормальная сумма находящейся въ обращеніи монеты, условія ея обращенія—все это зависитъ отъ короля. Но установленіе вѣса, пробы, гemedium'a, даже вѣса и пробы разнѣнной монеты, опредѣляются законодательнымъ порядкомъ. И здѣсь опять воспо-

¹⁾ Ст. 79 (переводъ Шуберта) гласитъ: „Keine Veränderung in der Reichsmünze, in Ansehung des Schrottes und Kornes, der Erhöhung oder Erniedrigung darf ohne die Zustimmung der Reichstages statt haben; doch bleibthiebei des Königs Recht Münze schlagen zu lassen, ungekränkt“.

минанія о страшныхъ неурядицахъ въ денежномъ обращеніи и горькій опытъ, къ чему ведетъ отсутствіе строгаго контроля при опредѣленіи внутренней цѣнности главнаго орудія мѣны и мѣрила цѣнностей, заставили ограничить сферу королевской прерогативы, не смотря на то, что въ прежнія времена установленіе монетной системы считалось однимъ изъ коренныхъ атрибутовъ королевской власти. Король, далѣе, не имѣетъ права выпускать кредитные знаки. Выпускъ банковыхъ билетовъ, а тѣмъ болѣе бумажныхъ денегъ, не подлежитъ даже соглашенію риксдага съ королемъ; только риксдагъ одинъ дѣлаетъ постановленіе о выпускѣ и условіяхъ обращенія бумажныхъ денегъ и банковыхъ билетовъ. Швеція пережила шесть государственныхъ банкротствъ, и большая часть изъ нихъ, хотя очень несправедливо и неосновательно, ставилась въ вину королевскому легкомыслію. Ст. 72 ф. пр. 1809 г. постановила: „Риксдагу одному предоставлено право признавать за выпущенными банковыми билетами качество государственной монеты“. Наконецъ, король является представителемъ государства во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда оно въ качествѣ юридическаго лица вступаетъ въ договорное отношеніе къ частнымъ (или другимъ юридическимъ) лицамъ по случаю ли найма, залога, займа, купли-продажи и такъ дал. (за исключеніемъ всѣхъ договорныхъ отношеній, возникающихъ вслѣдствіе кредитныхъ операцій конторы погашенія государственныхъ долговъ или государственнаго банка).

Таковы права короля, какъ субъекта финансоваго верховенства, и границы его финансовыхъ прерогативъ (О его *liste civile* и выдѣленныхъ имѣніяхъ мы поговоримъ въ III томѣ)

Эти граицы остаются неизмѣнными и во время войны, которая такимъ образомъ не можетъ служить поводомъ къ произвольному измѣненію основъ государственнаго хозяйства

ОЧЕРКЪ
ТЕОРИИ ОТНОСИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЪ.

In jure non remota causa, sed proxima spectatur.

B a c o.

О ПРЕДѢЛАХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯ
ВЪ
УГОЛОВНОМЪ ПРОЦЕССѢ.

ОЧЕРКЪ ТЕОРІИ ОТНОСИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЪ.

Д. Н. Стефановскаго,
Товарища Прокурора Ярославскаго Окружнаго Суда.

ЯРОСЛАВЛЬ.

Гипо-типографія Э. Г. Фалькъ. Духовская ул., собств. домъ.

1894.

Дозволено цензурою. Москва 19 сентября, 1894 года.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

ГЛАВА 1. Общія замѣчанія	1.
ГЛАВА 2. Русское законодательство, практика и литература	17.
ГЛАВА 3. Правила объ относимости въ англійскомъ процессѣ	45.
I. Общая теорія относимости	50.
II. Относимость доказательствъ по аналогіи	75.
III. Репутація и характеръ	89
IV. Повѣрка доказательствъ	105

О ПРЕДѢЛАХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯ ВЪ УГОЛОВНОМЪ ПРОЦЕССѢ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Общія замѣчанія.

Ежедневная практика суда присяжныхъ убѣждаетъ юристовъ въ необходимости установить, хотя бы въ общихъ чертахъ, опредѣленные границы и принципы изслѣдованія, такъ какъ успѣшная дѣятельность этого суда въ значительной степени зависитъ отъ правильной постановки вопроса о доказательствахъ на слѣдствіи. Ясно, что вердиктъ присяжныхъ можетъ оказаться одинаково неправильнымъ, какъ въ томъ случаѣ, когда нѣкоторые изъ обстоятельствъ дѣла будутъ пропущены при слѣдствіи, такъ и въ томъ случаѣ, когда въ область изслѣдованія будутъ введены посторонніе предметы, не имѣющіе никакого отношенія къ дѣлу.

Вопросъ объ опредѣленіи границъ судебного слѣдствія не могъ возникнуть въ эпоху формальныхъ доказательствъ и розыскаго процесса, господствовавшихъ, за исключеніемъ Англіи, во всей остальной Европѣ въ продолженіе многихъ вѣковъ. До тѣхъ поръ пока инициатива разслѣдованія принадлежала судѣ-слѣдователю, вся сущность процесса заключалась въ повѣркѣ созданнаго тѣмъ-же слѣдователемъ предположенія о виновности; ему приходилось не доказывать самому себѣ что-либо, а просто убѣждаться или разубѣждаться. Приступая къ розыску, онъ не могъ заранее разграничить существенное отъ несущественнаго, такъ какъ мно-

гія мелочи могли получить важное значеніе только въ послѣдствіи. Слѣдователь былъ обязанъ на все обращать вниманіе, все собирать, не упуская ничего, что могло бы привести къ обнаруженію доказательствъ и къ разъясненію дѣла. Неизбѣжны при этомъ ошибки и случайныя неудачи методически заносились въ протоколы, въ которыхъ, наряду съ полезными свѣдѣніями, также накоплялось много постороннихъ и совершенно излишнихъ фактовъ. Совокупность этихъ сырыхъ матеріаловъ, безъ всякихъ ограниченій, переходила затѣмъ на разрѣшеніи судьи, который почерпалъ оттуда основанія для окончательнаго приговора, руководясь при этомъ установленными въ законѣ правилами о силѣ доказательствъ¹⁾. Такимъ образомъ ясно, что гарантія противъ судейскаго произвола была заложена законодателемъ именно въ этихъ правилахъ, при наличности которыхъ самый вопросъ о предѣлахъ изслѣдованія не имѣлъ смысла.

Съ введеніемъ новыхъ основъ уголовного судопроизводства, заимствованныхъ изъ Англіи, описанный порядокъ вещей радикально измѣнился. Между предварительнымъ слѣдствіемъ и судебнымъ была проведена рѣзкая граница; формальная теорія доказательствъ была отмѣнена, и оцѣнка ихъ силы была предоставлена свободному убѣжденію присяжныхъ засѣдателей, основанному на критической повѣркѣ отборнаго слѣдственнаго матеріала. Преобразовательное движеніе началось во Франціи, въ концѣ прошлаго вѣка, а затѣмъ судъ присяжныхъ былъ введенъ и въ остальныхъ европейскихъ государствахъ; однако, слѣды стараго розыскаго начала остались замѣтны еще до сихъ поръ.

„Принципъ свободной оцѣнки доказательствъ, говоритъ Глазеръ, вошелъ въ новый французскій процессъ одновременно съ учрежденіемъ присяжныхъ и преимущественно благодаря

¹⁾ J. Glaser. Handbuch des Strafprozesses. I Band. S. 355.

ихъ учрежденію. Наряду съ этимъ, однако, осталась неограниченная свобода въ привлеченіи къ дѣлу всевозможныхъ мнимо-доказательныхъ матеріаловъ; свобода эта сохранилась изъ эпохи безпредѣльнаго господства розыскаго принципа. Въ добавокъ, она нашла себѣ поддержку въ народномъ характерѣ и въ соотвѣтствовавшихъ послѣднему свойствахъ судебного краснорѣчія. Послѣдствіемъ этого оказывается, что разработка доказательствъ ограничена во Франціи лишь немногими правилами, касающимися ихъ внѣшней формы, а въ прочихъ отношеніяхъ разработка эта изъята изъ области положительныхъ предписаній закона и поставлена въ зависимость отъ усмотрѣнія судей и даже единолично предсѣдателя; сторонамъ также предоставляется широкій произволъ въ этомъ отношеніи, а спасеніе отъ возникающихъ при этомъ ошибокъ ожидается единственно отъ проницательности тѣхъ людей, по „внутреннему убѣжденію“ коихъ рѣшается дѣло. Особенно ощутительнымъ является полное отсутствіе гарантій въ законѣ противъ допущенія такихъ мнимо-доказательныхъ матеріаловъ, которые совершенно не имѣютъ никакого отношенія къ непосредственно рѣшаемому фактическому вопросу, но способны породить замѣшательство или возбудить страсти. Точно также нѣтъ никакой защиты противъ представленія существенно недостоверныхъ доказательствъ. Дозволяется такое свидѣтельство по слухамъ, которое составляет простое повтореніе пустѣйшихъ сплетенъ; свидѣтели въ своихъ показаніяхъ могутъ безпрепятственно рассказывать о своихъ предположеніяхъ и дѣлать выводы, зачастую даже изъ такого матеріала, который совсѣмъ не былъ въ разсмотрѣніи суда, и т. д. — Напротивъ, англійское право сумѣло согласовать принципъ свободной оцѣнки доказательствъ съ юридическою охраною основныхъ положеній, касающихся природы доказательства и вытекающихъ изъ законовъ мышленія и изъ сущности дѣла. Свободная оцѣнка тамъ предоставле-

на присяжнымъ, а забота объ охранѣ правилъ возложена на судъ. Этому чрезвычайно способствовало то обстоятельство, что англійское доказательственное право возникло и развивалось преимущественно изъ судебной практики, чѣмъ, конечно, объясняется также нѣкоторая неуклюжесть его и излишняя педантичность. Въ практическомъ примѣненіи англійскія правила о доказательствахъ особенно хороши тѣмъ, что въ силу ихъ съ самаго начала процесса настоятельно требуется соблюденіе логической связи между доказуемымъ вопросомъ и средствами доказательства, что всякое доказательство, не имѣющее вполне близкаго отношенія къ дѣлу или страдающее формальными недостатками, заранее исключается, и, слѣдовательно, не можетъ повліять на присяжныхъ; благодаря такимъ правиламъ разработка доказательствъ получаетъ отпечатокъ трезвости и безпристрастія, что, конечно, прежде всего служить къ выгодѣ подсудимаго¹⁾.

Различіе между французскимъ и англійскимъ процессомъ по вопросу о доказательствахъ зависитъ отъ того, что самый судъ присяжныхъ поставленъ во Франціи совершенно иначе, чѣмъ въ Англіи. Прежде всего слѣдуетъ указать, что въ Англіи присяжные рѣшаютъ не только уголовныя, но и гражданскія дѣла; это обстоятельство весьма повліяло и на правила о доказательствахъ, которыя, по основному положенію англійской теоріи, остаются тождественными въ обоихъ случаяхъ²⁾. По словамъ Росселя, извѣстный фактъ всегда требуетъ одинаковаго доказательства, совершенно независимо отъ того, будетъ ли онъ имѣть уголовныя или граждан-

¹⁾ F. Holtzendorff. Handbuch des deutschen Strafprozessrechts. I Band. S. 57—58.

²⁾ См. W. Best. A treatise on the Principles of the law of evidence. 4 ed. 1866. p. 122 § 94 „The rules of evidence are in general the same in civil and criminal proceedings“.—Roscoe's Digest of the law of evidence. 9 ed. 1878. p. 1. „There is no difference as to the rules of evidence between criminal and civil cases“, и др.

скія послѣдствія ¹⁾). Затѣмъ, весьма важно то обстоятельство, что въ Англіи правила о доказательствахъ выработались на практикѣ, въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій, и вошли въ плоть и кровь уголовного процесса. Приговорное право вмѣщаетъ въ себѣ результатъ громаднаго опыта многихъ поколѣній судей, изумительно подготовленныхъ къ этому дѣлу; оно представляетъ собою кристаллизованную практику, источникомъ которой были замѣчанія предсѣдательствующаго судьи и его заключительныя наставленія, всегда врѣзывающіяся въ самую глубь и существо разбираемаго дѣла. Напротивъ, во Франціи и прочихъ европейскихъ государствахъ судъ присяжныхъ былъ введенъ гораздо позднѣе; приговорное право получило слабое и одностороннее развитіе, ибо источникомъ его явились сухія разъясненія высшаго кассационнаго суда, изъ компетенціи коего существо дѣла было принципиально изъято.

Ученіе о доказательствахъ составляетъ важный отдѣлъ науки уголовного процесса, но, съ упраздненіемъ теоріи формальныхъ доказательствъ, интересъ къ этому ученію весьма ослабѣлъ, чѣмъ отчасти и объясняются многіе недостатки континентальнаго суда присяжныхъ. Въ послѣднее время, однако, среди юристовъ все болѣе усиливается сознаніе, что помимо теоріи формальной оцѣнки доказательствъ существуетъ множество другихъ вопросовъ доказательственного права, и что лучше заранѣе урегулировать ихъ, хотя бы теоретически, чѣмъ предоставить рѣшеніе этихъ вопросовъ случайному усмотрѣнію или капризу. Особенно настойчивымъ защитникомъ такого взгляда является Глазеръ, который посвятилъ доказательственному праву обширный отдѣлъ въ своемъ руководствѣ, и, кромѣ того, издалъ особый дополнительный томъ

¹⁾ W Russel. A treatise on Crimes and misdemeanors. 3 ed. 1843. II vol. p. 725.

о теоріи доказательств¹⁾. Въ предисловіи къ послѣднему труду авторъ говоритъ: „Научная обработка современнаго уголовного процесса должна посвятить вопросу о доказательствахъ особое вниманіе, такъ какъ съ нимъ связаны самыя настоятельныя и важныя задачи, состоящія въ томъ, чтобы согласовать сохраненіе законной теоріи доказательствъ съ правомъ свободной оцѣнки ихъ; въ томъ, чтобы поставить эту теорію подъ охрану такой системы обжалованія, которая не шла бы въ разрѣзъ съ необходимыми послѣдствіями свободной оцѣнки; и въ томъ, чтобы, слѣдуя духу англійскихъ учреждений, но отнюдь не подражая имъ рабски, приспособить институтъ присяжныхъ къ выполненію этой цѣли“.

Настоящій очеркъ имѣетъ своею задачею познакомить читателей съ тѣмъ отдѣломъ англійской теоріи доказательствъ, который имѣетъ своимъ предметомъ установленіе границъ уголовного изслѣдованія и обыкновенно обозначается названіемъ „теоріи относимости“ (theory of relevancy). Этотъ вопросъ представляется весьма интереснымъ и для русской практики, такъ какъ нерѣдко случается, что судебное слѣдствіе и пренія получаютъ нежелательное направленіе, благодаря отсутствію всякаго руководящаго принципа у нашихъ председательствующихъ судей. Послѣднихъ нельзя винить въ этомъ, такъ какъ на этотъ счетъ не имѣется никакихъ опредѣленныхъ указаній, не только въ законѣ или въ кассационныхъ рѣшеніяхъ, но даже и въ юридической литературѣ. Напротивъ, иногда даже высказывалось мнѣніе, будто опредѣленіе предѣловъ уголовного изслѣдованія излишне, или даже неосуществимо. Такое недоразумѣніе нужно предварительно устранить, ибо иначе у читателей можетъ возникнуть предположеніе, что самое ученіе о доказательствахъ вполне ут-

¹⁾ J. Glaser. Handbuch des Strafprozesses. 1883. Erster Band, zweites Buch. S. 339—747, а также J. Glaser, Beiträge zur Lehre vom Beweis. 1883.

ратило свой смыслъ и значеніе съ отмѣною теоріи формальныхъ доказательствъ.

На это слѣдуетъ возразить, что хотя оцѣнка *силы* доказательствъ въ современномъ уголовномъ процессѣ представлена внутреннему убѣжденію присяжныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ для правильного исхода дѣла признается необходимымъ, чтобы при его разсмотрѣніи присяжные пользовались только вполне соответственнымъ и достовѣрнымъ матеріаломъ. Вопросъ о томъ, имѣетъ ли извѣстный фактъ отношеніе къ дѣлу и можетъ ли быть допущено извѣстное доказательство, рѣшается судомъ, которому по закону принадлежитъ оцѣнка *относимости* доказательствъ и ихъ *допустимости*. Судь, слѣдовательно, можетъ устранить любой фактъ отъ свѣдѣнія присяжныхъ, но коль скоро этотъ фактъ допущенъ, то оцѣнка его доказательной силы принадлежитъ ужъ не суду, а присяжнымъ ¹⁾.

Власть англійскаго судьи при опредѣленіи границъ изслѣдованія выражается двояко. Во первыхъ, онъ рѣшаетъ вопросъ о томъ, достаточно ли достовѣренъ источникъ доказательства. Въ виду завѣдомой неудовлетворительности не допускаются: или 1) извѣстныя категоріи лицъ, напр. показанія душевнобольныхъ, показанія одного изъ супруговъ по дѣлу другого, и т. п., или 2) извѣстные виды свѣдѣтельствъ, напр. показанія по наслышѣ, догадки и предположенія и т. д. Во вторыхъ, судья рѣшаетъ вопросъ о томъ, относится ли представляемое доказательство къ дѣлу. Въ первомъ случаѣ рѣчь идетъ о *допустимости* (admissibility of evidence), а въ послѣднемъ -- объ *относимости* доказательства (relevancy of evidence). Оба эти термина соприкасаются и нерѣдко смѣшиваются, хотя обозначаютъ собою различныя понятія. До-

¹⁾ Судья Буллеръ такъ формулировалъ это правило: „О наличности доказательствъ рѣшаетъ судья, а объ ихъ убѣдительности судятъ присяжные“. См. Greenleaf. A treatise on the law of evidence. 13 ed. 1876. vol. I. p. 61.

пустимость примѣняется къ средствамъ доказательства, а относимость—къ самымъ доказываемымъ фактамъ. Все, что не относится къ дѣлу, въ силу этой причины не можетъ быть допущено; но и изъ относящагося къ дѣлу кое-что тоже не можетъ быть допущено, вслѣдствіе своей недостоверности. Подобное непригодное доказательство можетъ имѣть своимъ предметомъ весьма существенное обстоятельство дѣла. Поэтому недопущеніе извѣстнаго вида доказательства нисколько не препятствуетъ представленію другого, болѣе удовлетворительнаго доказательства въ подтвержденіе того же самаго факта. Напротивъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда судьей признано, что само доказываемое обстоятельство не имѣетъ отношенія къ существу дѣла (*fact irrelevant to the issue*), это обстоятельство окончательно устраняется изъ области изслѣдованія, и доказывать его излишне.

Судебное изслѣдованіе необходимо ограничить прежде всего въ непосредственномъ интересѣ подсудимаго и прочихъ лицъ, причастныхъ къ дѣлу. Уже Россель указывалъ, что ограниченіе слѣдствія существенными фактами дѣла весьма важно для подсудимаго, который заблаговременно имѣетъ возможность подготовиться въ защитѣ лишь противъ основныхъ фактовъ, ибо ихъ только онъ и можетъ предусмотрѣть¹⁾. Въ силу этого соображенія коренное правило англійской теории гласитъ, что „доказываемые факты должны стоять въ тѣсной связи съ обвинительнымъ пунктомъ“ (*The evidence shall be confined to the point in issue*)²⁾. Отъ нарушеній этого правила могутъ пострадать не только интересы подсудимаго, но также его родственниковъ и приближенныхъ, потерпѣвшихъ, свидѣтелей и т. д. Жизнь каждаго человѣка имѣетъ свои интимныя стороны, обнаженіе коихъ бываетъ для него

¹⁾ Russel. On Crimes, 3 ed. 1843. vol. II. p. 772.

²⁾ Roscoe's Digest of the law of evidence 9 ed. p. 92.

въ высшей степени болѣзненно. Правосудіе должно, по возможности, уважать человѣческое достоинство; судья, подобно врачу и священнику, имѣетъ право разоблачать тѣло и душу подсудимаго лишь въ предѣлахъ самой строгой необходимости, тѣмъ болѣе, что судья отправляетъ свою обязанность публично. Въ самой Англіи правило это нерѣдко нарушается по отношенію къ свидѣтелямъ, каковое обстоятельство справедливо порицается самими англійскими писателями. „Позволительно сомнѣваться, говоритъ Стифенъ, чтобы существовало достаточное основаніе требовать отъ свидѣтелей, призванныхъ для показанія о какомъ либо не особо важномъ и даже неоспариваемомъ фактѣ, отчета во всей ихъ прошлой жизни, даже самой интимной, и заставлять ихъ отвѣчать на вопросы такихъ людей, которые могутъ при этомъ руководиться самыми низкими цѣлями корысти или мести“ ¹⁾. Дѣйствительно, невозможно, подъ предлогомъ розысканія истины, а въ сущности ради правднаго любопытства, выносить на всенародное посмѣяніе мелкія слабости и пороки, имѣющіе развѣ отдаленное отношеніе къ дѣлу; невозможно обращать судебное слѣдствіе въ судебное опозореніе на законномъ основаніи.

Ограниченіе изслѣдованія необходимо, далѣе, въ интересахъ цѣлесообразности и экономіи труда. Каждое уголовное производство преслѣдуетъ практическую цѣль—покарать виновнаго. Очевидно, что чѣмъ важнѣе кара, тѣмъ многочисленнѣе и прочнѣе должны быть гарантіи для подсудимаго. Но и самый виновникъ обыкновенно старается тѣмъ тщательнѣе скрыть слѣды преступленія и своего участія въ немъ, чѣмъ сильнѣе тяжесть угрожающаго ему наказанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оправданіе мелкаго преступника далеко не такое важное зло, какъ оправданіе, по недостатку уликъ, дѣйствитель-

¹⁾ J. Stephen. A digest of the law of evidence. 2 ed. 1876. p. 174.

наго злодѣя, котораго потомъ уже нельзя будетъ наказать, хотя бы вина его вполне открылась. Въ силу этихъ соображеній слѣдуетъ признать, что границы изслѣдованія не могутъ быть очерчены заранѣе разъ навсегда, по одинаковому образцу для всѣхъ дѣлъ. Напротивъ, предѣлы эти, въ интересахъ цѣлесообразности, постепенно раздвигаются, по мѣрѣ важности и сложности дѣла. Это тѣмъ болѣе необходимо, что всякій процессъ сопряженъ съ расходами, стѣсненіями и потерей времени. Разбирательство не можетъ тянуться безконечно; поэтому границы всякаго изслѣдованія опредѣляются тѣмъ необходимымъ количествомъ времени и труда, которое можетъ быть производительно затрачено на него. Въ одной изъ своихъ заключительныхъ рѣчей судья Рольфъ сказалъ, между прочимъ, что „правила о допустимости доказательствъ основаны на нѣкоторомъ сравнительномъ соображеніи того, что теоретически могло бы пролить свѣтъ на спорный вопросъ, и того, что возможно исполнить практически. Если бы мы жили тысячу лѣтъ, вмѣсто шестидесяти или семидесяти, то мы могли бы по цѣлымъ мѣсяцамъ подробно изслѣдовать достовѣрность каждаго отдѣльнаго факта, имѣвшаго хоть какое нибудь отношеніе къ спорному дѣлу. Но въ настоящее время это, по моему, совершенно невозможно“ ¹⁾. Было бы, конечно, весьма непослѣдовательно ради разслѣдованія мелкаго проступка причинять людямъ значительныя стѣсненія и расходы. „Даже и справедливость, говоритъ Бентамъ, можетъ быть куплена слишкомъ дорогою цѣною. Она всегда обходится черезчуръ дорого, когда въ результатъ оказывается излишекъ несправедливости. Даже если допустить, что требованія правосудія стоятъ выше всѣхъ соображеній полезности, что предпочтительнѣе пожертвовать цѣлью, нежели средствами, и что из-

¹⁾ *Best. Principles.* p. 45.

рѣшеніе fiat justitia, ruat coelum не реторическая фигура, а глубокая нравственная аксіома, все же вопросъ сводится къ выбору между двумя несправедливостями, и едва ли подлежитъ сомнѣнію, что скорѣе слѣдуетъ избрать мѣншую несправедливость, чѣмъ бѣольшую¹⁾.

Наконецъ, область изслѣдованія должна быть ограничена преимущественно вслѣдствіе необходимости въ сосредоточеніи вниманія. Въ сущности, принципъ *концентраціи* является лишь послѣдствіемъ вышеуказаннаго принципа экономіи труда. Усилія присяжныхъ только тогда будутъ цѣлесообразны, когда ихъ умственная энергія будетъ всецѣло и исключительно сосредоточена на существѣ дѣла. Работа ихъ будетъ только тогда экономна и производительна, когда ихъ вниманіе не будетъ отвлекаться и расходоваться на мелкія, побочныя обстоятельства, ибо чѣмъ больше силы пойдетъ на мелочи, тѣмъ меньше останется ея для главной работы. Основныя начала современнаго процесса: непрерывность, устность, непосредственность, суть только частныя проявленія той же потребности въ концентраціи вниманія. Къ ней же сводится и великолѣпная формула присяги въ нашемъ уставѣ, по которой присяжные клянутся приложить къ разсмотрѣнію дѣла „*всю силу своего разумнія*“.

Окончательное убѣжденіе присяжныхъ должно быть вынесено ими изъ критическаго обсужденія всѣхъ представленныхъ доказательствъ въ совокупности. Чѣмъ меньше число доказательствъ, тѣмъ легче провѣрить каждое, а затѣмъ мысленно обнять ихъ и сопоставить; напротивъ, чѣмъ больше примѣшано къ слѣдствію обстоятельствъ постороннихъ, ничтожныхъ, тѣмъ труднѣе разобраться среди нихъ. Здѣсь, какъ и всюду, главную роль играетъ правило: *Non multa, sed multum*. Введеніе въ дѣло разныхъ побочныхъ обстоя-

¹⁾ J. Bentham. Works. Ed. Bowring 1840. Part XIV. Rationale of judicial evidence. p. 336.

тельство опасно для правосудія по той причинѣ, что присяжные избираются изъ людей заурядныхъ, живущихъ простѣйшими, будничными интересами. Люди эти не привыкли и не способны къ долгому и сосредоточенному мышленію; они живутъ чувствами и инстинктами, а отвлеченная логическая работа, критика и анализъ имъ мало доступны. Между тѣмъ, вниманіе есть такая душевная дѣятельность, которая состоитъ въ выдѣленіи однихъ какихъ либо ощущеній или идей въ ущербъ всѣмъ прочимъ. Выдѣленные элементы становятся яркими и отчетливыми, а остальные элементы сознанія подавляются. Произвольное вниманіе составляетъ одну изъ самыхъ утонченныхъ и высокихъ способностей человѣческаго духа; оно вообще отличается слабостью и неустойчивостью; природа распредѣляетъ даръ вниманія и вдумчивости крайне скупо и весьма неравномѣрно между людьми. Вниманіе присяжныхъ, какъ и всѣхъ людей вообще, только тогда становится напряженнымъ, когда оно вызвано какимъ либо возбужденіемъ со стороны чувствъ или страстей, когда оно поддерживается какимъ либо сильнымъ интересомъ, въ особенности интересомъ личнымъ¹⁾. Изъ этого, однако, вовсе не слѣдуетъ, чтобы интересъ присяжныхъ къ дѣлу нужно было поддерживать искусственнымъ путемъ, какъ это иногда случается въ уголовныхъ процессахъ французскаго типа. Вмѣсто того чтобы облегчить работу присяжнымъ, сосредоточиться на немногихъ основныхъ пунктахъ, отчетливыхъ и объективныхъ, стороны загромождаютъ дѣло массою второстепенныхъ и третьестепенныхъ фактовъ, съ цѣлью ослабить впечатлѣніе, произведенное противникомъ, заинтересовать присяжныхъ съ помощью аргументовъ *ad hominem*, и вызвать

¹⁾ См. J. Sully. *The Human Mind*. 1892. Vol. I p. 142 etc., T. Ribot *Psychologie de l'attention* 1889 p. 56—58, Н. Ланге. *Психологическія изслѣдованія* 1893 г. Теорія вниманія, стр. 133, 244 и т. д.

въ нихъ симпатіи или антипатіи къ подсудимому или потерпѣвшему. Вниманіе присяжныхъ, и безъ того неустойчивое, намѣренно ослабляется, а затѣмъ отвлекается въ сторону. Подобные приемы переносятъ дѣло на зыбкую почву субъективныхъ предубѣжденій, предразсудковъ, личныхъ вкусовъ и капризовъ, и производятъ, по выраженію г. Кони, „извращеніе уголовной перспективы“¹⁾. Напротивъ, англійскій процессъ представляетъ собою идеаль простоты, ясности и концентрации. По основному его правилу обвиненія не должны быть „двойныя“, такъ что присяжные всегда обсуждаютъ единственное событіе, какъ оно есть само по себѣ, а не по заключеніямъ, которыя могутъ быть выводимы ошибочно изъ совершенія другого преступленія²⁾. При слушаніи дѣла предварительно подлежитъ повѣрѣ самый фактъ преступленія, и если онъ не доказанъ, или если въ событіи нѣтъ состава преступленія и т. п., то предсѣдательствующій судья имѣетъ право прекратить производство и пригласить присяжныхъ къ произнесенію оправдательнаго вердикта³⁾. Отдѣльнаго гражданскаго иска наряду съ уголовнымъ—не существуетъ. Наконецъ, весьма сконцентрирована и самая постановка вердикта. Присяжные устно и кратко отвѣчаютъ простымъ да или нѣтъ на единственный вопросъ о виновности, соотвѣственно съ обвинительнымъ актомъ, такъ что ихъ вердиктъ, по замѣчанію Глазера, служитъ прямымъ отвѣтомъ на обвинительный пунктъ этого акта⁴⁾. „По англійской системѣ, говоритъ Миттермайеръ, вниманіе и совѣщаніе присяжныхъ сосредоточиваются только на одномъ пунктѣ,

¹⁾ А. Кони. Судебныя рѣчи. Изд. 2, 1890. стр. 650, 677.

²⁾ Стифенъ. Уголовное право Англіи. стр. 242, Миттермайеръ Уголовное судопроизводство въ Англіи. 1864. стр. 274, J. Glaser Anklage, Wahr-spruch und Rechtsmittel. 1866. S. 92 и др.

³⁾ Glaser. Anklage etc. S. 313—330.

⁴⁾ Glaser. Anklage etc. S. 178.

а именно — на опредѣленномъ преступленіи, указанномъ въ обвиненіи. Такимъ образомъ устраняются всякія постороннія соображенія, къ которымъ часто даютъ поводъ побочныя вопросы. — Всѣ недоразумѣнія, часто возникающія во Франціи относительно постановки вопросовъ и непрерывныя жалобы на сложность ихъ не имѣютъ мѣста въ Англіи¹⁾. Но кромѣ всѣхъ указанныхъ особенностей англійскаго процесса, дѣлающихъ его въ высшей степени отчетливымъ и логичнымъ, существуютъ еще прямыя ограниченія области изслѣдованія, вытекающія изъ той же потребности въ концентраціи, изъ стремленія къ возможной точности и сжатости всей процедуры. Отсюда необходимо придти къ заключенію, что правила объ относимости и весьма полезны и вполне возможны, какъ о томъ наглядно свидѣтельствуетъ англійская практика. Конечно, правила эти могутъ быть выражены только въ видѣ общихъ принциповъ; тѣмъ не менѣе, едва ли можно представить противъ нихъ серьезныя возраженія. Въ видѣ отрицательнаго аргумента приводилась иногда потребность въ свободѣ анализа, необходимая для всякаго изысканія вообще. Такъ напр., въ одной изъ статей Юридическаго Вѣстника за 1888 г. мы читаемъ: „Странное до загадочности явленіе: возьмемъ какое угодно изслѣдованіе, но только въ другой, не криминальной области; подымется ли хотя одинъ голосъ противъ необходимости всесторонности, глубины и полноты изслѣдованія, противъ освѣщенія предмета со всѣхъ составляющихъ его природу точекъ зрѣнія, противъ опредѣленія той или иной связи его съ окружающимъ, органически присущимъ ему міромъ явленій? — Никогда. Разъ то же самое дѣло переносится на криминальную

¹⁾ Маттермайеръ. Уголовное судопроизводство въ Англіи. стр. 356. Авторъ указываетъ, что во Франціи ежегодно кассируется множество приговоровъ въслѣдствіе неправильной постановки вопросовъ, каковое обстоятельство весьма вредно для правосудія.

почву, отовсюду воздвигаются преграды. Какъ будто преступное дѣяніе не составляетъ точно такой же продуктъ всѣхъ этихъ факторовъ, какъ и всякое иное непреступное и даже похвальное дѣяніе? Какъ будто для уразумѣнія его человѣчскій умъ перестаетъ нуждаться въ тѣхъ средствахъ, которыхъ такъ пылливо, такъ жадно ищетъ онъ во всѣхъ другихъ аналогичныхъ случаяхъ? Какъ будто справедливая оцѣнка его можетъ послѣдовать лишь тогда, когда это дѣяніе окажется насильственно оторваннымъ ото всей той обстановки, среди которой оно зародилось, зрѣло и развивалось до катастрофы, какою, наконецъ, должно было разрѣшиться?¹⁾ Авторъ цитируемой статьи упустилъ изъ виду, что между научнымъ изслѣдованіемъ и судебнымъ существуетъ громадная разница. Наука изучаетъ общія свойства явленій и управляющіе ими законы; цѣли ея вполне теоретическія; ученый изслѣдователь обладаетъ спеціальною подготовкою, располагаетъ своимъ временемъ и матеріаломъ. Напротивъ, судебное изслѣдованіе всегда имѣетъ дѣло съ живою человѣческою личностью, которая въ то же время является и *стороною* въ процессѣ. Если противъ вивисекціи надъ животными слышатся протесты, то тѣмъ болѣе неумѣстны тѣ эксперименты *in anima vili*, которые иногда продѣлываются въ нашихъ судахъ, и которые суть несомнѣнные слѣды стараго инквизиціоннаго принципа. Вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимо замѣтить, что уголовное слѣдствіе есть чисто техническій способъ открытія истины не общей, а конкретной, притомъ не для обогащенія ума новыми знаніями о природѣ, а просто для примѣненія къ преступнику заслуженной имъ кары. Всякое преступленіе вполне индивидуально; практическое выясненіе личности виновнаго и его побудительныхъ мотивовъ,

¹⁾ О. С. Область изслѣдованія въ предварительномъ и судебномъ слѣдствіи, Юридическій Вѣстникъ, 1888 г. № 12 стр. 557.

конечно, необходимо, но лишь въ тѣхъ предѣлахъ, которые полагаются самою задачею процесса и условіями, при которыхъ онъ производится. Судъ располагаетъ ограниченнымъ временемъ, скуднымъ и неточнымъ матеріаломъ. Онъ изслѣдуетъ факты психическаго міра, недоступные прямому наблюденію, а психологія, какъ точная наука, еще вся въ будущемъ. Судъ возстановляетъ событіе съ помощью впечатлѣній, вынесенныхъ другими лицами, непривычными къ наблюденіямъ, неумѣющими ихъ точно описать, заинтересованными въ исходѣ дѣла и сознающими, что отъ ихъ словъ зависитъ участь подсудимаго. Наконецъ, преступленіе, какъ таковое, въ природѣ самостоятельно не существуетъ; этимъ условнымъ именемъ обозначается извѣстная группа физическихъ и психическихъ фактовъ, искусственно выдѣленныхъ изъ окружающаго ихъ міра явленій. Судебное изслѣдованіе пользуется результатами науки, но лишь настолько, насколько они нужны для практическихъ цѣлей правосудія. Но если даже допустить аналогію между научнымъ и судебнымъ изслѣдованіемъ, то главнѣйшее ихъ сходство, конечно, состоитъ въ томъ, что какъ первое, такъ и послѣднее обязательно должны быть поставлены въ точныя и опредѣленныя рамки, что прежде всего надлежитъ выбрать предметъ изслѣдованія, затѣмъ сосредоточиться на немъ и методически его разрабатывать. Отсюда ясно, что сопоставленіе ученаго и судьи не только не можетъ служить доказательствомъ противъ ограниченія судебного изслѣдованія, но, напротивъ, служить лишнимъ аргументомъ въ пользу необходимости подобнаго ограниченія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Русское законодательство, практика и литература.

Составители отечественнаго устава уголовного судопроизводства 1864 года почти не коснулись вопроса о прелѣлахъ изслѣдованія; придерживаясь преимущественно французскаго образца, они ограничились лишь немногими формальными постановленіями о допустимости доказательствъ, а вопросъ объ относимости ихъ, т. е. опредѣленіе границъ изслѣдованія, предоставили свободному усмотрѣнію судебныхъ органовъ, производящихъ это изслѣдованіе. Заимствование англійскихъ правилъ, развившихся при исключительныхъ условіяхъ англійской національности и ея исторической жизни, было, разумѣется, немислимо, тѣмъ болѣе, что и въ самой Англіи правила эти никогда не были кодифицированы. Однако, составители устава хорошо понимали значеніе этихъ правилъ и неоднократно упоминали объ нихъ въ своихъ мотивахъ, выставляя ихъ, какъ образецъ, достойный изученія и подражанія. Такъ напримѣръ, въ объясненіяхъ къ 766 статьѣ устава мы встрѣчаемъ заимствованное у англичанъ замѣчаніе о томъ, что слѣдуетъ отличать правила, касающіяся порядка собранія доказательствъ, отъ правилъ, относящихся къ опредѣленію ихъ силы:

„Въ Англіи законы обращаютъ вниманіе преимущественно на достовѣрность источниковъ судейскаго убѣжденія, т. е. на порядокъ собранія и на принятіе или непринятіе извѣстныхъ доказательствъ. Въ этихъ видахъ тамъ не допускаются

свидѣтельства по наслышкѣ и вообще менѣе достовѣрные источники убѣжденія, при существованіи болѣе достовѣрныхъ; свидѣтели подвергаются двойному испытанію, сперва подѣ влияніемъ торжественнаго обряда присяги, а потомъ подѣ дѣйствіемъ перекрестнаго допроса ихъ обвинителемъ и обвиняемымъ, и устраняется все, что не идетъ прямо къ дѣлу, или что можетъ внушить опасное для правосудія предубѣжденіе. Но, затѣмъ, опредѣленіе собственно силы судебныхъ доказательствъ предоставляется совѣсти присяжныхъ" ¹⁾. Нѣсколькими страницами далѣе мы читаемъ: „Было бы ошибочно утверждать, что въ тѣхъ государствахъ, гдѣ въ законахъ о судопроизводствѣ нѣтъ вовсе постановленій о доказательствахъ, не имѣется также и никакой теоріи доказательствъ. Напротивъ, у нихъ есть твердая раціональная теорія, тщательно обработанная наукою, охраняемая и развиваемая юриспруденціею. Многія сочиненія о доказательствахъ способствуютъ уразумѣнію сей теоріи между юристами и распространяютъ понятія о ней въ народѣ. Въ самой Англіи сія теорія развита въ высшей степени и охраняется съ неимоверною заботливостію.—Внутреннее убѣжденіе основывается не на простомъ и личномъ каждаго изъ судящихъ взглядѣ на то или другое доказательство, а на строгомъ обсужденіи онаго по указаніямъ науки и юриспруденціи, работавшихъ самую теорію доказательствъ. Также точно будетъ и у насъ, потому что юридическое образованіе видимо распространяется, а судебная практика успѣла уже, кажется, утвердиться на прочныхъ основаніяхъ, вслѣдствіе чего съ отмѣною законной теоріи доказательствъ придетъ въ помощь судѣ и наука, и юриспруденція“ ²⁾.

¹⁾ Судебные Уставы, изданные Государственною Канцеляріею. 2 изд. 1867. Часть вторая, стр. 275.

²⁾ Тамъ же, стр. 280—281.

Ожиданія составителей устава, къ сожалѣнiю, не осуществились, и наша судебная практика и юридическая литература пошли вовсе не по тому пути, который былъ для нихъ намѣченъ. вмѣсто того чтобы положить начало самостоятельной выработкѣ правилъ о доказательствахъ, наши судьи замкнули себя въ узкій круговоръ кассационныхъ рѣшенiй. Такое ремесленническое и мертвящее направленiе было особенно пагубно для развитiя нормъ доказательственного права, которыя не только не „утвердились на прочномъ основанiи“, но, напротивъ, окончательно захирѣли и заглохли въ нашихъ судахъ, справедливо уподобляясь, по выраженiю г. Спасовича, дикимъ растенiямъ, совершенно различнымъ по разнымъ судебнымъ округамъ¹⁾. Въ результатѣ оказалось, что четверть вѣка спустя послѣ изданiя уставовъ, самъ уголовный кассационный департаментъ былъ приведенъ къ необходимости напомнить нашимъ юристамъ, что правила о доказательствахъ, выработанныя наукою и судебною практикою, „должны быть извѣстны членамъ судебныхъ мѣстъ, какъ лицамъ, получившимъ юридическое образованiе“²⁾.

Столь ненормальное положенiе вещей требуетъ серьезнаго улучшенiя, и позволительно надѣяться, что вновь учрежденная при Министерствѣ Юстицiи комиси́я для систематическаго пересмотра законоположенiй по судебной части обратитъ вниманiе и на заброшенный отдѣлъ уголовного процесса,—на ученiе о доказательствахъ. Надежда эта находитъ себѣ подтвержденiе въ рѣчи, произнесенной 30 апрѣля сего года при открытiи засѣданiй комиси́и г. Министромъ Юстицiи Н. В. Муравьевымъ, который указалъ, въ числѣ устоевъ правосудiя, составляющихъ необходимую принадлежность всякаго правомѣрнаго суда, между прочимъ, и на то

¹⁾ В. Д. Спасовичъ. Сочиненiя. 1894. т. VII, стр. 183.

²⁾ Рѣшенiе уголовн. касс. департ. 1889 № 34 Гасанъ-Али.

основное начало, въ силу коего „судъ долженъ производиться на основаніи оцѣнки доказательствъ, но не по предустановленной формальной ихъ теоріи, а по разумному и въ то же время свободному внутреннему убѣжденію совѣсти“¹⁾. Сопоставляя этотъ тезисъ съ текстомъ 766 и 804 статей устава, мы находимъ, что къ старой формулѣ „внутренняго убѣжденія“ здѣсь присоединено новое требованіе о томъ, чтобы убѣжденіе, оставаясь свободнымъ, было бы въ то же время „разумнымъ“. Въ этомъ знаменательномъ добавленіи скрывается, быть можетъ, зачатокъ будущаго подъема и обновленія нашего доказательственного права.

Обращаясь къ постановленіямъ дѣйствующаго устава, мы прежде всего находимъ въ немъ, по занимающему насъ вопросу, общую статью 611-ую, согласно которой предсѣдатель суда управляетъ ходомъ судебного слѣдствія, устраняя въ преніяхъ все, что не имѣетъ прямого отношенія къ дѣлу. Уставъ придаетъ большое значеніе этому запрещенію, ибо въ статьѣ 745 вторично указываетъ защитнику, что онъ въ рѣчи своей не долженъ распространяться о предметахъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ дѣлу. Контролирующая власть предсѣдателя примѣняется имъ, конечно, не къ однимъ только преніямъ, но и ко всему вообще судебному слѣдствію, какъ это явствуетъ изъ статьи 718, въ силу которой допросъ каждаго свидѣтеля начинается предложеніемъ ему не примѣшивать къ своему показанію обстоятельствъ постороннихъ. Кассационная практика дала нѣкоторыя указанія лишь относительно формальныхъ предѣловъ власти предсѣдателя. Власть эта принадлежитъ ему единолично только въ предѣлахъ нормальнаго хода дѣла, т. е. пока идетъ

¹⁾ См. Новое Время № 6561, отъ 5 іюня 1894 г.

повѣрка доказательствъ уже допущенныхъ. Но коль скоро стороны, пользуясь 629 статьею, впервые предъявляютъ имѣющіяся у нихъ письма или документы, или вообще указываютъ, въ порядкѣ 734 статьи, на новыя, не бывшія въ виду суда, доказательства, то допущеніе послѣднихъ зависитъ не отъ предсѣдателя, а отъ всего состава присутствія суда (1874 № 44 Фелькерзамъ и др.). Дальнѣйшее поясненіе къ 611-ой статьѣ мы находимъ въ рѣшеніи по дѣлу о злоупотребленіяхъ въ Кронштадтскомъ банкѣ (1883 № 27), гдѣ Сенатъ указалъ, что предсѣдатель, допустившій разслѣдованіе какого либо обстоятельства, не вправе затѣмъ въ заключительной рѣчи приглашать присяжныхъ признать это обстоятельство не имѣющимъ никакого отношенія къ дѣлу, ибо если извѣстный эпизодъ къ дѣлу не относится, то его и не слѣдуетъ дѣлать предметомъ слѣдствія. Весьма интересное указаніе было также дано по дѣлу о злоупотребленіяхъ въ Саратовско-Симбирскомъ земельномъ банкѣ (1887 № 32). Оберъ-прокуроръ уголовного департамента, г. Кони, въ своемъ заключеніи по этому дѣлу высказалъ, что предсѣдатель, вооруженный вполне достаточно для устраненія всякаго празднословія и всего не идущаго къ дѣлу— „не долженъ ограничиваться ролью лѣтописца, который лишь заноситъ на страницы своего заключительнаго слова все лишнее, сказанное на судѣ, а когда оно говорится, то „спокойно зрить на правыхъ и виновныхъ“ въ нарушеніи своихъ обязанностей при судоговореніи. Иначе, дѣйствительно, въ преніяхъ могутъ, наконецъ, дойти до того, что ставя, какъ это было въ настоящемъ дѣлѣ, судебной власти въ вину исполненіе ею своего долга, станутъ обвинять ее въ гибели банка и называть актъ преданія суду банковыхъ дѣателей юридическимъ безпорядкомъ, служащимъ продолженіемъ банковыхъ безпорядковъ“ ¹⁾.— „Такое извращеніе правильнаго хода судебного

¹⁾ А. О. Кони. Судебныя рѣчи, 2 изд. 1890, стр. 685.

процесса, говорить Сенатъ, *грубое затемненіе дѣла совершенно посторонними обстоятельствами* и обвиненіе судебной власти въ служебной неумѣлости и недобросовѣстности, несомнѣнно долженствовавшее оказать вліяніе на присяжныхъ въ смыслѣ неблагоприятномъ для этой власти, было допущено предсѣдателемъ въ противность точнаго и категорическаго предписанія ст. 611 у. у. с., даже безъ всякаго со стороны его замѣчанія; въ противномъ случаѣ онъ не обратился бы въ присяжнымъ засѣдателямъ съ вопросомъ: „неужели же, гг. присяжные засѣдатели, мы высидѣли здѣсь около мѣсяца, неустанно работая надъ судебнымъ слѣдствіемъ, для того, чтобы выслушать все это излишнее и ненужное?“ Г. Кони добавляетъ, что предсѣдатель самъ долженъ былъ своевременно устранить все излишнее и ненужное, и тѣмъ избавить себя отъ такого вопроса присяжнымъ, который съ неменьшимъ основаніемъ могъ быть ему сдѣланъ ими самими. Общія обязанности предсѣдателя въ этомъ отношеніи отчетливо были обрисованы г. Кони въ заключеніи его по дѣлу Кетхудова. „Въ случаяхъ нарушенія 745 статьи у. у. с. не только произнесеніемъ оскорбительныхъ для противника словъ, но и проведеніемъ взглядовъ и положеній, противорѣчащихъ уваженію къ закону, сторона, дозволившая себѣ такое отступленіе, должна быть призвана, на основаніи 611 ст., къ порядку *немедленно*. Присяжные засѣдатели представляютъ собою воспріимчивый организмъ, и превратныя толкованія имъ общихъ вопросовъ права или извращеніе передъ ними истиннаго смысла и цѣлей закона, оставленное безъ опроверженія, можетъ быть принято ими съ тѣмъ довѣріемъ, которое всегда невольно внушаетъ къ себѣ энергическое слово,—можетъ пустить въ ихъ представленіи о дѣлѣ корни и ростки. Руководящее наставленіе, иногда даваемое послѣ преній, длящихся цѣлые дни, уже не въ силахъ и по времени, и, нерѣдко, по содержанію,—вырвать

эти корни и насадить вмѣсто нихъ здравый взглядъ на дѣло, сужденіе о которомъ слагается шагъ за шагомъ. Поэтому, если умственные шаги присяжныхъ направляются усиленіями стороны на неправильный путь, председатель долженъ тотчасъ остановить такого руководителя указаніемъ на недопустимость его приемовъ, а не совѣтовать присяжнымъ обратиться назадъ впослѣдствіи, предоставивъ имъ пройти по такому неправильному пути болѣе или менѣе длинное пространство. Кромѣ того, отсутствіе въ такихъ случаяхъ немедленной остановки и отсрочка указанія на неправильность и незаконность теорій, проводимыхъ передъ присяжными—до руководящаго напутствія, можетъ вынудить сторону, противъ которой все это направлено, прибѣгать къ полемикѣ, вмѣсто разбора уликъ и доказательствъ¹⁾.

Приведенныя разъясненія касаются только формальной стороны дѣятельности председателя, который, конечно, не долженъ впадать въ противорѣчіе съ самимъ собою, сначала допуская извѣстныя обстоятельства, а затѣмъ признавая ихъ излишними или неотносящимися къ дѣлу. Напротивъ, при опредѣленіи того, имѣетъ ли данный фактъ прямое отношеніе къ дѣлу, или не имѣетъ, власть председателя является дискреціонною и контролю не подлежитъ. Председатель, по мнѣнію Сената, имѣетъ неотъемлемое право остановить каждую сторону, уклоняющуюся отъ существа дѣла; поэтому онъ обязанъ прекратить допросъ свидѣтеля, если находитъ, что предлагаемые ему вопросы не относятся къ дѣлу и, слѣдовательно, не ведутъ къ достиженію цѣли судебного слѣдствія—обнаруженію истины, а повѣрка того, относится ли тотъ или другой вопросъ къ существу дѣла, въ кассационномъ порядкѣ невозможна (1875 № 300 Спѣваковского).

¹⁾ А. О. Епнн. Судебныя рѣчи. 2 изд. 1890. стр. 720.

Совершенно иной взгляд выраженъ былъ Сенатомъ по отношенію къ 575 и 576 статьямъ устава, которыя касаются порядка вызова новыхъ свидѣтелей по требованію подсудимаго, во время подготовительныхъ къ суду распоряженій. По этому практически важному вопросу Сенатъ въ рядѣ рѣшеній (1874 № 733 Петрова, 1878 № 34 Засуличъ, 1888 № 6 Кравцова, 1890 № 17 Вельяшева и др.) создалъ цѣлую доктрину, которая заслуживаетъ того, чтобы на ней остановиться подробнѣе, такъ какъ она является единственнымъ оригинальнымъ примѣненіемъ теоріи относимости на почвѣ русской практики.

Согласно этой доктринѣ, свидѣтели, вообще, раздѣляются на относящихся къ дѣлу и къ дѣлу неотносящихся, причемъ первые, въ свою очередь, дѣлятся на существенныхъ и несущественныхъ. Судъ, разбирая ходатайство о вызовѣ, обязанъ разрѣшить въ особомъ мотивированномъ постановленіи, какъ вопросъ о важности, такъ и вопросъ объ относимости къ дѣлу тѣхъ свидѣтелей, о допросѣ коихъ заявлено ходатайство. Хотя Сенатъ, въ случаѣ отказа, и не входитъ въ обсужденіе фактической его основательности, но устраненіе напр. ряда свидѣтелей, могущихъ показать объ уменьшающихъ вину обстоятельствахъ, служить основаніемъ для разсмотрѣнія этого вопроса въ кассационномъ порядкѣ, равно какъ и отказъ въ вызовѣ свидѣтелей, показанія которыхъ могутъ касаться существенныхъ признаковъ, входящихъ въ составъ преступленія, какъ — запальчивость, раздраженіе, насиліе и т. д. Не могутъ быть признаны неимѣющими отношенія къ дѣлу показанія такихъ свидѣтелей, которые представляются *въ опроверженіе указаній обвинительнаго акта на предосудительность занятій подсудимаго*. Поэтому судъ не имѣетъ права безусловно отказывать въ вызовѣ такихъ, хотя и несущественныхъ, но все же относящихся къ дѣлу свидѣтелей, а обязанъ постановить о вызовѣ ихъ на счетъ про-

сителя, если послѣдній того пожелаетъ, или о предоставленіи ему пригласить ихъ по добровольному съ ними соглашенію, въ порядкѣ 576 статьи. Напротивъ, названная статья совсѣмъ не должна примѣняться въ тѣхъ случаяхъ, когда судъ признаетъ, что свидѣтели имѣютъ показывать объ обстоятельствахъ, не составляющихъ предмета дѣла, и что они, такимъ образомъ, являются не свидѣтелями, а совершенно посторонними для дѣла лицами. Въ этихъ случаяхъ судъ окончательно отказываетъ подсудимому въ его ходатайствѣ. Въ капитальномъ рѣшеніи по дѣлу Засуличъ Сенатъ такъ мотивировалъ основанія подобнаго отказа:

„Ограниченіе правъ подсудимаго на вызовъ свидѣтелей, неспрошенныхъ при предварительномъ слѣдствіи, вызвано, очевидно, необходимостью предупредить по возможности вызовъ въ судъ такихъ лицъ, которыя, подъ предлогомъ разъясненія вовсе неизвѣстныхъ имъ, можетъ быть, обстоятельствъ дѣла, будутъ, напротивъ, имѣть единственную цѣлью затянуть и запутать судебное слѣдствіе въ интересахъ обвиняемаго, который, въ своемъ стремленіи оправдаться всѣми зависящими отъ него способами, не только не разбираетъ существенныхъ обстоятельствъ дѣла отъ несущественныхъ, но нерѣдко употребляетъ всѣ средства, чтобы затруднить правосудіе. Такимъ образомъ, право сторонъ ¹⁾ на вызовъ новыхъ свидѣтелей поставлено въ зависимость не только отъ признанія судомъ основательности представленныхъ къ тому причинъ и важности обстоятельствъ, подлежащихъ разъясненію чрезъ спросъ ихъ, что соотвѣтствуетъ признанію показаній свидѣтелей существенными или несущественными, но еще болѣе отъ признанія судомъ, что обстоятельства, под-

¹⁾ Точнѣе говоря, право подсудимаго, ибо прокуроръ, въ силу 573 статьи устава, пользуется безусловнымъ правомъ вызова дополнительныхъ свидѣтелей и въ этомъ отношеніи отнюдь не подлежитъ контролю со стороны суда.

лежація раз'ясненію чрезъ спросъ свидѣтелей, имѣютъ отношеніе къ разсматриваемому дѣлу, что равносильно устраненію вызова такихъ лицъ, которыя, подъ предлогомъ раз'ясненія обстоятельствъ дѣла, будутъ имѣть единственною цѣлью затянуть и запутать судебное слѣдствіе и тѣмъ воспрепятствовать правильному отправленію правосудія.—Признавать безусловное право защиты приглашать свидѣтелей, въ вызовѣ которыхъ судомъ было отказано на томъ основаніи, что показанія ихъ къ дѣлу совсѣмъ не относятся, значило бы если не упразднить, по отношенію къ такимъ свидѣтелямъ, 611 статью у. у. с., обязывающую предсѣдателя суда устранить во время судебного слѣдствія все, что не имѣетъ прямого отношенія къ дѣлу, то, по крайней мѣрѣ, сдѣлать для предсѣдателя суда исполненіе возложенной на него этимъ закономъ обязанности почти не осуществимымъ“.

Приведенное рѣшеніе Сената существенно измѣнило господствовавшую до того практику нашихъ окружныхъ судовъ, и вызвало оживленныя возраженія со стороны юристовъ, съ г. Спасовичемъ во главѣ ¹⁾. Ссылаясь на иностранныя законодательства, г. Спасовичъ приводитъ въ примѣръ германскій процессъ, который „не стѣсняется вовсе мизерными соображеніями о томъ, какъ бы не затруднить присяжныхъ выслушиваніемъ ненужныхъ свидѣтелей или какъ бы присяжнымъ не насказано было что нибудь лишнее. На первомъ планѣ стоитъ одна только главная забота о всестороннѣйшемъ раскрытіи истины, причемъ вполнѣ признано безусловное право защиты самой судить, безъ повѣрки о томъ властей, кто ей нуженъ для оправданія или смягченія участи подсудимаго“.

¹⁾ См. В. Спасовичъ. О вызовѣ свидѣтелей. Журналъ Гр. и Уголовнаго Права 1883 г. Февраль, стр. 121—138. А. Вульфертъ. О вызовѣ свидѣтелей. Юридическій Вѣстникъ, 1884 г. Январь, стр. 114—128. Е. Анциферовъ. Законъ и практика по вызову на судъ новыхъ свидѣтелей. Журналъ Гр. и Уголовнаго Права 1882 г. Ноябрь, стр. 19—25.

Подобнаго рода аргументъ совершенно не основателенъ и опровергается уже, тѣмъ, что судъ, въ силу 241 ст. германскаго у. у. с. всегда можетъ запретить вопросы, не идущіе къ дѣлу. Сенатъ, разумѣется, провозгласилъ безусловно правильный принципъ, считая необходимымъ для каждаго дѣла установленіе опредѣленныхъ границъ изслѣдованія, которыя преграждали бы доступъ въ судъ всему излишнему и вредному для правосудія. Однако, избранный Сенатомъ способъ осуществленія этого принципа нельзя признать удачнымъ, ибо онъ идетъ въ разрѣзъ, какъ съ общимъ духомъ нашего устава, провозгласившаго начала состязательности и равноправности сторонъ, такъ и съ буквальнымъ смысломъ 576 статьи. Кромѣ того, способъ этотъ и не достигаетъ цѣли, такъ какъ подсудимый, заинтересованный въ приглашеніи извѣстнаго свидѣтеля, можетъ ложно заявить, что онъ намѣренъ спросить его о самыхъ существенныхъ обстоятельствахъ; когда же свидѣтель будетъ вызванъ и подвергнутъ допросу, то подсудимый можетъ предложить ему и другіе вопросы, а слѣдовательно и тѣ, ради которыхъ онъ его въ дѣйствительности желалъ вызвать ¹⁾. Дѣло состоитъ въ томъ, что необходимо различать канцелярскій вопросъ о *порядкѣ вызова* свидѣтелей отъ юридическаго вопроса объ ихъ *относимости* къ дѣлу. Первый вопросъ подлежитъ вѣдѣнію распорядительнаго засѣданія, которое, согласно точному смыслу 576 ст., въ случаѣ принятія подсудимымъ вызова свидѣтелей на свой счетъ, обязано немедленно сдѣлать соотвѣтственное распоряженіе, не входя ни въ какія дальнѣйшія сужденія. Напротивъ, вопросъ объ *относимости* слѣдуетъ предоставить только тѣмъ судьямъ, которые будутъ рѣшать самое дѣло, и обсуждать этотъ вопросъ слѣдуетъ въ судеб-

¹⁾ См. Протоколъ засѣданія СПб. Юридическаго Общества 16 октября 1882 г., Журналъ Гр. и Уголовнаго Права. 1883 г. Мартъ, стр. 73—74.

номъ засѣданіи, съ выслушаніемъ объясненій подсудимаго и его защитника. Этимъ была бы предупреждена возможность для суда, подъ видомъ неотносящихся къ дѣлу, устранять обстоятельства и относящіеся и весьма существенныя, но считаемыя судомъ, по субъективному взгляду и чувству, несущественными. При открытіи засѣданія судъ всегда можетъ спросить подсудимаго или его защитника, о какихъ именно обстоятельствахъ желаютъ они допрашивать свидѣтеля, какое отношеніе имѣетъ онъ къ дѣлу, и судъ, конечно, можетъ устранить послѣдняго безъ допроса, коль скоро, послѣ надлежащихъ разъясненій, признаетъ эти обстоятельства излишними ¹⁾. Такой порядокъ нисколько не нарушаетъ интересовъ ни правосудія, ни подсудимаго, и притомъ вполне соотвѣтствуетъ принципамъ состязательнаго процесса, приближаясь отчасти къ практикѣ англійскихъ судовъ, гдѣ стороны, какъ извѣстно, даютъ объясненія передъ допросомъ своихъ свидѣтелей и заранее излагаютъ свою программу и свои доказательства, такъ что предупрежденный судья всегда можетъ своевременно устранить любое доказательство, по его мнѣнію не идущее къ дѣлу.

По отношенію къ другимъ стадіямъ процесса, результаты нашей практики оказываются еще болѣе скудными. Такъ напримѣръ, вопросъ о предѣлахъ обвинительнаго акта остается вполне невыясненнымъ, а между тѣмъ обвинительный актъ служитъ у насъ программой судебного слѣдствія и впередъ опредѣляетъ, въ общихъ чертахъ, границы изслѣдованія. Изъ приведенныхъ выше кассационныхъ рѣшеній видно, что Сенатъ допускаетъ возможность указывать въ актѣ на предосудительность прошлаго поведенія и занятій подсудимаго (1868 № 829 Рыбаковской, 1888 № 6 Кравцова, 1890 № 17 Велья-

¹⁾ Того же мнѣнія держится и А. К. Вульфертъ въ своей статьѣ: „О вызовѣ свидѣтелей по ходатайству защиты“. Юридическій Вѣстникъ, 1884. № 1, стр. 125.

шева и др.). Однако, подобное расширеніе обвиненія противорѣчитъ правилу, изложенному въ 4 пунктѣ 520 статьи устава, согласно которой въ обвинительномъ актѣ должна быть означена только сущность собранныхъ доказательствъ и уликъ. Между тѣмъ, факты, рисующіе подсудимаго въ черномъ цвѣтѣ, но не стоящіе въ причинной связи съ приписываемымъ ему преступленіемъ, хотя и способны, конечно, вызвать предубѣжденіе въ присяжныхъ, но уликами названы быть не могутъ.

Этотъ же самый вопросъ нерѣдко возбуждался и по отношенію къ предварительному слѣдствію. Составители устава сознавали, что иногда можетъ встрѣтиться необходимость въ свѣдѣніяхъ о занятіяхъ, связяхъ и образѣ жизни обвиняемаго, но, по недоразумѣнію, они избрали для этого вполне устарѣвшую форму повального обыска, слегка измѣнивъ его подъ видомъ дознанія чрезъ оковыхъ людей. Они руководились преимущественно тѣмъ соображеніемъ, что обязанность личной явки въ судъ весьма тягостна и обременительна для свидѣтелей. „Число вызываемыхъ въ судъ должно быть, по необходимости, самое ограниченное, а именно, въ судъ должны быть требуемы только лица, могущія сообщить свѣдѣнія, которыя относятся прямо къ существу разсматриваемаго преступленія. Кромѣ того, весьма желательно, чтобы свѣдѣнія о характерѣ и нравственности подсудимаго имѣли какую-либо твердую точку опоры, и чтобы у насъ, при новомъ порядкѣ судопроизводства, не происходило голословныхъ по этому предмету преній, въ которыхъ, обыкновенно, прокуроръ, по свѣдѣніямъ, подъ рукою (?) собраннымъ, выставляетъ почти каждаго подсудимаго отъявленнымъ злодѣемъ, а защитникъ, по свѣдѣніямъ столь же мало достовѣрнымъ, выставляетъ то же лицо добродѣтельнымъ“¹⁾. Однако, наша практика окончательно

¹⁾ Судебные Уставы вѣд. Государств. Канцелярію. 1867. Часть 2, стр. 172.

осудила дознаніе чрезъ околныхъ людей, какъ вполнѣ без-
полезный и формальный институтъ, противорѣчащій прин-
ципамъ устности и непосредственности и, кромѣ того, со-
вершенно непримѣнимый къ жителямъ большихъ городовъ и
столицъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, Сенатъ почти упразднилъ фактически
это дознаніе, разъяснивъ, что и независимо отъ него, вопросы
о занятіяхъ, образѣ жизни и связяхъ подсудимаго должны быть
признаны относящимися къ дѣлу и могутъ быть предлагае-
мы каждому свидѣтелю, какъ на судебномъ, такъ и на пред-
варительномъ слѣдствіи (1869 № 564 Насавина, 1876 № 185
Паскаля и др.).

Исслѣдованіе прошлой жизни и поведенія обвиняемаго
не поставлено у насъ ни въ какія границы и зависитъ отъ
произвола судебного слѣдователя. Такая неопредѣленность
вызывала основательныя нареканія, и еще въ первые годы
послѣ судебной реформы г. Арсеньевъ указывалъ, что не-
справедливо усложнять положеніе обвиняемаго, безъ того уже
тяжелое, бросая ему въ лицо всю грязь, которую можно оты-
скать въ его прошломъ ¹⁾. Около двадцати лѣтъ спустя, во-
просъ этотъ снова былъ поднятъ въ нашей печати, по поводу
извѣстнаго дѣла о бывшемъ нотаріусѣ Назаровѣ, все некрасивое
прошлое котораго было вскрыто на предварительномъ слѣд-
ствіи. Авторъ вышепомянутой статьи объ области исслѣдованія
(О. С. „Область исслѣдованія въ предварительномъ и судебномъ
слѣдствіи, ея значеніе въ вердиктѣ и границы“. Юридическій
Вѣстникъ, 1888. № 12, стр. 552—577) горячо защищаетъ не-
ограниченную свободу слѣдствія, уподобляя его хирургической
операциі, и исходя изъ ошибочнаго предположенія, будто уго-
ловный судъ имѣетъ своею задачею указывать обществу на
его язвы. Другая статья, написанная по поводу того же дѣла
г. Щегловитовымъ („Предѣлы исслѣдованія на предвари-
-

¹⁾ К. К. Арсеньевъ. Преданіе суду. СПб. 1870. стр. 76.

номъ слѣдствіи по судебнымъ уставамъ“. Журналъ Гражданскаго и Уголовнаго Права. 1889. Октябрь, стр. 116—162), содержитъ нѣсколько основательныхъ практическихъ замѣчаній, но не отличается самостоятельностью взглядовъ, ибо всѣ теоретическія соображенія заимствованы авторомъ изъ работъ г. Случевского, къ которымъ мы поэтому и перейдемъ.

Работы В. К. Случевского, которому въ нашей литературѣ безспорно принадлежитъ инициатива постановки вопроса объ относимости, были имъ доложены уголовному отдѣленію С.-Петербургскаго Юридическаго Общества, въ видѣ двухъ послѣдовательныхъ рефератовъ подъ заглавіемъ: „О предѣлахъ власти уголовного суда при устраненіи обстоятельствъ къ дѣлу неотносящихся“. Первоначальный трудъ, прочитанный авторомъ въ засѣданіи 14 Апрѣля 1879 года ¹⁾, вызвалъ оживленный обмѣнъ мыслей, подъ вліяніемъ котораго г. Случевскій передѣлалъ и значительно расширилъ свою работу, а затѣмъ снова доложилъ ее Обществу въ засѣданіяхъ 12 Января, 9 Февраля и 8 Марта 1880 года ²⁾. Къ величайшему сожалѣнію, трудъ В. К. Случевского остался не напечатаннымъ, и судить о немъ возможно только на основаніи отчетовъ въ протоколахъ, въ которыхъ изложены также весьма интересныя замѣчанія присутствовавшихъ въ засѣданіяхъ В. Д. Спасовича, Н. С. Таганцева, И. Я. Фойницкаго, А. Θ. Кони и А. Θ. Кистяковского.

Два года спустя, г. Случевскій опять вернулся къ этому

¹⁾ Журналъ Гр. и Уголовнаго Права. 1880. Книги первая (Январь—Февраль) и вторая (Мартъ—Апрѣль). Протоколы засѣданій уголовн. отдѣленія СПб. Юридическаго Общества, стр. 69—83, 91—95, 106—110.

²⁾ Журналъ Гр. и Уголовнаго Права. 1880. Книга пятая (Сентябрь—Октябрь). Протоколы засѣданій уголовного отдѣленія СПб. Юридическаго Общества, стр. 3—32.

вопросу въ рефератѣ (тоже ненапечатанномъ): „О выработкѣ въ русскомъ уголовномъ судопроизводствѣ, въ дѣлахъ, разбираемыхъ съ присяжными засѣдателями, правилъ о судебныхъ доказательствахъ“. (Журналъ Гражданскаго и Уголовнаго Права. 1882 г. Книга девятая, Декабрь. Протоколы уголовного отдѣленія СПб. Юридическаго Общества, стр. 11—19). Наконецъ, въ послѣднемъ трудѣ того же автора: „Учебникъ русскаго уголовного процесса. Судопроизводство. СПб. 1892“, также содержатся, на стр. 151—153, 166—171, нѣкоторыя указанія по вопросу объ относимости. Пользуясь перечисленными выше работами, я постараюсь изложить, въ сжатомъ видѣ, главные выводы, къ которымъ пришелъ ихъ авторъ.

I.

1. Границы уголовного изслѣдованія, по мнѣнію г. Случевского, прежде всего опредѣляются его цѣлью и средствами. Судебное слѣдствіе имѣетъ прямымъ своимъ назначеніемъ повѣрку доказательствъ обвиненія и защиты, съ цѣлью разрѣшенія вопроса о виновности подсудимаго и о наложеніи на него справедливой кары; поэтому повѣрка на судебномъ слѣдствіи какихъ либо постороннихъ обстоятельствъ, предпринимаемая исключительно въ интересахъ общественной пользы, не должна быть допускаема, ибо судъ не есть слѣдственная комисія для раскрытія общественныхъ золъ и неустройствъ.

2. Въмѣстѣ съ тѣмъ, разрѣшеніе дѣла не можетъ быть отложено на неопредѣленное время по недостатку способовъ для обнаруженія истины, и, стало быть, судебное изслѣдованіе должно сообразоваться съ тѣми наличными средствами и силами, которыя въ данное время находятся въ распоряженіи суда, и которыя при данныхъ условіяхъ практически примѣнимы и осуществимы.

3. Нѣкоторые обстоятельства настолько достовѣрны сами по себѣ, что вовсе не нуждаются въ доказательствѣ, напр. дѣйствующій положительный законъ, или факты всѣми признанные и свѣдѣнія общеизвѣстныя, составляющія такъ называемый *Notorium*.

4. Напротивъ, не допускается повѣрка обстоятельствъ сверхъестественныхъ, невозможныхъ и явно противныхъ извѣстнымъ законамъ природы (разумѣется, извѣстнымъ по времени, въ моментъ изслѣдованія, и присущимъ сознанию образованныхъ людей того вѣка); однако, по отношенію къ явленіямъ хотя и мало вѣроятнымъ, но не абсолютно невозможнымъ, каковы напр. колдовство или спиритизмъ, можетъ быть допущена повѣрка черезъ экспертовъ — представителей науки. Правило это относится къ объективной только сторонѣ явленій; что же касается до внутренней области сознания, то судъ не долженъ останавливаться ни передъ какою невѣроятностью, заключающеюся въ этомъ, съ субъективной стороны изслѣдуемомъ, сознаниі.

5. За указанными исключеніями, судъ обязанъ допускать всякое относящееся къ дѣлу доказательство, отнюдь не касаясь преждевременно вопроса о степени его достовѣрности и убѣдительности ¹⁾. Судъ, согласно совѣту Бентама, долженъ придерживаться не принципа исключенія доказательствъ, а принципа ихъ заподозрѣнія. Такъ напр., не слѣдуетъ устранять ложныя доказательства, ибо при всестороннемъ изслѣдованіи ложное показаніе можетъ иногда лучше освѣтить дѣло, чѣмъ иное показаніе вполне достовѣрное. Точно также не слѣдуетъ стѣсняться незначительною силою представляемаго доказательства, ибо лишь при окончательной его оцѣн-

¹⁾ Требованіе г. Случевского объ отдѣленіи вопроса объ относимости отъ вопроса о силѣ доказательства вполне справедливо, но суду всегда необходимо войти и въ общую предварительную оцѣнку достовѣрности доказательствъ, устраняя изъ нихъ заведомо непригодныя и способныя произнести лишь замѣшательство, напр. показанія умышленныхъ, или создать предубѣжденіе, напр. слухи и сплетни.

къ по существу и при сопоставленіи его съ другими по дѣлу доказательствами окажется возможнымъ опредѣлить съ точностью его доказательную силу.

6. Всякое допущенное доказательство въ свою очередь можетъ подлежать повѣркѣ. Критикѣ фактовъ должна предшествовать критика доказательствъ при помощи новыхъ доказательствъ. Такимъ образомъ, наряду съ изслѣдованіемъ фактовъ въ ширину, по поверхности и въ горизонтальномъ направленіи, идетъ одновременная повѣрка ихъ въ глубину, зондированіе ихъ въ вертикальномъ направленіи. Границы такой повѣрки теоретически опредѣлены быть не могутъ, ибо они зависятъ отъ особенностей каждаго даннаго случая. Необходимо лишь помнить, что по мѣрѣ увеличенія числа посредствующихъ доказательствъ, уменьшается степень ихъ доказательной силы.

7. Изслѣдованіе достовѣрности свидѣтельскаго показанія должно производиться не на основаніи оцѣнки личности свидѣтеля, а по характеру отношенія его къ данному дѣлу. Если изслѣдованіе личности самого подсудимаго часто бываетъ невозможно для суда, то еще затруднительнѣе и недостижимѣе изслѣдованіе личности каждаго мимолетно проходящаго передъ судомъ свидѣтеля. Подобное изслѣдованіе, если бы даже и допустить его, въ явный ущербъ интересамъ свидѣтеля, неминуемо приведетъ къ одностороннимъ и ошибочнымъ выводамъ, тѣмъ болѣе, что правдивость свидѣтеля не всегда стоитъ въ зависимости отъ его нравственныхъ свойствъ: по совершенно безразличному для него дѣлу и дурной человѣкъ скажетъ правду, тогда какъ нерѣдко даже хорошій человѣкъ можетъ отступить отъ истины, когда отъ его показанія зависитъ участь близкаго ему человѣка.

II.

1. Перейдемъ отъ этихъ общихъ замѣчаній непосредственно къ вопросу о предметахъ, лежащихъ внутри круга судебного изслѣдованія. Здѣсь г. Случевскій исходитъ изъ того положенія, что судопроизводственныя нормы служатъ для осуществленія нормъ матеріальнаго права. Поэтому, для опредѣленія того фактическаго матеріала, который долженъ быть изслѣдуемъ на судѣ, необходимо прежде всего выяснитъ, въ какихъ обстоятельствахъ дѣла выразился указанный въ матеріальномъ законѣ *составъ* изслѣдуемаго преступленія, т. е. та совокупность объективныхъ и субъективныхъ признаковъ, которою оно характеризуется, какъ запрещенное закономъ дѣяніе. Такимъ образомъ, главный и руководящій принципъ изслѣдованія состоитъ въ томъ, что въ нормахъ матеріальнаго права нужно искать критерій для опредѣленія тѣхъ границъ, до которыхъ должно быть производимо изслѣдованіе обстоятельствъ уголовного дѣла посредствомъ нормъ судопроизводственныхъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, не подлежитъ сомнѣнію, что при столкновеніи существенныхъ интересовъ правосудія съ интересами постороннихъ лицъ, послѣдніе должны быть приносимы въ жертву первымъ, ибо иначе возможно осужденіе людей невинныхъ. Поэтому, въ отношеніи сущности разсматриваемаго дѣла, судъ долженъ допускать изслѣдованіе всѣхъ обстоятельствъ, входящихъ въ законный составъ преступленія, совершенно не стѣсняясь интересами постороннихъ лицъ, которые могли бы при этомъ быть затронуты.

2. *Умыселъ*, въ качествѣ субъективнаго элемента состава преступленія, требуетъ особаго вниманія при изслѣдованіи, ибо главная задача суда состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить, вмѣщаетъ ли въ себѣ воля преступника, проявленная въ преступленіи, всѣ тѣ признаки сознанія и воли, ко-

ими въ законѣ характеризуется преступность этой воли и обуславливается примѣненіе кары. Необходимо отличать понятіе причинности отъ понятія отвѣтственности. Причинность выражается въ преемственной связи фактовъ, а отвѣтственность за нее обусловлена свойствами проявившейся въ этихъ фактахъ воли. Причины преступления, сами по себѣ, для суда безразличны, и онъ изслѣдуетъ лишь, не было ли въ числѣ этихъ причинъ сознательной воли преступника, направленной на злую и противозаконную цѣль. Въ преемственномъ рядѣ событій, входящихъ въ составъ причинности явленія, суду нужно останавливать свое изслѣдованіе только на тѣхъ событіяхъ, которыя оказали непосредственное вліяніе на развитіе данной преступной воли. Такимъ образомъ, ни причины, создавшія уголовное преступленіе, ни тѣ условія, которыя оказали вліяніе на образованіе этихъ причинъ, а исключительно только преступная воля, осуществившаяся въ данномъ дѣяніи, служитъ объектомъ изслѣдованія уголовного суда.

Изложенный взглядъ встрѣчаетъ противниковъ въ лицѣ представителей антропологической и соціологической школъ уголовного права, которые указываютъ, что, кромѣ выясненія свойствъ злой воли преступника, необходимо также изучить всю его жизнь въ прошломъ, мало того, его восходящихъ родственниковъ, семью, экономическія, соціальныя и физическія условія, повліявшія на складъ его жизни, на образованіе преступной рѣшимости. Очевидно, что съ точки зрѣнія новыхъ школъ предѣлы изслѣдованія въ уголовномъ процессѣ безконечно расширяются, да и самый судъ присяжныхъ засѣдателей оказывается непригоднымъ и явно некомпетентнымъ для такихъ мнимо-научныхъ изысканій¹⁾. Однако, по-

¹⁾ Журналъ Гражд. и Уголовн. Права. 1893 г. Книга вторая, Февраль Протоколы засѣданій уголовн. отдѣленія СПетербург. Юридическ. Общества за 1890 г. стр. 21—23. Пренія по реферату Г. В. Слюзберга „О классическомъ и позитивномъ направленіи въ наукѣ уголовного права“.

добное неопредѣленное, непомѣрное и безграничное расширение области изслѣдованія, по мнѣнію г. Случевского, весьма нежелательно, да и невозможно, ибо судъ преслѣдуетъ не научныя, а чисто практическія цѣли, и современныя средства, находящіяся въ его распоряженіи, слишкомъ грубы для такой филигранной работы, другихъ же благонадежныхъ способовъ изслѣдованія еще не открыто.

3. *Мотивы и цѣли* преступныхъ дѣяній по дѣйствующему матеріальному праву только изрѣдка входятъ въ законный составъ преступления, а слѣдовательно они лишь въ исключительныхъ случаяхъ подлежатъ всестороннему изслѣдованію, въ качествѣ существенныхъ признаковъ преступления. За предѣлами этихъ исключеній, мотивы и цѣли суть не болѣе, какъ побочныя обстоятельства, могущія способствовать къ опредѣленію мѣры отвѣтственности и къ выясненію вопроса, насколько вѣроятно предположеніе о виновности даннаго лица. По мнѣнію лучшихъ авторитетовъ науки права, мотивъ имѣетъ значеніе не для вмѣненія юридическаго, а только для вмѣненія нравственнаго, ибо и изъ хорошихъ мотивовъ можетъ возникнуть преступная воля, и изъ худыхъ побужденій могутъ произойти хорошіе поступки. Отсюда, однако, не слѣдуетъ, что мотивъ вовсе не подлежитъ оцѣнкѣ суда; такое заключеніе совершенно противорѣчило бы природѣ суда по совѣсти и внутреннему убѣжденію. Весь вопросъ сводится лишь къ тому, въ какихъ предѣлахъ возможно допускать выясненіе мотива. Каждый мотивъ можетъ быть изслѣдуемъ съ двухъ сторонъ: во 1) со стороны тѣхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, которыя содѣйствовали возникновенію и развитію мотива (сторона объективная), и во 2) со стороны тѣхъ психическихъ отношеній, въ которыхъ находилась къ этимъ обстоятельствамъ воля виновника преступления (сторона субъективная). Такъ какъ послѣдняя сторона имѣетъ преимущественное значеніе для уголовного суда, то

непосредственно ею и должно быть ограничено изслѣдованіе мотива. Напротивъ, выясненіе обстоятельствъ, относящихся къ объективной сторонѣ мотива, не входящаго въ составъ преступленія, не только является лишнимъ для суда и нецѣлесообразнымъ, но можетъ оказаться даже вреднымъ для правосудія, въ томъ случаѣ, если вниманіе суда, сосредоточившись на оцѣнкѣ объективной стороны мотива, упуститъ изъ виду субъективную его сторону. Отъ недостаточно точнаго разграниченія на судѣ обстоятельствъ, относящихся къ этимъ двумъ сторонамъ мотива, происходятъ на практикѣ наиболѣе частыя нарушенія предѣловъ судебного слѣдствія. Поэтому надо признать, что изслѣдованіе реального соотвѣтствія между субъективною и объективною стороною мотива и повѣрка этой послѣдней должны быть допускаемы только въ тѣхъ случаяхъ, когда мотивъ входитъ въ число законныхъ признаковъ преступленія.

Приведенный взглядъ г. Случевского встрѣтилъ возраженіе со стороны А. Θ. Кони, по мнѣнію котораго объективная сторона мотива всегда должна подлежать изслѣдованію, ибо судъ имѣетъ дѣло съ человѣкомъ, окруженнымъ внѣшнею средою, поставленнымъ въ тѣ или другія отношенія къ окружающимъ, къ обществу, къ существующему быту. Дѣйствія этого человѣка обыкновенно обусловливаются разнообразными явленіями и факторами окружающей жизни. Поэтому изученіе обстановки преступленія и условій, въ которыхъ стоялъ подсудимый, вообще необходимо для уразумѣнія дѣла, а особенно по дѣламъ напр. о поединкахъ, о сопротивленіи властямъ при размежеваніи угодій, о лжеприсягѣ и т. п.

В. Д. Спасовичъ, въ свою очередь, указалъ, что взглядъ г. Кони, въ сущности, мало чѣмъ разнится отъ мнѣнія г. Случевского и клонится лишь къ тому, чтобы были выяснены не только свойства мотива, но и моментъ его возникновенія и развитія. Прежде чѣмъ мысль получила прямое на-

правление къ преступленію, въ условіяхъ быта субъекта существовали данныя, расположившія его къ преступному замыслу. Эта бытовая обстановка образуетъ почву, изъ которой вырастаетъ мотивъ и въ которой онъ коренится. Составляя съ послѣднимъ нѣчто нераздѣльное, она интересуетъ изслѣдователя лишь настолько, насколько ею объясняется мотивъ, а потому нѣтъ надобности дѣлать ее предметомъ особаго изслѣдованія, отдѣльно отъ мотива. Но нѣтъ также никакой надобности, по мнѣнію г. Спасовича, различно относиться къ объективной сторонѣ мотива, смотря по тому, входитъ или не входитъ послѣдній въ законный составъ преступленія. Хотя бы свойство мотива и не входило въ составъ преступленія, какъ его существенный признакъ, все же, по неизбежному вліянію мотива на наказуемость, нельзя ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ воспретить сторонамъ изслѣдованіе мотива до его корней, но только до корней, а не за корни. Вполнѣ резонно слѣдуетъ допустить разборъ всѣхъ представленій и впечатлѣній, воспринятыхъ подсудимымъ и побудившихъ его сдѣлать нѣчто, но излишне провѣрять, были ли эти представленія истинны или ложны, имѣли ли они реальную подкладку и какою. Когда произошло убійство, то единственный вопросъ для криминалиста—подъ вліяніемъ какихъ идей убійца возненавидѣлъ свою жертву, а не судъ надъ этою жертвою для опредѣленія того, достойна ли она была ненависти. Изъ изложеннаго ясно, что тезисъ г. Случевского былъ имъ безъ надобности суженъ, ибо до корней мотива изслѣдованіе можетъ доходить во всѣхъ дѣлахъ, а дальше этихъ корней оно не должно идти ни въ какихъ.

4. *Характеръ и личность* подсудимаго являются послѣднимъ и наиболѣе спорнымъ предметомъ изслѣдованія. По мнѣнію г. Случевского, выясненіе характера обвиняемаго должно служить не конечною цѣлью, а только средствомъ для правильной оцѣнки внутренней стороны преступленія.

Поэтому свойства характера подсудимаго подлежат изслѣдованію лишь настолько, насколько они проявились въ совершенномъ имъ преступленіи. Такое ограниченіе, конечно, суживаетъ сферу изслѣдованія, но за то содѣйствуетъ развитію его въ глубину. Бываютъ изрѣдка случаи, въ которыхъ требуется возможно полное изслѣдованіе всей психики обвиняемаго, напр. при опредѣленіи состоянія его умственныхъ способностей или въ дѣлахъ объ убійствѣ; но, какъ общее правило, необходимо слѣдуетъ признать, что между свойствами судимаго дѣянія и изслѣдуемыми свѣдѣніями о нравственной личности обвиняемаго должна быть установленная взаимная связь.

Опровергая основательность такого общаго правила, г. Спасовичъ въ своемъ возраженіи указалъ, что, по его мнѣнію, изслѣдованіе единичнаго мотива совершенно невозможно безъ сопоставленія его съ выработанными жизнью нравственными привычками, со статикою воли извѣстнаго лица, съ навыкомъ его отвѣчать уже почти автоматически, извѣстнымъ образомъ, на внѣшніе стимулы. Характеръ, какъ сумма привычекъ воли, есть органическое цѣлое, которое нельзя дѣлить на части¹⁾. Какъ далеко можетъ идти его изслѣ-

¹⁾ Мнѣ кажется, что въ основу настоящаго спора легло нѣкоторое различіе въ пониманіи слова „характеръ“. Г. Случевскій употребляетъ это слово въ широкомъ (популярномъ) смыслѣ, какъ синонимъ „нравственной личности“, которая, разумеется, состоитъ изъ самыхъ разнообразныхъ свойствъ, наклонностей и особенностей ума, чувства и воли. Такимъ характеромъ, или, вѣрнѣе говоря, *психическою индивидуальностію* обладаетъ всякій человѣкъ. Частный анализъ отдѣльныхъ элементовъ и отличительныхъ признаковъ этой индивидуальности, вроде напр. лѣности или вспыльчивости, жестокости или лживости, вполне возможенъ, а для правосудія бываетъ иногда и необходимъ. Напротивъ, г. Спасовичъ понимаетъ слово „характеръ“ въ узкомъ (научномъ) смыслѣ, какъ сложившуюся и организованную совокупность привычекъ воли, то есть какъ стройную и выработанную *систему хотѣній*, объединенную общимъ началомъ, всегда послѣдовательную и вѣрную самой себѣ. Такой цѣльный характеръ, конечно, вполне оригиналенъ и неразложимъ, но имъ обладаютъ лишь немногіе люди, а всего менѣе преступники, обыкновенно представляющіе изъ себя воплощенную безхарактерность.

дованіе? Можно ли напустить туману, приведя цѣлый батальонъ хвалильщиковъ, и можно ли вскрыть всю прошлую жизнь подсудимаго, его семейныя отношенія, его политическій образъ мыслей, по поводу совершеннаго имъ преступленія? Правило, предложенное г. Случевскимъ, и половинное, и зла не предупреждаетъ. Оно походитъ на то, какъ если бы въ случаѣ болѣзни руки врачу разрѣшено было изслѣдовать верхнюю половину тѣла только по поясъ, а въ случаѣ болѣзни ноги—нижнюю часть только по поясъ. Согласно этому правилу, въ преступленіяхъ противъ личности можно будетъ открывать семейныя тайны, личныя сокровеннѣйшія отношенія, а въ преступленіяхъ по имуществу всѣ, съ кѣмъ бы то ни было, расчеты по имуществу. И выйдетъ, что не смотря на это правило, возможны будутъ злоупотребленія, свойственныя французскому процессу: старый человѣкъ судится, а въ изображеніе его характера входитъ и то, что будучи ребенкомъ онъ кусалъ грудь мамки и мальчикомъ кралъ яблоки изъ сосѣдняго сада. Вопросъ существуетъ и вопросъ важный; надо безобразія прекратить и изслѣдованіе тайнъ жизни ограничить. Однако, рѣшеніе этой задачи, предложенное въ настоящемъ тезисѣ г. Случевскимъ, нельзя, по мнѣнію г. Спасовича, признать удовлетворительнымъ и вопросъ по прежнему остается открытымъ.

Напротивъ, Н. С. Таганцевъ, вполне соглашаясь, какъ съ этимъ, такъ и съ прочими основными положеніями реферата В. К. Случевского, превосходно резюмировалъ ихъ слѣдующимъ образомъ: „Отвѣтъ на вопросъ, въ какой мѣрѣ должно производиться изслѣдованіе преступленія, весьма простъ: оно должно быть обслѣдовано, насколько то необходимо для справедливаго примѣненія кары. Отправной точкой такого изслѣдованія должно служить преступное событіе. Личность преступника, конечно, отражается въ фактѣ преступленія, но безъ факта она и не вызываетъ уголовнаго преслѣдова-

нія. Все, что относится къ законному составу преступленія, должно быть доказано на судѣ. Никакія стѣсненія въ этомъ отношеніи не могутъ быть допущены. Но далѣе вполнѣ обстоятельнаго разъясненія законнаго состава преступленія идти нельзя, иначе судъ не будетъ уже имѣть возможность уяснить точно предѣлы изслѣдованія. Точно также, личность преступника подлежитъ изслѣдованію лишь настолько, насколько она вложилась въ фактъ даннаго преступнаго дѣянія и, въ этомъ случаѣ, составляетъ одинъ изъ элементовъ преступленія. Затѣмъ, изъ фактовъ, предшествовавшихъ преступному событію, подлежатъ разсмотрѣнію лишь тѣ, которые непосредственно вызвали преступное дѣяніе. Обстановка имѣетъ значеніе или какъ условіе состава преступленія, или какъ объясненіе мотива дѣйствія. Поэтому она должна быть допускаема къ изслѣдованію лишь настолько, насколько она отразилась на личности преступника и послужила стимуломъ къ преступленію, — слѣдовательно, насколько она вошла въ мотивъ преступленія. Въ этихъ предѣлахъ, разсмотрѣніе разнообразныхъ условій обстановки можетъ вредно отозваться на разборѣ самаго дѣла, такъ какъ все вниманіе присяжныхъ можетъ сосредоточиться на обстоятельствахъ побочныхъ, а существенные пункты останутся на второмъ планѣ. Наконецъ, характеръ преступника подлежитъ изслѣдованію, поскольку онъ можетъ служить опредѣляющимъ моментомъ для наказуемости преступленія. Опасность преступленія для государства заключается, какъ извѣстно, не столько въ фактѣ преступленія, сколько въ свойствѣ личности подсудимаго, а потому на судѣ, очевидно, не могутъ быть пройдены молчаніемъ факты, свидѣтельствующіе о вкоренившейся въ субъектѣ привычкѣ къ преступленію, или, наоборотъ, объ его безупречной жизни. Но всѣ эти отгѣнки преступленія и характеристическія свойства личности подсудимаго должны быть изслѣдованы лишь сообразно съ указаніями самого закона“.

Заканчивая изложеніе взглядовъ отечественныхъ юристовъ на вопросъ о предѣлахъ изслѣдованія въ уголовномъ процессѣ, я не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести общую оцѣнку значенія этого вопроса, сдѣланную В. Д. Спасовичемъ въ слѣдующихъ прочувствованныхъ словахъ, обращенныхъ къ В. К. Случевскому:

«Что касается до избраннаго вами предмета, то я лично не могу не выразить вамъ своей благодарности именно за выборъ его. Конечно, вы на него натолкнулись при отправленіи вашей профессиональной судейской дѣятельности. Вамъ представлялся вопросъ—какъ поступать? Законъ молчитъ; слѣдовательно, повидимому, даетъ просторъ произволу, но произволъ противенъ не только вашей природѣ, но и пріобрѣтеннымъ въ вашей почтенной средѣ судейскимъ профессиональнымъ привычкамъ рѣшать всѣ вопросы разумно и резонно, а не произвольно, какъ Богъ на душу положить.— Васъ не остановило даже и то обстоятельство, что наши учителя, французы и нѣмцы, такъ и взвалили всю работу на предсѣдателя, на его *pouvoir discrétionnaire*, предоставляя ему что угодно оглашать à titre de renseignement и для *Ermittelung der Wahrheit*. Вы отъ континентальныхъ сожителей предпочли обратиться къ заморскимъ учителямъ учителей, у которыхъ многовѣковой опытъ жизни, среди условій широкой гражданской свободы, выработалъ путемъ обычая и практики, тѣмъ путемъ, который единственно возможенъ въ настоящемъ случаѣ, обстоятельныя правила о допустимости доказательствъ. Въ этомъ случаѣ вы были вѣрнымъ послѣдователемъ и хранителемъ преданій лучшихъ представителей магистратуры нашей, которымъ вѣрялись вѣсы правосудія съ самаго изданія судебныхъ уставовъ, и которые больше всего заботились объ установленіи не инквизиціоннаго, но состязательнаго начала въ судѣ, не объ усиленіи средствъ обвиненія допущеніемъ всякихъ способовъ изобли-

ченія подсудимыхъ, но объ гарантіи личности; не объ увеличеніи матеріала, изъ котораго должно вырабатываться убѣжденіе, но объ исключеніи изъ него всякихъ сомнительныхъ данныхъ, даже объ исключеніи самаго сознанія подсудимаго, даннаго при предварительномъ слѣдствіи. Ясно, что если есть какая нибудь возможность установить, хотя бы теоретически, на разумныхъ основаніяхъ предѣльную черту между тѣмъ, что допустимо и что недопустимо, то отъ этой работы въ барышѣ будетъ только лицо пациента, только лицо подсудимаго, выносящаго на своихъ плечахъ уголовный процессъ, лицо, которое можетъ быть и безвинно. Органъ государства, предсѣдатель, всегда склоннѣе, въ предѣлахъ предоставленной ему произвольной власти, порадовать для государства. Огромное большинство предсѣдателей изъ коронныхъ судей вездѣ, въ цѣломъ мірѣ, само того не сознавая, склонно расширять область изслѣдованія для обвиненія, оставивъ защитѣ только закономъ ей отведенное; такова уже натура вещей и необходимость положенія короннаго судьи. Слѣдовательно, если защитѣ доставляется возможность посредствомъ теоріи требовательно сказать: „тѣхъ сторонъ жизни и отношеній не вскрывать, а эти данныя вы не можете запретить мнѣ раскрывать и анатомировать“, то я полагаю, что это будетъ одна изъ великихъ побѣдъ, одержанныхъ судейскимъ умомъ и судейскими средствами“.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Правила объ относимости въ англійскомъ процессѣ.

Многочисленныя англійскія сочиненія о доказательствахъ могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи. Первая и самая обширная категорія ихъ состоитъ изъ весьма пространныхъ сборниковъ, имѣющихъ вполне практическое назначеніе служить справочными пособіями для судебныхъ дѣятелей. Таковы, напримѣръ, извѣстныя руководства Филлипса, Стэрри, Роско, Гринлифа, Тейлора и другихъ. Ко второй категоріи, напротивъ, относится сравнительно небольшое количество трудовъ, посвященныхъ систематической разработкѣ общихъ вопросовъ англійскаго доказательственного права. Среди писателей этого направленія наиболѣе выдаются Бентамъ, Бестъ и Стифенъ, олицетворяющіе собою три поколѣнія юристовъ. Дѣятельность Бентама относится къ первой четверти настоящаго столѣтія, когда англійское судопроизводство еще сохраняло всѣ свои средневѣковыя особенности¹⁾. Съ тѣхъ

¹⁾ Бентамъ много и долго работалъ надъ сочиненіемъ о доказательствахъ, особенно въ періодъ времени съ 1802 по 1812 годъ, но затѣмъ бросилъ эту работу, издавъ только конспектъ ея, подъ названіемъ: „Вступительный обзоръ рациональной теоріи доказательствъ“. (An introductory view of the Rationale of Evidence). Позднѣе Бентамъ передалъ всю массу своихъ незаконченныхъ и неотдѣланныхъ рукописей юному Джону Стюарту Миллю, который привелъ ихъ, по возможности, въ порядокъ, и въ 1827 году издалъ въ пяти томахъ, подъ заглавіемъ: „Рациональная теорія судебныхъ доказательствъ, преимущественно въ примѣненіи къ англійской практикѣ“. (Rationale of Judicial Evidence, specially applied to english practice). Тѣ же самыя матеріалы были обработаны другимъ

поръ, однако, въ законодательствѣ Англіи произведено было много существенныхъ улучшеній, такъ что ѣдкая и блестящая критика Бентама потеряла смыслъ и отошла въ область исторіи. Стифенъ справедливо сравниваетъ произведенія Бентама съ осколками гранаты, которые были засыпаны развалинами взорваннаго ими зданія. Сочиненіе Беста о принципахъ доказательственного права¹⁾, впервые вышедшее въ концѣ сороковыхъ годовъ, посвящено дальнѣйшему анализу теоретическихъ вопросовъ, поднятыхъ Бентамомъ. Наконецъ, въ семидесятыхъ годахъ, правила о доказательствахъ получили окончательную обработку въ трудахъ Джемса Фицджермса Стифена²⁾, и даже вошли отчасти въ дѣйствующее законодательство британской Остъ-Индіи, въ видѣ Индійскаго Акта о доказательствахъ, составленнаго Стифеномъ и вступившаго въ силу съ 1 Сентября 1872 года (*The Indian Evidence Act, № 1 of 1872*). Другой проектъ доказательственного устава, предназначавшійся для самой Англіи, былъ выработанъ Стифеномъ въ 1873 году, по приглашенію генераль-атторнея лорда Кольриджа, но послѣдній даже не успѣлъ предложить его парламенту, вслѣдствіе паденія ми-

и послѣдователемъ Бентама, Дюмономъ, который выдѣлялъ изъ нихъ болѣе общія теоретическія основы и издалъ на французскомъ языкѣ, въ двухъ томахъ, въ 1823 году (*J. Bentham. Traité des preuves judiciaires, 1823. Genève*). Последнее сочиненіе имѣется и въ русскомъ переводѣ: „О судебныхъ доказательствахъ“. Трактагъ Іереміи Бентама, по изданію Дюмона переведенъ съ французскаго И. Гороповичемъ. Кіевъ. 1876.

¹⁾ W. M. Best. *A treatise on the Principles of the Law of Evidence*. London. 1849. Сочиненіе это немедленно по выходѣ было переведено на нѣмецкій языкъ. Марквардсеномъ: „W. M. Best's Grudzüge des Englischen Beweisrechts, bearbeitet und herausgegeben von P. Heinrich Marquardsen. Heidelberg. 1851.

²⁾ J. F. Stephen. *A general view of the criminal law of England*. London. 1863. Книга Стифена была переведена и на русскій языкъ г. Спасовичемъ: „Уголовное право Англіи въ краткомъ очертаніи“. СПб. 1865. Главныя же работы Стифена суть: „Введеніе къ Индійскому Акту о доказательствахъ“ (*Introduction to the Indian Evidence Act. 1872*), и „Сводъ правилъ о доказательствахъ“ (*A Digest of the Law of Evidence. 1876*).

нистерства, къ которому онъ принадлежалъ. Два года спустя, Стифенъ читалъ курсъ доказательственного права студентамъ высшихъ Судебныхъ Школъ въ Лондонѣ (Inns of Court), и, въ качествѣ пособія для слушателей, издалъ свой проектъ отдѣльною книгою, подъ названіемъ: „Сводъ правилъ о доказательствахъ“, исключивъ изъ него всѣ предположавшіяся нововведенія и снабдивъ его подробнымъ предисловіемъ и примѣчаніями.

Послѣдній трудъ Стифена выгодно отличается отъ всѣхъ прочихъ англійскихъ сочиненій о доказательствахъ своимъ сжатымъ, но въ то же время вполне яснымъ и отчетливымъ изложеніемъ. Самые правила о доказательствахъ изложены въ немъ, по образцу Индійскаго Акта, въ 140 статьяхъ, сопровождаемыхъ пояснительными примѣрами. По отношенію собственно къ вопросу о предѣлахъ судебного изслѣдованія, сочиненіе Стифена содержитъ въ себѣ весьма подробно разработанную теорію относимости, заимствованную въ основныхъ чертахъ у Бентама. Не менѣе подробно изложены и практическія правила объ относимости, существующія въ современномъ англійскомъ процессѣ. Въ силу указанныхъ достоинствъ, сочиненіе Стифена является несомнѣнно наилучшимъ источникомъ для ознакомленія читателей съ тѣми результатами, къ которымъ пришла англійская практика при разрѣшеніи интересующаго насъ вопроса о предѣлахъ изслѣдованія въ уголовномъ процессѣ¹⁾.

Вся книга Стифена распадается на три части. Первая

¹⁾ Профессоръ Л. Е. Владиміровъ въ своемъ „Ученіи объ уголовныхъ доказательствахъ“ (Общая часть, 2 изд. 1888, стр. 199—206) излагаетъ теорію относимости исключительно на основаніи книги Стифена. Подробный анализъ этого вопроса, однако, не входилъ въ задачу г. Владимірова, вслѣдствіе чего онъ коснулся его лишь мимоходомъ. Равнымъ образомъ и въ вышеупомянутомъ сочиненіи Глазера: „Beiträge zur Lehre vom Beweis im Strafprozess“ также содержатся, при изложеніи вопроса объ относимости, многочисленныя цитаты изъ книги Стифена, напримѣръ на стр. 66, 69, 166—167 и др.

часть трактуетъ объ относимости (статьи 1—57 Свода), вторая—о свидѣтельскихъ показаніяхъ и преимущественно о письменныхъ доказательствахъ по гражданскимъ дѣламъ (ст. 58—92 Свода), и третья—о бремени доказанія, объ отводѣ свидѣтелей и порядкѣ ихъ допроса (ст. 93—140 Свода).

При ближайшемъ разсмотрѣніи первой части Свода, оказывается, что Стифенъ, установивъ общую теорію относимости, излагаетъ затѣмъ четыре категоріи *фактовъ неотносящихся къ дѣлу, а именно:*

1. Факты сходные, но спеціально не связанные между собою причинною связью. (*Res inter alios actae.*)

2. Фактъ, что нѣкоторое лицо, не вызванное въ качествѣ свидѣтеля, подтверждаетъ существованіе извѣстнаго факта. (Свидѣтельство по наслышкѣ—*Hearsay.*)

3. Фактъ, что нѣкоторое лицо держится того мнѣнія, что извѣстный фактъ существуетъ. (Мнѣніе—*Opinion.*)

4. Фактъ, что репутація извѣстнаго лица такова, что она дѣлаетъ вѣроятнымъ или невѣроятнымъ приписываемое ему поведеніе. (Репутація—*Character.*)

Изъ этой схемы нетрудно видѣть, что наряду съ первой и четвертою категоріею фактовъ, правильно исключаемыхъ вслѣдствіе ихъ неотносимости, Стифенъ поставилъ двѣ другихъ категоріи фактовъ, не допускаемыхъ единственно по причинѣ ихъ неопредѣленности и недостоверности. Дѣйствительно, англійскими судьями строго соблюдаются оба правила, гласящія, что „наслышка не есть доказательство“ и что „мнѣнія свидѣтелей на судѣ не допускаются“, но правила эти исходятъ изъ совершенно другихъ принциповъ. Наслышка (*hearsay evidence*) исключается потому, что она представляетъ изъ себя ничѣмъ не гарантированный пересказъ чужихъ словъ, иначе говоря, она является показаніемъ такого свидѣтеля, который на судѣ не вызывался, присяги не принималъ и перекрестному допросу подвергнутъ не былъ.

Точно также, личные мнѣнія и предположенія свидѣтеля (*opinion-evidence*) не допускаются, какъ въ силу ихъ неопредѣленности и бездоказательности, такъ и въ силу того, что за ложное мнѣніе нельзя привлечь свидѣтеля къ отвѣтственности. Между тѣмъ, и свидѣтельство по наслышкѣ, и мнѣнія свидѣтелей могутъ подчасъ относиться къ самому существу дѣла, и слѣдовательно Стифенъ неправильно считаетъ ихъ фактами неотносящимися. Но кромѣ того, Стифенъ, при изложеніи рубрики *hearsay-evidence* (статьи 14—47 Свода), чрезвычайно расширилъ ее, включивъ въ нее множество постороннихъ темъ, вродѣ, напримѣръ, вопроса о собственномъ сознаніи подсудимаго, о признаніяхъ сторонъ по гражданскимъ дѣламъ, о прочтеніи слѣдственныхъ актовъ и протоколовъ прежнихъ показаній свидѣтелей, о доказательной силѣ судебныхъ приговоровъ по другимъ дѣламъ и т. д. Равнымъ образомъ и рубрика *opinion-evidence* (статьи 48—54 Свода), какъ имѣющая своимъ предметомъ ученіе объ экспертизѣ, въ сущности вовсе не относится къ вопросу о предѣлахъ изслѣдованія.

Такое непомѣрное расширеніе отдѣла объ относимости встрѣчается изъ всѣхъ англійскихъ писателей только у одного Стифена, который очевидно упустилъ изъ виду то различіе, о коемъ было говорено выше на 7—8 стр., и къ обстоятельствамъ *неотносящимся* (*irrelevant*) примѣшалъ обстоятельства *недопустимыя* (*inadmissible*)¹⁾. Хотя терминъ *irrelevant* иногда дѣйствительно примѣняется въ англійской юридической литературѣ ко всѣмъ вообще исключаемымъ обстоятельствамъ безразлично, но по отношенію къ двумъ указаннымъ видамъ доказательствъ, т. е. къ *hearsay* и *opinion-evidence*, англійскіе писатели преимущественно употребляютъ

¹⁾ На эту ошибку Стифена указываетъ, между прочимъ, и Глазеръ. См. J. Glaser. Beiträge zur Lehre vom Beweis im Strafprozess S. 68.

терминъ inadmissible¹⁾, и объ эти категоріи излагаются у нихъ совсѣмъ особо и независимо отъ правилъ объ исключеніи неотносящихся къ дѣлу фактовъ. Въ силу такихъ соображеній и мы можемъ оставить въ сторонѣ двѣ обширныя главы Свода, посвященныя различнымъ вопросамъ hearsay и opinion-evidence, и занимающія цѣлыхъ двѣ трети всего отдѣла объ относимости.

Равнымъ образомъ, при изложеніи остальной части этого отдѣла, мы можемъ опустить всѣ второстепенныя подробности, которыя непосредственно касаются только гражданского процесса. Для болѣе точной передачи взглядовъ Стифена представляется вполне умістнымъ по возможности сохранить также и его систему изложенія доказательственныхъ правилъ въ видѣ отдѣльныхъ статей, сопровождаемыхъ пояснительными примѣрами, заимствованными изъ руководящихъ судебныхныхъ рѣшеній. Необходимо только замѣтить, что вслѣдствіе вышеуказанныхъ сокращеній, число и распредѣленіе этихъ статей въ настоящемъ изложеніи по необходимости значительно отступаетъ отъ подлинника.

I.

Общая теорія относимости.

Статья 1. Въ каждомъ дѣлѣ можно представлять доказательство существованія или несуществованія всякаго основнаго факта и всякаго факта, имѣющаго отношеніе къ основному, но отнюдь не другихъ фактовъ.

¹⁾ Напр. Powell's Principles and Practice of the Law of Evidence. 4 ed. 1875, p. 137: „Hearsay is inadmissible“, p. 727: „Evidence of opinion is generally inadmissible“. См. также Best. Principles, p. 640; Roscoe's Digest, p. 25; Russel. On Crimes, p. 750; Greenleaf. Treatise, vol. I. p. 122; Bentham, Works. v. VII. p. 134, и др.

Судья можетъ устранить доказательство такихъ фактовъ, которые хотя и имѣютъ отношеніе къ основнымъ, но признаны судьей настолько отдаленными, что не представляютъ значенія для дѣла.

Подъ словомъ „фактъ“ подразумѣвается:

1) Все, что можетъ быть воспринято съ помощью внѣшнихъ чувствъ.

2) Всякое душевное состояніе, сознаваемое испытывающимъ его лицомъ.

Каждая часть всякаго факта сама составляетъ фактъ.

Подъ выраженіемъ „основные факты“ подразумѣваются всѣ факты, вслѣдъ за установленіемъ коихъ будутъ, въ силу закона, признаны или отвергнуты наличность, отсутствіе, существо или пространство какого либо права или обязанности.

Относимость однихъ фактовъ къ другимъ опредѣляется согласно принципамъ и правиламъ, изложеннымъ въ послѣдующихъ статьяхъ.

Примѣры: а) Что извѣстные предметы расположены въ извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстномъ порядкѣ, это есть фактъ.

Что человекъ слышалъ или видѣлъ нѣчто—есть фактъ.

Что человекъ произнесъ извѣстные слова—есть фактъ.

Что человекъ держится извѣстнаго мнѣнія, имѣетъ извѣстное намѣреніе, дѣйствуетъ добросовѣстно или мошеннически, что онъ употребляетъ нѣкоторое слово въ особенномъ смыслѣ, что онъ сознаетъ или въ данное время сознавалъ опредѣленное ощущеніе—все это суть факты.

б) А обвиняется въ предумышленномъ убійствѣ В и не признаетъ себя виновнымъ.

Основными фактами могутъ быть нижеслѣдующіе:—фактъ, что А причинилъ смерть В. Фактъ, что А, въ то время когда онъ убилъ В, не могъ, вслѣдствіе болѣзни, имѣть понятія о противозаконности своего дѣянія. Фактъ, что А подвергнулся со стороны В такому оскорбленію, которое сводитъ его поступокъ къ убійству въ запальчивости.

Фактами, относящимися къ основнымъ, будутъ нижеслѣдующіе:—фактъ, что А имѣлъ побудительную причину для убійства В. Фактъ, что А признавался въ умышенномъ убійствѣ В. Фактъ, что послѣ смерти В въ рукахъ у А находились вещи, взятые съ тѣла В.

Въ дополненіе къ правилу, изложенному Стифеномъ въ этой статьѣ, я долженъ упомянуть еще о такъ-называемомъ *surplusage*, то есть „излишкѣ“. Этимъ терминомъ въ англійскомъ доказательственномъ правѣ обозначается все излишнее и безразличное для дѣла. По основному положенію англійскаго процесса признается:

1) что всякое доказательство должно соответствовать утверждаемымъ положеніямъ и ограничиваться только спорными пунктами (*The evidence must correspond with the allegations, and be confined to the points in issue*);

2) что достаточно доказать только сущность утверждаемаго положенія (*It is enough if only the substance of the issue be proved*)¹⁾.

Отсюда слѣдуетъ, что всякое положеніе и всякій фактъ, которые могутъ быть исключены изъ обвинительнаго акта или изъ объясненій сторонъ, нисколько не повліявъ на исходъ дѣла, являются безразличными и вполнѣ излишними (*mere surplusage*), и, слѣдовательно, доказываемы быть не должны, ибо будутъ ли они доказаны или нѣтъ, все равно дѣло отъ этого нисколько не измѣнится²⁾.

До середины настоящаго столѣтія, въ Англіи господство-

¹⁾ S. Greenleaf. Treatise, 13 ed. I vol. p. 66, 76, 83; Powell's Principles, 4 ed. p. 470—477, 507—510; Roscoe's Digest, 9 ed. p. 87—92; Russel. On Crimes. 3 ed. p. 786—788 и др.

²⁾ См. также J. Glaser, Anklage, Wahrspruch etc. S. 122, 126, 187. И. Я. Фойницкій. Русск. уг. судопроизводство. Предметъ и движеніе уголовного разбирательства. СПб. 1893. стр. 113.

валъ невѣроятный формализмъ по отношенію къ обвинительному акту по болѣе важнымъ преступленіямъ. Отъ этого акта требовалась идеальнѣйшая точность. Самая ничтожная ошибка или даже описка клерка, составлявшаго актъ, влекла за собою отмѣну всего производства. Такъ напримѣръ, Милль, въ примѣчаніи къ трактату Бентама, приводитъ слѣдующій случай. Въ 1806 году обвинялся нѣкій Джонъ Гэнней въ убійствѣ Маріанны Робертсонъ, дочери чернорабочаго Джона Робертсона. На судебномъ слѣдствіи обнаружилось, что отецъ убитой былъ не чернорабочій, а портной, вслѣдствіе чего присяжные, по приглашенію судьи, признали подсудимаго „невиновнымъ въ преступленіи, означенномъ въ обвинительномъ актѣ“ ¹⁾. По словамъ Бентама, выходитъ, что клерку принадлежитъ право помилованія больше, чѣмъ королю, ибо послѣдній нуждается еще въ содѣйствіи хранителей малой и большой печати ²⁾. Уже въ XVII вѣкѣ главный судья лордъ Мэтью Гэль жаловался, что подобный формализмъ является „пятномъ для юстиціи и помѣхою для правосудія. Преступники скорѣе избѣгаютъ наказанія вслѣдствіе излишней податливости судей на отводы по неправильностямъ обвинительнаго акта, нежели вслѣдствіе своей невинности. Часто страшныя убійства, ночные взломы, разбои и иныя мерзкія и вопіющія преступленія остаются безнаказанными вслѣдствіе этихъ недостойныхъ ухищреній, въ ущербъ закону, въ посрамленіе правительству, въ поощреніе злодѣйства и въ поношеніе Богу. Давно бы пора исправить посредствомъ особаго закона сію чрезмѣрную наклонность къ ухищреніямъ, которая нынѣ сдѣлалась настоящею болѣзнію права и можетъ оказаться болѣзнію смер-

¹⁾ Bentham. Works. Ed. Bowring. v. VII, p. 257.

²⁾ Тамъ же.—Въ настоящее время, согласно статуту 6 Geo. IV, с. 25, помилованіе исходитъ отъ королевской власти, по представленію Государственнаго Секретаря.

тельною“¹⁾). Однако, общественное сознание не возмущалось оправданием заведомо виновных, ибо английские законы того времени отличались драконовскою жестокостью, такъ что судьи были рады, вопреки всякой логикѣ, придираться къ мельчайшимъ неточностямъ, и, толкуя законъ, по выраженію той эпохи, *in favorem vitae*, освобождали несомнѣнныхъ преступниковъ. Со смягченіемъ уголовныхъ наказаній, нецѣлостность такого формализма стала очевидною, и судебная практика начала постепенно измѣнять свой характеръ. Законъ, котораго желалъ лордъ Гэль, явился только два вѣка спустя.

Изданный 7 Августа 1851 года статутъ (14 et 15 Vict. c. 100—законъ лорда Кэмпбелля „о дальнѣйшихъ улучшеніяхъ въ отправленіи уголовного правосудія“) начинается слѣдующими словами:

„Имѣя въ виду, что преступники часто избѣгаютъ осужденія вслѣдствіе узкихъ формальностей, примѣняемыхъ въ уголовномъ процессѣ къ несущественнымъ обстоятельствамъ дѣла, и что предѣлы этихъ формальностей могутъ быть безопасно расширены, благодаря чему будетъ болѣе обезпечено наказаніе виновныхъ, съ сохраненіемъ въ то же время законныхъ способовъ защиты для обвиняемаго; имѣя, далѣе, въ виду, что по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ правосудіе часто оказывается безсильнымъ, вслѣдствіе неточнаго обозначенія въ обвинительномъ актѣ именъ, чиселъ, вещей и прочихъ предметовъ, несущественныхъ для дѣла, отъ каковаго неточнаго обозначенія интересы обвиняемаго нисколько не могутъ страдать“, и т. д.... Далѣе статутъ постановляетъ, что всѣ формальныя возраженія противъ несущественныхъ для дѣла неточностей обвинительнаго акта должны

¹⁾ Стифенъ. Уголовное право Англіи, пер. Спасовича, стр. 236.

быть заявлены суду до привода присяжных заседателей къ присягѣ, и судъ можетъ самъ сдѣлать надлежащія поправки и оговорки на обвинительномъ актѣ (ст. 1 и 25 статута).

Благодаря закону Кэмпбля, прежнее крючкотворство было окончательно прекращено, и сами обвиняемые перестали возражать противъ мелочныхъ подробностей акта, ибо они ничего не выигрывали отъ исправленія ихъ. Вопросъ о томъ, какія поправки (*amendments*) можно считать несущественными, разумѣется, зависитъ отъ усмотрѣнія суда. Въ видѣ общаго правила статутъ указываетъ, что простая неточность въ обозначеніи времени, мѣста, имени, качества, количества и цѣнности не имѣетъ существеннаго значенія, коль скоро ея не обусловливается тотъ или другой составъ преступленія (статьи 1, 18 и 24 статута). Подробности преступленія тоже безразличны, если только остается безъ измѣненія самый способъ его совершенія. Такъ напримѣръ, различіе будетъ несущественнымъ (*variance not material*), зарѣзанъ ли убитый ножомъ, или кинжаломъ, или саблею; задушенъ ли покойный голою рукою или инымъ предметомъ; отравленъ ли онъ тѣмъ или другимъ ядомъ; преступленіе остается однороднымъ—*eiusdem generis*. Но если обвинительный актъ говоритъ объ удушеніи, а убитый былъ въ дѣйствительности зарѣзанъ, то такое различіе считается „роковымъ“ (*fatal variance*) и производство по этому акту подлежитъ прекращенію.

Статья 2. Факты, которые хотя и не принадлежать къ числу основныхъ, но настолько связаны съ какимъ либо основнымъ фактомъ, что вмѣстѣ съ нимъ входятъ въ составъ одного и того же событія или предмета, признаются имѣющими отношеніе къ тому факту, съ которымъ они такъ связаны.

Примѣры: а) Вопросъ идетъ о томъ, дѣйствительно ли А застрѣлил В?

Относится къ дѣлу будетъ фактъ, что извѣстный свидетель, находившійся въ комнатѣ вмѣстѣ съ В, видѣлъ, непосредственно передъ выстрѣломъ, человека съ ружьемъ въ рукѣ, влѣзшаго въ открытое окно той комнаты, въ которой В былъ застрѣленъ, и что свидетель затѣмъ воскликнулъ: „Это мясникъ!“ (Прозвище, подѣ которымъ А былъ извѣстенъ).

б) Вопросъ, имѣетъ ли А, владѣющій однимъ берегомъ рѣки, право на все русло ея въ извѣстномъ мѣстѣ, или только на половину русла?

Относится къ дѣлу будетъ фактъ, что нѣсколько ниже спорнаго мѣста на рѣкѣ, А владѣетъ всѣмъ русломъ ея.

с) Вопросъ, дѣйствительно ли А причинилъ смерть В, наѣхавъ на него по неосторожности?

Относится къ дѣлу будетъ объясненіе В о причинѣ несчастія, данное имъ немедленно послѣ того, какъ его подобрали.

Статья 3. Когда какой либо поступокъ извѣстнаго лица является основнымъ фактомъ дѣла, или фактомъ относящимся, то нижеслѣдующіе факты признаются также имѣющими отношеніе къ дѣлу, а именно: всякій фактъ, которымъ объясняется мотивъ этого поступка, или который составляетъ приготовленіе къ нему.

все слѣдующее поведеніе этого лица, обусловленное его поступкомъ, и всѣ дальнѣйшія дѣйствія, бывшія результатомъ поступка и произведенныя самимъ лицомъ, или по его порученію.

всѣ сообщенія, сопровождавшія и объясняющія этотъ поступокъ, какъ исходившія отъ лица, его совершившаго, такъ и обращенныя къ этому лицу.

Равнымъ образомъ относится къ дѣлу и поведеніе потерпѣвшаго, въ особенности тотъ фактъ, что немед-

И. Гурляндъ.

ос

РИМСКІЙ ЮРИСТЪ ГАЙ

Р. С. 1

И

ЕГО СОЧИНЕНІЯ.

ЯРОСЛАВЛЬ.

Типо-литогр. М. Х. Фальнъ, Духовская ул., соб. домъ.

1884.)

Р. С. 1

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго юридическаго Лицея.
Директоръ *С. Шилевскій.*

„Sowenig die Entdeckung der Niebelungen oder Goettes und Schiller's Gedichte den Homer und Virgil, der Fortschritt der deutschen Philosophie Plato und Aristoteles, die neuere Geschichtsforschung den Thucydides und Tacitus, Raphael und Michel Angelo die Werke des Phidias uns enbehrlich gemacht haben: ebenso wenig wird unsere Rechtswissenschaft umhin können, sich immer von Neuem an dem, was das classische Alterthum für sie Unvergängliches hervor gebracht hat, zu spiegeln und aufzuerbauen“.

Bethman-Hollweg.

(Gai Institutiones, Z. f. R. V, p. 358).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Предисловіе.

Отдѣлъ I. Личность Гая, его жизнь и дѣятельность	1—58
§ 1. Годъ рожденія и смерти Гая	1—4
§ 2. Почему мы не знаемъ полного имени Гая?	4—8
§ 3. Гай былъ учителемъ права и юристомъ-теоретикомъ. Онъ не имѣлъ <i>jus respondendi</i>	8—11
§ 4. Мѣсто дѣятельности Гая	11—27
§ 5. Почему Гай не имѣлъ <i>jus respondendi</i> ?	27—31
§ 6. Списокъ сочиненій Гая и разборъ вопросовъ, связанныхъ съ опредѣленіемъ времени ихъ появленія	31—41
§ 7. Гай никѣмъ не цитировался и почему?	41—51
§ 7a. Чѣмъ руководствовались составители <i>digestъ</i> , когда они, вопреки постановленію Юстиніана цитировать только официально признанныхъ (респондентовъ) юристовъ, все-таки цитировали Гая? .	51—55
§ 8. Школы; Гай—Сабиньянецъ; сравненіе Гая съ Помпоніемъ	55—58
Отдѣлъ II. Сочиненія юриста Гая	58—153
§ 9. Комментаріи къ эдиктамъ	58—85
§ 10. <i>Libri III de verbor. obligat.</i> ; <i>lib. VI ad l. XII t.</i> ; <i>lib. XV ad l. Iul. et P.P.</i>	85—92
§ 11. <i>Institutiones libri IV</i>	92—132
А. Что такое <i>Institutiones</i> ?	92—104
В. Внѣшняя исторія институцій . .	104—113
С. Содержаніе и система институцій .	113—132
§ 12. <i>Libri aureorum V</i>	132—141
§ 13. Остальныя сочиненія Гая	141—149
§ 14. Общая характеристика сочиненій Гая	149—153

Предлагаемая работа была окончена въ 1891 г. и тогда-же, удостоенная Совѣтомъ Демидовскаго Лицея золотой медали, была обработана для печати. По разнымъ обстоятельствамъ, работа могла выйти изъ печати только теперь, когда уже на русскомъ языкѣ появился подобный-же сводъ мнѣній иностранныхъ, преимущественно германскихъ, юристовъ и историковъ объ интересующемъ насъ римскомъ юристѣ. Мы разумѣемъ появленіе книги профессора Ѳ. Дыдынскаго „Институціи Гая“ (Варш. 1892 г.). Въ этой книгѣ, въ введеніи, кратко, но вполне обстоятельно изложена извѣстная часть матерьяла, который собранъ и нами.

Не смотря на это, появленіе настоящей работы кажется намъ не совсѣмъ излишнимъ и вотъ по какимъ соображеніямъ: во первыхъ, проф. Дыдынскій коснулся только части тѣхъ вопросовъ, которыхъ пришлось коснуться намъ, а во вторыхъ, проф. Дыдынскій, излагая извѣстный вопросъ, даетъ читателю въ большинствѣ случаевъ только выводы, почти минуя тѣ пути, по которымъ онъ приходитъ именно къ такимъ, а не инымъ выводамъ.

Кромѣ указаннаго небольшого введенія къ книгѣ г. Дыдынскаго, на русскомъ языкѣ нѣтъ больше ни одной спеціальной работы о Гаѣ. Это и служить для насъ главнѣйшимъ мотивомъ при выпускѣ въ свѣтъ данной книги.

И. Г.

Ярославль.

Сентябрь 1893 года.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Личность Гая; его жизнь и дѣятельность.

§ 1.

Мы не знаемъ ни точнаго года рожденія Гая, ни точнаго года его смерти. Но, не смотря на это, мы можемъ почти съ увѣренностью отнести время его жизни ко II вѣку послѣ Р. Хр., къ промежутку между началомъ царствованія императора Адріана съ одной стороны и началомъ самостоятельнаго царствованія императора Коммода съ другой, т. е. къ промежутку между 120 и 180 годами.

Основанія для опредѣленія начальнаго предѣла мы находимъ въ сочиненіяхъ самого Гая. Такъ въ *libro primo fidei-commissorum* (l. 7 D. de reb. dub. XXXIV. 5), Гай, между прочимъ, говоритъ: „et nostra quidem aetate Serapias Alexandrina mulier ad divum Hadrianum perducta est“... Изъ подчеркнутыхъ словъ очевидно, что въ царствованіе Адріана Гай уже жилъ. О царствованіи Траяна, предшественника Адріана, Гай ни разу не упоминаетъ, какъ о времени ему близкомъ или хорошо знакомомъ. Царствованіе же Адріана несомнѣнно является для Гая таковымъ, что очевидно, напримѣръ, изъ слѣдующихъ мѣстъ: „ex novo senatus consulto quod auctore divo Hadriano factum est“.. (In. I, 30), „hoc tamen tempore e senatus consulto, quod auctore divo Hadriano“... (In. I, 77), „et nunc ex oratione divi Hadriani senatus consultum factum est“.. (In II, 285)¹⁾. Сколько лѣтъ было

¹⁾ Cp. Instit. II, 57; II, 143.

Гаю въ царствованіе Адріана, опредѣлить трудно. Дернбургъ ¹⁾ думаетъ, что Гай родился въ концѣ царствованія Траяна; Моммсенъ ²⁾ предполагаетъ, что передъ смертью Адріана Гай вступалъ уже въ зрѣлый возрастъ. Несомнѣнно только одно: передъ концемъ царствованія Адріана Гай уже окончилъ свое ученіе и уже приготавлился къ самостоятельной юридической дѣятельности, хотя ничего еще не выпускалъ въ свѣтъ; его писательская дѣятельность, такимъ образомъ, къ этому времени еще не началась.

Послѣ Адріана, отъ 138—161 г.г. царствовалъ Т. Аврелій Антонинъ Пій, за нимъ слѣдовалъ М. Аврелій Антонинъ Философъ, правившій сначала (до 169 г.) вмѣстѣ съ Люціемъ Веромъ (*Divi fratres*), затѣмъ одинъ (до 176 г.), а потомъ совмѣстно съ сыномъ Коммодомъ (до 180 г.) ³⁾. Въ теченіи всѣхъ этихъ царствованій Гай несомнѣнно жилъ и работалъ: объ этомъ достаточно краснорѣчиво свидѣлствуютъ его сочиненія ⁴⁾. Но закончилась ли его писательская дѣятельность къ концу совмѣстнаго царствованія М. Аврелія и Коммода или она продолжалась еще при самостоятельномъ царствованіи Коммода, т. е. послѣ 180 г.—вопросъ весьма спорный. Весьма вѣроятно, что второе мнѣніе основательнѣе. Дѣло въ томъ, что послѣднимъ по времени сочиненіемъ Гаю, о которомъ мы знаемъ, является его комментарий *ad senatus consultum Orphitianum*. Установлено, что этотъ с.с. изданъ въ 178 г. ⁵⁾. По свидѣтельству Ульпіана ⁶⁾, онъ изданъ отъ

¹⁾ Dernburg (*Die Institutionen des Gajus ein Collegienheft*, Halle, 1869 года р. 76) предполагаетъ, что Гай родился около 110 года; слѣдовательно, къ году смерти Адріана ему было 28 лѣтъ.

²⁾ Mommsen, *Gajus ein Provinzialjurist*, Bekker's und Mutter's Jahrbuch, III, p. 15.

³⁾ Пухта, *Ист. рим. пр.* М. 1864, стр. 262.

⁴⁾ См. ниже § 6 дан. раб.

⁵⁾ Dernburg (*l. c.* р. 76, п. 5) почему-то относитъ сс. *Orph.* къ 176 г.; ср. Mommsen (*l. c.* р. 15), Rudorf (*Römische Rechtsgeschichte*, p. 379) и др.

⁶⁾ Ulpian XXVI, 7.

имени обоихъ принцевъ: М. Аврелія и Коммода Гай, говоря объ этомъ s.c. прилагаетъ къ нему эпитетъ: *sacratissimī principis nostri (oratio)*¹⁾. Конечно, изъ того обстоятельства, что Гай употребилъ въ данномъ случаѣ слово *sacratissimus* въ единственномъ числѣ, а не во множественномъ, какъ слѣдовало бы ожидать, (s.c. изданъ отъ имени обоихъ принцевъ) по правильному замѣчанію Фиттинга²⁾, нельзя еще дѣлать никакого вывода. Такъ въ l. 9. D. ad. s.c. Tert. XXXVIII, 17: *sacratissimī principis nostri oratio*, хотя здѣсь говорится объ *oratio Marci et Commodi*; l. 10. § 4. D. de excus. XXVII, 1: „*subiecta divi Severi constitutio: Divi Severus et Antoninus Augusti Valerio rel.*“³⁾. Но изъ самаго употребленія эпитета „*sacratissimus*“, какъ указываетъ Карлова⁴⁾, несомнѣнно слѣдуетъ, что Гай написалъ данный комментарий уже послѣ смерти М. Аврелія. Если читать *sacratissimus* въ смыслѣ *divus*, то, очевидно, *divus* можетъ здѣсь относиться только къ М. Аврелію и тогда высказанное положеніе доказывается само собой. Если-же предположить, что *sacratissimus* употреблено Гаемъ по отношенію къ живущему еще принцу, то, въ виду свидѣтельства Моммсена⁵⁾, этимъ живущимъ принцемъ нужно считать именно Коммода, а не М. Аврелія. Эпитетъ *sacratissimus*, какъ видно изъ опубликованнаго Моммсеномъ декрета Коммода, встрѣчается тамъ въ изобиліи: *sacratissime imperator, sacrum rescriptum, sacra subscriptio* и проч.

Комментаріемъ ad sc. Orphitianum прекращаются для

¹⁾ L. 9. D. ad sc. Tert. XXXVIII, 17.

²⁾ Fitting (Ueber das Alter der Schriften Römischer Juristen von Hadrian bis Alexander, Basel 1860) p. 24.

³⁾ Fitting, l. c. p. 24, n. 44.

⁴⁾ Karlowa (Römische Rechtsgeschichte, I, Leipzig, 1885), p. 728. Съ нимъ согласны Fitting (l. c. p. 22), Krueger (Geschichte der Quellen und der Literatur des Römischen Rechtes, Leipzig, 1888) p. 183 и др.

⁵⁾ Mommsen (Hermes, XV p. 386 seq.), ср. Karlowa l. c.

насть всякіе слѣды о Гаѣ. По всей вѣроятности, Гай скоро умеръ. Какъ мы увидимъ ниже, Гай былъ человѣкъ весьма трудолюбивый, работавшій много и усердно. Онъ принадлежалъ по общему характеру своей личности къ тому типу людей, для которыхъ жить значитъ работать, а работать значитъ жить. Трудно думать, чтобы такой человѣкъ, хотя бы даже и въ старости, рѣшилъ совершенно положить перо: если бы, слѣдовательно, онъ жилъ и послѣ указаннаго времени, онъ бы, навѣрное, работалъ.

§ 2.

Въ виду того, что Гай по своему происхожденію и правовому состоянію былъ несомнѣнно римлянинъ¹⁾, его имя, подобно всѣмъ римскимъ именамъ, должно было состоять изъ трехъ частей: *praenomen*, *nomen gentilicium* и *cognomen*. Между тѣмъ до насъ дошло только его *praenomen* (и то не въ чистомъ своемъ видѣ, такъ какъ *Gaius* есть эллинизированное *Caius*), остальные же двѣ части его имени намъ неизвѣстны. Естественно рождается вопросъ, какимъ это образомъ и почему затерялось полное имя столь важнаго и выдающагося юриста?

Въ литературѣ предмета мы встрѣчаемъ нѣсколько попытокъ рѣшить этотъ вопросъ. I. Моммсенъ²⁾ прежде всего указываетъ на то обстоятельство, что до насъ дошла именно та часть имени Гая, которая всего скорѣе должна была затеряться, т. е. *praenomen*. Затѣмъ онъ говоритъ слѣдующее: „У римлянъ такіа рѣдко встрѣчающіяся и свойствен

¹⁾ Такъ, въ *libro primo ad l. XII tab.* (l. 233, § 2 D. de verb. sign. l. 16) Гай прямо противопоставляетъ себя грекамъ, говоря слѣдующее: *nam quod nos telum appellamus, illi (Graeci) βέλος appellant.... et id, quod ab arcu mittitur, apud Graecos quidem proprio nomine telum apelatur.* Въ нѣсколькихъ мѣстахъ Институцій онъ такимъ-же образомъ противопоставляетъ себя перегринамъ. См. l. I, § 55, 93, l. IV, § 37.

²⁾ Моммсенъ, цит. соч. р. 2—3.

ныя лишь немногимъ родамъ *граепотіа*, какъ *Апій* и *Сервій* и проч., легко могли превращаться въ: общеупотребительныя наименованія. Но никогда такой судьбѣ не подвергались *граепотіа* обыденныя, такъ какъ они слишкомъ распространены и поэтому сами по себѣ неудобны. Наоборотъ; у грековъ мы не встрѣчаемъ подобнаго явленія; по отношенію же къ грекамъ со стороны римлянъ мы наталкиваемся на явленіе прямо противоположное. Такъ, младшій и старшій Африканы называютъ *Полибія* просто *ὁ Πόπλιος*; Фламинія называютъ обыкновенно *ὁ Τίτος*; на греческихъ надписяхъ мы часто читаемъ: *Γάιος ὁ Μάρκος* и т. п. „Изъ всего этого Моммсенъ выводитъ предположеніе, что обозначеніе нашего юриста просто черезъ *Gaius* возникло не въ римскомъ, а въ греческомъ обществѣ, что, въ свою очередь, заставляеть его перенести жизнь и дѣятельность нашего юриста съ западной половины на восточную. Остальныя-же двѣ части имени затерялись сами собой отъ неупотребленія II. Derrburg¹⁾ объясняетъ интересующее насъ явленіе особой популярностью *Гая* среди сердечно къ нему привязанныхъ учениковъ и читателей. „Замѣна полного имени автора на его сочиненіяхъ какимъ либо прозвищемъ, говоритъ онъ, можетъ произойти лишь при его жизни: во всякомъ случаѣ, лишь до тѣхъ поръ, пока не изгладилось еще живое воспоминаіе о его личности. При этомъ подобная замѣна всегда свидѣтельствуетъ о громадномъ сбытѣ сочиненій писателя и о его популярности. Весьма возможно, что въ тѣсномъ кругѣ тѣхъ, которые читали и требовали въ книжныхъ лавкахъ сочиненія *Гая*, сложилась замѣна его полного имени прозвищемъ. Постепенно входя въ общее употребленіе, прозвище это сначала замѣнило собой позную подпись автора на послѣдующихъ изданіяхъ его сочиненій, а впослѣдствіи проникло и въ исторію.

¹⁾ Дерибургъ, цит. соч. р. 96 ссс.

Подобное предположеніе, говоритъ Дербургъ далѣе, становится еще очевиднѣе, если припомнить, что главными покупателями книгъ Гая были его ученики. Вполнѣ естественно, если эти послѣдніе называли своего любимаго учителя не полнымъ именемъ, а однимъ *ргаепотен*, какъ другъ называетъ друга. Между собой, въ книжной лавкѣ, въ городѣ, вездѣ они называли его просто *Gajus*; *ргаепотен* получило право гражданства Ничего нѣтъ удивительнаго, если нашъ юристъ сталъ извѣстенъ подъ этимъ же сокращеннымъ именемъ и у слѣдующихъ поколѣній учащихся, и у слѣдующихъ поколѣній книгопродавцевъ и у слѣдующихъ поколѣній вообще. III Мерклинь ¹⁾ рѣшаетъ нашъ вопросъ сравнительно просто. „Римляне, говоритъ онъ, при цитированіи писателя употребляли или одно *cognomen*, или одно *nomen gentilicium*. *Ргаепотен* они пользовались лишь при необходимости дальнѣйшаго различія (напр. при совпаденіи *nomen gentilicium*). Что касается Гая, то его *ргаепотен* было однозвучаще съ *ргаепотен* знаменитаго втораго главы Сабиньянцевъ, Гая Кассія Лонгина. До появленія нашего *Gajus* Гая Кассія Лонгина цитировали просто *Gajus* ²⁾; послѣ появленія—Гая Кассія Лонгина стали цитировать его исторически знаменитымъ *cognomen* *Cassius*, а нашего юриста—просто *Gajus* IV. Пухта ³⁾ исходитъ изъ предположенія о низкомъ происхожденіи Гая и рѣшаетъ вопросъ тѣмъ, что люди низкаго происхожденія не могли претендовать на обозначеніе ихъ полнымъ именемъ.

Всѣ приведенныя мнѣнія только догадки и ничего больше. Наиболѣе невѣрной гипотезой кажется гипотеза Мер-

¹⁾ Карлова, лит. соч. I, p. 720.

²⁾ Iavolenus—L. 54, D. de condet dem. XXXV, 1; Iavolenus—L. 78 D. de solut. XXXXVI, 3; Iulianus—L. 59. D. sol. matr. XXIV, 3

³⁾ Puchta, Coursus der Institutionen I, 2, Leipzig, 1856, 5 Auflage, p. 463, § 99 ср. Пухта, Истор. рим. пр. стр. 338.

клина, такъ какъ о методѣ и способѣ цитированія можно говорить только тамъ, гдѣ на лицо самые факты цитированія. Гай-же, какъ мы увидимъ ниже ¹⁾, никто изъ римскихъ юристовъ не цитировалъ. Если-же Мерелинъ говоритъ не о цитированіи въ буквальномъ смыслѣ, а вообще объ упоминаніи о человѣкѣ, хотя бы и въ общезжитіи, то и тогда его догадка мало правдоподобна. Трудно предположить, чтобы двѣ части имени извѣстнаго человѣка затерялись безслѣдно только потому, что самая малозначущая часть, *ргаетомен*, одинаково звучитъ съ *ргаетомен* другого извѣстнаго человѣка. Такъ, Эмилий Мадеръ и Эмилий Паниньянь, несмотря на то, что оба они въ составѣ своего имени имѣютъ однозвучащее Эмилий, нисколько отъ этого не пострадали въ исторіи, точно также, какъ и Секстъ Помпоній и его современникъ Секстъ Цецилій Африканъ отъ обоюднаго *Sextus*. Очевидно, разгадку нужно искать въ чемъ-то другомъ, а не въ этомъ случайномъ сходствѣ *ргаетомина*. Ближе всѣхъ къ правдѣ стоитъ Dernburg. Но его мнѣніе, страдающее нѣкоторою односторонностью (вѣдь для того, чтобы объяснить нашъ вопросъ одной только популярностью, нужно имѣть факты такой популярности, а фактовъ у Dernburg'a нѣтъ), слѣдовало-бы, кажется, восполнить еще слѣдующими двумя соображеніями: 1) Гай былъ незнатнаго патриціанскаго рода, иначе, какъ говоритъ тотъ-же Дернбургъ ²⁾, никоимъ образомъ не затерялся бы его *согпомен* и 2) Гай преподавалъ грекамъ, былъ, какъ увидимъ ниже ³⁾, преподавателемъ въ такомъ *statio*, гдѣ слушателями были преимущественно греки. И на это второе соображеніе, въ виду свидѣтельства Моммсена (см. выше его гипотезу), нельзя не обратить особаго вниманія: оно объясняетъ, какъ и почему сами ученики приш-

¹⁾ См. § 7. дан. работы.

²⁾ Dernb. цит. соч. р. 96 п. 3.

³⁾ См. § 4 дан. работы.

ли въ замѣнѣ полнаго имени Гая прозвищемъ. Такимъ образомъ, мы получаемъ слѣдующее. Гай преподавалъ въ Римѣ грекамъ; греки по своему обыкновенію сокращать имена стали называть его *ὁ Γαῖος*; римляне, почти всегда практиковавшіе такое сокращеніе по отношенію къ грекамъ, весьма легко усвоили себѣ это *ὁ Γαῖος*, тѣмъ болѣе, что и на самого Гая они, по всей вѣроятности, вслѣдствіе его постоянныхъ сношеній съ греками, смотрѣли болѣе какъ на грека, чѣмъ на римлянина; развѣ вливая образовалась, — для того, чтобы ей получить распространеніе, необходима была популярность лица — и вотъ тутъ-то, для объясненія дальнѣйшаго, несомнѣнную услугу оказываетъ гипотеза Дернбурга¹⁾.

§ 3.

О жизненной судьбѣ Гая мы ничего не знаемъ; ни у одного изъ римскихъ писателей или историковъ мы не находимъ никакихъ данныхъ для біографіи нашего юриста. Это одно, какъ справедливо замѣчаетъ Карлова²⁾, ясно свидѣлствуетъ о томъ, что Гай не занималъ никакой выдающейся должности и велъ жизнь простого ученаго. Въ жизни же простого ученаго рѣдко случается что-либо такое, что могло бы быть занесено на страницы лѣтописи историковъ.

Положительно мы знаемъ о Гаѣ только слѣдующее: Гай былъ учителемъ права и писателемъ, но только теоретикомъ; практической дѣятельностью респондирующаго юриста Гай не

¹⁾ Что касается остальныхъ двухъ гипотезъ, то гипотезу Пухты, какъ весьма и весьма произвольную, нужно совершенно отвергнуть. Гай, правда, не былъ вѣстнымъ патриціемъ, но изъ этого вѣдь еще ничего не слѣдуетъ. Гипотеза же Моммсена, вѣрная съ его точки зрѣнія, а именно въ томъ случаѣ если Гай былъ провинціальнымъ юристомъ въ восточной, говорящей по гречески части имперіи, имѣетъ для насъ только субсидіарное, указанное выше значеніе. Сама же по себѣ, если предположить, что Гай былъ римскимъ юристомъ (см. ниже, § 4 д. раб.), она ничего не доказываетъ.

²⁾ Karlowa, цит. соч. I, p. 721.

занимался и не имѣлъ *jus respondendi*. Первую часть высказаннаго положенія съ достаточной убѣдительностью доказываетъ общій характеръ всѣхъ извѣстныхъ намъ сочиненій Гая. У Гая нѣтъ ни одного сборника отвѣтовъ, а, какъ извѣстно, такіе именно сборники были неизбѣжнымъ послѣдствиемъ респондирующей дѣятельности. (Ср. *responson βιβλία δεκαευνέα*—Палиніана, *responsorum libri XXIII*—Павла и проч. под.). Правда, у Гая есть одна работа, *liber singularis de casibus*, которая можетъ дать поводъ заподозрить истинность только что сказаннаго, но работа эта, по весьма мѣткому замѣчанію Рудорффа ¹⁾, отнюдь не сборникъ правилъ или отвѣтовъ, а сборникъ исключеній, отклоненій отъ общихъ правовыхъ нормъ, исключеній, добавимъ, интересныхъ гораздо болѣе съ теоретической, чѣмъ съ практической точки зрѣнія. „Такая книга, говоритъ Моммсенъ ²⁾, могла служить лишь дополненіемъ къ какому либо сборнику правилъ и отвѣтовъ; сама-же по себѣ она не имѣла значенія *libri regularum*“. Что-же касается второй части положенія, т. е. того, что Гай не имѣлъ *jus respondendi*, то доказательствомъ въ пользу ея служить та манера, съ которой Валентиніанъ III упоминаетъ о Гаѣ въ своемъ законѣ отъ 426 г. по Р. Хр., названномъ Hugo ³⁾ *Citirgesetz*’омъ. „*Papiniani, Pauli, Gai, Ulpiani, Modestini*, говорится, между прочимъ, въ этомъ законѣ ⁴⁾, *scripta universa firmamus ita, ut Gajum quae Paulum,*

¹⁾ Rudorff, цит. соч. I, p. 177.

²⁾ Моммсенъ, цит. соч. p. 4, п. 9.

³⁾ Hugo, *Lehrbuch der Geschichte des Römischen Rechts*, 11 Auflage, Berlin, 1832, v. II, p. 863.

⁴⁾ Вотъ подлинный текстъ закона 426 г., какъ онъ помѣщенъ въ *Jus civile antejustinianum*, Hugo, Ber. 1815, v. I. „*Papiniani, Pauli, Gai, Ulpiani atque Modestini scripta universa firmamus, ita ut Gajum squae Paulum, Ulpianum et ceteros comitetur auctoritas lectinis, quae ex omni opere recitatur. Eorum quoque scientiam, quorum tractatus atque sententias praedicti omnes suis operibus miscuerunt, ratam esse censemus, ut Scaevolae, Sabini, Iuliani atque Marcelli omniumque, quos ille celebrarunt, si tamen eorum libri, propter antiquitatis*

Ulpianum et cunctos comitetur auctoritas, lectionesque ex omni ejus opere recitentur“. Такъ какъ о Гаѣ здѣсь говорится особо и на немъ какъ бы дѣлается особое удареніе, то, очевидно, что по отношенію къ Гаю законъ этотъ вводитъ нѣчто новое, придаетъ Гаю новую, прежде за нимъ не бывшую силу. „Гай, говоритъ Пухта ¹⁾, былъ однимъ изъ самыхъ распространенныхъ писателей, безъ сомнѣнія имъ пользовались также и въ судахъ; по поводу такого пользованія возникли различнаго рода сомнѣнія; законодатель, вѣроятно къ большому удовольствію всѣхъ занимавшихся правомъ и чиновниковъ юстиціи, разомъ уничтожилъ всѣ эти сомнѣнія“.

Весьма оригинальное мнѣніе высказываетъ Huschke. Признавая, что Гай не былъ респондирующимъ юристомъ, онъ тѣмъ не менѣе полагаетъ, что Гай имѣлъ *jus respondendi* и лишь добровольно не пользовался его осуществленіемъ. Такъ, во введеніи къ изданію Гаю, Huschke говоритъ ²⁾: „*Praeterea ingenium Graecum prodit, quod Gajus, quamvis et ipse de jure respondendi ex auctoritate principis ab imperatore nactus esse dubitari non debeat doctrinae ac libros scribendo quam foro et respondendo se dare maluit*“. Натяжка подобнаго мнѣнія очевидна. Она понадобилась Гуске только для того, чтобы разрѣшить слѣдующее недоумѣніе: какимъ образомъ редакторы дигестъ черпали изъ сочиненій не имѣвшаго *jus respondendi* юриста, когда Юстиніанъ прямо постановилъ,

incertum codicum collatione firmentur. Ubi autem diversae sententiae proferuntur, potior numerus vincat auctorum, vel si numerus aequalis sit, ejus partis praecedat auctoritas, in qua excellentis ingenii vir Papinianus em'neat, qui, ut singulos vincit, ita cedit duobus. Notas etiam Pauli atque Ulpiani in Papiniani corpus factas (sicut dudum statutum est) praecipimus infirmari. Ubi autem pares eorum sententiae recitantur, quorum par censetur auctoritas, quod sequi debeat, eligat moderatio judicantis. Pauli quoque Sententias semper valere praecipimus etc. Dat. VII Id. Novembr. Ravennae, DD. NN. Theodosio XII et Valentiniano III A.A. Coss (426) [Cod. Theod. Libr. I (epit. Tit. IV)].

¹⁾ Пухта, Ист. рим. пр. стр. 506.

²⁾ Huschke, Jurispr. Antejust. q. supers. p. 80, praef. ad ed. 9.

„ut eos tantum adhiberent, quibus auctoritatem conscribendarum interpretandarumque legum sacratissimi principis tribuissent“ ¹⁾. Но, какъ увидимъ ниже ²⁾, этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ иначе, гораздо проще, безъ подобной обсолютно произвольной гипотезы.

§ 4.

Въ предыдущихъ параграфахъ мы сказали, что Гай былъ римляниномъ по происхожденію (§ 2) и учителемъ права-теоретикомъ по спеціальности (§ 3), но этимъ еще не все сказано. Весьма важно для уясненія нѣкоторыхъ особенностей въ сочиненіяхъ Гая и ихъ дальнѣйшей судьбѣ опредѣлить мѣсто дѣятельности нашего юриста. Въ литературѣ предмета мы наталкиваемся на цѣлый рядъ гипотезъ по данному вопросу, но всѣ онѣ могутъ быть подведены подъ слѣдующія три группы. I. Моммсенъ ³⁾ дѣлаетъ предположеніе, что Гай былъ провинціальнымъ юристомъ, жившимъ и учившимъ на востокѣ, въ части говорящей по гречески, въ провинціи Азіи, въ городѣ Троѣ. А. Что Гай былъ вообще провинціальнымъ юристомъ, это Моммсенъ доказываетъ слѣдующимъ образомъ: 1) Гай, какъ видно изъ его сочиненій, былъ внѣ курса римской правовой жизни. Такъ, онъ совершенно не упоминаетъ въ своихъ Институціяхъ, вышедшихъ въ свѣтъ значительно позже смерти Адріана, sc. *Tertullianum*, изданный еще при Адріанѣ. Зная основательно древнее законодательство ⁴⁾, древнюю юридическую литературу ⁵⁾ и охотно цитируя древнихъ юристовъ ⁶⁾, Гай не упоминаетъ нико-

¹⁾ Ibid, n. 5.

²⁾ См. § 8 дан. работы.

³⁾ Mommsen, цит. соч. p. 1—16.

⁴⁾ См. 6 ib. com. ad Leg. XII tabul.

⁵⁾ Libri ex Q. Mucio.

⁶⁾ Изъ фрагментовъ, помѣщенныхъ въ Dig., большая половина заключаетъ въ себѣ ссылки на того или другого древняго писателя.

го изъ писателей позже Юліана. Весьма вѣроятно, что онъ ихъ и не зналъ совсѣмъ. Въ особенности важное значеніе придаетъ Моммсенъ первому факту. „Такой пропускъ (sc. Tertullianum) говоритъ онъ, для жившаго въ Римѣ юриста былъ бы просто невозможенъ“. 2) Гай, какъ видно изъ его сочиненій, съ особенной тщательностью при всякомъ удобномъ случаѣ обращаетъ вниманіе читателей на провинціальныя правоотношенія; провинціальное право онъ разрабатываетъ на столько, что это одно составляетъ уже рѣзкую отличительную черту его литературной фивіономіи въ сравненіи съ другими римскими юристами. Въ подтвержденіе этого второго довода Моммсенъ ссылается на слѣдующее: а) на тѣ мѣста институцій, въ которыхъ эта отличительная особенность Гая проглядываетъ наиболѣе ярко, именно на §§ 6, 20, 98—102, 134, 183, 197 первой книги; §§ 6, 21, 24, 27, 31, 46, 63, 278—второй; §§ 121, 122 третьей книги ¹⁾ и б) на специально посвященное провинціальному праву сочиненіе Гая: *ad edictum provinciale libri XXXII*. „Эдиктъ Юліана, говоритъ по этому поводу Моммсенъ, былъ несомнѣнно общимъ правомъ для всего государства и имѣлъ такое-же значеніе для Италіи, какъ и для провинціи. Но, съ другой стороны, не всѣ правовыя различія были уничтожены Юліаномъ, и, кромѣ того, въ каждомъ дистриктѣ и послѣ Юліана эдиктъ все таки продолжалъ разсматриваться какъ результатъ осуществленія функціонирующимъ тамъ магистратомъ своего *jus edicendi*. Въ то время какъ остальные послѣ юліановскіе юристы называли тотъ текстъ, который они комментировали, просто *edictum*, а всякаго эдицирующаго магистрата—преторомъ, Гай былъ единственнымъ юристомъ, который обработалъ эдиктъ дважды: частью, какъ эдиктъ

¹⁾ Впрочемъ, Моммсенъ тутъ-же сознается, что эти мѣста, взятые въ отдѣльности, не свидѣтельствуютъ еще о появленіи институцій въ Италіи.

praetoris urbani, частью, какъ *edictum provinciale*¹⁾. Но могутъ сказать, что вовсе не нужно жить въ провинціи и быть провинціальнымъ юристомъ, чтобы составить компендіумъ, сборникъ общаго провинціального права. Моммсенъ предвидитъ это возраженіе и заранее его опровергаетъ. „Комментарій Гая *ad edictum provinciale* есть комментарий къ эдикту высшаго магистрата одной провинціи, извѣстной, определенной, а не сборникъ общаго провинціального права“, говоритъ Моммсенъ по этому поводу. „Чтобы убѣдиться въ этомъ“, слѣдуетъ по его мнѣнію обратить вниманіе на слѣдующее: а) если данное сочиненіе есть сборникъ общаго права, то какъ же тогда объяснить, что провинціальное право, послѣ Юліановскаго эдикта сдѣлавшееся общимъ съ правомъ Итальянскимъ, противопоставляется этому послѣднему? (Не нужно забывать, что Гай комментировалъ эдиктъ дважды). Если же мы предположимъ, что Гай, написавъ комментарий къ эдикту извѣстнаго магистрата, озаглавилъ его просто *edictum provinciale* безъ дальнѣйшихъ объясненій, вопросъ рѣшается самъ собой. б) Если бы Гай хотѣлъ составить компендіумъ провинціального права, то онъ называлъ бы эдицирующаго магистрата или вообще *praeses*, или-же *proconsul legatusve Caesaris*. Между тѣмъ вездѣ, безъ исключеній, онъ называетъ его проконсуломъ¹⁾. Отсюда весьма вѣроятно, что комментарий написанъ Гаемъ къ эдикту той или вѣрнѣе такой провинціи, въ которой высшимъ магистратомъ былъ проконсулъ. Наконецъ, с) изъ 4-й книги *ad edictum provinciale*, гдѣ, между прочимъ, сказано: „itaque, si alterius provinciae hominem aut potentiores nobis opposuerit

¹⁾ Что это не простая манера выраженія Гая, это видно, какъ думаетъ Моммсенъ, изъ инст. I, 6, 29, 100, 105, 134, 198, 200; II, 24, 278, гдѣ управитель провинціи названъ *praeses* и изъ I, 101, 102, гдѣ мы встрѣчаемъ *proconsul legatusve*. *Proconsul* просто встрѣчается лишь въ I, 20 (Моммсенъ, цит. соч. п. 13).

adversarium, tenebitur“... ¹⁾ видно, что Гай, при составлении своего комментарія имѣлъ въ виду одну опредѣленную провинцію, а не провинцію вообще.

В. Что Гай былъ юристомъ въ говорящей по гречески части восточной половины Римской имперіи, Моммсенъ доказываетъ такимъ образомъ. 1) Гай былъ гречески образованнымъ человѣкомъ. Онъ не только цитируетъ Гомера ²⁾ и Анабазисъ Ксенофонта ³⁾, но и обращаетъ особенное вниманіе на древне-греческое законодательство, сравниваетъ, напримѣръ, *leges XII tabularum* съ законами Солона ⁴⁾ и приводитъ изъ нихъ длинныя цитаты. 2) Гай часто пользуется греческимъ обиходнымъ языкомъ для объясненія родственныхъ латинскихъ выраженій ⁵⁾. 3) Въ своихъ институціяхъ Гай указываетъ не только на общія отклоненія права пергриновъ, но и на тѣ въ особенности, которыя свойственны исключительно праву Галатовъ ⁶⁾ и Битиновъ ⁷⁾. „Въ такомъ видѣ, говоритъ Моммсенъ, подобнаго рода указанія встрѣчаются только у Гая. Ими знаменуется не только болѣе свободный греческій кругозоръ автора, они прямо указываютъ на особое знакомство Гая съ мѣстнымъ правомъ Галатовъ и Битиновъ, а слѣдовательно здѣсь именно и нужно искать родину если не самого автора, то, во всякомъ случаѣ, его произведенія“. 4) Въ одномъ изъ фрагментовъ, взятомъ въ дигесты изъ комментарія Гая на *lex Iulia et Paprea Porporae* ⁸⁾ сказано: *iuris Italici sunt Τρωάς, Βήρυτος, Δυρράχιον*.

¹⁾ I. 1 D. de al. iud. mut. IV, 7. Разборъ этого мнѣнія см. во 2 отд. д. р.

²⁾ Inst. III, 141; I. 236 D. de v. s. L, 16.

³⁾ I. 233 § 2 D. de v. s. L, 16.

⁴⁾ I. 13 D. f'n. reg. X, 1; I. 4 D. de coll. et. corp. XLVII, 22.

⁵⁾ I. 30 D. de v. s. L, 16; I. 25 D. loc. XIX, 2; I. 236, § 1 D. de v. s. L, 16; eod. I. 233 § 2.

⁶⁾ Inst. I, 55.

⁷⁾ Inst. I, 193.

⁸⁾ I. 7. D. de cens. L, 15.

По мнѣнію Моммсена, въ этомъ отрывкѣ не случайно названы лишь города говорящей по гречески части восточной половины имперіи и во главѣ ихъ городъ провинціи Азіи „Или тутъ, или по близости—его родина“, говоритъ цитируемый писатель.

С. Въ пользу того, что Гай былъ провинціальнымъ юристомъ, жившимъ въ провинціи Азіи, Моммсенъ, кромѣ доказательства четвертаго отдѣла В, приводитъ еще два 1) Такъ какъ комментарий *ad edictum provinciale* является только комментариемъ къ эдикту данной одной провинціи, управляемой проконсуломъ (см. выше), то, стало быть, Гай долженъ былъ жить именно въ такой провинціи, которая управлялась проконсуломъ. А такой ко времени Антонина Пія и Марка Аврелія (см. § 1) была только Азія, если не считать далеко въ сторонѣ лежащую Ликійско-Памфилійскую провинцію 2) Въ основу своего изложенія *jus civile* Гай положилъ К. Муція Сцеволу. Этотъ-же послѣдній былъ правителемъ Азіи, и его эдиктъ, по всей вѣроятности, служилъ образцомъ для эдиктовъ послѣдующихъ правителей. Ничего нѣтъ невозможнаго, если къ этому-то именно эдикту и написанъ былъ Гаемъ его комментарий.

Д. Въ заключеніе, Моммсенъ опредѣляетъ городъ, въ которомъ, по его мнѣнію, жилъ Гай, и останавливается на городѣ Троѣ. „Этотъ городъ, говоритъ Моммсенъ, одинъ изъ значительнѣйшихъ городовъ Малой Азіи, былъ со времени Августа римской колоніей съ Итальянскимъ правомъ. Хотя онъ находился въ греческой части имперіи, но своимъ оффиціальнымъ языкомъ онъ считалъ, какъ показываютъ монеты, латинскій языкъ. Слѣдовательно, тотъ, кто принадлежалъ къ Троѣ, имѣлъ полное право противопоставлять себя грекамъ и перегринамъ, какъ римскій гражданинъ и римлянинъ. Гай ставитъ Трою впереди привилегированныхъ городовъ (см. выше)—весьма возможно, что онъ выставилъ впередъ свою

родину, какъ это сдѣлалъ и Ульпіанъ въ подобномъ-же случаѣ“.

Такова сущность гипотезы Моммсена. Въ литературѣ предмета мы встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ приверженцевъ ея и защитниковъ. Нѣкоторые, впрочемъ, соглашались съ ней въ общемъ, въ частностяхъ предлагаютъ новыя построенія. Большинство соглашается съ гипотезой безусловно. Къ послѣднимъ принадлежатъ: Фиттингъ ¹⁾, Эсмархъ ²⁾, Блюме ³⁾ и друг. Изъ тѣхъ-же, которые, соглашались съ гипотезой въ общемъ, видоизмѣняютъ ее въ частностяхъ, необходимо въ особенности отмѣтить Бремера ⁴⁾. Онъ признаетъ гипотезу Моммсена „крайне остроумной“, „весьма правдоподобной“ и проч., но удивляется тому, что Моммсенъ безъ всякаго основанія самъ себѣ затруднилъ путь, предположивъ, что Гай училъ въ Троѣ. „Мыслимо-ли, спрашиваетъ Бремеръ ⁵⁾, для учителя, живущаго въ Троѣ, употребленіе слѣдующаго примѣра: *si navis ex Asia venerit?* А вѣдь Гай употребляетъ его весьма и весьма часто. Наконецъ, какъ доказать, что въ Троѣ была юридическая школа? Объ этомъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній“. Въ виду этого Бремеръ переноситъ дѣятельность Гая изъ Трои въ Бейрутъ, о каковомъ городѣ положительно извѣстно, что въ немъ была замѣчательная и большая юридическая школа. „Гай родился въ Троѣ,—это можно допустить весьма легко, но училъ онъ въ Бейрутѣ. Если мы припомнимъ мѣсто изъ *com. ad l. Iul. et Pap.*, гдѣ указаны Троя, Бейрутъ и Диррахіонъ, то наше положеніе не вызоветъ сомнѣній“, говоритъ Бремеръ въ заключеніе ⁶⁾.

¹⁾ l. 6 § 12, D. de excus. XXVII, 1.

²⁾ Fitting, цит. соч. p. 19.

³⁾ Esmarch, Römische Rechtsgeschichte, 2 Auflage, Kassel, 1880, p. 368.

⁴⁾ Blume—Palaeographische und kritische Miscellen; Zeitschrift für Rechtsgeschichte, III, p. 452.

⁵⁾ Bremer—Die Rechtslehrer und Rechtsschulen im Römischen Kaiserreich, Berlin, 1868, p. 85 scs.

⁶⁾ „А въ третьемъ городѣ? Вѣроятно, Гай умеръ въ немъ. Такъ сказалъ-бы

II. Huschke ¹⁾, Rudorff ²⁾, Dernburg ³⁾, Krueger ⁴⁾ и друг., высказываясь противъ вышеприведенной гипотезы Моммсена, отстаиваютъ ту гипотезу, которая господствовала въ наукѣ до появленія много разъ нами цитированной статьи Моммсена: „Gajus ein Provinzialjurist“. По этой гипотезѣ, Гай жилъ и учительствовалъ въ самомъ Римѣ. Защитники ея стараются прежде всего подорвать кредитъ аргументаціи Моммсена. Моммсенъ, говорятъ они, съ такой настойчивостью упираетъ на комментарий Гая ad edictum provinciale и на тяготѣніе Гая къ древнему праву, но и то, и другое можетъ быть вполне объяснено и при обратномъ предположеніи. Не нужно только забывать, что Гай жилъ въ ту эпоху, когда провинціалы и перегрины стали все болѣе и болѣе проникать въ гражданскую жизнь Рима и когда, съ другой стороны, Римляне вышли со своей гражданской жизнью далеко за предѣлы Рима. Гай съ его широкимъ космополитическимъ міровоззрѣніемъ не могъ идти сзади своего вѣка; онъ, можетъ быть, не шелъ впереди его, но духъ времени несомнѣнно увлекалъ и его за собой. Но, если даже оставить въ сторонѣ личность Гая, то, очевидно, что въ то время для каждаго учителя права въ Римѣ было практически необходимо знакомить своихъ учениковъ съ провинціальнымъ правомъ. Весьма многіе римляне имѣли свои земли въ провинціи, и большинство римскихъ молодыхъ людей начинало свою служебную карьеру съ провинціи, а не съ Рима. „Наконецъ, говорить Дернбургъ, Гай ищетъ въ правѣ перегриновъ и про-

путники!“ Этими словами пронизываетъ Дернбургъ (цит. соч. р. 81, п. 4) надъ модификаціей Бремера, построенной почти безъ всякаго реального основанія.

¹⁾ Huschke, Iurisprud. antejust. р. 77 ссс., ср. его-же praef. ad edit. 2, р. 84 ссс. и Kritische Bemerkungen zu Gajus, Zeitschrift f. Rechtsgesch. VII, р. 162—163.

²⁾ Rudorff, Ueber die Iulianische Edictsredaction, Z. f. R. III, р. 17.

³⁾ Dernburg, лѣт. соч. р. 80—84.

⁴⁾ Krueger, цит. соч. р. 191, п. 54 и 59.

винціаловъ не столько основныхъ интересныхъ для провинціи положеній, сколько курьезовъ и отклоненій отъ общаго права, интересныхъ для римлянина. Если бы Гай училъ въ провинціи, то онъ менѣе посвятилъ бы мѣста на изслѣдованіе *fiducia* и *usureceptio*, а болѣе занялся бы ипотекой, институтомъ, весьма важнымъ для провинціаловъ, о которомъ въ институціяхъ онъ говоритъ лишь вскользь. Будь Гай въ провинціи, онъ, конечно, не ограничился бы однимъ простымъ замѣчаніемъ, что *usucarіo* не распространяется на провинціальныя земли, точно также онъ сообщилъ бы своимъ слушателямъ нѣсколько больше о *longi temporis praescriptio*“.

Затѣмъ приводятся слѣдующіе доводы: 1) Весьма сомнительно, чтобы въ Троѣ была юридическая школа ¹⁾. 2) Трудно допустить, чтобы юристъ, жившій въ провинціи Азіи, приводилъ примѣры, вродѣ: *si navis ex Asia venerit* (l. 33 D. de her. inst. XXVIII, 5 и мн. др.) ²⁾. 3) Выборъ примѣровъ въ институціяхъ прямо указываетъ на мѣстонахождение Гая въ Римѣ. Такъ: *fundus Tusculanus*, *vinum Campanum* и проч. Особенно странно при предположеніи, что Гай—провинціальный юристъ, повтореніе тѣхъ-же примѣровъ въ комментар. къ пров. эдикту (l. VIII ad. e. p.—l. 74. D. de v. o. XXXV, 1; l. 141 D. de v. o. XXXXV, 1) ³⁾. 4) Трудно допустить, чтобы какой-то мѣстный провинціальный юристъ, на западѣ почти неизвѣстный, былъ поставленъ Ва-

¹⁾ Karlowa, цит. соч. p. 722.

²⁾ Huschke, цит. соч. p. 85, ср. Rudorff l. c. Какъ мы уже знаемъ, эти доводы Моммсена оспариваетъ даже его сторонникъ, Бремеръ.

³⁾ Huschke и Rudorff, l. c.. Бремеръ на стр. 85 цит. соч. высказываетъ предположеніе, что эти примѣры употреблялись Гаємъ въ силу того, что они вошли въ общее обыкновеніе, сдѣлались стереотипными. Съ этимъ согласиться трудно. Гай былъ талантливымъ преподавателемъ, затѣмъ-же ему брать примѣры изъ совершенно незнакомой его ученикамъ жизни, когда онъ не могъ не знать, что чѣмъ проще и удобопонятнѣе примѣръ, тѣмъ яснѣе и понятнѣе само теоретическое положеніе?

лентиніаномъ III въ его *Citirgesetz'* на ряду съ юрифеями. Не лишне замѣтить, что въ этомъ законѣ нашъ юристъ называется просто „*Gajus*“. Очевидно, что Гай приводится закономъ, какъ лицо знаменитое и, во всякомъ случаѣ, общеизвѣстное ¹⁾). 5) Трудно согласовать предположеніе Моммсена о томъ, что ком. къ пров. эд. написанъ Гаемъ въ провинціи съ слѣдующимъ мѣстомъ изъ этого-же сочиненія: *curator constituitur distrahendorum bonorum gratia vel a praetore vel in provinciis a praeside* (l. 5 D. de cur. dand. XXVII, 10) ²⁾). 6) Въ 4 книгѣ институцій, въ § 109 мы наталкиваемся на слѣдующее мѣсто: „....si in provinciis agatur....si Romae agamus....“ ³⁾). Наиболѣе энергично нападаютъ противники Моммсена на его предположеніе, будто и институціи появились на провинціальной почвѣ. Особенно обстоятельно рассмотрѣнъ этотъ вопросъ Дернбургомъ ⁴⁾). Онъ, главнымъ образомъ, обращаетъ вниманіе на то, какимъ образомъ и когда приводится Гаемъ *praeses provinciae* совмѣстно съ преторомъ. Въ первой книгѣ, въ § 6 Гай съ замѣтной тщательностью указываетъ на эдицирующую власть въ провинціи. Затѣмъ въ §§ 20, 29, 98, 100, 102, 105, 134, 183, 185, 198, 200, какъ только онъ говоритъ объ актахъ или обязанностяхъ римскаго претора, онъ не забываетъ упомянуть и *praeses'* а или *proconsul'*а. Исключеніемъ являются лишь §§ 178, 190 и 199, гдѣ Гай говоритъ только о пре-

¹⁾ Karlowa, l. c.

²⁾ Krueger, p. 191, n. 59.

³⁾ Dernburg, ц. с. р. 93. Противъ этого довода возражаетъ Блуме (ц. статья, р. 452, п. 11) и указываетъ на § 7, II Inst, гдѣ говорится:.... in eo solo dominium populi Romani est vel Caesaris, nos autem possessionem tantum et usufructum habere videmur. „Очевидно, говоритъ Блуме, что Гай былъ провинціальнымъ юристомъ, иначе зачѣмъ бы онъ употребилъ въ данномъ случаѣ это „nos“? Но не трудно видѣть, какъ справедливо замѣчаетъ Huschke (ц. с. Z. f. R. VII, р. 162), что ни § 7, II, ни § 109, IV Inst. ничего не доказываютъ, такъ какъ *agatur-agamus* и *nos* суть ничто иное, какъ оборотъ рѣчи (нѣмецкое: man).

⁴⁾ Dernburg, ц. с. сар. XV.

торѣ. Такъ идетъ изложеніе до начала второй книги, гдѣ въ § 24 и 25 противоположеніе между *praetor'омъ* и *praeses'омъ* еще проводится. Но затѣмъ это противоположеніе вдругъ обрывается и вездѣ, гдѣ Гай говоритъ о дѣятельности эдицирующаго магистрата, онъ упоминаетъ только одного *praetor'a* ¹⁾. И только въ двухъ мѣстахъ мы опять встрѣчаемся съ *praeses'омъ*, но въ первомъ мѣстѣ (§ 278, II), въ ученіи о фидеикоммиссахъ, гдѣ Гай говоритъ: *praeterea legata (per) formulam petimus: fidei commissa vero Romae quidem apud consulem uel apud eum praetorem qui praecipue de fideicommissis ius dicit, persequimur; in provinciis uero apud praesidem provinciae*, упоминаніе о *praeses'ѣ* было очевидно вызвано необходимостью, такъ какъ въ Римѣ вопросъ о фидеикоммиссахъ былъ поставленъ совершенно иначе, чѣмъ въ провинціи. Такой же необходимостью объясняется упоминаніе о *praeses'ѣ* и въ другомъ изъ указанныхъ мѣстъ (IV, 139), гдѣ Гай, начиная свое ученіе объ интердиктахъ, говоритъ: *certis igitur ex causis praetor aut proconsul principaliter auctoritatem suam finiendis controuersiis interponit*, такъ какъ нигдѣ въ предыдущихъ параграфахъ въ ученіи объ *actiones* и *exceptiones* онъ не упоминаетъ о *praeses'ѣ*. Такимъ образомъ, мы наталкиваемся на слѣдующее явленіе: чѣмъ дальше идетъ изложеніе, тѣмъ рѣже и рѣже упоминается *praeses*, подѣ конецъ же онъ вовсе не упоминается. Если бы Гай жилъ въ провинціи, то, естественно, онъ сначала бы упоминалъ о *praetor'ѣ*, чтобы дать общее понятіе о дѣятельности эдицирующаго магистрата въ Римѣ, а затѣмъ, въ дальнѣйшемъ изложеніи, онъ останавливался бы только на дѣятельности *praeses'a*, на дѣятельности, стоявшей у него

¹⁾ Idem, ц. с. р. 87, п. 4: Institutiones II, §§ 125, 135, 136, 138, 158, 160, 163, 167, 170, 253, 258; III, §§ 25, 28, 32, 33, 41, 49, 50, 56, 71, 78, 79, 82, 84, 189, 190—192, 209, 224; IV, §§ 11, 46, 47, 53, 57, 70—72, 76, 102, 109—112, 118, 141, 150, 155, 159, 160, 164—166, 170, 172, 177, 185, 187.

передъ глазами. Говоря иначе, если бы онъ былъ провинціальнымъ юристомъ, онъ поступилъ бы какъ разъ противоположно тому, какъ онъ поступилъ въ дѣйствительности. Далѣе Дернбургъ указываетъ на слѣдующее мѣсто изъ § 224, III Inst.: *permittitur enim nobis a praetore ipsis injuriam aestimare, et iudex uel tanti condemnat quanti nos aestimauerimus, uel minoris, prout ei uisum fuerit; set cum atrocem injuriam praetor aestimare soleat, si simul constituerit quantae pecuniae nomine fieri debeat uadimonium, hac ipsa quantitate taxamus formulam, et iudex quamuis possit uel minoris damnare, plerumque tamen propter ipsius praetoris auctoritatem non audet minuere condemnationem.* Здѣсь, какъ мы видимъ, весьма подробно изложено практическій ходъ опредѣленія размѣра вознагражденія за *injuria*. Если бы Гай былъ провинціальнымъ юристомъ, онъ бы, навѣрное, изложилъ этотъ §. примѣнительно къ провинціальнымъ условіямъ, а не такъ исключительно къ римскимъ, какъ онъ это дѣлаетъ въ цитированномъ мѣстѣ. Точно также необъяснимо съ точки зрѣнія Моммсена, почему Гай вездѣ, гдѣ онъ говоритъ объ *restitutio in integrum* (II, § 163; IV, § 53, 57), упоминаетъ только о преторѣ, дарующемъ *restitutio* и умалчиваетъ о *restitutio* для провинціаловъ. Точно также непонятно, почему Гай, излагая *sponsiones* въ интердиктномъ процессѣ, говоритъ: *ni contra edictum praetoris non exhibuerit;... nisi adversus edictum praetoris possidentibus nobis vis facta esset* (IV, § 165, § 166). Отъ провинціальнаго юриста было бы естественнѣе ожидать: *ni contra edictum proconsulis non exhibuerit;... nisi adversus edictum proconsulis possidentibus nobis vis facta esset.* Тѣмъ болѣе, что самъ-же Гай въ § 6, I такъ ясно и отчетливо проводитъ разницу между *praetor*омъ и *praeses*омъ провинціи.

Послѣднимъ доводомъ Дернбурга противъ даннаго положенія Моммсена является указаніе на изложеніе Гаемъ уче-

нія о такихъ юридическихъ случаяхъ, которые въ провинціальнымъ правоотношеніямъ никакого касательства не имѣютъ и знаніе которыхъ, слѣдовательно, вовсе не было обязательно для провинціаловъ и peregrinorumъ. (А не нужно забывать, прибавимъ мы, что институціи были написаны съ цѣлью дать краткое, систематическое введеніе въ курсъ гражданскаго права Рима)¹⁾. Такъ, эдиктъ римскаго претора, сообразно всему ходу его историческаго развитія, содержалъ въ себѣ слѣдующее опредѣленіе: противъ peregrinorumъ по поводу кражи и обидъ можно было вчинять искъ только при условіи фигирования ихъ въ качествѣ римскихъ гражданъ; peregrini противъ римскихъ гражданъ могли вчинять названные иски также подъ непремѣннымъ условіемъ подобной-же фикціи (IV, § 237). Такъ какъ это правило могло имѣть примѣненіе только въ Римѣ, то зачѣмъ-же излагать его провинціальному учителю провинціаламъ? Точно такое-же недоумѣніе вызываютъ и §§ 56, 122, IV, гдѣ Гай дважды говоритъ объ *exscriptio rei dividuae et residuae*, которая противопоставлялась тому, кто, осуществивъ часть своего права, пытается просить того-же претора *de reliquo*. Такъ какъ только въ Римѣ были преторы и такъ какъ только въ Римѣ магистраты мѣнялись ежегодно, то, слѣдовательно, данная *exscriptio* не могла имѣть никакого примѣненія въ провинціи. Зачѣмъ-же Гай, если онъ провинціальный юристъ, излагаетъ ученіе о ней и даже дважды? Очевидно, что въ предположеніи Моммсена таится какая-то ошибка.

Въ заключеніе, защитники второй гипотезы приводятъ еще то соображеніе, что весьма трудно помириться съ мыслью, чтобы у чловека, оторваннаго отъ Рима, отъ этого, какъ говоритъ Huschke, „*imperii omnique iurisprudentiae sedes, le-*

¹⁾ Впрочемъ, это доказательство можетъ имѣть значеніе только съ той поправкой, которая внесена въ скобки (см. текстъ). Но и безъ этого аргумента едва-ли можно сомнѣваться, что институціи были составлены въ Римѣ.

gum patria“, была хоть какая-нибудь возможность плодотворно работать въ области права, особенно въ то время, когда жилъ Гай, въ эпоху Пія, когда римское право неуклонно и постоянно развивалось, разрабатывалось и дѣятельно шагало впередъ. Все, что говоритъ Моммсенъ объ отличительныхъ свойствахъ міровоззрѣнія Гая, особенностяхъ его языка и проч., все, что онъ говоритъ о знакомствѣ Гая съ провинціей Азіей, все это можетъ доказывать лишь то, что Гай выросъ въ провинціи или, какъ думаетъ Дерибургъ, служилъ въ ней, но не больше. Какъ учитель, Гай выступилъ въ Римѣ. Такому значительному таланту, какимъ несомнѣнно обладалъ Гай, была необходима широкая арена, а такой соотвѣтственной его таланту ареной могъ быть только Римъ, а никакъ ни Троя и не Бейрутъ ¹⁾).

III. Карлова ²⁾ высказываетъ предположеніе, что Гай учительствовалъ въ Римѣ, но преподавалъ не римлянамъ, а провинціаламъ, былъ преподавателемъ права въ statio, посѣщаемомъ или исключительно, или преимущественно провинціалами. Свой выводъ онъ дѣлаетъ на основаніи сопоставленія и согласованія противоположныхъ доводовъ двухъ предыдущихъ, другъ другу противоположныхъ гипотезъ.

Такимъ образомъ, существуютъ три гипотезы по данному вопросу. Оцѣнивая ихъ, мы приходимъ къ тому выводу, что болѣе правдоподобной нужно считать гипотезу, приводимую Карлова. Представляя собой какъ бы нечто среднее и примиряющее между двумя вышеизложенными гипотезами, она имѣетъ за себя большинство аргументовъ двухъ оспариваемыхъ нами гипотезъ. Кромѣ того, она съ гораздо большей удовлетворительностью объясняетъ тѣ вопросы,

¹⁾ Моммсенъ указываетъ на то, что Гай былъ внѣ курса римской жизни, такъ какъ пропустилъ въ инст. Sc. Tertullianum. Но этотъ фактъ можетъ быть объясненъ иначе. См. 2 отдѣлъ дан. раб. § 11, А.

²⁾ Karlowa, цит. соч. p. 722.

которые, благодаря односторонности прочихъ гипотезъ, оставляютъ въ умѣ каждаго смутное чувство чего-то недоговореннаго, невыясненнаго, спорнаго. Возьмемъ, напримѣръ, вопросъ о томъ, почему Гай интересовался и занимался провинціальнымъ правомъ? Моммсенъ рѣшаетъ этотъ вопросъ тѣмъ, конечно, что Гай былъ провинціальнымъ юристомъ и, слѣдовательно, заниматься провинціальнымъ правомъ было для него предметомъ первой необходимости. Дербургъ рѣшаетъ, какъ мы знаемъ, данный вопросъ въ обратномъ смыслѣ: Гай, говоритъ онъ, вовсе не занимался провинціальнымъ правомъ, какъ правомъ, онъ изучалъ его и училъ ему лишь примѣнительно къ особенностямъ права города Рима. На сторонѣ того и другого мнѣнія мы находимъ многіе и весьма вѣскіе аргументы, и то, и другое мнѣніе черпаетъ свои доназательства изъ одного и того-же первоисточника, а между тѣмъ, въ конечномъ выводѣ, одно мнѣніе противорѣчитъ другому. Если-же мы примемъ гипотезу Карлова, то недоразумѣніе исчезнетъ само собой, и аргументы той и другой стороны сразу получаютъ совершенно новое освѣщеніе и сразу перестанутъ противорѣчить другъ другу. И въ самомъ дѣлѣ: если Гай въ Римѣ преподавалъ провинціаламъ, то развѣ непонятно, почему онъ въ одномъ случаѣ останавливается на провинціальныхъ отношеніяхъ со всею подробностью и тщательностью, а въ другихъ излагаетъ ихъ лишь примѣнительно къ праву Рима, наконецъ, иногда и вовсе опускаетъ ихъ изъ вида и говоритъ лишь о тѣхъ правоотношеніяхъ, которыя имѣютъ мѣсто только въ Римѣ? Если мы примемъ гипотезу Карлова, то развѣ не сразу выяснится намъ, почему Гай цитируетъ Гомера и Ксенофонта, почему онъ прибѣгаетъ къ обиходному греческому языку для уясненія многихъ римскихъ терминовъ, которые безъ этого были бы непонятны его ученикамъ не римлянамъ? Намъ кажется, что при предположеніи, сдѣланномъ Карлова, нисколько не бы-

ЮРИДИЧЕСКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ

ИЗДАВАЕМАЯ

ДЕМИДОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ

ЛИЦЕЕМЪ.

№ 38.

ЯРОСЛАВЛЬ.

Типо-литографія Э. Г. Фалькѣ.

1894.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ *С. Шилевскій.*

Приложеніе къ Временнику Демидовскаго Юридич. Лицея.

ОГЛАВЛЕНІЕ

№ 38. Юридической Библиографіи.

1. *Д. Н. Стефановскій. О предѣлахъ изслѣдованія въ уголовномъ процессѣ. Англійская теорія относимости. Ярославль. 112 стр. М. Липинскій . 1—20*
 2. *Н. М. Коркуновъ: „Указъ и законъ“. С.-Петербургъ 1894 г., 408 стр. В. Щеловъ . 21—48*
-

1. Д. Н. Стефановскій. О предѣлахъ изслѣдованія въ уголовномъ процессѣ. Англійская теорія относимости. Ярославль. 112 стр.

(Продолженіе)

Мы сдѣлали выписку изъ мотивовъ къ судебнымъ уставамъ для того, чтобы видѣть, что и составители уставовъ имѣли въ виду не какое нибудь иное, а, именно, разумное внутреннее убѣжденіе. Соответственно этому, если смотрѣть на слова г. Министра Юстиціи какъ на установленіе извѣстнаго принципа, то они не могутъ быть признаны какими либо добавленіемъ къ существующему въ нашемъ законодательствѣ. Г. Министръ Юстиціи лишь выразилъ то, что лежитъ въ основѣ дѣйствующаго процессуальнаго права, и что открывается, разумѣется, не изъ двухъ статей устава уголовного судопроизводства, въ которыхъ къ тому же, какъ въ законодательныхъ опредѣленіяхъ, было бы, можетъ быть, и неумѣстно довабленіе, что присяжные должны поступать разумно, тѣмъ болѣе, что они принимаютъ присягу и клятвенно обѣщаются приложить „всю силу разумнія“ къ тщательному разсмотрѣнію какъ обстоятельствъ, уличающихъ подсудимаго, такъ и обстоятельствъ, его оправдывающихъ. (Ст. 666).

Посвятивъ начало второй главы вопросу о доказательственныхъ правилахъ вообще, авторъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, касаясь правилъ дѣйствующаго закона и выработанныхъ судебною практикою, говорить лишь о правилахъ, ограничивающихъ уголовное изслѣдованіе въ нѣкоторыхъ стадіяхъ его развитія.

Въ части труда, посвященной русскому законодательству и русской судебной практикѣ, авторъ допустилъ ту же манеру, какъ и въ первой главѣ. Онъ говоритъ кое о чемъ, по своему выбору, не объяснивъ, почему именно на этомъ онъ останавливается, а другое проходитъ молчаніемъ. Отдѣлъ „русское законодательство и русская практика“ повидимому долженъ былъ быть по-

священъ изложенію правилъ, которыя имѣютъ цѣлію достигнуть устраненія изъ судебного слѣдствія того, что не относится къ дѣлу, которыми опредѣляются границы обвинительнаго акта и предварительнаго слѣдствія.

Мы рассмотримъ мысли автора по каждой изъ указанныхъ стадій процесса отдѣльно, начавъ съ предварительнаго слѣдствія.

Согласно общему характеру изслѣдованія въ разсматриваемой части книги г. Стефановскаго мы вправѣ были бы искать выясненія, какія правила существуютъ въ уставѣ уголовного судопроизводства и въ другихъ нашихъ процессуальныхъ кодексахъ для опредѣленія того, что можетъ, а чего не можетъ изслѣдовать судебный слѣдователь, что входитъ, такимъ образомъ, въ область предварительнаго слѣдствія, а что не входитъ въ эту область.

Въ статьѣ г. Щегловитова „предѣлы изслѣдованія на предварительномъ слѣдствіи по судебнымъ уставамъ“¹⁾. (Журналъ гражд. и угол. права 1888 года, октябрь) авторъ могъ бы найти программу вопросовъ, которые имѣютъ теоретическое и практическое значеніе при изслѣдованіи о границахъ области предварительнаго слѣдствія¹⁾.

Конечно, въ трудѣ, не посвященномъ спеціально предварительному слѣдствію, нельзя было исчерпать подлежащихъ вопросовъ, но, какъ кажется, не слѣдовало бы и затрогивать вопроса о границахъ предварительнаго слѣдствія для того, чтобы сказать по этому поводу только то, что сказалъ авторъ на стр. 29 и слѣдующей. Онъ коснулся лишь вопроса, можетъ ли слѣдователь

¹⁾ Отмѣтимъ здѣсь, что г. Стефановскій несправедливо отнесся къ статьѣ г. Щегловитова. На стр. 31 онъ говоритъ объ этой статьѣ, что она „содержитъ нѣсколько основательныхъ практическихъ замѣчаній, но не отличается самостоятельностью взглядовъ, ибо всѣ теоретическія соображенія заимствованы авторомъ изъ работъ г. Случевского“. Дѣйствительно г. Щегловитовъ (123—126 стр.) излагаетъ взглядъ г. Случевского, но это нисколько не лишаетъ его работу полной самостоятельности, такъ какъ въ остальныхъ своихъ частяхъ она затрогиваетъ вопросы, не обсуждавшіеся спеціально г. Случевскимъ.

собирать данные о прошлой жизни и поведении обвиняемого и въ этомъ вопросѣ ограничился лишь частностью, а, именно, вопросомъ, можетъ ли слѣдователь для этого допрашивать свидѣтелей или свѣдѣнія о прошломъ подсудимаго и данные о его характерѣ должны быть добываемы дознаніемъ чрезъ околныхъ людей. Авторъ, такимъ образомъ, не разработалъ вопроса о границахъ предварительнаго слѣдствія: онъ совершенно случайно выбралъ одинъ изъ частныхъ вопросовъ и по этому вопросу ограничился бѣглою замѣткою.

Еще меньше сказано авторомъ по поводу свѣдѣній, которыя должны содержаться въ обвинительномъ актѣ. Въ этомъ отношеніи авторъ отмѣтилъ лишь, что „Сенатъ допускаетъ возможность указывать въ актѣ на предосудительность прошлаго поведенія и занятій подсудимаго“.

Г. Стефановскій не согласенъ съ такимъ взглядомъ Сената. Онъ находитъ, что „подобное расширеніе обвиненія противорѣчитъ правилу, изложенному въ 4 пунктѣ 520 статьи устава, согласно которой въ обвинительномъ актѣ должна быть означена только сущность собранныхъ доказательствъ и уликъ“.

Не можемъ не замѣтить прежде всего, что разъясненіе Сената нельзя считать противорѣчащимъ пункту 4 статьи 520, потому что предосудительность поведенія можетъ, несомнѣнно, быть обстоятельствомъ учающимъ преступника и даже обстоятельствомъ, входящимъ въ составъ преступленія. Кроме того, не можемъ не указать, что практикою Сената, если уже ограничиваться ею, разрѣшены и другіе частные случаи по вопросу о содержаніи обвинительнаго акта.

Такъ, по дѣлу Рыбаковской ^{68/829}, Сенатомъ разъяснено, что надлежитъ избѣгать въ обвинительномъ актѣ излишнихъ подробностей. Въ актъ должно вносить только такіе факты, которые подлежатъ повѣркѣ на судебномъ слѣдствіи, а не такіе, которые устранены уже изъ судебного производства, наприм., свѣдѣнія, относящіеся къ прекращеннымъ уголовнымъ изслѣдованіямъ противъ подсудимаго. Сенатъ признаетъ неумѣстнымъ помѣщеніе въ обвинительномъ актѣ похвального отзыва о лицѣ, про-

изводившемъ слѣдствіе или наименованіе обвиняемаго преступника (67/178 по д. Данилова). Сенатомъ признано не относящимся къ дѣлу свидѣніе, помѣщенное въ обвинительномъ актѣ о томъ, что подсудимый былъ высланъ подъ надзоръ полиціи за прежде учиненныя дѣйствія. (74/709 по дѣлу Мрозовскаго, 70/164 по дѣлу Лаврова) Ср. Щегловитовъ. Уставъ угол. суд. ст. 520, тез. 7 и 10).

Болѣе подробны соображенія, приведенныя авторомъ по поводу правилъ Устава, опредѣляющихъ, какъ можетъ и должно быть устранено изъ дѣла все къ нему неотносящееся во время разбора дѣла въ судѣ и въ распорядительныхъ дѣйствіяхъ ему предшествующихъ.

Авторъ остановился въ этомъ случаѣ на объясненіи статей 611, 575 и 576 уст. угол. суд.

Позволю себѣ прежде всего отмѣтить, что для насъ неясно, почему авторомъ избраны только эти статьи, а оставлены безъ вниманія другія правила Устава, непосредственно касающіяся предмета изслѣдованія или касающіяся этого предмета въ такой же мѣрѣ, какъ и правила, выраженныя въ выписанныхъ статьяхъ.

Такъ, въ статьяхъ 721, 722—723 мы находимъ законодательное опредѣленіе вопросовъ, которые могутъ быть предлагаемы свидѣтелямъ и, слѣдовательно, должны считаться относящимися къ дѣлу и, наоборотъ, опредѣленіе вопросовъ, которые не могутъ быть предлагаемы и считаются неотносящимися. Мнѣнія англійскихъ юристовъ по тому же вопросу авторъ приводитъ въ третьей главѣ, слѣдовательно, онъ причисляетъ означенный вопросъ къ теоріи относимости, почему, касаясь во второй главѣ того, что онъ называетъ относимостью въ русскомъ законодательствѣ, авторъ казалось бы долженъ былъ остановиться на приведенныхъ правилахъ Устава или по крайней мѣрѣ оговорить, почему онъ ихъ не касается.

Не только председательствующій, по правилу статьи 611, обязанъ устранить изъ дѣла все неотносящееся, но и судъ долженъ руководствоваться понятіемъ о фактахъ, относящихся либо неотносящихся къ дѣлу, во всѣхъ случаяхъ, когда онъ разрѣшаетъ

либо не разрешает прочтёніе бумагъ по статьямъ 629 или 687 Устава, или предоставляет либо воспрещаетъ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ представлять доказательства въ подтвержденіе своихъ показаній (статья 630, п. 1).

По смыслу закона и разъясненіямъ Сената (по дѣлу Сысоевой ^{69/1050}, Мелницкихъ ^{1884/5} и др.) судъ можетъ отказать въ прочтеніи бумаги или представленіи извѣстнаго доказательства, если находитъ ихъ неотносящимися къ дѣлу.

Если авторъ счелъ нужнымъ говорить о власти председателя по недопущенію въ судебномъ засѣданіи неотносящагося къ дѣлу, то, кажется, съ тѣмъ же основаніемъ надлежало остановиться на разъясненіи совершенно аналогичной власти суда, выступающей лишь при иныхъ условіяхъ.

Обращаясь отъ примѣрныхъ указаній, какіе вопросы вѣз явно относящихся къ темѣ обойдены авторомъ, мы переходимъ къ замѣчаніямъ по поводу высказаннаго авторомъ при истолкованіи статьи 611-ой Устава. Приводя съ нѣкоторыми подробностями рѣшенія Сената по дѣлу о злоупотребленіяхъ къ Крештадскомъ банкѣ (^{1883/27}) и въ Саратовско-Симбирскомъ земельномъ банкѣ (^{1887/32}), а также заключеніе г. Кони по послѣднему дѣлу, г. Стефановскій отмѣчаетъ, что „приведенныя разъясненія касаются только формальной стороны дѣятельности председателя, который, конечно, не долженъ впадать въ противорѣчіе съ самимъ собою, сначала допуская извѣстныя обстоятельства, а затѣмъ признавая ихъ излишними или неотносящимися къ дѣлу. Напротивъ, при опредѣленіи того, имѣетъ ли данный фактъ прямое отношеніе къ дѣлу или не имѣетъ, власть председателя является дискреціонною и контролю не подлежитъ“. (23 стр.)

Такъ какъ выписанное положеніе есть единственный выводъ, къ которому пришелъ авторъ по разсмотрѣнію нашего законодательства и нашей практики относящихся до власти председателя по устраненію неотносящагося къ дѣлу, то на этомъ выводѣ мы позволимъ себѣ остановиться нѣсколько долѣе, съ цѣлью прояснить его.

Дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ своихъ рѣшеніяхъ Сенатъ на-

ходилъ, какъ по поводу примѣненія статьи 611-ой, такъ и 629-ой, (по дѣлу Хотева ^{1868/954}, Спѣваковского ^{1875/309}, Челокеева ^{1876/268}; Мячуринной ^{1868/115}, Крылова ^{1871/1389}, Москов. комм. ссуднаго банка ^{1877/95}) что вопросъ, имѣютъ ли не имѣютъ тѣ или другія обстоятельства прямое отношеніе къ дѣлу, не подлежитъ провѣркѣ со стороны кассационнаго суда.

Г. Стефановскій лишь констатируетъ существованіе такого взгляда Сената, откуда можно заключить, что одѣ съ нимъ соглашается. Если бы это было не такъ, то г. Стефановскій, несомнѣнно, предложилъ бы свое критическое замѣчаніе по этому существенно важному вопросу для избранной имъ темы. Вѣдь, если въ самомъ дѣлѣ отъ председателя, геср. отъ суда, вполне зависить признаніе извѣстнаго факта, заявленія и т. д. относящимися либо неотносящимися къ дѣлу, то этимъ весьма бы затруднилась выработка правилъ о фактахъ относящихся и неотносящихся къ дѣлу. Единнообразное пониманіе судами, что относится, а что не относится къ дѣлу, не обезпечивалось бы кассационными рѣшеніями Сената и излагающему „теорію относимости“ не для чего было бы обращаться къ сборникамъ сенатскихъ рѣшеній.

Мы держимся иного мнѣнія и полагаемъ, что взглядъ Сената, приведенный въ книгѣ г. Стефановскаго, нуждается въ нѣкоторомъ ограниченіи, что подтверждается и рядомъ рѣшеній того же Сената, въ которыхъ послѣдній даетъ указаніе, какія обстоятельства должно признавать относящимися и какія неотносящимися къ дѣлу.

Такъ какъ, согласно статьѣ 5 учр. суд. уст. и 912 Уст. угол. суд., кассационная инстанція не можетъ входить въ разсмотрѣніе дѣла по существу, то во всѣхъ случаяхъ, когда только изъ такого разсмотрѣнія можетъ быть обнаружено, относится ли данное обстоятельство къ дѣлу или нѣтъ, Сенатъ не вправе провѣрять, правильно ли или неправильно это обстоятельство было признано председателемъ, геср. судомъ, относящимся либо неотносящимся къ дѣлу.

Но могутъ быть случаи иного рода, въ которыхъ извѣстное обстоятельство, заявленіе и т. д., безъ всякаго отношенія къ су-

шеству данного дѣла, является неотносящимся. Оно можетъ быть признано таковымъ по прямому требованію закона либо такое свойство извѣстнаго обстоятельство можетъ вытекать изъ всей совокупности процессуальныхъ правилъ. Въ виду того, что процессъ есть совокупность дѣйствій, долженствующихъ сообразоваться съ установленными правилами, дѣйствій, всегда клонящихся къ извѣстной цѣли, которымъ, напротивъ, нѣкоторыя цѣли всегда должны оставаться чужды, кое что во всѣхъ случаяхъ должно оставаться постороннимъ для процесса не того или другаго, но всякаго процесса.

Постороннее въ этомъ смыслѣ, независимо отъ мнѣнія предсѣдателя, должно быть устранено изъ дѣла. Предсѣдатель не воленъ это постороннее признать относящимся къ дѣлу.

Такъ, по дѣлу Бетхудова ^{1888/16} Сенатъ высказалъ, что по смыслу нашего закона судебныя пренія должны касаться фактическихъ или юридическихъ обстоятельствъ дѣла, а не мнѣній и ученій, „которыя вовсе не должны имѣть мѣста въ судебныхъ преніяхъ“, почему допущеніе такихъ мнѣній и ученій всегда является допущеніемъ посторонняго, влекущимъ отиѣну приговора.

Судебныя пренія не должны быть превращаемы въ ученый диспутъ. Когда такое превращеніе констатировано, то оно не можетъ не быть признано нарушеніемъ нормальнаго порядка отправления правосудія, влекущимъ отиѣну приговора.

Точно также и по дѣлу Симбирско-Саратовскаго Банка (^{1887/32}), также приведенному въ книгѣ г. Стефановскаго, Сенатъ призналъ, что затѣмнѣніе дѣла совершенно посторонними обстоятельствами является извращеніемъ правильнаго хода судебного процесса.

Разумѣется, наличность такихъ совершенно-постороннихъ обстоятельствъ можетъ быть обнаружена и безъ разсмотрѣнія дѣла по существу, слѣдовательно, и въ кассационной инстанціи, не только тогда, когда самъ предсѣдатель въ заключительномъ словѣ призналъ наличность такого посторонняго.

Въ виду означеннаго мы полагаемъ, что власть предсѣдателя, въ дѣлѣ признанія извѣстныхъ обстоятельствъ относящихся къ дѣлу, не остается безконтрольною и въ извѣстныхъ границахъ подлежитъ кассационной провѣркѣ.

Точно также контролю подлежат и обратное, именно признаніе председателемъ известнаго обстоятельства неотносящимся къ дѣлу. Это въ тѣхъ случаяхъ, когда, подъ видомъ устраненія посягнутого, нарушается какой либо принципъ процесса, когда есть неправильнаго подведенія какого либо заявленія подъ понятіе неотносящагося къ дѣлу и устраненія онаго, на этомъ основаніи, нарушено какое либо начало процесса.

Въ видѣ примѣра для иллюстраціи сказаннаго, могу указать на рѣшеніе Сената по дѣлу Лунина и Варфоломѣева ^{1872/159}).

При производствѣ означеннаго дѣла въ обвинительной рѣчи товарищъ прокурора началъ излагать исторію скопческой ереси, но былъ остановленъ председателемъ; когда представитель обвиненія заявилъ за сѣнъ, что онъ нацѣренъ выяснитъ ученіе скопцовъ, въ виду того, что многіе подсудимые обвиняются въ принадлежности къ скопческой ереси и въ распространеніи ея, то председатель предложилъ руководствоваться не литературою и судебною практикою, а однимъ закономъ. Въ кассационномъ протестѣ прокурора означенное распоряженіе председателя выставлялось, какъ нарушеніе статьи 78 / Уст. угол. суд.

Выйдя изъ обсужденіе означеннаго кассационнаго повода, Сенатъ нашелъ, что председатель правильно не допустилъ прокурора до изложенія литературныхъ мнѣній о сѣнѣ скопцовъ, но что онъ пошелъ въ этомъ отношеніи слишкомъ далеко, не сдѣлавъ исключеній ни для соображеній по историческому развитію закона, ни по научному изслѣдованію предмета, тогда какъ то и другое часто необходимо при историческомъ и догматическомъ толкованіи закона, ни даже для судебной практики, въ составъ которой входятъ и кассационныя рѣшенія Сената, должны служить руководствомъ къ единообразному исполненію и примѣненію законовъ. Въ этомъ отношеніи товарищъ прокурора стѣсненъ былъ неправильно въ своей обвинительной рѣчи и такого стѣсненія, по важности послѣдствій которыя оно могло имѣть, нельзя не признать существеннымъ нарушеніемъ порядка судопроизводства, влекущимъ за собою отміну рѣшенія присяжныхъ. Изъ приведеннаго явствуется, что Сенатъ призналъ въ данномъ

случаѣ подведеніе председателемъ подъ понятіе посторонняго указаній на историческое развитіе закона, научное изслѣдованіе предмета и судебную практику подлежащихъ кассационной повѣркѣ и по такой повѣркѣ неправильнымъ.

По всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ, мы полагаемъ, что признаніе извѣстнаго факта относящихся или неотносящихся къ дѣлу, какъ установлено и сенатскою практикою, не всегда можетъ быть предоставлено усмотрѣнію председателя, геср. суда, не подлежащему кассационной провѣркѣ, почему и въ практикѣ нашего кассационнаго Сената можно найти нѣкоторыя начала для различенія фактовъ относящихся и неотносящихся къ дѣлу.

Вопреки означенному, г. Стефановскій считаетъ единственнымъ примѣненіемъ теоріи относимости на русской почвѣ взглядъ Сената на значеніе статей 575 и 576 Устава угол. суд., говорящихъ о вызовѣ свидѣтелей къ судебному слѣдствію.

Авторъ находитъ, что „по этому практически важному вопросу Сенатъ въ рядѣ рѣшеній (⁷⁴/783 Петрова, ¹⁸⁷⁸/34 Засуличъ, 1888 № 6 Кравцова, 1890 № 17 Вельяшева и др.) создалъ цѣлую доктрину, которая заслуживаетъ того, чтобы на ней остановиться подробнѣе, такъ какъ она является единственнымъ оригинальнымъ примѣненіемъ теоріи относимости на почвѣ русской практики“ (стр. 24).

Мы также позволимъ себѣ нѣсколько подробнѣе остановиться на вопросѣ о вызовѣ свидѣтелей, не потому однако, что считаемъ взглядъ высказанный Сенатомъ единственнымъ примѣненіемъ теоріи относимости, а потому, что вопросъ представляетъ дѣйствительно практическую важность, а разрѣшеніе, данное ему авторомъ, по нашему мнѣнію возбуждаетъ сомнѣнія.

Уставъ уголов. судопроизводства предоставилъ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ слѣдующія права въ отношеніи къ вызову свидѣтелей къ судебному слѣдствію. Председатель суда не можетъ отказать участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ въ вызовѣ свидѣтелей, сдѣлавшихъ показанія при предварительномъ слѣдствіи. Что касается новыхъ свидѣтелей, неспрошенныхъ при предварительномъ слѣдствіи, то они вызываются, по ходатайству участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, если

судъ найдетъ представленныя къ тому причины достаточно уважительными и обстоятельства, подлежащія разъясненію, достаточно важными. Судъ, такимъ образомъ, можетъ отказать въ вызовѣ новыхъ свидѣтелей. Но такой отказъ не лишаетъ сторону права ходатайствовать въ теченіи недѣли вторично о вызовѣ свидѣтеля ей нужнаго, только въ этомъ случаѣ, въ случаѣ вторичнаго ходатайства, сторона принимаетъ расходы по вызову на свой счетъ. Въ случаѣ вторичнаго ходатайства дѣлается распоряженіе о вызовѣ свидѣтеля на счетъ просителя или предоставляется ему пригласить свидѣтеля по добровольному съ нимъ соглашенію.

На практикѣ возникла попытка съузить значительно права участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, дарованныя имъ Уставомъ въ отношеніи къ вызову свидѣтелей. По дѣлу Засуличъ ¹⁸⁷⁸/34 Сенатъ разъяснилъ, что вызовъ свидѣтелей по вторичному ходатайству необязателенъ. Если судъ отказалъ въ вызовѣ свидѣтеля потому, что призналъ его показаніе неотносящимся къ дѣлу, то такого рода свидѣтель не можетъ быть уже вызванъ и порядкомъ, указаннымъ въ статьѣ 576.

Мы не будемъ здѣсь указывать на мотивы, склонившіе сенатъ къ такому сужденію, потому что и г. Стефановскій не согласенъ со взглядомъ Сената, да и вообще едва ли этотъ взглядъ, по крайней мѣрѣ если говорить *de lege lata*, можетъ быть признанъ основательнымъ ¹⁾.

Мы обратимся къ разбору мнѣнія самого г. Стефановскаго. По этому мнѣнію, тождественному съ мнѣніемъ проф. Вульфберта, какъ это и указано авторомъ, нужно принять, что всякій свидѣтель, хотя бы и такой, въ вызовѣ котораго судъ отказалъ по той причинѣ, что его показаніе признано неотносящимся къ дѣлу, долженъ быть вызванъ, если сторона будетъ своевременно того домогаться, съ соблюденіемъ правила статьи 576.

По мнѣнію г. Стефановскаго, „канцелярскій, какъ онъ его

¹⁾ Впрочемъ, въ литературѣ было высказано мнѣніе, въ защиту взгляда сената (К. Анциферовъ, Журналъ Гражд. и Угол. права 1882 г. Замѣтки, стр. 198 и слѣд.).

называетъ, вопросъ о вызовѣ свидѣтеля долженъ быть отличаемо отъ юридическаго вопроса объ относимости“. Свидѣтель долженъ быть вызванъ, но, „вопросъ объ относимости слѣдуетъ представить только тѣмъ судьямъ, которые будутъ рѣшать самое дѣло и обсуждать этотъ вопросъ слѣдуетъ въ судебномъ засѣданіи, съ выслушаніемъ объясненій подсудимаго и его защитника. При открытіи засѣданія судъ всегда можетъ спросить подсудимаго или его защитника, о какихъ именно обстоятельствахъ желаютъ они допрашивать свидѣтеля, какое отношеніе имѣетъ онъ къ дѣлу и судъ, конечно, можетъ устранить послѣдняго безъ вопроса, коль скоро послѣ надлежащихъ разъясненій признаетъ эти обстоятельства излишними“ (стр. 28).

Прежде всего позволю себѣ замѣтить, что всякое дѣйствіе суда, заключающееся въ устраненіи какого либо средства защиты при состязательномъ процессѣ является на столько важнымъ дѣйствіемъ, что на оное судъ долженъ быть уполномоченъ закономъ. Проф. Вульфбергъ, отставная мысль о томъ, что судъ можетъ недопрашивать свидѣтеля, вызваннаго вопреки мнѣнію суда, признавашаго показаніе такого свидѣтеля неотносащимся къ дѣлу. ссылается на статью 611. Какъ намъ кажется, такая ссылка не подтверждаетъ мысли проф. Вульфберга, потому что въ статьѣ 611 говорится о предсѣдателѣ, а не о судѣ, и кромѣ того, оставленію свидѣтеля безъ вопроса, неспрошеннымъ, не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ подведено по характеру своему подъ одно изъ тѣхъ дѣйствій, которыя могутъ быть предприняты предсѣдателемъ по статьѣ 611. Г. Стефановскій, не приводитъ никакой статьи, изъ которой прямо или хотя бы косвенно могло быть выведено право суда устранять такихъ свидѣтелей, которые вызваны по дѣлу, послѣ вопроса участвующихъ въ дѣлѣ, о чемъ они немѣренны допросить свидѣтеля.

Предоставленіе такого права суду было бы, какъ кажется, не согласно со смысломъ статьи 733 Устава, требующей, чтобы на судебномъ слѣдствіи были рассмотрѣны и повѣрены *все* собранныя по дѣлу доказательства. Право сторонъ вызывать свидѣтелей, вопреки мнѣнія суда о значеніи ихъ показаній, вызвано

стремленіемъ предоставлять сторонамъ участіе въ собраніи доказательствъ. Собранныя участвующими въ дѣлѣ доказательства должны быть разсмотрѣны и повѣрены, какъ и всѣ прочія доказательства, (съ соблюденіемъ существующихъ на то правилъ, слѣдовательно, съ устраненіемъ, въ порядкѣ статьи 611-ой, всего къ дѣлу неотносящагося) иначе предоставленное участвующимъ право собирать доказательства, въ формѣ своевременнаго вызова свидѣтелей, было бы иллюзорнымъ.

Считаю нужнымъ отмѣнить еще, что намъ показалось неяснымъ, почему авторъ, полагающій, „что при опредѣленіи того, имѣетъ ли данный фактъ прямое отношеніе къ дѣлу или не имѣетъ власть предсѣдателя является дискреціоннаго и контролю не подлежитъ“ (стр. 23) въ дѣлѣ оставленія свидѣтеля, вызваннаго сторонами и имѣющаго, по мнѣнію суда, показывать о неотносящемся къ дѣлу, требуетъ судебного опредѣленія. Такое исключеніе изъ общаго правила, установленнаго, какъ то думаетъ авторъ, въ статьѣ 611, требовало бы спеціальнаго объясненія. Свидѣтель, вызванный своевременно по требованію стороны, не есть новое доказательство, допущеніе котораго зависить отъ суда по правилу статьи 734 Устава.

Наконецъ, вся эта процедура опроса стороны, о чемъ она имѣетъ допросить вызваннаго свидѣтеля, опроса, происходящаго въ присутствіи присяжныхъ, могла бы казаться безцѣльною проволочкою и безцѣльнымъ нарушеніемъ принципа непосредственности.

По совершенно вѣрному мнѣнію Сената нельзя устранить свидѣтеля, безъ выслушанія хотя бы части его показанія (¹⁸⁷⁸/34 по дѣлу Засулицъ), равнымъ образомъ судъ не можетъ заранѣе установить предѣловъ объясненій свидѣтелей и предоставлять единоличной власти предсѣдателя прекращать ихъ допросъ на основаніи предварительно состоявшагося по сему предмету опредѣленія суда. (¹⁸⁷⁴/733 по дѣлу Петрова).

Процедура предварительнаго опроса стороны, о чемъ имѣетъ показывать свидѣтель ею вызванный, противорѣчила бы основному правилу, по которому свидѣтелю, прежде предложенія вопросовъ, должно быть предложено рассказать все, что ему из-

вѣстно по дѣлу. Уклоненія отъ этого порядка Сенатъ считаетъ существеннымъ нарушеніемъ формъ судопроизводства (^{1870/174} по дѣлу Васильова, ^{1871/1394} — Руденко, Матосенко и др., ^{1872/996} по дѣлу Лебедева, ^{1872/1020} по дѣлу Федорова и Миклина), а между тѣмъ свидѣтелю, котораго рѣшено оставить въ числѣ послѣднихъ только для разъясненія такихъ то и такихъ то вопросовъ, едва ли было бы умѣстно потомъ предлагать вопросъ общій, по статьѣ 718.

Въ разсматриваемой нами главѣ второй, въ концѣ ея, г. Стефановскій весьма подробно излагаетъ взглядъ г. Случевского о предѣлахъ уголовного изслѣдованія, содержащійся въ рефератахъ, читанныхъ 14 апрѣля 1879 года и затѣмъ 12 января, 9 февраля и 8 марта 1880 года въ С.-Петербургскомъ юридическомъ обществѣ и озаглавленныхъ: „О предѣлахъ власти уголовного суда при устраненіи обстоятельствъ къ дѣлу неотносящихся“, а также въ рефератѣ: „О выработкѣ въ русскомъ уголовномъ судопроизводствѣ въ дѣлахъ, разбираемыхъ съ присяжными засѣдателями, правилъ о судебныхъ доказательствахъ“ ¹⁾.

Въ виду того, что наша критическая замѣтка и безъ того разрослась до размѣровъ большихъ, чѣмъ то было нашимъ намѣреніемъ, мы не будемъ слѣдить за изложеніемъ автора въ этой части его книги, гдѣ съ подробностью изложено все высказанное г. Случевскимъ и другими въ поименованныхъ засѣданіяхъ С.-Петербургскаго Юридическаго Общества. Позволимъ себѣ лишь отмѣтить, что не смотря на то, что въ обсужденіи вопросовъ, возбужденныхъ рефератами г. Случевского, участвовали наши лучшіе криминалисты, отъ означеннаго обсужденія получились довольно скудные результаты. Было высказано о полезности установленія границъ изученія извѣстныхъ фактовъ, имѣющихъ отношеніе къ разсматриваемому въ судѣ дѣлу, но ни въ какомъ отношеніи не были опредѣлены сколько нибудь точно эти гра-

¹⁾ Рефераты эти напечатаны, вмѣстѣ съ вызванными ими преніями, въ протоколахъ С.-Петербургскаго Юридическаго Общества (Журналъ Гражд. и Угол. Права 1880 г. Книга I и II. V. 1882. Книга IX).

нищ. По вопросу о предѣлахъ, до которыхъ могутъ быть изслѣдуются мотивы и личныя свойства подсудимаго, по вопросу, представляющему наибольшую практическую важность, такъ какъ на этой почвѣ всего чаще бываютъ злоупотребленія, для устранения которыхъ и необходимо различіе относящагося и неотносящаго къ дѣлу, въ результатѣ дебатовъ пришли къ слѣдующему заключенію, сформулированному г. Случевскимъ въ его учебникѣ. „Привести точное а priori разграниченіе между мотивами и личными свойствами виновника преступленія, подлежащими изслѣдованію и тѣми, которые должны стоять за этими предѣлами, невозможно при помощи какого либо опредѣленнаго критерія. Индивидуальныя обстоятельства каждаго отдѣльнаго дѣла, а также разумность и добросовѣстность знакомаго съ жизнью судьи должны при этомъ служить единственною руководящею нитью. Всякая попытка создать иной критерій была бы настолько же безцѣльна, на сколько оказались безцѣльными многочисленныя попытки къ созданію правилъ для оцѣнки достоинствъ уголовныхъ по дѣлу доказательствъ (Судопроизводство, стр. 169).

Если имѣть въ виду выписанныя слова, то весьма условно можно считать г. Случевского авторомъ теоріи относимости въ той формѣ, въ какой эта теорія мыслится г. Стефановскому и въ какой она, по его мнѣнію, существуетъ въ Англіи.

Къ возможно краткому разсмотрѣнію общаго понятія объ этой теоріи, которое дано авторомъ на стр. 7, слѣдовательно, еще въ первой главѣ, въ связи съ самымъ изложеніемъ этой теоріи, которому посвящена третья глава, мы теперь и переходимъ.

III. Забота объ устраненіи всего, что можетъ ввести въ заблужденіе присяжныхъ при оцѣнкѣ по внутреннему убѣжденію данныхъ за или противъ подсудимаго можетъ выразиться въ недопущеніи такихъ доказательствъ, которыя, вслѣдствіе своей недостоверности или неопредѣленности, не могутъ служить удостовѣреніемъ доказываемаго факта, а также въ недопущеніи доказыванія такихъ фактовъ, дѣйствительность или недѣйствительность которыхъ безразлична для опредѣленія виновности даннаго лица въ совершеніи даннаго преступленія.

Такое свойство известнаго доказательства, по которому оно въ данномъ случаѣ является непригоднымъ для удостовѣренія известнаго факта, авторъ предлагаетъ называть недопустимостью доказательства, въ отличіе отъ неотносимости доказательства, имѣющей въ томъ случаѣ, когда пригодное доказательство устраняется потому, что фактъ, о которомъ это доказательство свидѣтельствуешь, не относится къ дѣлу.

Такъ, свидѣтельство безумнаго недопускается по его недопустимости, а свидѣтельство лица, могущаго удостовѣрить дурную репутацію подсудимаго, но ничего не знающаго по дѣлу, не допускается вслѣдствіе своей неотносимости.

По заключенію г. Стефановскаго оба термина—допустимость (*admissibility of evidence*) и относимость (*relevancy of evidence*) соприкасаются и нерѣдко смѣшиваются, хотя обозначаютъ собою различныя понятія.

Допустимость примѣняется къ средствамъ доказательства, а относимость—къ самымъ доказываемымъ фактамъ. Все, что не относится къ дѣлу въ силу этой причины не можетъ быть допущено, но и изъ относящагося къ дѣлу кое что тоже не можетъ быть допущено, вслѣдствіе своей недостоверности“ (стр. 7—8).

Какъ видно изъ выписанныхъ словъ г. Стефановскаго, и доказательство непригодное, вслѣдствіе своей недостоверности, и доказательство, свидѣтельствующее о чемъ либо, не относящемся къ дѣлу, одинаково недопустимы, только по разнымъ причинамъ, вслѣдствіе чего нельзя не отмѣтить, что избранный авторомъ терминъ для обозначенія доказательства непригоднаго самого по себѣ—недопустимость—какъ выражающій свойство общее для всѣхъ доказательствъ, не допускаемыхъ на судъ по какой бы ни было причинѣ, не можетъ быть признанъ удачнымъ. Вся трудность, существующая для автора въ различеніи недопустимости и неотносимости, отпала бы сама собою, если бы онъ взглянулъ надлежаще на относимость, какъ на видъ допустимости, а на неотносимость, какъ на видъ недопустимости.

Въ трактатѣ, специально посвященномъ теоріи относимости, представлялось бы особенно важнымъ дать возможно точное опре-

дѣленіе понятію относящагося и неотносящаго къ дѣлу, а также установить различіе между неотносимостью и несущественностью доказательства. Это различіе имѣетъ весьма важное теоретическое и практическое значеніе. Какъ видно, напр., изъ исторіи составленія статьи 244 Германскаго Устава угол. суд., приведенной, между прочимъ, и у Глазура *Beiträge zur Lehre vom Beweis*. S. 70) нерѣдко смѣшиваютъ оцѣнку существенности или несущественности съ оцѣнкою того, относится ли извѣстное доказательство къ дѣлу или не относится, опасаясь предоставить суду право устранять извѣстные доказательства, какъ неотносящіеся къ дѣлу, въ виду того, что подъ видомъ неотносящагося легко можетъ быть устранено то, что по взгляду судьи является несущественнымъ, между тѣмъ какъ вопросъ о существенности или несущественности доказательства касается такого его свойства, оцѣнка котораго можетъ быть предоставлена только судьямъ, рѣшающимъ вопросъ о виновности. Такъ какъ присяжные рѣшаютъ вопросъ, доказанъ ли извѣстный фактъ или недоказанъ, то судья не вправе устранить изъ дѣла какое либо доказательство, вѣдѣнаго того, что, по его мнѣнію, этотъ фактъ уже доказанъ, что представленіе новыхъ доказательствъ того же факта было бы излишнимъ. Судья можетъ устранить только то, что безразлично для дѣла, т. е. такой фактъ, дѣйствительность или недѣйствительность котораго не свидѣтельствуетъ ни прямо ни косвенно о наличности факта преступленія, о томъ, что оно совершено даннымъ лицомъ и можетъ быть ему вменено въ вину.

Теорія относимости, какъ кажется, и должна сгруппировать факты въ этомъ смыслѣ неотносящіеся къ дѣлу. При такой группировкѣ, если она должна имѣть научное значеніе, не быть произвольною, нужно исходить отъ наблюденій надъ тѣмъ, какъ составляется убѣжденіе въ виновности въ случаяхъ, когда это убѣжденіе признается разумнымъ.

Наблюденіе обнаружить, что въ основѣ убѣжденія о виновности лежитъ наличность или отсутствіе извѣстныхъ фактовъ, событий и т. п., доказанность которыхъ признается доказанностью указанныхъ выше элементовъ виновности. Факты и событія этого

рода и составляют собою группу фактовъ относящихся къ дѣлу въ отличіе отъ другихъ, дѣйствительность или недѣйствительность которыхъ не даетъ права заключать о виновности ни прямо, ни косвенно.

Теорія относимости къ этому смыслу существуетъ въ каждомъ правѣ, не только въ англійскомъ, особенностью котораго является лишь то, что эта теорія разрабатывается съ особеннымъ тщаніемъ, а также что выработанныя наукою и практикою правила примѣняются въ судахъ, благодаря особымъ свойствамъ англійскаго процесса и, главнымъ образомъ, благодаря особенному отношенію короннаго судьи къ присяжнымъ.

Г. Стефановскій такъ изображаетъ это отношеніе. „Власть англійскаго судьи при опредѣленіи границъ изслѣдованія выражается двояко. Во первыхъ, онъ рѣшаетъ вопросъ о томъ, достаточно ли достовѣренъ источникъ доказательства. Во вторыхъ, судья рѣшаетъ вопросъ о томъ, относится ли представляемое доказательство къ дѣлу“. (стр. 7).

Какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ своего изслѣдованіе, г. Стефановскій представляетъ одинаковою власть англійскаго судьи въ дѣлѣ устраненія доказательствъ негодныхъ и доказательствъ, свидѣтельствующихъ объ неотносящемся къ дѣлу.

Намъ кажется, что въ столь категорической формѣ означенное заявленіе является неправильнымъ.

Особенность англійской системы доказательствъ видятъ именно въ томъ, что „условія, отъ которыхъ зависитъ допущеніе извѣстнаго доказательства, опредѣляются не внѣшними признаками..... Одно изъ главныхъ основаній этой системы, именно, что все то, что не имѣетъ непосредственнаго или близкаго отношенія къ главному предмету, должно быть исключено, естественно, не можетъ быть примѣняемо безъ выслушанія показанія, и т. п. Тутъ нужна оцѣнка доказательства и разграниченіе того, что въ данномъ случаѣ должно быть предоставлено суду, а что присяжнымъ, является скорѣе дѣломъ совѣсти и такта судьи, чѣмъ законодательнаго опредѣленія“ (Glaser. Anklage, Wahrspruch u. Rechtsmittel, S. 319). Точно также другой писатель, именно Bar, удостовѣряетъ, что свойство извѣстнаго доказатель-

ства, вслѣдствіе котораго оно не должно быть допускаемо, можетъ часто обнаружиться лишь послѣ того, какъ оно воспроизведено, такъ какъ при этомъ имѣютъ большое значеніе обстоятельства даннаго конкретнаго случая. Поэтому, судья можетъ впоследствии, въ своемъ заключительномъ словѣ, признать доказательство негоднымъ, ведущимъ къ заблужденію.... (Recht u. Beweis, s. 320).

Изъ означеннаго можно заключать, что правила law of evidence, опредѣляющія, что относится къ дѣлу, а что неотносится, служатъ не единственно для устраненія извѣстныхъ обстоятельствъ изъ дѣла, а являются вмѣстѣ съ тѣми правилами объ оцѣнкѣ доказательствъ.

Это и понятно. Недостовѣрность доказательства можетъ быть поставлена въ зависимость отъ нѣкоторыхъ внѣшнихъ, легко распознаваемыхъ, признаковъ. Напротивъ, для рѣшенія вопроса, относится ли данное обстоятельство къ дѣлу или не относится, необходимо войти, въ большинство случаевъ, въ оцѣнку обстоятельствъ этого дѣла. Напередъ, для всѣхъ случаевъ, провести демаркаціонную линію между обстоятельствами относящимися и неотносящимися къ дѣлу можно, развѣ, въ самыхъ общихъ чертахъ. Многіе сомнѣваются въ возможности точно формулировать такіа обстоятельства, которое prima facie, абсолютно, не подлежатъ доказыванію по своей неотности.

Изложеніе англійской теоріи относимости, содержащееся въ третьей главѣ изслѣдованія г. Стефановскаго, вполне подтверждаетъ это заключеніе. Въ означенномъ изложеніи нѣтъ ни одной формулы, опираясь на которую судья могъ бы устранить извѣстное доказательство по его неотности. Каждое положеніе въ этой теоріи или само по себѣ весьма неточно или допускаетъ рядъ исключеній столь неопредѣленныхъ, что по вѣрному замѣчанію пѣмеккаго ученаго, весьма компетентнаго въ вопросахъ процессуальнаго права и, особенно, англійскаго, можно одобрить лишь стремленіе англійскаго права различить относящееся отъ неотносящагося къ дѣлу, но не осуществленіе означеннаго различія. „Примѣненіе основнаго правила, по замѣчанію названнаго ученаго, тамъ, т. е. въ Англій, часто не вѣрно и еще чаще шатко“. (Glaser, Beiträge, s. 68).

Такое сужденіе освобождаетъ насъ отъ необходимости подробно разсматривать все изложенное въ третьей главѣ для удостовѣренія, что г. Стефановскій увлекается, ссылаясь на Англію, для доказательства возможности правилъ объ относимости, въ смыслѣ точно опредѣленныхъ положеній, столь же опредѣленныхъ, какъ и тѣ, въ которыхъ установлено, какія доказательства должны быть признаны негодными по вышнимъ признакамъ, дѣлающимъ ихъ *prima facie* недостоверными.

Англійская теорія относимости въ изложеніи автора, если изъ нея исключить многое условное, объясняемое своеобразнымъ характеромъ англійскаго права, не даетъ больше ряда, иногда мѣтко схваченныхъ, наблюденій, на какихъ фактахъ обыкновенно строится убѣжденіе о виновности?

Въ этомъ отношеніи не менѣ заслуживали бы вниманія попытки континентальныхъ законодательствъ, столь распространенныя при господствѣ теоріи формальныхъ доказательствъ, исчислить признаки приступленій съ распредѣленіемъ этихъ признаковъ на группы.

Теорію относимости, понимаемую въ этомъ смыслѣ, можно найти и въ прежнихъ германскихъ кодексахъ (ср. Bauer, Lehrbuch des Strafprocesses § 163 и fg) и въ нашемъ Сводѣ Законовъ (ст. 343 Зак. о суд. Св. Зак. т. XV ч. II, изд. 1857 г.). Положеніе англійскихъ юристовъ, приводимыя у г. Стефановскаго въ третьей главѣ, во многихъ случаяхъ весьма близко сходятся съ прежними законными правилами о томъ, что есть улика, потому что и тѣ положенія и эти правила одинаково являются результатомъ наблюденій, изъ какихъ фактовъ можетъ быть дѣлаемо заключеніе о виновности лица, а изъ какихъ такое заключеніе не должно быть дѣлаемо.

При дѣйствиіи формальной теоріи доказательствъ вопросъ объ обстоятельствахъ, имѣющихъ отношеніе къ дѣлу и неимѣющихъ, вопросъ о томъ, есть ли данное обстоятельство улика или нѣтъ, имѣлъ существенно важное значеніе, потому что, хотя улики не признавались достаточными доказательствами для обвиненія преступника, но онѣ, пока господствовала пытка, могли служить

достаточнымъ поводомъ для примѣненія этого средства изслѣдованія, должествовавшего въ большинствѣ случаевъ приводить къ обвиненію. Съ отрицною пытки улики стали служить основаніемъ для примѣненія къ обвиняемому наказанія или особаго или того же, что и при совершенномъ доказательствѣ, только лишь въ меньшей степени.

Въ виду такого значенія уликъ и законодательство и литература дореформеннаго процесса съ особымъ тщаніемъ разрабатывала вопросъ объ обстоятельствахъ, по которымъ можно заключить о существованіи либо отсутствіи котораго либо изъ элементовъ преступленія.

Мнѣ кажется, что сопоставленіе выработаннаго въ дореформенномъ процессѣ о признакахъ преступленія, сопоставленіе уликъ и ихъ классификаціи съ тѣмъ, что создано въ этомъ отношеніи англійскими юристами, было бы чрезвычайно интересно, и, можетъ быть, оказалось бы, что работы процессуалистовъ континентальной Европы не менѣе поучительны, чѣмъ работы англійскихъ ученыхъ, хотя работы эти имѣютъ различныя цѣли и различное практическое значеніе.

Если бы одновременно съ устраненіемъ изъ законодательства правилъ о доказательствахъ, вслѣдъ за превозглашеніемъ принципа свободной ихъ оцѣнки, литература не оставила бы съ прежнимъ вниманіемъ разрабатывать ученіе о доказательствахъ, то и на континентѣ, преемственно, изъ заложеннаго въ дореформенный періодъ, могли бы установиться нѣкоторые общіе принципы для различенія относящагося и неотносящагося къ дѣлу.

Но къ сожалѣнію и наука послѣдовала примѣру законодательства и она, съ меньшимъ правомъ, чѣмъ законодательство, по вѣрному замѣчанію Глазера, ограничилась превозглашеніемъ принципа свободной оцѣнки доказательствъ. (Handbuch, s. 742).

М. Лушинскій.

2. *Н. М. Коркуновъ: „Указъ и законъ“. С.-Петербургъ 1894 г., 408 стр.*

Намъ уже приходилось не разъ разсматривать труды проф. Коркунова, — одного изъ плодovitѣйшихъ и талантливыхъ русскихъ ученыхъ. Въ теченіе только четырехъ лѣтъ онъ успѣлъ выпустить, считая настоящее сочиненіе, также четыре обширныхъ изслѣдованія, изъ которыхъ первыя три имѣютъ своей задачей дать полное руководство по главнымъ отраслямъ правовѣдѣнія. На сколько автору удалось выполнить свои намѣренія въ „Лекціяхъ по общей теоріи права“ и „Русскомъ государственномъ правѣ“, на этотъ вопросъ мы старались дать отвѣтъ своевременно въ нашихъ библиографическихъ статьяхъ¹⁾. Последний трудъ Коркунова представляетъ собою уже спеціальное изслѣдованіе по одному изъ важныхъ вопросовъ государственнаго права. Появленіе своей работы: „Указъ и законъ“ авторъ мотивируетъ ссылкой на 47 ст. нашихъ основныхъ законовъ, въ которой выражается давнее стремленіе правительства установить и упрочить начало законности²⁾. Поэтому, замѣчаетъ Коркуновъ, „и для русскаго государствовѣда не можетъ быть болѣе высокой и болѣе благодарной задачи, какъ содѣйствовать по мѣрѣ силъ утвержденію и развитію этого начала въ нашей государственной жизни: выработка сознательныхъ и опредѣленныхъ убѣжденій, которыми наравнѣ съ властью поддерживаются и укрѣпляются основы государственнаго быта, есть дѣло науки. Коркуновъ указываетъ, что въ русской литературѣ государственнаго права изслѣдователи не разъ обращали свое вниманіе на вопросъ объ обезпеченіи законности въ управленіи. Кромѣ Горюшкина, Хапылева и Васильева, излагавшихъ свои курсы и сочиненія по русскому государственному праву на основаніи идей „Наказа“ о законѣ и законности въ управленіи, А. Д. Гра-

¹⁾ См. 8, 30 и 34 №№ Юридич. Библиографіи Д. Ю. Лицея,

²⁾ 47-я статья гласитъ: „Имперія російская управляется на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ“.

довскій признаеть начало законности основнымъ принципомъ русскаго государственнаго быта и поэтому начинает свои „Начала русскаго государственнаго права“ ученіемъ о законѣ. Для послѣдовательнаго проведенія въ жизнь этого начала необходимо, продолжаетъ Коркуновъ, выясненіе понятія закона и его отношенія къ другимъ актамъ государственной власти. Съ этою цѣлью онъ и занимается въ своей книгѣ вопросомъ объ отношеніи закона къ общимъ правиламъ, которыя устанавливаются въ порядкѣ управленія верховною властью и органами подчиненнаго управленія. Авторъ называетъ эти общія правила *указами* и старается оправдать употребленіе этого термина въ такомъ смыслѣ необходимостью восполнить отсутствіе въ нашемъ законодательствѣ опредѣленнаго названія для такихъ актовъ власти. Всѣ они вообще до учрежденія министерствъ назывались указами; но въ настоящемъ столѣтіи акты, исходящіе отъ министерствъ, называются распоряженіями. Мѣстныя же власти издають обязательныя для мѣстныхъ жителей постановленія. Коркуновъ противъ употребленія выраженій „административныя распоряженія и постановленія“ для обозначенія общихъ правилъ въ порядкѣ управленія; по его мнѣнію, слово „распоряженіе“ не подходитъ подъ значеніе нѣмецкаго „Verordnung“, а соотвѣтствуетъ болѣе „Verfügung“: распорядиться, конечно, не значитъ установить общія правила, а именно принять частныя мѣры. Название же „постановленіе“ прилагается одинаково къ закону и судебнымъ рѣшеніямъ. Болѣе удобно вмѣсто обонхъ этихъ словъ употреблять терминъ „указъ“, которому можно придать условное значеніе опредѣленнаго юридическаго термина. Такіа выраженія, какъ министерскій, губернаторскій, земскій, думскій указъ нисколько, утверждаетъ Коркуновъ, не рѣжутъ уха. Отъ слова указъ можно образовать и выраженіе указная власть. Къ тому же по своему значенію указъ ближе всего соотвѣтствуетъ нѣмецкому *Verordnung*, французскому *ordonnance*, *decret*, англійскому *order*. Въ московской Руси „государевъ указъ“ противопоставлялся „соборному уложенію“. И теперь содержаніе именныхъ указовъ сенату при изданіи закона составляетъ повелѣніе обнародовать

и принести законъ въ исполненіе, что составляет функцію исполнительнѣйшей власти. Наконецъ, и въ „Наказѣ“ указы противопоставляются законамъ и учрежденіямъ. Но указъ и законъ только различные акты государственной власти, и выясненіе взаимнаго ихъ отношенія предполагаетъ предварительное установленіе понятія власти и такъ называемаго раздѣленія властей (V—VIII стр. предисловія). Коркуновъ посвящаетъ этимъ вопросамъ, какъ теоретическому основанію ученія объ указахъ, первую половину своей книги (2—4 главы), между тѣмъ какъ во второй ея половинѣ (въ пятой главѣ) содержится самое это ученіе, опирающееся на формулированные въ первой части изслѣдованія Коркуновымъ его взгляды на государственную власть. Сообразно такому раздѣленію всего его сочиненія на двѣ отдѣльных до извѣстной степени части, мы остановимся сначала на изложеніи Коркуновымъ его общаго юридическаго и политическаго міровоззрѣнія (2—5 г.), въ концѣ котораго попытаемся представить и его критическую оцѣнку. А затѣмъ тоже сдѣлаемъ и со вторымъ главнымъ отдѣломъ книги, который имѣетъ непосредственное отношеніе къ русскому государственному праву (6—7 главами).

Первая глава книги Коркунова — введеніе къ самому изслѣдованію; она носитъ у него особое названіе: „Постановка вопроса“ и содержитъ въ себѣ очеркъ ученій философовъ XVIII вѣка и современныхъ государствѣдовъ на взаимное отношеніе между законодательною и исполнительною властью. Вся постановка ученія объ указахъ опредѣляется, говоритъ авторъ, тѣмъ, какъ понимаютъ это отношеніе между ними. Указамъ нѣтъ мѣста при взглядѣ на исполнительную власть, какъ только подчиненную власти законодательной, лишенную всякой самостоятельности. Объ указахъ можно говорить лишь тогда, когда за исполнительною властью будетъ признана извѣстная самостоятельность въ ея дѣйствіяхъ. Поэтому всякое значеніе указовъ въ управленіи игнорировалось при господствѣ ученій, производившихъ функцію исполнительнѣйшей власти до пассивнаго исполненія воли законодателя. Первымъ писателемъ, заговорившимъ о необходимости предоставить ей нѣкоторую долю самостоятельности, былъ Локкъ,

сочиненіе котораго объ управленіи появилось въ то время, когда самая жизнь выдвинула вопросъ о соотношеніи между законодательною и исполнительною властью. Коркуновъ указываетъ на тѣ особенныя условія политической жизни Англіи XVII ст., благодаря которымъ Локкъ — защитникъ народной свободы, взгляда на народъ, какъ источникъ власти — признаетъ необходимость существованія самостоятельной власти короля, его „прерогативы“. Предоставляя королю исполнительную власть, Локкъ замѣчаетъ, что въ качествѣ исполнителя законовъ онъ имѣетъ право пользоваться своею властью на благо общества въ массѣ случаевъ, неопредѣленныхъ закономъ; строгое исполненіе законовъ было бы часто гибельнымъ, такъ какъ они не въ состояніи предусмотрѣть все, что полезно для общества. Прерогатива остается свободной до тѣхъ поръ, пока она служитъ общему благу; ея же злоупотребленія ограничиваются со стороны народа опредѣленными законами. Понятіе Локкомъ прерогативы заключаетъ въ себѣ, по словамъ Коркунова, и право издавать указы, устанавливать общія правила, власть дѣйствовать по усмотрѣнію и даетъ готовую формулу для обезпеченія взаимныхъ соотношеній между закономъ и указомъ. Исполнительная власть можетъ дѣйствовать свободно, издавать указы, которые не противорѣчатъ законамъ. Это ученіе, которое служитъ основаніемъ теоріи указа Л. ф. Штейна, было забыто въ XVIII ст., когда появляется взглядъ на правительство, какъ только на исполнителя велѣній законодателя. Такъ Руссо, отвергавшій теорію раздѣленія властей, признавалъ установленіе общихъ правилъ исключительнымъ правомъ законодательной власти. Но и послѣдователь Монтескье Кантъ ограничиваетъ дѣятельность правительства только изданіемъ частныхъ распоряженій и примѣненіемъ закона къ отдѣльнымъ случаямъ. Причину такого полного игнорированія взгляда Локка со стороны Руссо и Монтескье съ ихъ послѣдователями Коркуновъ выстѣбъ съ Л. Штейномъ видитъ въ ученіи Руссо о народномъ верховенствѣ. Безусловное подчиненіе правительства законодательной власти объясняется начавшимъ господствовать со времени Руссо пониманіемъ государственной власти, какъ единой воли, которая опредѣляетъ

всю жизнь государства. Эта воля олицетворяется только въ органѣ законодательной власти, которому безусловно подчинены всѣ остальные органы власти. Этотъ взглядъ на столько пустилъ глубокіе корни въ наукѣ государ. права, что въ то время, когда рѣшились признать за правительствомъ право на изданіе указовъ въ виду настоятельной въ этомъ потребности, то старались только примирить это право съ общепринятой теоріей. Поэтому признали, что содержаніемъ указовъ могутъ быть только правила цѣлесообразности, но не юридическія нормы. Такъ Ф. Шталь думаетъ, что законодательная форма требуется лишь для постановлений, которыя касаются правовой сферы индивида, — законовъ гражданскихъ, уголовныхъ и процессуальныхъ и нормъ, устанавливающихъ положительныя повинности и ограниченія. Напротивъ, законодательная форма не требуется для постановлений, которыми не налагается на подданныхъ прямыхъ повинностей, а только ограниченія свободы лица и притомъ допущенныя уже правомъ. Коркуновъ, возражая Шталю, упрекаетъ его въ неясности разграниченія сферы дѣятельности законодательной и административной власти. Не только наложеніе прямыхъ повинностей, но и установленіе ограниченій существующихъ уже правъ гражданъ одинаково, говоритъ онъ, измѣняетъ юридическія отношенія. Воззрѣніе Шталя на самое отношеніе между указомъ и закономъ было нѣсколько измѣнено Р. ф. Молемъ, который также считаетъ установленіе юридическихъ нормъ допустимымъ только въ формѣ закона. Моль еще болѣе суживаетъ область дѣятельности администраціи, подводя подъ законъ и опредѣленіе полицейскихъ правилъ, имѣющихъ значеніе для всего государства или важныхъ и крупныхъ интересовъ населенія. Моль не указалъ объективныхъ признаковъ важности этихъ интересовъ, но за то даетъ систематическое ученіе о средствахъ обезпеченія законности указовъ и рассматриваетъ понятіе указа въ связи съ ученіемъ о конституціи, о провизорныхъ законахъ и объ общемъ значеніи судебныхъ рѣшеній.

Теорія Л. Штейна объ указахъ произвела полный переворотъ въ господствовавшихъ воззрѣніяхъ на отношеніе ихъ къ

закону. Извѣстна теорія Штейна о государствѣ, какъ личности, и различіе имъ въ дѣятельности государства между исполненіемъ воли государства и управленіемъ—отношеніемъ закона къ самой дѣйствительности. Законъ не въ состояніи опредѣлить всѣхъ многочисленныхъ и измѣнчивыхъ задачъ управленія. Отсюда для послѣдняго—нужда въ волѣ, которая могла бы его регулировать. Эта воля опредѣляется исполнительной властью въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Такой актъ исполнительной власти называется *указомъ*. Штейнъ настаиваетъ на томъ взглядѣ, что исполненіе не можетъ быть безусловно подчинено закону: исполнительная власть—органъ положительнаго осуществленія идеи государства. Поэтому она проникнута требованіями, цѣлями государственной власти, восполняетъ законъ, какъ только формальное выраженіе идеи государства. Правительственная власть—самостоятельная, дѣятельная воля государственной власти. Эта власть правительства восполнять собственную волю или замѣнять законъ есть указная власть (*Verordnungsgewalt*). Законъ имѣетъ дѣло съ принципами, сущностью вещей, указъ устанавливаетъ непосредственныя цѣли дѣятельности государства. Но законъ и указъ оба одинаково необходимы и вмѣстѣ составляютъ истинную волю государства. Но не смотря на признаніе Штейномъ самостоятельнаго значенія за указами, какъ необходимыми проявленіями исполнительной власти, онъ не проводитъ послѣдовательно этого своего взгляда и колеблется между нимъ и воззрѣніемъ на указы, какъ только устанавливаемые исполнительной властью правила цѣлесообразности. Только въ вопросѣ о гарантіяхъ подчиненія указовъ законамъ Штейнъ пошелъ дальше Моля. Штейнъ считаетъ главной гарантіей законности указовъ надлежащую организацию административной юстиціи, которая основывается на противоположеніи имъ указовъ законамъ. Сторонникъ взглядовъ Штейна въ этомъ вопросѣ у насъ явился Градовскій, который, однако, рѣшительно ограничиваетъ содержаніе указовъ установленіемъ однихъ техническихъ нормъ. Между тѣмъ, въ новѣйшей нѣмецкой литературѣ высказывается взглядъ, что содержаніемъ указовъ могутъ быть и юридическія нормы. Но чтобы не отсту-

нать отъ пониманія власти, какъ единой воли, нѣмецкіе ученые выводятъ право исполнительной власти издавать указы съ такимъ характеромъ изъ делегаціи законодателя (1—22 стр.).

Возможность установленія указами одинаково техническихъ и юридическихъ нормъ была признана Гнейстомъ, который, впрочемъ, разсматривалъ весь вопросъ о соотношеніи между закономъ и указомъ вполнѣ съ формальной точки зрѣнія. Обстоятельное ученіе объ указахъ было дано Лабандомъ, который примѣнилъ къ нимъ различіе законовъ въ формальномъ и матеріальномъ смыслѣ. Подъ указомъ въ формальномъ смыслѣ онъ разумѣетъ всякій актъ исполнительной власти независимо отъ его содержанія. Этого рода указы раздѣляются Лабандомъ, прежде всего, на юридическіе указы, которые по своему содержанію однородны съ законами и поэтому могутъ быть издаваемы исполнительной властью только въ силу конституціи. Другой совершенно характеръ имѣютъ административные указы—только нормы чисто техническихъ, правила цѣлесообразности и, въ отличіе отъ юридическихъ указовъ, обязательны лишь для самой администраціи. Въ этой классификаціи указовъ Лабандомъ, принятой почти всѣми нѣмецкими учеными, есть одинъ существенный недостатокъ. Лабандъ именно допускаетъ, что правила, которыми опредѣляется дѣятельность органовъ управленія, могутъ стать юридическими нормами, какъ въ силу закона, такъ и обычая. Между возникновеніемъ указовъ по закону и обычаю нѣтъ никакого сходства, а скорѣе существуетъ громадное различіе: указъ—актъ государственной власти, сознательно направленный къ установленію общаго руководящаго правила, обычай же—результатъ бессознательнаго соблюденія обществомъ извѣстной юридической нормы въ цѣломъ рядѣ частныхъ случаевъ. Коркуновъ объясняетъ указанный недостатокъ во взглядахъ Лабанда невозможностью объяснить установленіе юридическихъ нормъ указомъ по спеціальной делегаціи законодателя. Независимость отъ этого порученія права исполнительной власти издавать указы признаетъ Арядтъ, но только въ видѣ исключительнаго явленія, наблюдаемаго въ Англіи и Пруссіи, гдѣ королевская власть существуетъ независимо отъ конституціи.

Очевидно, замѣчаетъ Коркуновъ по этому поводу, что подобное объясненіе самостоятельнаго права исполнительной власти также вытекаетъ изъ невозможности помирить съ нимъ ту же старую теорію власти, какъ единой воли. Такая же неопредѣленность замѣчается и въ ученіи объ указахъ Еллинека, хотя онъ лучше другихъ далъ теоретическое разрѣшеніе всего вопроса. Именно право изданія указовъ вытекаетъ, по его мнѣнію, изъ самой природы государства, въ которомъ вообще невозможно, чтобы всѣ общія правила устанавливались лишь однимъ законодательнымъ путемъ. Дѣйствительная жизнь государства не можетъ быть подчинена а priori безусловному руководству закона, который всегда представляется отвлеченнымъ правиломъ, неспособнымъ примѣняться къ измѣняющимся потребностямъ общества. Поэтому органы управленія не могутъ быть только исполнителями закона, а должны быть надѣлены правомъ самостоятельной дѣятельности, которая и выражается въ изданіи ими указовъ, юридическихъ и административныхъ. Но происхожденіе этого права объясняется Еллинекомъ изъ той же делегаціи законодателя и обычая.

Резюмируя все сказанное по поводу новаго взгляда на указъ, какъ самостоятельный актъ исполнительной власти, Коркуновъ замѣчаетъ, что ко всѣмъ соображеніямъ, на которыхъ основывается этотъ взглядъ, можетъ быть присоединено еще то, что управленіе въ смыслѣ непосредственнаго осуществленія задачъ государственной жизни составляетъ необходимое условіе самаго существованія государства. Последнее можетъ быть на время безъ законодательства, но безъ управленія оно не мыслимо. Администрація въ этихъ случаяхъ должна дѣйствовать самостоятельно. Но и при нормальной жизни государства администрація приходится добиваться въ своей дѣятельности опредѣленныхъ результатовъ, что невозможно безъ собственной ея инициативы. Къ такому характеру дѣятельности исполнительной власти приспособлено самое іерархическое ея устройство, при которомъ высшіе органы управленія направляютъ дѣятельность низшихъ при помощи устанавливаемыхъ ими общихъ правилъ. Объяснять право исполнительной власти на изданіе указовъ делегаціей законо-

дателя невозможно потому, что это, прежде всего, противорѣчило бы принятому всюду въ Европѣ принципу раздѣленія властей, согласно которому только одна законодательная власть можетъ создавать право. Чрезъ посредство обычая исполнительная власть присвоиваетъ себѣ право устанавливать юридическія нормы и безъ делегаціи законодателя. Пониманіе власти, какъ единой воли, противорѣчитъ не только факту изданія указовъ, но и самому факту обособленія властей, при которомъ администрація только исполняетъ велѣнія законодательной власти. Но не въ теоріи Монтескье, на которой основывается весь политическій строй современнаго общества, лежитъ причина указаннаго неразрѣшимаго противорѣчія, а въ пониманіи государственной власти, какъ единой воли. Коркуновъ анализируетъ взгляды Монтескье, которые противорѣчатъ этому общепринятому пониманію государственной власти. Монтескье, по его словамъ, не даетъ общаго опредѣленія власти и говоритъ въ своемъ „Духъ законовъ“ не о *раздѣленіи властей*, а объ *ихъ распредѣленіи*. Для обозначенія объединяющей государственной власти онъ употребляетъ совершенно другое названіе, чѣмъ для распредѣленія ея функций. Этотъ терминъ — *la force generale*, отъ которой отличаются *les pouvoirs*. Коркуновъ показываетъ, какъ постепенно назрѣвала у Монтескье идея о распредѣленіи властей, какъ онъ начинаетъ съ раздѣленія властей (въ „*Lettres persanes*“ и „*Considerations sur la grandeur des Romains*“) и въ „Духъ законовъ“ замѣняетъ его уже ихъ распредѣленіемъ. Но волевая теорія государственной власти, несогласная съ теоріей Монтескье, исключаетъ еще возможность смѣшанной формы правленія; съ ней непримиримы и неизбежны столкновенія различныхъ органовъ власти, всегда надѣленныхъ извѣстными правами и обязанностями. Наконецъ, и сама по себѣ эта волевая теорія власти не достаточно ясна и опредѣленна. Коркуновъ указываетъ на большія разногласія въ ея формулированіи у современныхъ ученыхъ. И для того, чтобы опредѣлить истинныя основанія господствующей теоріи власти, предпринимаетъ историческій очеркъ развитія пониманія власти отъ древнихъ временъ и до нашего времени (22—44 стр.).

У древнихъ философовъ, греческихъ и римскихъ, не было понятія власти, какъ единой воли. Первенство въ душѣ признавалось тогда (Сократомъ, Платономъ, Аристотелемъ) не за волю, а за разумъ. Само божество было также только высшимъ разумомъ. Мѣриломъ нравственнаго у Платона и Аристотеля была счастливая жизнь, которая дается человѣку разумомъ же. У стоиковъ, призывавшихъ „жить согласно съ природой“, законъ природы выражался въ разумѣ, которому у нихъ подчинялась воля. Только одни софисты признавали власть волею сильнѣйшаго, но ихъ взгляды имѣли чисто отрицательный характеръ. Платонъ противопоставилъ волѣ сильнѣйшаго господство разума, на которомъ основывается власть въ государствѣ, гдѣ она должна поэтому сосредоточиваться въ рукахъ мудрецовъ. Платонъ понимаетъ дѣйствительное государство, какъ отношеніе взаимной зависимости. Воззрѣнія Платона на государство были развиты Аристотелемъ, на ученіи котораго Коркуновъ останавливается съ особеннымъ вниманіемъ въ виду того, что потомъ, какъ увидимъ, самъ примыкаетъ къ нему въ своихъ взглядахъ на государство. Аристотель находитъ, что сущность государства заключается не въ чрезмѣрномъ развитіи единства, для него гибельномъ, а въ совокупности живущихъ вмѣстѣ людей, отношеніи взаимной ихъ зависимости. Коркуновъ доказываетъ, что различіе числа правящихъ лицъ для опредѣленія формы правленія не играло у Аристотеля никакой роли, такъ какъ основаніемъ этого различія признается у него разнообразіе въ замѣщеніи государственныхъ должностей. Аристотелю совершенно чужда мысль о господствѣ въ государствѣ чьей-либо единой воли. Пониманіе имъ государственнаго властвованія, какъ взаимной зависимости, при которой возможно совмѣстное существованіе нѣсколькихъ властей, объясняетъ, почему Аристотель допускаетъ смѣшанную форму правленія. Сообразно своему взгляду на государство, въ которомъ нѣтъ единой, все опредѣляющей воли, Аристотель считаетъ законодательство, управленіе и судъ не функціями власти, а частями государственнаго устройства. Все различіе взгляда Аристотеля на государство отъ современнаго выражается въ раз-

рѣшенія имъ вопроса о томъ, кого нужно разумѣть подъ субъектомъ государственнаго властвованія: этимъ субъектомъ онъ признаетъ не государство, правительство или господствующую часть населенія, а всѣхъ гражданъ въ совокупности. Такимъ образомъ, у грековъ государство понималось не въ смыслѣ единой личности, а отношенія взаимной зависимости множества свободныхъ личностей.

Понятіе государства, какъ отношенія взаимной зависимости, а не односторонняго подчиненія, было принято и Цицерономъ, который представляетъ себѣ государство, какъ общество лицъ, а право, какъ связь, соединяющую людей въ государство. Право должно опредѣлять активное участіе народа въ общественныхъ дѣлахъ. Цицеронъ считаетъ лучшею формою правленія смѣшанную, состоящую изъ трехъ основныхъ элементовъ политическаго быта. Прямымъ выводомъ изъ пониманія имъ государства, какъ общаго дѣла народа, является у Цицерона взглядъ, что римское государство превосходитъ всѣ остальные, благодаря тому, что оно устроено гениемъ многихъ людей въ теченіе вѣковъ и поколѣній. Но въ Римѣ вообще понимали государство, какъ совокупность гражданъ, представителемъ котораго были *principes*, и только во времена имперіи государство стало по отношенію къ гражданамъ, какъ юридическая личность къ своимъ членамъ (45—66 стр.).

Средневѣковое политическое міровоззрѣніе рѣзко отличается отъ классическаго и близко къ современному по философскому своему основанію, сложившемуся подъ вліяніемъ христіанства. Оригенъ первый выставляетъ взглядъ, что источникъ всего не разумъ, а божественная воля. Міръ созданъ и управляется, утверждали томисты, не божественнымъ мышленіемъ, а волей божества. Воля же божья установила христіанскую церковь, какъ единство, которое подчиняетъ себѣ отдѣльныхъ людей. По аналогіи съ общимъ міровоззрѣніемъ и ученіемъ о церкви и государство стали представлять, какъ единое цѣлое, которое безусловно управляется высшею волею. Надъ всѣмъ христіанскимъ западнымъ міромъ признавалось главенство папы, волѣ котораго должна была под-

чиниться и государственная власть. Сторонники самостоятельной свѣтской власти, наоборотъ, старались доказать, что государство устанавливается и объединяется волею властвующаго надъ нимъ правителя. Яркимъ представителемъ средневѣковаго релігіозно-политическаго міросозерцанія былъ Тома Аквинскій, который исходитъ изъ мысли, что воля божія—причина всего сущаго. Божественный законъ вытекаетъ изъ разумной воли Божіей; человѣческій образуется человѣческою волею, регулируемою разумомъ. Положительное право—постановленіе, основанное на согласеніи всего народа или вѣдѣніи государя. Государство есть высшее произведеніе человѣческаго искусства. Государь—творецъ и правитель государства, представляющій коллективную волю народа. Воля правителя направляетъ всю жизнь государства; она—государственная власть (66—84 стр.).

Воззрѣніе средневѣковыхъ мыслителей—богослововъ на государство, какъ выраженіе воли, сохранилось и въ новое время. Только теперь вмѣсто божественной воли стали говорить о волѣ человѣческой, вполнѣ свободной. Индивидуальная воля сдѣлалась въ философскихъ ученіяхъ новаго времени первымъ и послѣднимъ основаніемъ всего общественнаго строя и государства. Право и государство явилось произвольно установленнымъ порядкомъ общественной жизни. Основателемъ новаго государственнаго ученія считается Боденъ, который выставилъ понятіе суверенитета государственной власти, какъ господствующей надъ подданными воли субъекта этой власти. Но Боденъ не занялся рѣшеніемъ вопроса, на чемъ основано въ государствѣ верховное господство большинства, меньшинства или одного человѣка. Этотъ вопросъ былъ выдвинутъ въ XVII в. механическимъ воззрѣніемъ школы естественнаго права, которая признала государство за договорное соединеніе людей, а правительство за выраженіе общей воли народа. Такой взглядъ на государство былъ ясно сформулированъ Гоббсомъ и Пуффендорфомъ, видѣвшими въ государствѣ искусственное соединеніе отдѣльныхъ волей въ одну общую волю, представляемую правителемъ. Для того, чтобы въ государствѣ господствовала безусловно одна воля правителя, необходимо было при-

ВРЕМЕННОИЪ

Демидовскаго Юридикаскаго Лицея, вых-
дитъ книгами не менѣе **тридцати** печат-
ныхъ листовъ.

Цѣна каждой книги **два** руб.

Можно получать: въ *Ярославль* въ кан-
целяріи Лицея; въ *Москвѣ* въ книжномъ
магазинѣ **Анисимова** (на *Никольской*).

LXVII книга вышла 24 декабря 1895 года; въ ней
30 листовъ.

SP. 19

В
ст
().

тея

